

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Запад – Восток – Россия 2014

ЕЖЕГОДНИК

**Москва
ИМЭМО РАН
2015**

УДК 339
ББК 65.5

Зап 30

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Ответственные редакторы – д.и.н. В.Г. Хорос, д.полит.н. Д.Б. Малышева
Редакционная коллегия: д.и.н. А.Г. Володин, д.полит.н. Д.Б. Малышева,
к.э.н. А.А. Рогожин, д.и.н. В.Г. Хорос
Ответственный секретарь: А.С. Прозоровский

Рецензент: д.филос.н. В.И. Пантин

Зап 30

Запад – Восток – Россия 2014. Ежегодник. / Отв. ред. В.Г. Хорос.,
Д.Б. Малышева – М.: ИМЭМО РАН, 2015, с. 219
ISBN 978-5-9535-0430-0

В предлагаемом ежегоднике, как и предыдущих выпусках, освещаются наиболее значимые события, процессы и тенденции во взаимоотношениях стран развитого Центра и мировой Периферии и Полупериферии и, что принципиально важно, с учетом интересов и позиций России в этом взаимодействии. Особое внимание уделено событиям и конфликтам на Украине, которые имели не только национальное и региональное значение, но и привели к переформатированию мирового политического пространства, антироссийской ориентации стран Запада. Различные проблемы рассматриваются как в глобальном измерении, так и в региональном (Восточная и Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Африка, СНГ и пр.). Как всегда, даны разделы по экологическим проблемам, научной жизни и новым книгам по тематике ежегодника.

**West – East – Russia 2014. Yearbook / V.G. Khoros, D.B. Malysheva, eds. – Moscow, IMEMO, 2015. 219 p.
ISBN 978-5-9535-0430-0**

As before, the latest issue of the “West – East – Russia” Yearbook covers major events, processes and trends of 2014 related to interactions between the developed Center and World Periphery and Semi-Periphery. Russia’s interests and positions in this context is important theme for us. Special attention is given to conflicts in Ukraine which were meaning not only at national or regional level, but also led to a restructuring of the World political space, confrontation between the West and Russia. Different problems in separate regions (including East Asia, South-East Asia, Latin America, Africa, CIS etc.) are examined. As usual, there is some information on ecological problems, academic activities and recently published books.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0430-0

© ИМЭМО РАН, 2015

© В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Г. Хорос

ПРЕДИСЛОВИЕ.	с. 7
--------------------------	------

«УКРАИНА НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ ПОВОД»

Беседа с заведующим Отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН кандидатом исторических наук Н.А. Косолаповым.	с. 11
---	-------

ЭКОНОМИКА

А.А. Рогожин Падение мировых цен на нефть – причины и последствия.	с. 18
А.А. Рогожин Транстихоокеанское партнёрство и американский газ в Японии.	с. 23
А.И. Салицкий, С.В. Чеснокова, А.В. Шахматов Перестройка китайской энергетики.	с. 27
А.В. Акимов Санкции Запада и ответные меры России: продовольствие и станкостроение.	с. 35

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.В. Братерский, Д.В. Суслов Переход к конфронтации (отношения США – РФ).	с. 43
А.В. Авилова Выборы в Европарламент: изменение общественного климата в Европе.	с. 49
А.С. Прозоровский Шестая встреча лидеров стран БРИКС.	с. 53
Е.А. Канаев Саммит АТЭС в Пекине.	с. 55

КРИЗИС НА УКРАИНЕ

И.Н. Куклина Украинский кризис и трансформация постсоветского пространства.	с. 61
Н.П. Скороходова Вехи украинских событий.	с. 66
В.А. Оленченко Европа, США и украинский кризис.	с. 71
Л.А. Косикова Внешнеэкономические связи Украины. Потери на российском направлении.	с. 76
Э.А. Попов Негативные сценарии для Украины.	с. 81
С.И. Лунев Азиатские гиганты и украинский вопрос.	с. 87

СНГ

Г.И. Чуфрин Евразийская интеграция и украинский кризис.	с. 92
А.Б. Крылов, Б.Т. Накопия Вступление Армении в ЕАЭС.	с. 95
А.Б. Крылов, А.Ю. Скаков Новый этап российско-абхазских отношений.	с. 98
А.М. Иванов Четвертый Каспийский саммит.	с. 102

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Г.И. Мирский Феномен ИГИЛ.	с. 106
С.В. Демиденко Ливия: хаос продолжается.	с. 111
А.А. Рогожин Арабские страны Персидского залива – курс на Азию.	с. 116
М.А. Володина Алжиро-марокканские отношения в свете западносахарского конфликта.	с. 121
Н.М. Мамедова Ядерная программа Ирана в 2014 году.	с. 127
Д.Б. Малышева Турция после президентских выборов.	с. 131

ЮЖНАЯ АЗИЯ

- Е.А. Брагина** Кабинет Нарендры Моди – сдвиги в экономике Индии. с. 136
Д.Б. Абрамов Борьба с коррупцией индийских правых. с. 139
А.Г. Володин Новые ориентиры индийской внешней политики. с. 144
А.Г. Володин Визит президента России в Индию. с. 148

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- Н.Г. Рогожина** Политическая нестабильность в Таиланде. с. 151
А.С. Прозоровский Выборы в Индонезии. с. 154

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- А.Н. Федоровский** Стабилизация международной обстановки в Северо-Восточной Азии. с. 160

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

- Л.Н. Симонова** Снова Дилма Русефф. с. 164

АФРИКА

- Э.Е. Лебедева** «Боко Харам» и региональная нестабильность. с. 167
Э.Е. Лебедева Буркина-Фасо: начало «Чёрной весны»? с. 173

ЭКОЛОГИЯ

- Н.Г. Рогожина** Доклад ООН по проблемам глобального потепления. с. 178
Н.Г. Рогожина Глобальный саммит по климату 2014. с. 180
Е.И. Глушенкова Экологические последствия сланцевой революции. с. 184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В.Г. Хорос** Международная научная конференция в ИНИОН РАН. с. 190

НОВЫЕ КНИГИ

Мировое комплексное регионоведение. Учебник. Под ред. проф.
А.Д.Воскресенского.

- Д.Б. Абрамов.** с. 192

Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития.
Научная монография: в 2 т. / Редколлегия: И.С. Семененко (отв. ред.)
Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин - М.: ИМЭМО РАН, 2014. - 648с.

- Д.Б. Абрамов.** с. 195

О.В.Маляров. Государственный сектор экономики Индии. М.: ФГБУН Институт
Востоковедения РАН, Институт стран Востока, 2014. 360 с.

- Е.А. Брагина.** с. 200

Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы
Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.

- Д.Б. Малышева.** с. 202

Забихулла Саипов. Турбулентность: исламский фактор во внешней политике США. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2014. – 196 с.	
Д. Б. Малышева.	с. 205
В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014, 455 с.	
В.Г. Хорос.	с. 206
Б.Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. История России. Миросистемный анализ. Издание второе. М.: Ленанд, 2014. 432 с.	
В.Г. Хорос.	с. 210
БИБЛИОГРАФИЯ.	с. 213
ХРОНОЛОГИЯ 2014. ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ГОДА.	с. 215
НАШИ АВТОРЫ.	с. 218
ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ.	с. 219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вначале хочу информировать, что теперь наш ежегодник будет называться «Запад-Восток-Россия». По сути, по сравнению с прежним названием («Север-Юг-Россия»), принципиальных изменений нет, но мы посчитали, что новое звучит понятнее. Поскольку, возможно, не каждый читатель знает, что страны Севера – это наиболее развитая часть Запада, а Юг и Восток в научной литературе выступают как близкие понятия.

Но, может быть, имеет какой-то – символический – смысл, что перемена названия ежегодника происходит как раз при освещении 2014 года, ибо этот год в международных отношениях может считаться поистине рубежным, в том числе и в особенности для России. Политический переворот на Украине и последовавшие за этим события стали отправной точкой масштабного реформирования мирового политического поля – не только из-за возникшего противостояния Украины и России, но и как следствие односторонней позиции, занятой в этом конфликте нынешними лидерами стран Запада, их безоговорочной поддержки нового киевского режима и жесткой антироссийской направленности.

Что, собственно, произошло? В феврале 2014 г. в Киеве был насильственно свергнут президент В.Ф. Янукович – вопреки компромиссам и договоренностям, достигнутым в переговорах законной власти, оппозиции и представителей европейских держав. Политики, захватившие бразды правления в Киеве, сразу же заявили о своей радикальной переориентации на Запад и отходе от «восточного соседа», что сопровождалось беспрецедентной антироссийской риторикой, планами ограничения сферы русского языка на Украине (правда, все же милостиво разрешили желающим пользоваться русским языком на кухне), угрозами ликвидировать базу российского флота в Севастополе и т.п. С места в карьер пошли в ход методы насильственного (попросту бандитского) «наведения порядка», преследование несогласных и инакомыслящих, малейшего проявления оппозиционности. Эти методы заимствовались из времен С. Бандеры и В. Шухевича, которые объявлялись главными героями Украины в противовес «москальскому» (советскому) периоду ее истории.

Что было делать России в этой ситуации, чтобы защитить свои национальные интересы? Прежде всего – обеспечить безопасность военно-морской базы в Крыму, стратегического форпоста на Черном море. Но дело не только в этом. Появление на полуострове так называемых «вежливых людей» не было ни «аннексией», ни «агрессией», поскольку прошедший вскоре референдум показал, что подавляющее большинство крымчан выступает за воссоединение с Россией. Иначе и быть не могло, ибо исторически и культурно Крым – по крайней мере, с конца XVIII века – формировался как часть России, а административная передача его Н.С. Хрущевым в состав Украины была досадной случайностью и непродуманным решением.

Поэтому обвинения западных политиков в «нарушении территориальной целостности» Украины не выглядят убедительными. Два десятилетия назад ничто не помешало европейским и американским лидерам способствовать разрушению территориальной целостности Югославии и отрыву Косова от Сербии. Обычные двойные стандарты в зависимости от политической целесообразности.

То же самое относится к возникшим вслед за Крымом конфликтам на юго-востоке Украины. С формальной точки зрения образование Донецкой и Луганской народных республик – это сепаратизм, но сепаратизм, порожденный прямой

опасностью геноцида со стороны Киева, что и подтвердила военная кампания с его стороны, больше походившая на карательную операцию и беспощадное уничтожение мирного населения Донбасса. Россия, естественно, не могла остаться в стороне, поскольку под ударом оказался «русский мир» на территории Украины – русское (а не только русскоговорящее) население.

Но украинский конфликт – как внутриукраинский, так и украинско-российский – был не только, выражаясь пушкинскими словами, «спор славян между собою». Активное участие в его разжигании приняли страны Запада – Европа и особенно США. И не только в разжигании, но и в дальнейшем разгорании и обострении. Обвиняя во всем Россию, западные лидеры старательно закрывали глаза на жестокую «зачистку» Донбасса, поддерживали любые действия и декларации киевских властей. Чего стоит только одна история с вероломно сбитым малазийским «Боингом», в результате которой погибли сотни людей. После неуклюжих попыток свалить все на ополченцев и Россию, когда стало выясняться, то у ополчения Донбасса просто не было оружия, способного уничтожить самолет на такой высоте и все больше подозрений падало на киевскую сторону, дело было передано на рассмотрение комиссии в Нидерландах. Последняя одарила мир заключением, которое иначе как издевательством над здравым смыслом и памятью погибших назвать невозможно: самолет разрушился «из-за многочисленных повреждений извне». И дело это до сих пор находится под спудом.

Все это вполне ясно выявляет, что украинский конфликт для западных лидеров является лишь удобным средством наступления на Россию, ограничения, шаг за шагом, ее национальных интересов. Достаточно вспомнить, что вслед за Прибалтикой предпринимались попытки или декларировались намерения включить в зону влияния Запада (и НАТО) другие республики бывшего Советского Союза – Грузию, Молдавию и – вот теперь – Украину. Сам договор об ассоциации Украины с ЕС, из-за чего разгорелся сыр-бор, нацелен на то, чтобы «европеизировать» украинский рынок и ослабить хозяйственную кооперацию с Россией, сложившуюся десятилетиями, хотя, казалось бы, ничто не мешало предложить такую формулу, которая предполагала бы поддержание связей Украины как с Европой, так и с Россией. Не случайно такой умудренный опытом политик, как Генри Киссинджер, признал, что Запад недооценил значение Украины для России. Но правильно было бы сказать, что не недооценил, а сознательно игнорировал. Ибо в глазах нынешних западных лидеров Россия – страна, проигравшая в холодной войне, «угасающая держава», которая должна быть наказываема за попытки проявить «самостоятельность». Это вполне соответствует стратегической линии, которую в свое время озвучил Збигнев Бжезинский: «Новый мировой порядок создается против России, за счет России и на обломках России».¹ Отсюда и санкции, и попытки изолировать Россию, и постоянные угрозы в ее адрес, и многое другое.

Но изоляции России не получилось. При голосовании в ООН по оценке референдума в Крыму голоса разделились практически надвое. Одна половина поддержала американскую позицию, а другая половина состояла либо из стран, поддержавших российскую позицию, либо воздержавшихся от голосования, что в этих условиях означало как минимум несогласие с американской резолюцией. Еще более весома фактическая солидарность с Россией крупных стран, входящих в БРИКС, хотя она и не сопровождалась громкими заявлениями. Об этом говорится в нашем ежегоднике. В частности, о том, что новый премьер-министр Индии Н. Мод

¹ Цит. по «Эксперт». М., №48, 24-30 ноября 2014, с. 13.

высказался за более тесную координацию между Россией, Индией и Китаем для преодоления однополярности в международных отношениях.

Нельзя не согласиться с американским политологом Джоном Миршмайером из Чикагского университета, что «большую часть вины за украинский конфликт должны взять на себя США и их европейские союзники». Вспоминая их предшествующие политические акции (расширение ЕС и НАТО на Восток, активную поддержку со стороны США «оранжевых» антироссийских сил на Украине и др.), Дж. Миршмайер приходит к выводу: «Американские и европейские лидеры глубоко просчитались, попытавшись превратить Украину в оплот Запада на границах с Россией».²

Естественно, что украинская тема занимает немалое место в нашем ежегоднике – не только в специальном разделе «Кризис на Украине», но и в других разделах, так или иначе связанных с украинскими событиями. Например, при рассмотрении российско-американских отношений, влиянии этих событий на процессы евразийской интеграции, экологических последствий разработок сланцевого газа на Украине (вернее, попыток или планов таких разработок) и пр. Тем самым подтверждается, что значение конфликтов на Украине далеко выходит за национальные или региональные рамки.

Но Украина – не единственный очаг напряженности в современном мире. Таким очагом, и постоянно воспламеняющимся, является регион Ближнего Востока (или как сегодня говорят, Большого Ближнего Востока). Так называемая «арабская весна» продолжает давать различные «круги по воде». После непонятно чем и кем мотивированного свержения режима Муаммара Каддафи в стране продолжается настоящий хаос. Непокойно в развороченном американцами Ираке, где все более дает себя знать рознь между суннитами и шиитами. Уже несколько лет продолжается бессмысленная и жестокая война в Сирии. Но последний «подарок» от 2014 года – возникновение так называемого «Исламского государства Сирии и Леванта» (ИГИЛ) или просто «Исламского государства» (ИГ). Как отмечается в ежегоднике, ИГ возникло из дочерних группировок «Аль-Каиды» и реанимировало лозунг возрождения «Арабского халифата» - давнюю мечту ревностных мусульман, казалось бы уже похороненную временем. В новой редакции этот лозунг обрел, во-первых, конфессиональную окраску (сунниты против шиитов), а во-вторых, беспрецедентную даже для исламистов-фундаменталистов агрессивность и жестокость со стороны его адептов. Вряд ли вся эта затея продержится долго, но тем не менее пока можно констатировать ее притягательность среди верующих (даже выходцев из Европы), что приводит к расширению круга ее сторонников и активистов.

Разумеется, в ежегоднике представлены и другие значимые события и процессы, имевшие место в минувшем году. Среди них – анализ мировой энергетической динамики, колебаний нефтяных цен, что не может не иметь последствий для экономики нашей страны. Специально рассматриваются крупные сдвиги в энергетической политике Китая. Изучается также воздействие западных санкций на российскую промышленность и сельское хозяйство, в том числе в такой структурообразующей отрасли, как станкостроение, а также применительно к продовольственным проблемам.

Уже давно на слуху, что западные санкции имеют свою позитивную сторону – в смысле избавления от избыточного импорта и перехода на импортозамещение. Но это предполагает очень серьезную перестройку отечественной экономики, а

² «Россия в глобальной политике». М., Т. 12, №4, июль-август 2014, с. 54-55.

реальных планов на этот счет пока нет – преобладают разговоры и декларации о намерениях.

Присутствуют традиционные рубрики по регионам – Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. В них, к примеру, уделено внимание новому кабинету Нарендры Моди в Индии, высказываются предположения об изменениях в связи с этим во внутренней и внешней политике одной из крупнейших стран в мире. Отмечается очередная победа на президентских выборах в Бразилии Дилмы Русефф, подводятся итоги ее деятельности в течение предыдущего срока и фиксируются растущие проблемы в стране, в том числе в социальной сфере. По-прежнему дают себя знать «горячие точки» в Тропической Африке.

Как всегда, в специальном разделе отражена экологическая проблематика. Точно также присутствуют такие разделы, как «Научная жизнь», рецензии на некоторые книги и библиография наиболее интересных работ по проблематике центрo-периферийных отношений в современном мире и места в этих отношениях России.

«УКРАИНА НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ ПОВОД»

Беседа с заведующим Отделом международно-политических проблем
ИМЭМО РАН кандидатом исторических наук Н.А. Косолаповым

В.Г. Хорос: 2014 год, наверное, войдет в историю как возникновение резкого антироссийского крена в политике ведущих стран Запада. Как Вы полагаете, Николай Алексеевич, главной причиной тому стали события на Украине или этот сдвиг назревал давно, а Украина стала лишь удобным поводом?

Н.А. Косолапов: Нет, Украина не более чем повод и расходный материал в процессах исторических масштабов, протяженности, значения.

И я бы не говорил тут о Западе как едином целом. Антироссийская линия четко задается США и Великобританией и навязывается ими другим, не только западным странам. Даже Китаю пытались навязать. Причем и для Великобритании, и для США антироссийский курс – историческая стратегия их политики в целом на протяжении уже ряда веков. Да, были периоды тактических союзов и сотрудничества с Россией и СССР, когда Британия и США оказывались вынуждены решать таким образом какие-то временные их задачи. Но потом всякий раз все очень быстро возвращалось на круги своя. Уверен, что так будет и впредь. Почему?

То, что мы называем капитализмом или либеральной политической и экономической моделью, на самом деле имеет четкую историческую и политико-географическую привязку. Это британская по ее происхождению модель, оказавшаяся действительно очень удачной в конкуренции с другими политико-экономическими моделями. Она позволила Британии создать беспрецедентную по масштабам сферу своего господства. Потом от этой сферы отпочковались в разное время США, Канада, Австралия, Индия – и модель зажила в мире самостоятельной жизнью, все более автономной от ее первоисточника. Особую роль в утверждении этой модели сыграло, конечно, возвышение США, успешно вытеснивших Великобританию с позиции глобального экономического, военного и политического лидера.

Современная глобализация – это процентов на 80 (если судить по доле доллара в обслуживании мировой торговли) англо-американская либеральная модель, сменившая старый колониализм на финансово-экономические методы и средства управления. Но не гнушающаяся при необходимости и «добрыми старыми» мерами – военными.

Россия при всех ее политических системах и режимах – одна из немногих стран, в силу объективных причин способных не оказаться экономически и политически «проглоченными и переваренными» англо-американской моделью. Более того, при ее обеспеченности природными ресурсами Россия гипотетически – при условии иных отношений власти с обществом и экономикой – могла бы оказаться сильным конкурентом англо-американской модели. А кое в чем была таким конкурентом всегда и остается им сегодня. Поэтому логичная стратегия англо-американского мира всегда должна и будет включать в себя не столько военное, но прежде всего политико-экономическое сдерживание России.

А будут конкретные проявления этой политики использовать для их оправдания тот или иной повод, дело десятое. Что и происходит.

В.Г. Хорос: *Нынешнее состояние российско-американских отношений – это новое издание «холодной войны»? Существует ли реальная угроза превращения ее в «горячую»? И какова может быть в этом контексте позиция Европы?*

Н.А. Косолапов: На мой взгляд, нет – это не новая «холодная война». И даже не реанимация старой. Это качественно новое явление, ставшее возможным только в условиях англо-американской глобализации. Суть его в том, что номинально мирное вроде бы время, когда по крайней мере в центральной части международной системы нет официально признаваемых межгосударственных войн, – это мирное время действиями США де-факто трансформируется в перманентную и тотальную войну против России. Не только против нее; но против России в первую очередь.

Это именно война. Если открыто, публично говорят о нанесении максимального ущерба российской экономике, бьют по ключевым ее отраслям, подрывают лояльность политической и социальной элит своей стране, государству, надеясь всем этим вызвать смену в России правящего режима и/или социально-политическую дестабилизацию – то это именно война. Санкции – а по сути экономические подрывные действия – не более чем одно из средств в этой войне. Просто с благозвучным названием.

Это война тотальная. Она ведется широким диапазоном средств – «умной», «мягкой» и «жесткой» видами силы (правда, в последнем случае пока без крайностей). Против экономики и политического устройства страны. Против всех ее социальных уровней – от президента и его ближнего круга до, объективно, общества в целом. Ведется ежедневно и ежечасно.

Заметьте, что в самые напряженные моменты советско-американских отношений против СССР не делалось ничего подобного. Война против России стала тотальной, когда РФ пытается взять на вооружение экономический либерализм – основу англо-американской модели, а США, уверовавшие после исчезновения СССР в свое всесилие, убедились, что не смогли и в обозримой перспективе не смогут решить центральную свою стратегическую задачу – демонтировать единственного в мире оппонента, в принципе способного нанести США неприемлемый физический ущерб.

Угроза превращения этой тотальной войны в «горячую» реальна. Во-первых, за последние четверть века расширился арсенал форм и средств «горячих» войн. Сегодня это не обязательно прямые межгосударственные столкновения. Это могут быть действия частных охранных фирм и армий, неформальных вооруженных групп, поддержка всевозможных сепаратизмов и многое другое. Мы это все наблюдаем от бывшей СФРЮ в начале 1990-х до нынешних Ирака, Сирии, Украины... Во-вторых, мне трудно представить себе сценарий, при котором Россия, будучи доведенной до крайнего состояния экономического обескровливания – если такое произойдет – не приняла бы при необходимости радикальные меры для обеспечения своих безопасности и интересов. На мой взгляд, обстановка тотальной войны уже сегодня снимает любые моральные ограничения на выбор форм и средств самозащиты, оставляя лишь ограничения прагматические.

Позиция Европы – ЕС и континентальных европейских государств – в этом контексте имеет мало значения. Перед лицом поднимающегося Китая, растущих перемен в мире эта Европа слишком завязана на США во всех важнейших отношениях – финансовом, военно-политическом, патентном и др. Поэтому во многих вопросах современной международной жизни Европа все чаще оказывается политическим нулем. К тому же у нее мало реальных средств потенциального

влияния на США, а главное, не видно признаков политической воли такое влияние оказывать. Европа может надувать щеки, изображать важную даму, учить других своим ценностям, заниматься дипломатическим словоблудием – но решать проблемы надо не с ней.

Д.Б. Малышева: *Можно ли говорить, как это утверждают некоторые эксперты, о крахе «глобального мира», переходе к миру «враждующих национальных государств» или же происходит разделение на противостоящие друг другу блоки?*

Н.А. Косолапов: Я отчасти уже коснулся этой темы. Мне не по душе такие радикальные оценки: при ближайшем рассмотрении они оказываются пустыми. «Крах глобального мира» – значит, такой мир уже был? Не уверен. «Враждующие национальные государства» – но в мире становится все больше *многонациональных* государств, даже среди тех, что были раньше *мононациональными*; а остающиеся национальными в большинстве не враждуют между собой. «Противостоящие друг другу блоки» – да, есть НАТО, но какой блок реально ей противостоит? Есть союз США, Японии и Республики Корея – но и на тихоокеанском направлении нет встречного этому союзу блока.

Что касается блоков, то на мой взгляд происходит не разделение на них, но уже произошла узурпация военно-полицейских функций в мире Соединенными Штатами и зависимыми от них государствами и союзами. Причем последние выполняют эту функцию со все более видимой и объяснимой неохотой, – но не выполнять явно не могут.

Глобального мира не было и нет, есть глобализирующийся. То есть многочисленные и во многих случаях далеко продвинувшиеся процессы, тенденции, последствия глобализации налицо, сами по себе они бесспорны. Но всем этим явлениям недостает политической завершенности, которая бы встраивала их в некий целостный глобальный порядок. Не международный, как это было раньше, – основу которого составляли межгосударственные отношения, и который по сути был сетью. А именно глобальный, оформляющий мир как относительно единое целое, а значит, более или менее иерархический.

Пока глобального миропорядка нет, периодически напоминает о себе международный, который трансформируется в отдельных его частях, но в общем-то никуда не делся. Отсюда иллюзия «враждующих государств». Но если вплоть до конца XX века они могли враждовать как угодно, то сегодня уже вынуждены оглядываться на сложившиеся компоненты будущих глобальных порядка и права – потому что порядок без права может быть только и исключительно силовым.

Процесс международно-политической глобализации был заторможен лет на 25-30 Соединенными Штатами и Западом в целом. США убедили себя в том, что они «выиграли холодную войну», «победили коммунизм» (на самом деле то и другое не так, но это отдельные темы). А если они победители, то им и строить постсоветский миропорядок. Россия же – страна побежденная, а значит, обязана смириться с волей, а если надо, то и диктатом США – вот еще одна очень существенная причина того состояния российско-американских отношений, о котором шла речь выше.

Поэтому изначально глобальный политический миропорядок начал выстраиваться США практически односторонне, вокруг созданных еще во времена «холодной войны» институтов, ведущие позиции в которых занимали западные страны – Группы семи (ставшей на время «восьмеркой») и МВФ. Но пришедшая все-таки в себя после затянувшегося ельцинизма Россия сообразила, пусть и с

опозданием, что главный победитель СССР и «холодной войны» именно она, что без нее, ее ключевой роли такая победа просто не могла бы состояться. И на протяжении 2000-х годов начала, еще непублично и мягко, требовать признания этой роли и реального учета ее интересов, в том числе в вопросах формирования глобального миропорядка. Ответом было «вы побежденная держава»; эти слова не стесняются повторять в Вашингтоне и сейчас.

Известным выступлением В.В.Путина в Мюнхене в 2007 г., а также политическим оформлением группы БРИКС было фактически сказано, что международно-политическая глобализация не будет выстраиваться по воле и лекалам исключительно США. Де-факто начался процесс долгого и трудного разделения либеральных принципов, на которых основана англо-американская политико-экономическая модель, с одной стороны, и самопровозглашенной «лидирующей роли» США в мире – с другой.

Либеральные принципы доказали свою ценность, они находят все более широкое применение во всем мире (включая Россию и Китай). Но их онтогенез не означает, что англо-американскому миру, и тем более только США принадлежит «право» быть монополистами и арбитром в вопросах внутристранового и транснационального либерализма в современном мире. Более того, если выстраивать будущий глобальный миропорядок на этих принципах, то из самой идеи либерализма вытекает, что Соединенным Штатам предстоит стать в таком порядке равными, пусть первыми среди равных, а не оставаться в нем самоназначенным «лидером» (даже будь у этого «лидера» серьезный запас вменяемых идей и предложений, кроме опоры на санкции, военные интервенции и бомбардировки).

Д.Б. Малышева: *Как вы расцениваете поворот России на Восток – как вынужденную меру в связи с ухудшением отношений с Западом (его санкционной активностью) или как долгосрочную стратегию?*

Н.А. Косолапов: Хотелось бы видеть в этом долгосрочную стратегию. Причем не стратегию игры, соперничества или противоборства с США и Западом. А стратегию развития России, закрепления ее роли в глобальном миропорядке, важнейший элемент выстраивания самого этого порядка.

Китай – это пятая часть человечества. Самая быстроразвивающаяся его часть. А Россия соприкасается с Китаем и Восточной Азией в целом своей наименее развитой, малонаселенной и теряющей население частью. Притом в природном отношении богатейшей частью. Одних этих обстоятельств более чем достаточно, чтобы Восток на все обозримое будущее и дальше стал главным стратегическим направлением российских мышления и политики.

Европа – прошлое России. Она многое России дала, противоречиво, но мощно повлияла на становление и эволюцию российских государственности, культуры, науки, образования. В свою очередь, и Россия многое дала Европе. Но, перефразируя известное выражение, сегодня правомерно сказать: Европа – колыбель России, но нельзя вечно жить в колыбели. Нынешняя Россия – фронтирная страна и государство. Здесь востребованы энергия, здоровый авантюризм, поиск и созидание нового, развитие и готовность к рискам. Европа давно утратила большинство этих качеств. Она несамостоятельна и искренне боится жизнерадостной России. Нет, не военного вторжения; но того, что этот сосед будет нарушать сонное течение ее спокойной жизни. Она может быть партнером в торговле и ряде локальных практических дел. Никто не призывает ослаблять или тем паче рвать с ней отношения. Но ожидать от нее заинтересованного партнерства

в российском фронтирстве, тем более связывать с ней предстоящее развитие России вряд ли реалистично.

Что до сих пор мешало России развивать отношения с Востоком? Я вижу четыре группы причин. Культурные различия, среди которых на первом и главном месте трудности изучения языка. География – расстояния, тяжелые природно-климатические условия вдоль путей сообщения, огромная капиталоемкость этих путей в строительстве и эксплуатации. Имевшие место во все исторические периоды иллюзии и ошибки самой России – иллюзии в отношении Запада и ряд грубых ошибок в отношении Востока. Политика западных держав, стремившихся затруднить, воспретить России связи с Востоком или использовать эти связи как фактор баланса сил.

Россия не раз за свою историю поворачивалась на Восток. Но более всего мешали экономическая география, а также собственные иллюзии и предрассудки. Названные выше причины есть и сегодня; но мы их видим, осознаем и способны при наличии политической и просто воли к тому преодолевать. И есть простое, но архиважное соображение: Россия никогда не сможет освоить свою территорию только собственными силами. Ключ к ее развитию – в мобилизации на эти цели внешних капиталов, интересов, ресурсов при решающей политической роли самой России. Запад показал и доказал, что он на это никогда не пойдет. Есть резон попробовать с Востоком – тем более что у нас с ним достаточно общих перспективных интересов.

Пусть сегодня это вынужденная мера. Вынужденность – неплохой фактор, он более других способен гарантировать, что дело будет сделано. Хочется надеяться, что нынешние обстоятельства приведут в итоге не только к появлению, но и эффективному осуществлению долгосрочной восточной стратегии России. Давно пора оторваться от петровского «окна в Европу» и открыть дверь в тихоокеанскую Азию.

В.Г. Хорос: *Сможет ли группа стран БРИКС стать одной из движущих сил построения более сбалансированного мира? Станет ли это объединение новым прообразом глобальной архитектуры?*

Н.А. Косолапов: Теоретически почему нет. Вопрос, что мы понимаем под «сбалансированным миром» и «глобальной архитектурой».

Все страны БРИКС сегодня – это страны запоздалого капитализма и догоняющего развития. У каждой из них были для того свои причины и обстоятельства, не о них сейчас речь. «Капитализм» означает, что все эти страны, каждая в своей мере и по-своему, но в принципе принимают как минимум экономический либерализм. «Догоняющее развитие» означает трудные стартовые позиции в конкуренции с теми, кто вступил на путь капитализма раньше и прошел по нему дальше.

И тут возникают интересные «ножницы». Демографически эти страны – примерно 40 процентов человечества. Понятно, какие это нынешние и потенциальные рынки. Для Запада надежная интеграция стран БРИКС в глобальный порядок под эгидой американской либеральной модели объективно означала бы придание этой модели устойчивости и динамизма на долгую историческую перспективу. Давайте не забывать, что термин БРИК был предложен одним из специалистов банковской группы *Goldman Sachs*; а сами соответствующие страны подхватили идею и начали политические телодвижения лишь пять лет спустя.

Для стран же БРИКС интеграция в США-центричный миропорядок неизбежно означала бы закрепление в модели догоняющего развития: США и Запад в целом сдерживали бы качество их развития точно также и даже успешнее, чем они это делают в настоящее время. Поэтому в интересах группы БРИКС было бы использование либеральной модели развития и институтов стабильности мировых экономики и финансов – но при плавном снижении в них гегемонии англо-американской модели и ее носителей. Своего рода альтеркапитализм – но альтернативный засилью англо-американской модели, а не капитализму и не либерализму.

Пойдут ли страны БРИКС таким путем? Для этого нужны широкое видение историко-стратегической перспективы, которое разделялось бы всеми участниками группы. И, разумеется, долговременная политическая воля. Если пойдут, в чем выразится их стратегия, как будет осуществляться и как отреагируют на это США и Запад в целом? Ответит на эти вопросы лишь время. Но понятно, что здесь в принципе возможны как стабильный мир, так и различные варианты его случайной и неслучайной дестабилизации; равно как и разные варианты будущего глобального миропорядка.

Один из факторов неопределенности – опасность бюрократизации идеи и практики БРИКС. В странах группы уже созданы соответствующие подразделения в МИД-ах, других государственных органах; сформированы и работают межведомственные группы и комиссии; проводятся встречи. Все это важно и нужно. Однако бюрократический процесс в разгаре; и чем дальше, тем сильнее ощущается потребность в его дополнении процессом общественным, по сути его политико-экономическим.

Д.Б. Малышева: *Станет ли Россия центром геополитического притяжения в рамках Евразийского экономического союза, который официально выходит на мировую арену с 1 января 2015 года?*

Н.А. Косолапов: Россия и так ведущая экономика в рамках этого союза – настолько ведущая, что все ее соседи в какой-то мере опасаются ее силы и влияния. Это одна из объективных проблем на постсоветском пространстве: трудно выстраивать интеграцию, если один из партнеров – супертяжеловес по сравнению с другими. Если посмотреть на ЕС, то в нем с самого начала, еще с Общего рынка были и есть группа наиболее сильных стран и экономик; группа средних и группа малых. Состав этих групп в разные периоды менялся; но все три категории государств-членов присутствовали всегда. Такая система более равновесна, в ней и сильный не зарвется, и слабый не будет забыт. А когда соединяются разновесные партнеры, асимметричные не только экономически, но и геополитически, и во многих других отношениях, задачи создания и поддержания такого союза гораздо более сложны.

Между прочим, отход, отталкивание некоторых государств от России – тоже своеобразное признание ее центром геополитического притяжения. Это как любовь и ненависть – антиподы, но то и другое в высшей степени активное и заинтересованное отношение, участники которого важны друг другу. А за вежливой корректностью вполне могут скрываться равнодушие, безразличие, даже брезгливое пренебрежение...

Чтобы не Россия, а сам Евразийский экономический союз стал центром геополитического притяжения, он должен еще сложиться на практике, утвердить себя как эффективно работающая структура, равно выгодная всем ее участникам.

Немаловажный вопрос и то, кого конкретно он сможет в перспективе притягивать. Захотят ли когда-нибудь – и если да, то при каких гипотетических условиях – присоединиться к нему... ну, скажем, Турция или Республика Корея? Называю эти страны просто в порядке интеллектуальной провокации, не более...

И что такое в стратегической перспективе этот союз для России? Восстановление в новой форме ее исторического влияния на определенном пространстве? Или начало существенного укрепления и расширения ее веса и влияния в мире? Если последнее, то от мышления геополитическими категориями надо переходить к более сложным и современным критериям.

ЭКОНОМИКА

А.А. Рогожин

ПАДЕНИЕ МИРОВЫХ ЦЕН НА НЕФТЬ – ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Причины. Цены на нефть снизились почти на 50% с июня, в том числе на 40% с сентября по декабрь 2014 года. В январе 2015 года цена нефти эталонной марки Brent опустилась до минимума с апреля 2009 года – менее 50 долл. за баррель, еще в июне 2014 года она стоила более 115 долл. Падение цен на нефть затронуло всех – производителей, экспортеров, правительства и потребителей. Для выяснения причин этого необычного (или, как минимум, нечастого) для мирового нефтяного рынка явления представляется целесообразным выяснить, какую роль в его возникновении сыграли факторы спроса и предложения.

Представляется, что в снижении цен на нефть основную роль, сыграли специфические факторы рынка нефти, особенно *факторы предложения*. Этот вывод подтверждается при более пристальном рассмотрении, например, в прогнозах Международного энергетического агентства (МЭА). Изменения в период с июля по декабрь прогнозов спроса, составляемых МЭА в сочетании с оценками краткосрочной эластичности предложения нефти позволяют предположить, что непредвиденное сокращение спроса с этого периода до настоящего времени может объяснить лишь от 20 до 35 процентов снижения цен.³

В области предложения данные указывают на влияние ряда факторов, включая неожиданное увеличение добычи нефти. Это отчасти объясняется ожидаемым выходом на мировой рынок американской сланцевой нефти, более быстрым, чем ожидалось, восстановлением добычи нефти в Ливии и неизменным уровнем добычи в Ираке, несмотря на его внутреннюю нестабильность.

В то же время, несомненно, важным фактором стало заявление Саудовской Аравии, крупнейшего производителя нефти среди стран ОПЕК, о намерении не противодействовать устойчивому повышению предложения нефти как со стороны других стран ОПЕК, так и производителей, не входящих в ОПЕК, и затем – ноябрьское решение стран ОПЕК оставить совокупный объем добычи на уровне 30 млн. барр. в сутки, несмотря на информацию об избытке нефти на рынке. Изменение политики компенсирующим производителем – Саудовской Аравией – способствовало коренному пересмотру ожиданий относительно будущей траектории мирового предложения нефти, чем, в свою очередь, объясняются как время, так и размер снижения цен на нефть, приближающего эти цены к уровню равновесия на основе рыночной конкуренции.

Помимо традиционных факторов спроса и предложения, некоторые эксперты называют в числе причин снижения цен "финансализацию" (отнесение нефти и других биржевых товаров финансовыми инвесторами к отдельному классу активов) и "спекуляцию", не приводя, однако к своим заключениям сколько-нибудь существенных подтверждений (согласно последнему докладу Международного энергетического агентства, запасы добытой нефти достигли самого высокого уровня за два года, что свидетельствуют скорее об ожиданиях повышения, а не снижения цен).⁴

³ Rabah Arezki and Olivier Blanchard. Seven Questions about the Recent Oil Price Slump. iIMFdirect. 22.12.2014. P. 3.

⁴ Конспирологические "теории" и "геополитические" построения нами не рассматривались.

В целом снижение цен на нефть вследствие изменений на стороне предложения является хорошей новостью для мировой экономики и, разумеется, оказывает значительное воздействие на распределение дохода между импортерами и экспортерами нефти. В выигрыше оказываются страны – нетто-импортеры нефти, тогда как страны – нетто-экспортеры нефти проигрывают. Однако даже внутри каждой из этих групп имеются существенные различия, одно и то же явление может по-разному сказаться на разных странах. Например, рост добычи сланцевого газа в США привёл к сокращению поставок на американский рынок нигерийской нефти и способствовал снижению мировых цен на нефть, что оказалось на руку Чили, крупному импортёру нефти и газа и, одновременно, экспортёру руд и металлов.⁵

Вероятные последствия для стран-импортеров нефти. Влияние снижения цен на нефть на страны-импортеры нефти передается по трем основным каналам. Первым каналом служит воздействие увеличения реальных доходов на потребление. Вторым – снижение себестоимости конечной продукции, и, в свою очередь, на прибыль и инвестиции. Третьим – влияние на темпы инфляции.

Масштабы этих эффектов меняются в зависимости от страны. Например, влияние реальных доходов слабее в США, где в настоящее время более половины потребляемой нефти составляет нефть отечественного производства, по сравнению с зоной евро или Японией. Влияние реальных доходов и прибыли также зависит от энергоемкости страны: Китай и Индия остаются значительно более энергоемкими, чем страны с развитой экономикой, и потому в большей степени выигрывают от снижения цен на энергоресурсы. Доля потребления нефти в ВВП составляет в среднем 3,8% для Соединенных Штатов, по сравнению с 5,4% для Китая и 7,5% для Индии и Индонезии.

Влияние на Китай, согласно прогнозам Rabah Arezki и Olivier Blanchard, сильнее воздействия на Японию, США и страны зоны евро. В Китае ВВП возрастет на 0,4-0,7% по сравнению с базисным 2015 годом, и на 0,5-0,9% в 2016 году. В США рост ВВП превысит базисный на 0,2-0,5% в 2015, и на 0,3-0,6% в 2016 году.

Надо иметь в виду также, что некоторые страны, взимающие высокие (а не пропорциональные) налоги с энергоносителей, например, Индонезия, могут также воспользоваться возможностью, предоставленной снижением цены на нефть, для сокращения энергетических субсидий.

Возможны и крайние варианты – от самых неблагоприятных до весьма комфортных. Некоторые страны-импортеры нефти в значительной степени зависят от происходящего в странах-экспортерах нефти, и, соответственно, могут в меньшей степени выиграть от снижения цен на нефть. Например, страны-импортеры с низкими доходами в бассейне Карибского моря, получающие трансферты в рамках венесуэльского режима "Петрокарибе" могут столкнуться с заметным сокращением трансфертов по мере того, как сама Венесуэла начала испытывать серьезные экономические трудности⁶.

На странах-импортерах нефти Кавказа и Центральной Азии, вероятно, скажутся неблагоприятные вторичные эффекты замедления темпов роста в соседних странах-экспортерах нефти (особенно России), что сократит нефтепродуктовый экспорт и денежные переводы. На странах Северной Африки и Пакистане, вероятно, также отрицательно скажется уменьшение нефтепродуктового экспорта, официальных

⁵ The Global Finance. December 2014. P. 18.

⁶ Венесуэла, 95% валютных поступлений которой даёт нефть, была вынуждена во избежание суверенного дефолта реализовать часть своих золотовалютных резервов и прибегла к заимствованиям у КНР. Тем не менее, согласно январскому прогнозу рейтингового агентства Moody's, риск такого дефолта в 2015 г. остаётся весьма высоким (The Global Finance. February 2015. P. 63).

трансфертов и денежных переводов из стран-членов Совета сотрудничества стран Персидского залива, особенно в среднесрочной перспективе.

Напротив, Филиппины оказались в выигрышном положении: в результате существенного сокращения расходов на импорт нефти заметно улучшилось валютно-финансовое положение Филиппин, являющихся нетто-импортёром этого товара: валютные резервы превысили внешний долг страны и продолжают быстро расти, в том числе за счёт валютных переводов филиппинцев, работающих в странах долларовой зоны и экспорта услуг (в основном это аутсорсинг деловых услуг). Филиппины успешно сокращают объём внешнего долга. Агентство Moody's повысило рейтинг Филиппин до инвестиционного уровня.⁷

Вероятные последствия для стран-экспортеров нефти. Несомненно, они будут негативными. Но и здесь вновь будут наблюдаться существенные различия между странами.

Во всех странах-экспортёрах нефти снижаются реальные доходы, а также прибыль от добычи нефти. Но в какой степени это произойдет (равно как и воздействие снижения цены на нефть на ВВП), во многом зависит от степени их зависимости от экспорта нефти и доли доходов, получаемой государством.

Экспорт нефти сконцентрирован в значительно меньшем числе стран, чем ее импорт. Другими словами, страны-экспортеры нефти в значительно большей степени зависят от нефти, чем страны-импортеры нефти. Приведем несколько примеров. Так на долю энергоносителей приходится 25% ВВП России, 70% ее экспорта и 50% доходов федерального бюджета. На Ближнем Востоке доля доходов федерального правительства составляет 22,5% ВВП и 63,6% экспорта в странах-членах Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (в Саудовской Аравии – 90%)⁸. В Африке экспорт нефти обеспечивает 40-50% ВВП Габона, Анголы и Республики Конго и 80% ВВП Экваториальной Гвинеи. На нефть также приходится 75% государственных доходов в Анголе, Республике Конго и Экваториальной Гвинее. В Латинской Америке вклад нефти в доходы государственного сектора составляет, соответственно, примерно 30% и 46,6% и примерно 55% и 94% – в экспорт Эквадора и Венесуэлы. Это показывает масштабы проблемы, стоящей перед этими странами.

В большинстве стран снижение цены на нефть, вероятно, автоматически приведет к дефициту бюджета. Даже в Саудовской Аравии, где доходы от экспорта нефти формируют 45% ВВП королевства, а золотовалютные резервы оцениваются в 740 млрд. долл., министерство финансов 25 декабря 2014 г. объявило о дефиците госбюджета на 2015 г. в размере 145 млрд. риалов (38,7 млрд. долл.). Расчёт бюджета производился, исходя из мировой цены на нефть в 60 долл./барр.⁹

Один из показателей демонстрации уязвимости стран-экспортеров нефти заключается в исчислении так называемых цен на нефть, обеспечивающих нулевое сальдо – то есть цен на нефть, при которых достигается сбалансированность бюджета правительств стран-экспортеров нефти. Цены, при которых достигается сбалансированный бюджет, существенно различаются в разных странах, но часто весьма высоки. Для стран Ближнего Востока и Центральной Азии цены, при которых достигается сбалансированность бюджетов, варьируются от 54 долл./баррель для Кувейта до 184 долл./баррель для Ливии и, что примечательно, 106 долл./баррель для Саудовской Аравии. Для Латинской Америки "бюджетные" цены на нефть составляют 79,7 долл./барр. для Эквадора и 60 долл./барр. для Венесуэлы.

⁷ Philippines Is Big Winner From Falling Oil Prices / The Global Finance. February 2015. P. 63.

⁸ The Global Finance. December 2014. P. 24.

⁹ The Global Finance. December 2014. P. 26; The Global Finance. February 2015. P. 18, 19.

Даже самые благополучные из стран-нефтеэкспортёров уже начали испытывать существенные трудности. Норвегия, в частности, объявила о 15%-ном (как минимум) сокращении инвестиций в нефтегазовую отрасль в 2015 г. и возможных увольнениях¹⁰. Saudi Aramco приостановила глубоководную разведку нефти и газа, а также буровые работы в Красном море из-за высоких затрат на фоне снижения цен на нефть.¹¹ Royal Dutch Shell объявила о сокращении на 15 млрд. долл. всех своих расходов по разведке и добыче нефти на три года¹².

В этом плане **Россия**, несомненно, должна быть отнесена к наиболее пострадавшим в результате падения мировых цен на нефть странам. Прежде всего резко сократились её золотовалютные резервы, часть которых (около 100 млрд. долл.) была использована в 2014 г. на поддержку курса рубля. Очевидно, что в 2015 г., когда предстоят платежи во внешнему долгу страны, в основном корпоративному, в размере примерно 120 млрд. долл., государству вновь придётся прибегнуть к использованию золотовалютных запасов страны, оцениваемых в 400 млрд. долл.¹³

Резкое падение цен на нефть непосредственно отразилось на жизни россиян: обвал рубля, рост потребительских цен, дефицит государственного бюджета. В 2014 году более 50% федерального бюджета страны составляли доходы от нефтегазового сектора. Согласно прогнозу Минэкономразвития, при сохранении цены на нефть в 80 долл. за баррель (на момент завершения настоящей статьи она упала до 55 долл. за барр.), а курсе доллара в 49 рублей (уже превысил 60 рублей), российский бюджет потеряет от 50 до 90 млрд. рублей. По словам министра финансов РФ Антона Силуанова, потери российского бюджета от ухудшения экономической конъюнктуры в 2015 году могут составить 3 трлн. рублей.

Дефицит бюджета планировали покрывать за счет Резервного фонда. Перед Новым годом Минфин решил сократить расходы и составить бюджет из прогноза 60 долларов за баррель нефти, и 51 рубль – за доллар.¹⁴ По оценкам, министерства, выпадающие доходы бюджета только от нефтяных налогов могут составить около 2,1 трлн. руб., или 14% запланированных доходов федерального бюджета. При более серьезном падении цены, до 40 долл. в среднем за год, доходы бюджета могут снизиться уже на 3,1 трлн. руб., что составляет 21% запланированных доходов федерального бюджета¹⁵.

Снижение цен на нефть – главная причина ослабления российской валюты. Причём не постепенного, а скачкообразного: когда в конце ноября 2014 года Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) приняла решение не сокращать объемы добычи, рубль отреагировал мгновенно, опустившись на торгах до нового исторического минимума (на тот момент – 49,9 руб./долл. и 62,03 руб./евро). Для населения России такого рода колебания цен на нефть и валюту в конечном счете означают рост потребительских цен, в особенности на импортные товары и продукты.

На наш взгляд, наиболее точную и ёмкую оценку причин столь негативного воздействия падения цен на нефть на российскую экономику дал И. С. Королёв: "...высокая вероятность снижения цены нефти требовала в предкризисные годы более жёсткого подхода к бюджетному планированию, а также к инвестиционным

¹⁰ Norway: Oil Price Slump Prompts Action. The Global Finance. February 2015. P. 7.

¹¹ Available at: <http://1prime.ru/energy/20150209/802067331.html> (accessed 09.02.2015).

¹² Shell to Cut Spending by \$15 Billion over Next 3 Years (Available at: <http://www.energypedia.com/news/general/new-162328?editionid=101560> (accessed 29.01.2015).

¹³ The Global Finance. February 2015. P. 63.

¹⁴ Available at: <http://news.mail.ru/reference/47775/?idc=1> (accessed 15.01.2015).

¹⁵ Available at: <http://news.mail.ru/politics/21137798/?frommail=1> (accessed 20.02.2015).

проектам нефтяных компаний." Трудно не согласиться и с его прогнозом в отношении начавшегося в 2014 г. (если не раньше) кризиса: " Нынешний кризис будет для нас длиться дольше, чем кризис 2008-2009 гг. Правда, сейчас экономика стала более мощной, федеральный бюджет сводится с профицитом, накоплены значительные валютные резервы, но, одновременно, возросла зависимость от импорта, увеличились социальные обязательства государства."¹⁶.

Значительно сократить импорт, особенно машин и оборудования, промышленного сырья довольно широкой номенклатуры и продовольствия вряд ли удастся. А существенная корректировка социальных обязательств чревата трудно предсказуемыми политическими последствиями. По оценкам многих экономистов, кризис в России, одной из причин которого стало падение нефтяных цен, может продлиться от 2-3 до 6 лет.¹⁷

Имеющиеся оценки динамики цен на ближайшую и среднесрочную перспективу отражают крайнюю неопределённость ситуации на мировом рынке нефти. Приведём лишь некоторые из них – и пессимистические, и оптимистические.

Ралли на нефтяном рынке прекратится, и цены в Нью-Йорке опустятся до 39 долл. за баррель, прогнозируют аналитики Goldman Sachs Group Inc. "В мире наблюдается переизбыток поставок, в то время как необходимое сокращение добычи в США откладывается – американские компании не законсервировали достаточное количество буровых скважин для замедления темпов роста добычи в стране. Наш целевой прогноз по нефти: цены могут пройти весь путь от начала и до конца в 39 долл. за баррель для WTI и 42 долл. за Brent"¹⁸.

Эксперты RBN Energy полагают, что новый виток снижения цен на нефть – до уровня 30-40 долл./барр. – к концу первого квартала 2015 года будет вызван в результате поставок тяжелой нефти для американских нефтеперерабатывающих заводов из Канады и больших скидок на нефть со стороны Саудовской Аравии (в первую очередь для покупателей из Азии)¹⁹. А американский эксперт Анатолий Калецки (Anatole Kaletsky) попытался доказать – правда, не слишком убедительно – что цена на нефть может упасть до уровня 20 долл. за баррель²⁰.

Однако некоторые участники декабрьской встречи стран-членов ОПЕК из арабских стран заявили в неофициальном порядке, что мировые цены на нефть восстановятся до уровня 70-80 долл./барр. к концу следующего года, поскольку глобальный экономический подъём приведёт к оживлению спроса – намёк на то, что картель ожидает стабилизации нефтяных рынков в среднесрочной перспективе. Они дали понять, что они не рассчитывают – и некоторые даже не желают этого – на возвращение нефти к 100 долл./барр. в обозримом будущем. При этом подчёркивали, что некогда рассматривавшаяся многими крупнейшими производителями как "справедливая" цена в 100 долл./барр. стимулировала слишком активное освоение новых запасов с высокими издержками на добычу за пределами ОПЕК.

¹⁶ Королев И.С. Экономическая политика в условиях внешних ограничений. Актуальный комментарий. Available at http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1506&ret=527&printmode (accessed 03.02.2015).

¹⁷ Available at: <http://news.mail.ru/reference/47775/?idc=1> (accessed 15.01.2015).

¹⁸ Available at: <http://news.mail.ru/economics/21136135/?frommail=1> (accessed 20.02.2015); Oil Prices Are Down. So What? / PennEnergy Petroleum Daily News. 10.03.2015

¹⁹ Available at: <http://news.mail.ru/economics/20666603/?frommail=1> (accessed 06.01.2014).

²⁰ Anatole Kaletsky. The Reason Oil Could Drop as Low as \$20 per Barrel (Available at: http://www.zawya.com/story/Oil_could_drop_as_low_as_USD20_per_barrel-TR20141219nL1N0U31J1X2/?lok=175902141219&&zawyaemailmarketing (accessed 19.12.2014).

Тем не менее, они полагают, что как только бурный рост добычи в сегменте запасов с высокими издержками на их освоение (американские сланцы) замедлится, а снижение цен начнёт стимулировать спрос, цены на нефть начнут искать новое равновесное состояние уже в конце 2015 г. – даже в отсутствие каких-либо сокращений поставок со стороны ОПЕК. В ОПЕК распространено мнение, что цены не могут обрушиться, они могут выйти на отметку в 60 долл./барр. и ниже лишь на несколько месяцев, однако затем они вернуться к приемлемому уровню – в 80 долл./барр. – в течение 8-12-ти месяцев²¹.

Вице-президент "ЛУКОЙЛа" по стратегическому развитию Леонид Федун проявил наибольший оптимизм – он допустил возможность роста цены нефти уже в конце 2015 года до 100 долл. за баррель. ввиду повсеместного сокращения добычи нефти, в первую очередь сланцевой нефти в США²². Будем надеяться, что этот прогноз сбудется.

А.А. Рогожин

ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЁРСТВО И АМЕРИКАНСКИЙ ГАЗ В ЯПОНИИ²³

Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) – пока лишь переговорная платформа для формирования новой азиатско-тихоокеанской региональной интеграционной группировки²⁴. В переговорах изначально участвовали четыре страны, с которыми США уже имели двусторонние соглашения о свободной торговле (Чили, Перу, Сингапур, и Австралия), два экспортера нефти и газа (Бруней и Малайзия), а также Новая Зеландия и Вьетнам. Канада и Мексика, ближайшие торговые партнёры США и члены Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), присоединились к переговорам в октябре 2012 г., а Япония – в июле 2013 г. На начало 2104 года на долю стран-участниц переговоров о создании ТТП приходилось 37% мирового ВВП и 23% мирового экспорта товаров и услуг; в них проживало 11% населения планеты. В 2013 г. их товарный экспорт составил почти 700 млрд. долл., экспорт услуг – 199 млрд. долл., образуя крупнейший рынок сбыта для американского экспорта. На начало 2014 г. компании США инвестировали в странах – будущих участниках ТТП 695 млрд. долл. В 2014 г. доля торговли США с этими странами составила 40.5% совокупного объёма всей товарной внешней торговли США (свыше 1.6 трлн. долл.), что превратило их в крупнейшего торгового партнёра Соединённых Штатов²⁵.

Ещё 12 ноября 2011 г. лидеры девяти стран ТТП объявили, что они достигли согласия по многим вопросам и опубликовали подробный план развития концепции ТТП. Однако в нём ни разу не упоминался термин "энергоносители"²⁶. Поскольку переговоры ведутся за закрытыми дверями, это очевидное упущение привело к

²¹ Arab OPEC Sources See Oil Back Above \$70 By End-2015 (Zawya.com. 23.12.2014).

²² Available at: <https://news.mail.ru/economics/21255585/?frommail=1> (accessed 03.03.2015).

²³ Настоящая статья написана в рамках исследования на тему «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии» при поддержке гранта РГНФ № 14-27-09001.

²⁴ Подробнее см. Overview of the Trans-Pacific Partnership. Office of the U.S. Trade Representative (USTR). Available at: <http://www.ustr.gov/tpp/overview-of-the-TPP> (accessed 10.02.2015).

²⁵ Economic Report of the President. Transmitted to The Congress February 2015 together With The Annual Report Of The Council Of Economic Advisers. Washington, 2015. P. 297.

²⁶ См. Enhancing Trade and Investment, Supporting Jobs, Economic Growth and Development: Outlines of the Trans-Pacific Partnership Agreement. USTR. Available at: <http://www.ustr.gov/tpp/outlines-of-TPP> (accessed 15.03.2014).

гаданиям и неопределённости относительно того, как будут решаться энергетические вопросы в рамках ТТП, особенно по сравнению с НАФТА, в котором имеется отдельная глава, посвящённая исключительно энергоносителям и основным нефтехимическим продуктам²⁷.

По мнению представителей министерства торговли США, если "энергетические вопросы" специально не упоминаются в качестве отдельных пунктов, предполагается, что они будут включены в повестку дня переговоров ТТП по товарам и услугам, в частности, в разделах, посвящённых доступу к рынкам и тарифам. Ископаемые виды топлива чётко подпадают под соответствующие положения Конвенции по торговле, инвестициям и связанные с ними положения, но ТТП также имеет потенциал, чтобы косвенно влиять на торговлю энергоресурсами, например, в разделах, посвящённых нетарифным торговым барьерам, интеллектуальной собственности, а также защите окружающей среды. Важными также являются уже согласованные пункты соглашения о недопущении дискриминации, чтобы компании могли конкурировать на равных, а также дополнительные положения, охватывающие предприятия малого и среднего бизнеса и государственные предприятия.

Кроме того, обсуждение вопросов прозрачности, борьбы с коррупцией, разрешения споров, правоприменительных процедур и последовательности в применении нормативно-правовой базы может иметь последствия для энергетических рынков, торговли и инвестиций. Ожидается, что заключение соглашения ТТП неизбежно будет иметь определённое влияние на торговлю оборудованием для энергетической отрасли, предоставление услуг, технологий и инвестиций, а также торговлю ископаемыми видами топлива. Насколько существенным будет это воздействие, однако, ещё предстоит выяснить.

В 2014 году в связи с радикальными изменениями на мировом рынке нефти и газа разработку энергетической составляющей ТТП пришлось ускорить. В первую очередь потребность такого рода возникла у США в связи с ожидаемым в ближайшие два-три года массированным экспортом нефти и газа, в значительном мере ориентированным на потенциально ёмкий и быстро растущий рынок стран АТР. Особый интерес у американских экспортёров вызывает рынок Японии, главного стратегического союзника США в регионе. Этот рынок отличается высокой платёжеспособностью всех потребителей и пока сравнительно низким уровнем конкурентной борьбы. Для того чтобы существенно потеснить на японском рынке конкурентов, прежде всего поставщиков с Ближнего Востока и из Юго-Восточной Азии, США намерены использовать и механизмы ТТП.

Однако вокруг перспектив экспорта американской нефти и газа, в том числе с использованием ТТП, в самих Соединённых Штатах разворачивается напряжённая борьба. Например, потенциал ТТП в плане ускорения экспорта СПГ из США вызывает больше всего противодействия со стороны экологических групп, выступающих против применения метода гидроразрыва пластов²⁸. Напряжённость усилилась, когда Япония объявила о намерении присоединиться к ТТП. Это решение противники экспорта СПГ из США осуждали, утверждая, что главной его

²⁷ См. главу 6 НАФТА. Available at: <http://www.sice.oas.org/trade/nafta/chap-06.asp>.

²⁸ Например, в докладе клуба "Сьерра" выражалась обеспокоенность тем, что "переговоры по соглашению о ТТП велись в полной секретности...и одним из самых грязных секретов ТТП является его потенциал, способствующий резкому увеличению бурения методом гидроразрыва пластов в США ...и негативному воздействию на окружающую среду, связанному со строительством терминалов по экспорту СПГ". // An Explosion of Fracking? One of the Dirtiest Secrets of the Trans-Pacific Partnership Free Trade Agreement. Sierra Club. Available at: http://action.sierraclub.org/site/DocServer/TPP-LNG_Factsheet_Updated.pdf?docID=15841 (accessed 22.05.2012).

целью было приобретения СПГ по "особым", привлекательным для Японии ценам. Действительно Япония, как и ряд других стран, таких как Индия, лоббировала в правительстве США приоритетный доступ к СПГ, в то время как в министерстве энергетики в ускоренном порядке проходила процедура юридической экспертизы разрешительных процедур для экспорта СПГ в страны, не входящие в зону свободной торговли²⁹.

Некоторые эксперты полагают, что США отказались от возможного воздействия на переговоры ТТП, когда в мае 2013 г. министерство энергетики одобрило поставки СПГ с предприятия Freeport LNG в страны, не входящие в зону свободной торговли (Япония как раз обсуждала с Freeport LNG аналогичный контракт)³⁰. С их точки зрения, это свидетельствовало о целостности американского регуляторного механизма, которое не указывало отдельные регионы при утверждении экспортных проектов СПГ. Действительно, нет необходимости в специальном упоминании о природном газе, чтобы соглашение ТТП удовлетворяло требованиям Закона о природном газе, но должен быть "подход на уровне страны", который не исключает природный газ. Из девятнадцати двусторонних соглашений о свободной торговле, которые в настоящее время действуют в США, семнадцать предусматривают свободную торговлю природным газом именно в соответствии с Законом о природном газе.

Япония может рассматриваться как страна зоны свободной торговли в соответствии с Законом о природном газе. Таким образом, любая заявка на экспорт СПГ в Японию могла бы считаться соответствующей интересам общества и быть утверждена без промедления. Хотя это упорядочило бы процесс рассмотрения экспорта СПГ министерством энергетики, Федеральная комиссия по регулированию в сфере энергетики или Управление по делам торгового флота будут по-прежнему обязаны утверждать объекты. Очевидно, что ТТП могло бы ликвидировать эти препоны и упростить процедуру экспорта СПГ из США в Японию. Однако мы полагаем, что и при наличии ТТП с облегчённой процедурой важную роль при экспорте американского СПГ в Японию будут иметь традиционные базовые условия поставок, и роль этого фактора нельзя недооценивать. Соответственно, любые конкуренты американских компаний на японском рынке, в том числе и российские поставщики, имеют возможности успешно противостоять им.

Конкурентная борьба на этом рынке уже началась. Япония заключила три крупных контракта на поставку СПГ с поставщиками из США. Будут ли заключены новые сделки, скорее всего, зависит от ратификации ТТП, тенденций развития спроса на газ в Японии и условий, который смогут предложить другие поставщики СПГ в эту страну.

Что касается поставок американской нефти в Японию, то, по нашему мнению, заключение соглашения о ТТП не окажет существенного влияния на их успешность, ибо Япония, имея статус страны зоны свободной торговли, автоматически не будет подпадать под действие Закона об энергетической политике и энергосбережении запрещающего поставки нефти на экспорт вне стран зон свободной торговли.

²⁹ Конечно, не только японские дипломаты оказывают давление на США с целью обеспечить поставки СПГ на льготных условиях. Об усилиях Индии обеспечить поставки СПГ из США см. Cutler T. The Changing Calculus of Indian Energy Security. Strategic Studies Institute, 2014. Available at: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/ssi_deni.htm (accessed 12.12.2014).

³⁰ Rogowsky R. A. and Harlich G. TPP and the Political Economy of U.S.-Japan Trade Negotiations. Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2014. P. 12. Available at: <http://www.wilsoncenter.org/publication/tpp-and-the-political-economy-us-japan-trade-negotiations> (accessed 14.11.2014).

Экспорт угля из США вообще не регулируется каким-либо конкретным федеральным законом или регулирующим процесс торговли законодательством, и, соответственно, положения соглашения о ТТП не будут играть для его развития сколько-нибудь существенной роли. Основные препятствия на пути к увеличению экспорта угля из США связаны с инфраструктурными ограничениями, оппозицией экологических организаций Тихоокеанского Северо-запада США, и снижением спроса на мировых рынках угля. Поставки прочих энергоносителей и услуг, включая ядерное топливо, возобновляемые энергоносители и энергосберегающее оборудование и технологии, наоборот, будут зависеть от целого ряда положений соглашения ТТП, в том числе от снижения пошлин на экологичные технологии, и осуществимости правил и норм, касающихся охраны окружающей среды и регулирования инвестиций.

Можно с уверенностью сказать, что авария на Фукусиме и бум сланцевого газа привели к коренным изменениям в энергетическом мировоззрении Японии и США. Эти изменения произошли весьма быстро, но политика США в области энергетики, законы и подзаконные акты всё ещё находятся под влиянием непредвиденных обстоятельств, связанных с избытком экономически конкурентоспособных энергоносителей, пригодных для экспорта.

Снятие запрета на экспорт нефти из США будет зависеть от действий Конгресса и президента, и, несомненно, позволит наращивать его объём с учётом условий базовых рыночных условий. Но действие соглашения о ТТП, даже если оно включит в себя развёрнутые положения, регулирующие энергетическое сотрудничество, будет иметь не столь значительное влияние на торговлю энергоносителями США с Японией. А вот если к соглашению о ТТП присоединится Китай, ситуация станет значительно сложнее, и роль этого соглашения существенно возрастёт.

Несмотря на прогресс в согласовании текста, сроки окончания переговоров по ТТП остаются неопределёнными. Администрация Обама прилагает большие усилия для заключения соглашения в 2015 г., но есть сомнения, что оно пройдёт успешно, так как переговоры по ТТП затормозились в связи с двусторонними переговорами между США и Японией по некоторым сельскохозяйственным товарам³¹. Грядут президентские выборы в США в 2016 г., и, возможно, их внутренняя политика затруднит ратификацию многих документов, завершающих переговоры по интеграционным проектам с участием США³². Будучи тесно связанным с политикой "изменения баланса" в Азии администрации Обамы и широко воспринимаемым в Азии как американская инициатива, процесс по созданию ТТП окажет прямое воздействие на конкурентоспособность США в Азии в целом и на японском рынке СПГ в частности.

Это обстоятельство следует учитывать российским компаниям, также рассчитывающим на более широкое представительство на японском рынке СПГ, в том числе на среднесрочную перспективу. Один из наших конкурентов замешкался – этим, очевидно, можно и нужно воспользоваться, предложив более благоприятные базовые условия соответствующих соглашений по поставкам СПГ в Японию.

³¹ Подробнее см. Richard Katz. The Trans-Pacific Partnership: Lessons from Negotiations. The U. S. National Bureau of Asian Research Analysis Brief, September 4, 2014; David Nakamura. Obama to Seek GOP's Help // Washington Post. December 27.12.2014.

³² 15 For 2015: Forecasts for the Asia-Pacific. The U. S. National Bureau of Asian Research Commentary. January 2015. Pp. 14-16.

ПЕРЕСТРОЙКА КИТАЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

«Атэсовски-голубое небо» – неологизм, появившийся в китайском языке в дни проходившего в ноябре 2014 года в Пекине саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Действительно, в эти дни пекинский воздух был свободен от смога – и не по воле небесной канцелярии, а вследствие довольно жестких административных мер, предпринятых по двум направлениям. В окружающей столицу Китая провинции Хэбэй приостановили работу нескольких тысяч промышленных предприятий истроек, а сами пекинцы были вынуждены пользоваться личным автотранспортом через день – только по четным или нечетным дням (в зависимости от последней цифры на номерном знаке).

Достигнутый «голубой эффект» подтвердил, помимо прочего, гипотезу китайских ученых о сложном происхождении смога, ставшего проклятием многих китайских городов: помимо метеорологических причин и высокой территориальной концентрации хозяйственной деятельности, у него три других компонента – двуокись серы, образующаяся при сжигании угля, автомобильные выхлопы и сухость воздуха. Кроме того, показательная чистка наглядно продемонстрировала, что у страны есть реальная, хотя и не очень близкая, перспектива решительного улучшения экологической ситуации³³.

На саммите АТЭС, напомним, Китай озвучил обязательство начать сокращение выбросов парниковых газов до 2030 года. К этому же сроку Пекин обещает повысить долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) до 20% энергопотребления. Обе задачи представляются выполнимыми, более того, не исключено, что сроки их решения окажутся менее продолжительными.

Дело в том, что хозяйственная система и общество Китая вступили в фазу зрелости, когда на завершающей стадии индустриальной и потребительской революции разворачивается революция экологическая. Впечатляет ее нарастающий инвестиционный масштаб. Только в нынешней, двенадцатой пятилетке (2011-2015) на экологические цели было выделено 5 трлн. юаней (более 800 млрд. долл.), причем в 2015 году объем расходов почти в два с половиной раза превысит уровень 2011 года. Но это не все. Так, в декабре 2013 года сообщалось о новом масштабном плане улучшения качества воздуха в китайских городах. На реализацию только этой программы в 2014-2017 годах выделено 1.75 трлн. юаней (почти 300 млрд. долл.).³⁴

Индустриализация и экологические проблемы. Как известно, современные восточные общества испытывают два вида экологических проблем. Первый обусловлен аграрным перенаселением, массовой нищетой и экономически вынужденным нанесением ущерба окружающей среде. Наиболее типичным и опасным примером такого рода является вырубка лесов. В том же ряду осушение болот и сокращение площади озер, распашка горных склонов, чрезмерный выпас скота в степях и т.п.

³³ Нужно сказать, что еще в 2013 году Пекин поставил перед властями провинции Хэбэй среднесрочную задачу сокращения выпуска стали и цемента (на 60 млн.т по каждому виду продукции), а также снижения потребления угля – на 40 млн.т. Результат начавшегося сокращения производства уже есть: за три квартала 2014 года содержание микрочастиц PM2.5 в воздушной среде по провинции в целом сократилось на 12.5% по сравнению с предыдущим годом, в городах региона уменьшилось число экологически тяжелых дней.

³⁴ <http://www.theguardian.com/environment/2013/dec/20/china-bill-clean-air-pollution>

Второй вид экологических проблем тесно связан с индустриализацией и наращиванием использования ископаемого топлива. Эти проблемы имеют долгую историю изучения в развитых странах, а с 70-х годов прошлого века они прочно вошли в международную повестку дня. Достаточно упомянуть Стокгольмскую конференцию ООН по охране окружающей среды 1972 года³⁵.

Тем не менее, изучение хода индустриализации в КНР располагает к осторожному, но, все-таки, оптимизму в понимании возможности решить экологические проблемы, стоящие перед восточным исполином.

Во-первых, КНР уже в основном решила экологические проблемы первого вида – т.е. проблемы, связанные с массовой нищетой сельского населения. В первое десятилетие реформ положительную роль как бы попутно сыграли ограничение рождаемости и миграции в города, мануфактуризация деревни, общественные природоохранные работы (особенно массовые лесопосадки), народное просвещение и т.п.

В сфере энергопотребления успешное решение экологических проблем первого вида правомерно связывать со значительным сокращением использования традиционного топлива, обычно сопровождающим повышение благосостояния в деревне. Доля традиционных видов топлива в общем потреблении первичной энергии в Китае с 18% в 2000 году (что уже было лучше аналогичного показателя в Индии наших дней) снизилась до менее чем 2% в 2011 году. Иначе как «прорывом» такую динамику не назовешь³⁶.

Во-вторых, наблюдается в целом положительная связь между динамичным экономическим развитием (включая индустриализацию) и умением правильно диагностировать, предотвращать и лечить экологические болезни (хотя второе и оказывается несколько отложенным во времени).

Безусловно, на предыдущих этапах модернизации и рыночных реформ КНР не избежала порочного алгоритма «сначала надо стать грязным, а потом думать об экологии». Не способствовали охране природы и экономии ресурсов ни желание создать полномасштабный промышленный комплекс с мощной тяжелой индустрией, ни извечное стремление опираться на собственные силы (ведшее к нещадной эксплуатации местных источников сырья и топлива), ни сама погоня за зажиточностью.

Однако сам темп экономических перемен в Китае в последние тридцать лет оказался столь стремительным, что массовое осознание тупиковости «грязного» пути пришло довольно скоро. Уже середина 1980-х – начало 1990-х годов стали временем постепенного поворота государства и общества лицом к экологическим проблемам, а в новом веке они, наконец, заняли подобающее место среди национальных приоритетов развития³⁷.

Наряду с экономией топлива рыночные реформы могут вызывать и значительный экологический ущерб – до тех пор, пока общество и государство не

³⁵ Напомним, что в том же году вышел доклад Римскому клубу «Пределы роста». В предложенной авторами доклада идее «нулевого роста» многие развивающиеся страны (включая Китай) усмотрели тогда попытку затормозить их экономическое развитие. Со временем полемика по этому вопросу приобрела в пекинской дипломатии вид тезиса о разной исторической ответственности развитых и развивающихся государств за глобальные экологические проблемы.

³⁶ За предыдущее десятилетие данный показатель в самой КНР снизился лишь на 2%.

³⁷ Из числа первых проектов, относящихся к исследованиям на общенациональном уровне, следует отметить работу под названием «Окружающая среда в Китае в 2000 году: прогноз и контрмеры», выпущенную в 1986 году Государственным управлением по охране окружающей среды. В исследовании подсчитывались общие объемы выбросов различных типов загрязняющих веществ, а также учитывалась численность населения и площадь районов, подвергшихся загрязнению.

научатся регулировать эту область. В Китае месторождения каменного угля широко распространены по территории страны, а его добыча на мелких шахтах и выработках долгое время приветствовалась местными властями. В результате доступность этого вида топлива повсеместно вела к его вовлечению (в том числе незаконному) в рыночный оборот и порождала далекие от идеала способы использования.

О бедах, происходящих от чрезмерного сжигания угля, а также экологических (и человеческих) издержках его добычи различными способами хорошо известно³⁸. Ущерб воздушной среде³⁹ усугубляет проблема утилизации твердых отходов горения. Но другого доступного топливного ресурса для продолжения индустриализации в тогда еще сравнительно небогатой стране не нашлось. За первое десятилетие нашего века Китай втрое нарастил использование этого вида минерального топлива – со всеми вытекающими негативными последствиями.

Но был в этом индустриальном рывке и эволюционный смысл. Массовое наращивание и обновление основных фондов в крупной угледобыче и энергетике сопровождалось «сплошной модернизацией» тяжелой промышленности⁴⁰. Одновременно в стране с невиданным даже в восточной Азии размахом уже к началу нынешнего десятилетия была создана современная транспортная инфраструктура с неплохими характеристиками эффективности (табл. 1). Десятилетие индустриально-инфраструктурного рывка подготовило и бурную потребительскую революцию⁴¹. А ее составной частью, как это было в свое время и в развитых странах, становится революция экологическая.

Таблица 1.

Энергозатраты при железнодорожных перевозках в КНР и Японии,
кг у.т. /10 тыс. т-км

Страны \ Годы	2000	2005	2008	2009
КНР	114.5	97.3	67.5	64.6
Япония	85.7	85.7	82.9	80.0

Источник: Чжунго нэньюань тунцзи няньцзянь 2010 (Статистический ежегодник энергетики Китая 2010), Пекин, 2010.

В свете сказанного видно отсутствие принципиального противоречия между индустриализацией и защитой окружающей среды. Ясно и почему понимание устойчивого развития в Китае имеет некоторые особенности, отчасти противоречащие общепринятым представлениям. Их можно выделить, по меньшей мере, три. Во-первых, в китайской трактовке устойчивого развития отсутствует антииндустриальный элемент, наоборот, продолжение и модификация индустриализации рассматриваются еще и как средство решения экологических проблем. Во-вторых, преобразующий природу мотив выражен довольно сильно: государство предпринимает значительные усилия для развития континентальных

³⁸ Китайская статистика, в частности, регулярно публикует показатель числа погибших шахтеров в расчете на 100 млн. т добытого угля.

³⁹ Смог, особенно густо окутывающий города с началом отопительного сезона, наиболее заметная часть проблемы (в среднем загрязнение городского воздуха в КНР примерно такое же, как в Индии).

⁴⁰ Томберг И.Р. Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте. М.: ИВ РАН, 2013. С. 72.

⁴¹ В 2003-2012 годах число автомобилей в КНР выросло в 14 раз и составило 85 млн. Их ежегодный выпуск достиг к концу периода 15 млн. В 2013 году было произведено почти 18 млн. автомобилей, в 2014 – 23 млн.

районов страны, осуществляет ряд инфраструктурных мегапроектов, включая переброску вод с юга на север страны.⁴² В-третьих, устойчивость развития имеет в КНР ярко выраженный социальный аспект (борьба с бедностью), подразумевает определенную обособленность национальных государств и своеобразие их экологической политики, а также защиту от неблагоприятных внешних воздействий, например, противодействие ввозу в страну «грязных» производств.

Китайское понимание устойчивого развития, по-видимому, не случайно привело к превращению этой страны в одного из лидеров в области использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – как среди развитых, так и развивающихся стран⁴³.

Ясно и другое: без достижения определенного уровня в производстве и потреблении ископаемых видов топлива, переход к новой энергетике (ее становление) в массовом масштабе вряд ли осуществимы. Это особенно четко видно при сравнении энергетики Китая и Индии. Южноазиатская страна пока не преуспела в решении экологических проблем первого вида: две трети населения страны вынуждены использовать традиционные виды топлива. Четверть жителей Индии до сих пор не имеют доступа к источникам электроэнергии⁴⁴. А достигнутый прогресс в ВИЭ-генерации (в основном ветровая энергетика) часто сдерживается в этой стране невозможностью подключения агрегатов к энергосетям – просто в силу их удаленности⁴⁵.

В Китае же бурное развитие индустрии ВИЭ-генерации ведет к значительному снижению цен на оборудование для этой отрасли, к тому же здесь сложилась достаточно острая конкуренция. Поэтому для стран, отставших в индустриальной (энергетической) и экологической революции, открываются некоторые дополнительные возможности поправить дела за счет сотрудничества с КНР.

В известном смысле Китай опровергает прогнозы Римского клуба начала 1970-х годов, которые отражали очевидные опасения тогдашнего, куда более индустриального, чем теперь, Запада по поводу дальнейшего повышения цен на ресурсы в ходе развернувшейся индустриализации Востока. Но сдерживание развития извне (в том числе под экологическими знаменами) в случае с Китаем явно не прошло.

Хотя до экологического благополучия еще далеко. В 2012 году печать сообщала о намерении КНР построить еще около 360 угольных ТЭС суммарной мощностью более 500 ГВт. Многие из них планировалось разместить в регионах со значительным дефицитом воды. Эти планы критиковались, в том числе китайскими экологами и экономистами, обозреватели не исключали их будущей серьезной корректировки⁴⁶. И корректировка началась: форсированное развитие тяжелой

⁴² Надо заметить, что в стране привыкли к искусственному ландшафту, хотя китайские мудрецы задолго до нашей эры и вырубки римских дубрав грустили по поводу лысеющих гор и холмов. Но дела явно идут на поправку: во всяком случае, не в меру расплодившиеся уссурийские тигры в наши дни регулярно нападают на дровосеков, а импорт кругляка КНР обещает прекратить в 2020 году, заменив его древесиной, зреющей на защитных лесополосах.

⁴³ Рогожина Н.Г. Альтернативные источники энергии – Азия лидирует// Ежегодник: Север-Юг-Россия 2010. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 140.

⁴⁴ REN21. Renewables Global Status Report 2013. P. 90. В Индии, где ввод в эксплуатацию новых угольных месторождений часто сопряжен еще и с неизбежным ущербом лесам, пока нет общего желания усиливать зависимость энергетики от этого вида топлива. В стране по этому поводу идет оживленная дискуссия. В ее ходе бывший министр угольной промышленности А. Перти высказался весьма решительно: «Индии пора выбрать, что ей нужно: тигры или электричество». См.: M. Rajshekhar. India Need Not Erase Forests for Coal// The Economic Times. 10.01.2013. P. 4.

⁴⁵ Sharma A. Lighting the way ahead: Powering India// The Economic Times. 14.12.2012. P. 21.

⁴⁶ <http://www.theguardian.com/sustainable-business/china-conflict-coal-fired-plants-water>

промышленности и жесткой инфраструктуры в КНР завершается. Его на глазах сменяет столь же энергичное благоустройство окружающей среды. На экологические цели, как уже отмечалось, выделяются внушительные ресурсы.

Структурная перестройка экономики и новая энергетика. В ходе индустриального рывка начала века КНР сначала добилась качественного сдвига в использовании своего главного энергоресурса – угля и снижении энергоемкости производства⁴⁷. Этот сдвиг пришелся в основном на одиннадцатую пятилетку (2006-2010), когда ставший нормативным показатель энергоемкости ВВП (ВРП) сократился на 19%.

Важно, что в те годы в КНР вышли за рамки привычной опоры на собственные силы: добыча угля внутри страны (часто экологически вредная) стала сочетаться с масштабным ввозом этого вида топлива из-за рубежа. В 2013 году импорт угля превысил 320 млн. т, в 2014 – составил 290 млн. т. Это уже существенная часть относительно внутренней добычи (3 млрд. 870 млн. т в 2014 году⁴⁸).

Обратим внимание, что еще около 20% угля продолжает поступать с технологически отсталых предприятий внутри страны. В этом вопросе государство полно решимости продолжить курс на свертывание таких мощностей. Осенью 2013 года правительство КНР предписало начать закрытие углеработок, дающих менее 90 тыс. т топлива в год, а лицензии на открытие новых добывающих мощностей будут выдаваться лишь при планируемом объеме добычи свыше 300 тыс. т⁴⁹.

При китайских масштабах потребления угля 20% – величина весьма значительная. Что его заменит? Продолжится ли рост потребления угля на ТЭС? Эти вопросы волнуют производителей энергоресурсов по всему миру и очень важны для той части китайских промышленников, которая уже успевала зарекомендовать себя в качестве производителей оборудования для новой энергетики⁵⁰. Это не только машиностроители, изготавливающие оборудование для использования возобновляемых источников энергии (включая гидроэнергию), но и атомщики.

Помимо ГЭС и АЭС, в китайском случае в новую энергетику совершенно необходимо, на наш взгляд, включить и газовую отрасль – как бы противопоставляя весь этот «чистый массив» (с некоторой долей условности, конечно) угольной энергетике⁵¹. Доля последней в энергохозяйстве страны в относительном выражении, как теперь уже очевидно, будет сокращаться. Такое сокращение, подчеркнем, предусматривалось и прежними планами китайского правительства – долю угля в энергопотреблении хотели сократить за годы двенадцатой пятилетки (2011-2015) на 2%.

Первой ласточкой, «щебечущей» об осуществимости этих планов, а возможно и более амбициозных программ снижения зависимости от угля, стали статистические данные за 2012-2014 годы. Новое руководство страны берет все более решительный курс на сокращение угольной зависимости.

⁴⁷ В 2006-2011 годах расход угля на выработку 1 кВт электроэнергии на китайских ТЭС снизился на 10%: с 367 до 326 грамм, вплотную приблизившись к показателям в развитых странах. См: <http://www.globaltimes.cn/content/820846.shtml#Um9qn6Bskds>

⁴⁸ http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html

⁴⁹ <http://www.globaltimes.cn/content/828512.shtml#UphzaaBskds>

⁵⁰ На китайских производителей турбин для ветряков приходится около 20% мирового выпуска этой продукции.

⁵¹ Подобное понимание новой энергетики применительно к Китаю оправдано, на наш взгляд, еще и тем, что именно газовая генерация (пока еще слабо развитая) достаточно гибка для того, чтобы создавать вместе с ВИЭ-генерацией комплексные системы энергоснабжения и «умные сети» (smart grid).

Таким переменам явно поспособствовал третий пленум ЦК КПК, состоявшийся в ноябре 2013 года и обозначивший линию на постепенное снижение темпов экономического роста, стимулирование внутреннего спроса, ускоренное развитие сферы услуг, а также новой энергетики. Как предполагали китайские эксперты, в нынешнем десятилетии потребление энергии будет расти примерно на 4% в год. При таком режиме роста структурная перестройка энергетики несколько облегчается. Но и такой рост потребления энергии может оказаться излишним при дальнейшем замедлении темпов экономического роста в КНР.

2014 год принес важное событие: добыча угля в Китае впервые за многие годы сократилась на 2.5%, снизился и ввоз угля – а его потребление (также впервые) уменьшилось на 2.9%. Этот факт корректирует прогнозы международных организаций. Так, еще недавно Международное энергетическое агентство полагало, что в 2010 году потребление угля в мире вырастет с 7.2 млрд. т. до 9 млрд. т. к 2020 году, причем 60% прироста придется на КНР⁵².

Экономика Китая перевалила пик индустриализации. Доля промышленности в ВВП, достигнув 48% в конце прошлого десятилетия, снизилась в 2014 году до 42.6% (хотя промышленный рост продолжается). Услуги, как известно, в целом менее энергоемки. Другим структурным резервом является закрытие технологически отсталых производств, в том числе в топливно-энергетическом секторе.

Улучшают перспективы перестройки еще, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, во многих отраслях тяжелой промышленности Китая, включая черную и цветную металлургию, а также производство цемента, уже образовались избыточные мощности, что снижает спрос на уголь. Во-вторых, продолжается удешевление оборудования для ВИЭ-генерации и одновременно ужесточаются экологические требования к оборудованию на угольных ТЭС. Кроме того, в минувшем году печать сообщила о создании Китаем собственных, существенно более дешевых, технологий по десульфуризации выбросов ТЭС. Это может укоротить сроки их обязательной установки по всей стране.

Наконец, КНР в 2014 году динамично наращивала мощности в новой энергетике. Прирост мощностей на ВЭС составил 25.6%, в соляной отрасли – 67%. Мощности АЭС увеличились на 36%, ГЭС – почти на 8%.

В 2014 году, опять-таки впервые, сократилась выработка электроэнергии на ТЭС. Производство же энергии на ГЭС и АЭС выросло значительно: почти на 16 и 19%.

Общее потребление энергоресурсов в 2014 году составило 4 млрд. 260 млн. т условного топлива (рост на 2.2%). Сокращение потребления угля сопровождалось увеличением потребления нефти на 5.9% и природного газа – на 8.6%. Потребление энергоресурсов в расчете на единицу ВВП сократилось на 4.8% – наилучший показатель за последние годы.

В результате на «чистый массив» (ГЭС, АЭС, ВИЭ и природный газ) в 2014 году в КНР пришлось 16.9% энергопотребления. Доля угля сократилась до 66%⁵³.

Обращает на себя внимание бурный рост в соляной энергетике. Отчасти он вызван внешними причинами: столкнувшись с ограничениями на экспорт фотоэлектрических панелей в западных странах, КНР в 2013-2014 годах приступила к их массовому внедрению внутри страны. Согласно заявлению представителя Государственной энергосетевой корпорации⁵⁴, к концу 2015 года мощности

⁵² <http://www.theguardian.com/environment/2014/dec/15/coal-demand-set-to-break-9bn-tonne-barrier-this-decade>

⁵³ http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html

⁵⁴ State Grid Corporation of China (SGCC)

солнечной генерации в стране увеличатся до 35 ГВт – по сравнению с 6.6 ГВт в 2012 году.⁵⁵

Иными словами, мощности ВИЭ-генерации в сумме с АЭС, солнечной генерацией и газогенерацией (пока не получившей значительного распространения) могут в обозримой перспективе (до 2020 года) сравняться с мощностями ГЭС. В итоге на весь этот «чистый массив», старый и новый, придется не менее 30% выработки электроэнергии⁵⁶ и существенно больше – по установленным мощностям⁵⁷.

К этому времени или чуть позже среднестатистические (и удельные – в расчете на единицу ВВП) показатели потребления энергетических ресурсов в КНР, по-видимому, стабилизируются на уровне мировых образцов. Сама достижимость этого состояния уже сейчас служит для Пекина сильным мотивом к дальнейшей перестройке энергетической политики и многомиллиардным вложениям, а команда Си Цзиньпина, отвечая на массовую озабоченность состоянием окружающей среды, вполне способна еще более круто развернуть руль в пользу «зеленой перспективы».

2014 год ознаменовался еще одним важным событием. В сентябре был опубликован «План КНР по противодействию климатическим изменениям (2014 – 2020)». В нем обобщены и дополнены многие ранее принятые программы.

Глобальное измерение. Недавние прогнозы, например, Международного энергетического агентства (World Energy Outlook 2013), предполагают, помимо прочего, что к 2035 году КНР обгонит США, Японию и Европу (вместе взятые) по производству электроэнергии из возобновляемых источников. Подобная перспектива теперь не кажется фантастической, хотя могла бы показаться таковой еще десять и даже пять лет назад. Более того, снижение мировых цен на минеральное топливо и происходящая реанимация старых отраслей энергетики в развитых странах может привести Китай к лидерству гораздо раньше.

Уже теперь по установленным мощностям ВЭС (96 ГВт в 2014 году) Китай среди отдельных стран занимает первое место в мире (на втором месте США, располагающие 60 ГВт), лишь немного уступая ЕС, взятому в целом (там мощности ветряков составляют более 100 ГВт). В 2013 году Китай инвестировал в сферу ВИЭ больше, чем все страны ЕС. Эти инвестиции впервые в истории, кстати, превысили вложения КНР в топливную энергетику⁵⁸.

Еще более внушительно смотрится место Китая в пока еще главной (хотя и «старой») отрасли возобновляемой энергетики. Мы имеем в виду гидроэлектростанции. В 2013 году из 40 ГВт новых мощностей в гидроэнергетике, введенных во всем мире, 29 ГВт пришлось на Китай⁵⁹. Еще 20 ГВт прибавилось в КНР в 2014 году. В результате на конец 2014 года доля КНР в мировых мощностях ГЭС приблизилась к 30%. Наконец, Китай – абсолютный мировой лидер по подогреву воды в городских зданиях за счет солнечной конвекции – 70% (!) от мирового показателя.

Наиболее скромно выглядят позиции КНР в производстве этанола и биодизеля. В то же время Китай – четвертый в мире производитель электроэнергии из биосырья (в основном это биогаз) – 27 млрд. кВт.ч в 2012 году (число установок выросло за последние семь лет в восемь раз), против 62 млрд. кВт.ч у лидера в этой области – США.

⁵⁵ http://www.globaltimes.cn/content/820846.shtml#_Um9qn6Bskds

⁵⁶ В 2014 году на угольные ТЭС пришлось 75% выработки электроэнергии, в 2012 – 78%.

⁵⁷ Наименьшая производительность мощностей, как известно, у ветряков, наибольшая – у АЭС.

⁵⁸ REN21. Renewables Global Status Report 2014. P. 17.

⁵⁹ REN21. Renewables Global Status Report 2014. P. 18.

Массированные вложения в новую энергетику были важным компонентом гигантского кредитного пакета, закачанного в экономику в 2009-2010 годах. В 2012-2013 годах, когда инвестиционный пыл Китая несколько поостыл в связи с «перегревом хозяйства» и непростым процессом передачи власти, страна, тем не менее, сохранила высокий уровень вложений в новую энергетику. Всего в ВИЭ-генерацию по миру в целом в 2012 году было вложено чуть больше 240 млрд. долл. На Китай уже тогда пришлось 65 млрд. долл. (или 27%), много больше, чем в США (34 млрд.) и Японии (16 млрд.), вместе взятых. В 2013 году общемировые инвестиции в ВИЭ-генерацию сократились на 14% и Китай не стал исключением (спад составил 6%). Все же сокращение оказалось менее глубоким, чем у других⁶⁰.

В структуре мировых инвестиций в ВИЭ-генерацию в настоящее время преобладают вложения в солнечную энергетику: на них в 2012 году пришлось 140 млрд. долл. – почти 60% инвестиций. Еще 80 млрд. долл. было потрачено на ветряки, 33 млрд. – на крупные ГЭС. В КНР исторически сложилось несколько иное распределение инвестиций в ВИЭ-генерацию: на первом месте стоят ГЭС, далее следуют ветряки. Но, как отмечалось выше, солнечная генерация с 2013 года находится в фазе бурного роста⁶¹.

И, наконец, еще один важный штрих. Новая энергетика уже обеспечила китайской экономике более 2.6 млн. рабочих мест. Это свыше 40% от мирового итога⁶². Несложно представить, каким еще потенциалом в генерировании занятости обладает эта отрасль, в том числе в ее малых формах.

Заметим также, что снижавшиеся темпы промышленного роста в Китае сопровождались в 2014 году скромным ростом внутренней добычи топлива и значительным увеличением импорта нефти (прирост 9.2%) и природного газа (на 13%). Импорт энергоресурсов и особенно электроэнергии несколько облегчают решение экологических проблем. Похожую роль начинает играть вывод за рубеж энергоемких и водоемких производств.

*

*

*

Чтобы вытащить общество из разрушительной для экологии, городского и сельского ландшафта нищеты, как показывает китайский опыт, нужна крупная промышленность. Лишь она способна принципиально повысить благосостояние общества, подготовив его к инфраструктурной, информационной, потребительской и, как следствие – экологической революции, развертывание которой мы наблюдаем в современном Китае. Эта революция сопровождается, в частности, быстрым (в том числе принудительным) сокращением «нижнего» этажа индустрии, представленного технологически отсталым производством. Одновременно современная промышленность становится инструментом, обеспечивающим переход к новой энергетике, создавая ее материальную основу. Народное творчество разного рода, обеспеченное технической поддержкой, сулит немало новаций в малой энергетике и, что важно, расширение «зеленой» занятости.

Уже не первый год КНР заваливает зарубежные рынки все более дешевыми соларами, электровелосипедами⁶³ и т.п. Только с сентября 2014 по январь 2015 года в стране продано свыше 40 тыс. электромобилей и гибридов. Аплодисментов

⁶⁰ Ibid. P. 67.

⁶¹ REN21. Renewables Global Status Report 2014. P. 19.

⁶² Ibid. P. 62.

⁶³ В самом Китае наблюдается массовое увлечение электроскутерами. Их эксплуатация не требует ни прав, ни шлемов – в отличие от мотопродукции.

западных экологов долгое время не было слышно, но и обвинения в адрес Китая по поводу «пожирания» ресурсов планеты поутихли.

Более того, как показал саммит АТЭС (2014), стремительно разворачивая фронт «зеленой» модернизации внутри страны, Пекин переходит к активному дипломатическому наступлению по вопросам климатических изменений на планете. Его энтузиазм находит теперь широкое понимание в европейских странах, да и не только там. Показательно, что американский климатолог Дж. Эбрэхэм (John Abraham) со знанием дела описывая в «Гардиан» самый серьезный подход к делу у китайских коллег, а также их мощную поддержку обществом и государством, сетует на совершенно иное отношение к делу в США. Этот же специалист прочит Китаю, помимо прочего, превращение в центр мировой науки по многим другим направлениям⁶⁴.

Не забудем необыкновенную бережливость китайского быта, спрессованного веками в целом скромных ресурсных возможностей. Этот взгляд искусно эксплуатируют центральные власти, превращая «зеленую перспективу» в важный элемент собственной политической легитимности (хотя на местах дела часто обстоят хуже). Вряд ли кто-нибудь станет осуждать китайские власти и за довольно жесткий экологический прессинг бизнеса и населения, доходящий до казалось бы мелочных запретов: пускания петард, приготовления пищи на открытых углях и т.п. С сохранением такого подхода и помощи ему со стороны современной науки и технологий, возможно, следует связывать и будущий вклад Китая в дальнейшее благоустройство планеты.

Существенно актуализируется расширение российско-китайского сотрудничества, в том числе в области энергетики и экологии. Для этого сложились дополнительные внешние и внутренние предпосылки. Под грузом накопившихся экологических проблем на пленуме ЦК КПК (ноябрь 2013 года) и очередной ежегодной сессии ВСНП (март 2014 года) руководство Китая провозгласило курс на форсированное развитие новой энергетики, включая газовую отрасль. Не случайно в 2014 году российско-китайское сотрудничество шагнуло на новый уровень.

А.В. Акимов

САНКЦИИ ЗАПАДА И ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ РОССИИ: ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И СТАНКОСТРОЕНИЕ

Санкции Запада против России были впервые объявлены 6 марта президентом США Обамой⁶⁵ и 17 марта ЕС⁶⁶. Первоначально они были направлены против отдельных лиц и организаций. Позднее появились меры, направленные против целых секторов российской экономики.

В качестве ответа на санкции Россия ввела запрет на импорт продовольствия из стран, объявивших санкции. Эта мера была введена указом Президента России «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения

⁶⁴<http://www.theguardian.com/environment/climate-consensus-97-per-cent/2014/nov/28/chinese-scientific-revolution-tackle-climate-change>

⁶⁵6 марта президент Обама подписал правительственное распоряжение (Executive Order) 13660, согласно которому вводились санкции против физических и юридических лиц, «...ответственных за нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины или незаконное присвоение собственности украинского народа». <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/06/executive-order-blocking-property-certain-persons-contributing-situation> обращение 08.01.15

⁶⁶http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions/index_en.htm обращение 08.01.15

безопасности Российской Федерации» 6 августа. Согласно указу, на один год запрещается либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию РФ отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, из страны, государство которой ввело санкции против России или присоединилось к ним. Правительство получило указание разработать список конкретных товаров, импорт которых запрещается, а также совместно с объединениями производителей и торговыми сетями определить меры по импортозамещению.

В российском импорте продовольственных товаров – помимо необходимых, от импорта которых трудно отказаться, – есть и те, импорт которых может быть сокращен даже с пользой для страны. Например, в январе –октябре 2014 г. на втором месте по стоимости импорта в Россию из стран дальнего зарубежья на втором месте после мяса (2985 млн. долл.) были алкогольные напитки – 2175 млн. долл.,⁶⁷ так что здесь запрет на импорт мог бы несильно повлиять на потребительский рынок. Тем не менее, в постановлении Правительства РФ от 7 августа 2014 г. №778 в перечень запрещенной к ввозу продукции попали все виды мяса, рыба, молоко и молочная продукция, овощи, фрукты, орехи, колбасы и продукты из мяса, сыры и творог, молокосодержащие продукты.

Для России наиболее крупным поставщиком была Европа. В качестве примера возьмем два товара, потребительские свойства которых ясны (эти товары не проходят переработку, как, например, мясо), а возможности замещения импорта различаются. Это сыр из цельного коровьего молока и яблоки. Данные об импорте сыра представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Импорт в Россию сыра из цельного коровьего молока, объемы и географическая структура в 2011 г.*

Страны- поставщики	тонн	%
Все поставщики	272175	100
В том числе: основные поставщики (свыше 10 тыс. т)	223878	82,3
В том числе:		
Украина	68531	25,2
Германия	62036	22,8
Литва	34051	12,5
Нидерланды	29299	10,8
Финляндия	18115	6,7
Польша	11846	4,4

Источник: составлено по базе данных

FAOSTAT<http://faostat.fao.org/site/342/default.aspx> обращение 15.12.14

*Последние данные в базе данных имеются за 2011 г.

⁶⁷ Сайт таможенного комитета

http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20259:-----2014--&catid=52:2011-01-24-16-28-57 обращение 15.12.14

По оценкам маркетологов, на импорт приходится около половины рынка сыра в России⁶⁸, и почти 60% импорта приходится на страны, которые подпадают под импортные ограничения. Для рынка сыра ограничения импорта оказались важным событием, но импортозамещение на этом рынке в первые месяцы запрета на импорт шло довольно быстрыми темпами. Например, в октябре производство сыров увеличилось на 17,1% в сравнении с прошлым годом⁶⁹. Это связано с тем, что мощности по производству сыра были не загружены на 40-45% из-за дефицита молока⁷⁰. Запрет на импорт привел к повышению рентабельности производства сыров, и молоко было перераспределено в производство сыров. Есть мгновенный положительный эффект, но он носит чисто конъюнктурный характер. Дальнейшее улучшение ситуации требует инвестиций в производство молока.

Данные об импорте яблок представлены в таблице 2. По данным статистической базы ФАО производство яблок в России в 2011 г. составило 1200000 т⁷¹, то есть импорт был примерно на 7,5% выше отечественного производства.

Таблица 2.

Импорт яблок в РФ в 2011 г., объем и географическая структура.

страна-экспортер	тонн	%
Все поставщики	1295961	100
В том числе: основные поставщики (импорт свыше 50 тыс. т)	885689	68,3
В том числе:		
Польша	288832	22,3
Молдавия	183523	14,2
Китай	138236	10,7
Сербия	93692	7,2
Италия	71411	5,5
Аргентина	59393	4,6
Чили	50602	3,9

Источник: составлено по базе данных

FAOSTAT <http://faostat.fao.org/site/342/default.aspx> обращение 15.12.14

География импорта довольно разнообразна. Здесь под ограничение импорта подпадает менее 1/3 поставок. Оказалось возможным изменить географию импорта. По словам министра сельского хозяйства Николая Федорова: «Мы пересмотрели круг стран-импортеров, которые являются альтернативными поставщиками сельхозпродукции. Прежде всего обратили внимание на Белоруссию и Казахстан. Затем - на присоединяющиеся к Таможенному союзу Армению и Киргизию. Дальше, что логично, - на другие страны СНГ, потом - Латинской Америки и Азии.

⁶⁸ См. «Анализ рынка сыров в России в 2009-2013 гг., прогноз на 2014-2018 гг.» marketing.rbc.ru/download/research/demofile обращение 08.01.15.

⁶⁹ «Эксперт», №48 24-30 ноября 2014, с. 102.

⁷⁰ Матвеева А., Краснова В., Литвинова Н. Планы есть, будут ли деньги? // «Эксперт», №47, 17-23 ноября 2014, с. 16.

⁷¹ <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx> обращение 08.01.15.

В итоге за четыре месяца мы, по сути, обеспечили в физических объемах замещение продукции, выпадавшей в силу вынужденных для России мер, связанных с так называемым продовольственным эмбарго. По ассортименту, может быть, не на все 100%, но в целом проблема нахождения альтернативных поставщиков из иностранных государств решена».⁷² Хотя эти слова министра относятся ко всем продовольственным товарам, они отражают ситуацию в импорте фруктов.

Нужно отметить, что в этом сегменте наблюдаются явные признаки искажения информации о стране происхождения товара. По словам главы Федеральной таможенной службы Андрея Бельянинова после введения Россией импортных ограничений в отношении стран Запада импорт яблок из Сербии увеличился в 4,5 раза, из Украины также в 4,5 раза.⁷³ После начала сельскохозяйственного сезона столь большие изменения торговых потоков не могут быть объяснены большим урожаем, поскольку по большинству видов сельскохозяйственной продукции производители примерно знают объемы потребления и ведут хозяйство в расчете на возможности рынка.

Импортозамещение в производстве фруктов и овощей закрытого грунта возможно, но в отличие от, например, зерновых и картофеля, здесь требуются значительные инвестиции, а результат будет получен лишь через несколько лет. В садоводстве и тепличном хозяйстве лишь уже реализующиеся проекты получили положительный стимул от ограничений импорта из западных стран. Годичный срок ограничений и дороговизна кредита, достигшая запретительных значений для инвестиций в реальный сектор к концу 2014 г., очень сильно ограничивают потенциал импортозамещения.

Вызванный запретом на импорт из стран Запада дефицит на большинстве рынков продовольственных товаров породил рост цен, который был подпитан изменением состава внешних партнеров, которые не упустили возможность повысить свои доходы. Затем после падения курса рубля рост внутренних цен на продовольствие приобрел характер устойчивой и мощной тенденции. Эта тенденция благоприятна для импортозамещения, но подешевевший рубль удорожает импорт оборудования, средств защиты растений, продуктивного семенного и посадочного материала и сельскохозяйственных животных. В этих условиях от государственной власти требуются четкая политическая позиция относительно мер поддержки отечественного производителя и конкретные меры такой поддержки.

Экономические санкции стран Запада против России касаются нескольких сторон экономической деятельности – от доступа к кредитным ресурсам и фондовому рынку до запрета на технологическое сотрудничество. Последний аспект представляется достаточно опасным, поскольку Россия в последние десятилетия утратила многие необходимые для полноценного технологического развития элементы отраслевой структуры. Среди них станкостроение (см. табл. 3) – отрасль, которая чрезвычайно важна для поддержания технологического уровня как многих видов готовой продукции, так и производства оборудования для широкого круга отраслей.

Производство металлорежущих станков в России с 1970 г. к 2011 г. сократилось более чем в 36 раз, производство станков с числовым программным управлением с 1990 г., периода максимального уровня производства, к 2011 г. – в 83,5 раза, кузнечно-прессовых машин с 1980 г. – в 17 раз. Третьеочередье в таблице, видимо, указывает на прекращение производства – в ежегоднике 2012 г., последнем,

⁷²<http://itar-tass.com/opinions/interviews/1646679> обращение 16.12.14

⁷³ «Эксперт», №40, 29 сентября – 5 октября 2014 г., с.4.

имеющемся в свободном доступе на сайте Госкомстата РФ, данных по этим показателям нет.

Таблица 3.

Производство основных видов станков в России.

	1970	1980	1990	2000	2010	2011
Металлорежущие станки, тыс. шт.	119	118	74,2	8,9	2,0	3,3
из них станки с числовым программным управлением, тыс. шт.	1,4	6,3	16,7	0,2	0,1	0,2
Кузнечно-прессовые машины (без машин с ручным и ножным приводом), тыс. шт.	30,4	43,1	27,3	1,2	2,2	2,5
из них кузнечно-прессовые машины с числовым программным управлением, шт.	...	117	370	5	...	...
Линии автоматические и полуавтоматические для машиностроения и металлообработки, комплектов	294	567	556	11	...	...

Источник: составлено по данным Российский статистический ежегодник 2003. Федеральная служба государственной статистики, М., 2004.«Российский статистический ежегодник 2012. Федеральная служба государственной статистики, М., 2013.

... - данные отсутствуют.

На территории России остались отдельные предприятия, производящие станки, но это либо массовая дешевая продукция, в частности, для деревообработки, либо отдельные производства в кооперации с иностранными фирмами. Построенные в последние годы машиностроительные заводы, в первую очередь, автостроительные, используют импортное оборудование. Предприятия всех подотраслей машиностроения в больших масштабах использовали импорт для модернизации оборудования.

Источником импорта в Россию современного оборудования были в основном европейские фирмы, которые уже многие годы удерживают прочные позиции на мировом рынке станков (табл. 4).

Очевидно, что Германия и Япония являются лидерами в мировом производстве станков. Италия и Тайвань также являются крупными экспортерами, но их экспорт в два раза меньше, чем у лидеров. Следующую группу, также с примерно двукратно меньшими объемами экспорта по сравнению с предыдущей группой, образуют Швейцария, КНР, Республика Корея и США. Страны этой группы, кроме Швейцарии, имеют сравнительно с большинством стран, представленных в таблице, небольшую долю экспорта в производстве станков, то есть более ориентированы на внутренний рынок.

Россия занимает очень скромные позиции как экспортер, но по импорту она на пятом месте в мире с объемом импорта, превышающем 1,5 млрд. долл., и долей импорта в потреблении станков 95%. Очевидно, что страны Запада имеют возможности воздействовать санкциями на импорт станков в Россию. Более того, инициатор санкций – США несут минимальные экономические издержки при запрете импорта станков в Россию, так как их экспорт станков невелик, тогда как европейские страны очевидно будут иметь потери.

Таблица 4.

Основные экспортеры станков в мире.

Ранг в списке экспортеров	экспортер	Экспорт в 2012 г., млн. долл.	Экспорт в 2013 г., млн. долл.	Доля экспорта в производстве в 2013 г., %
1	Германия	10474	10491	71
2	Япония	13138	8927	72
3	Италия	4424	4548	80
4	Тайвань	4236	3548	78
5	Швейцария	2851	2697	86
6	КНР	2740	2810	32
7	Республика Корея	2551	2216	42
8	США	2106	2178	44
9	Испания	1006	1112	91
10	Бельгия	912	952	294
11	Австрия	830	944	86
12	Великобритания	820	829	93
13	Чехия	733	704	100
14	Франция	686	609	89
15	Турция	429	471	66
18	Бразилия	211	234	56
23	Россия	105	117	56
26	Индия	38	39	6

Источник: составлено по The World Machine –Tool Output and Consumption Survey 2014. GardnerResearch www.gardnerweb.com/research

Среди государств, которые не поддерживают санкции, в основном страны Востока. Потенциальными поставщиками становятся Республика Корея, Тайвань, КНР, а также Индия, возможно, Турция. Высокая доля экспорта в производстве указывает на значительную специализацию производства в этой отрасли, так что выявление партнеров – задача для специалистов и потребителей станков. Тем не менее, можно определить некоторые основные направления сотрудничества России с потенциальными поставщиками станков в нашу страну.

КНР уже сейчас экспортирует широкий набор инструмента, оборудования и станков для массового российского потребителя. Как показано выше, Китай является крупным производителем станков. Он входит в тройку крупнейших производителей, хотя его место различается при использовании международных и китайских оценок масштабов производства.

В стране функционирует Ассоциация китайский производителей станков и инструмента (China Machine Tool & Tool Builders' Association), которая была основана в 1988 г., и в настоящее время объединяет 1500 участников, которые заняты в производстве широкого круга изделий – от металлорежущих, деревообрабатывающих станков и режущего инструмента до измерительных приборов, станков с числовым программным управлением и промышленных

роботов. Ассоциация имеет восемь комиссий для обсуждения специальных проблем отрасли и 25 объединений по подотраслям⁷⁴.

Вместе с тем, есть и определенные проблемы. Качество китайской продукции очень неоднородно. Невысокое качество изделий может быть связано как с недостаточно высоким уровнем подготовки персонала, так и с тем, что продукция является новой для самих производителей, и технологии производства не налажены. Вторая проблема – государственное регулирование китайской экономики. Не исключены запреты на экспорт некоторых видов оборудования. Третья проблема состоит в том, что крупные китайские производители, чья продукция может иметь необходимые характеристики, ориентированы на западные рынки. Для них санкции против России могут обернуться запретом доступа на эти рынки. Опасаясь такого развития событий, крупные китайские производители высокотехнологичного оборудования могут отказаться от сотрудничества с Россией.

Такого же рода проблемы могут возникнуть при налаживании сотрудничества с Республикой Корея. Эта страна поставляла России уникальное промышленное оборудование, сделанное по индивидуальным проектам, для нефтехимической промышленности, участвовала в проектах по развитию российской автомобильной промышленности. Вместе с тем, степень вовлеченности корейской промышленности в мировую экономику такова, что опасение санкций со стороны Запада может стать препятствием для налаживания связей. Такая же ситуация возникает в отношениях с Тайванем.

Вероятно, возможны определенные отношения с турецкими производителями станков, но тут ограничениями может быть отсутствие производства специализированного оборудования высокого класса, хотя в некоторых массовых сегментах сделанные в Турции станки оптимальны по соотношению цены и качества. Не исключены и уже отмеченные проблемы давления со стороны Запада.

Интересным партнером может стать Индия. Эта страна имеет незначительную долю экспорта в производстве, но масштабы производства в станкостроении здесь велики. Индия производит втрое больше станков, чем Россия по стоимости, и их производство по масштабам находится на уровне Франции. В Индии имеются машиностроительные производства, которые нуждаются в станочном парке высокого качества. Это оборонная, авиационно-космическая промышленность и ряд других отраслей. Уровень инженерного персонала в Индии довольно высок.

Индия имеет доступ на западные рынки в качестве покупателя оборудования, а ее собственный экспорт невысок, как это видно по данным таблицы 4. В этом смысле Индия менее зависима от угрозы санкций со стороны Запада, так как ее фирмы не выходят на рынки стран Европы и Северной Америки. В то же время возможность получить заказы из России может стать стимулом для сотрудничества с нашей страной.

Существует Индийская ассоциация производителей станков, которая может быть субъектом для переговоров на начальном этапе. В целом дружественная позиция политической элиты Индии по отношению к России и меньшая степень вмешательства государства в экономику, чем, например, в КНР, могут стать аргументами в выборе индийских партнеров российскими покупателями станков.

Технологический уровень индийского экспорта достаточно высок. В экспорте металлообрабатывающих и металлорежущих станков около 80% приходится на

⁷⁴ Сайт Ассоциация китайских производителей станков и инструмента
<http://www.cmtba.org.cn/shtml/20091225154630.shtml> обращение 16.12.14

станки с числовым программным управлением⁷⁵. Возможно налаживание совместного производства станков российскими и индийскими фирмами, выполнение индийскими партнерами конкретных заказов российских заказчиков, то есть производственная кооперация как на территории Индии, так и России.

Для российских предприятий налаживание импортозамещения и переориентация на западных поставщиков оборудования имеет чрезвычайно важное значение. По мнению зарубежных специалистов отечественное станкостроение может обеспечить лишь около 10% потребностей оборонной промышленности, реализующей программу модернизации вооружения российской армии⁷⁶. Как было отмечено на заседании Комитета по станкостроительной и инструментальной промышленности, состоявшегося в рамках научно-технической конференции на площадке Международной специализированной выставки «Технофорум-2014», опасная ситуация состоит в том, что новейшее оборудование, поставляемое на предприятия ОПК, практически на 100 процентов оснащено импортным твердосплавным инструментом. Перебои с его поставками неизбежно приведут к остановкам обрабатывающих производств и срывам заданий Гособоронзаказа⁷⁷.

Для решения проблем в реальном секторе, связанных с санкциями Запада, России предстоит проводить два типа экономической политики одновременно. Для потребительского сектора, особенно продовольственного, необходима рыночная политика, нацеленная на поддержание частной инициативы отечественных производителей. Государство может оказывать им помощь макроэкономическими средствами, поддержкой их усилий в поисках партнеров за рубежом, субсидированием кредитов. Для импортозамещения же в производстве средств производства, таких как станкостроение, робототехника, производство промышленного оборудования необходима государственная политика поддержки и поощрения развития этих отраслей вплоть до государственного предпринимательства и производства в этой области. Частный бизнес не в силах восстановить отрасль без гарантированных потребителей, внутри- и межотраслевой координации, защиты от международной конкуренции в период восстановления производства.

⁷⁵ Сайт Индийской ассоциации производителей станков <http://www.imtma.in/index.php?page=3&subid=29>.

⁷⁶ Cooper J. Sanctions Will Hurt Russia's Rearmament Plans // The Moscow Times, Aug. 12, 2014. <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/sanctions-will-hurt-russia-s-rearmament-plans/505006.html>. обращение 16.12.14

⁷⁷ Сайт союза машиностроителей России <http://www.soyuzmash.ru/activities/zasedanie-komiteta-po-stankostroitelnoy-i-instrumentalnoy-promyshlennosti-sostoyalos-v>.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.В. Братерский, Д.В. Суслов,

ПЕРЕХОД К КОНФРОНТАЦИИ (США – РФ)*

Несмотря на то, что российско-американские отношения занимают далеко не центральное место в общей повестке дня мировой политики, начавшаяся конфронтация является самым острым и самым важным за весь период после окончания «холодной войны» раундом борьбы за новый международный порядок. Она ознаменовала собой начало конца переходного этапа развития международной системы, начавшегося с окончанием «холодной войны».

За последние 25 лет главные участники международных отношений – великие державы – не пришли к консенсусу ни по одному из центральных категорий и компонентов международного порядка: признаваемому распределению сил в мире, правилам и нормам международного поведения и механизмам принятия важнейших решений. При этом между Россией и США это несогласие выражалось особенно явно. Именно Москва, начиная с середины 1990-х и особенно с 2000-х гг., находилось в авангарде несогласных с тем, какие правила Америка предлагала для себя и всех остальных, и с направлением, по которому Соединенные Штаты пыталась направить развитие международной системы.

Имеет ли Россия как один из независимых полюсов многополярного мира право на собственный интеграционный проект в Евразии и собственный порядок безопасности, и должен ли Запад это право уважать? Может ли международный порядок в Европе и Евро-Атлантике базироваться исключительно на западных институтах, которые расширяются вплоть до российских границ, а сама Россия оказывается в изоляции, или же его необходимо строить на качественно новых началах с полноправным и полномасштабным российским участием? В дополнение к этим центральным проблемам противоречия развивались и по другим вопросам: о присвоенном Соединенными Штатами монопольном праве объявлять одни государства суверенными и режимы легитимными, а другие нет, и свергать негодные им режимы тем или иным способом, в том числе в нарушение международного права; о необходимости установить систему коллективного регулирования международной безопасности с участием всех великих держав и уважением их интересов; об увязывании Соединенными Штатами своей политики в отношении России с характером ее внутриполитического режима. Эти вопросы лежали в основе всех главных кризисов российско-американских отношений последних двух десятилетий⁷⁸ и снова проявились в украинском кризисе 2014 г.

В период после 1991 г. Америка все более настойчиво пыталась обеспечить выполнение Россией правил, которые она стала навязывать всему миру после провозглашения своей «победы» в «холодной войне» и на которых основано ее

* Данная статья подготовлена при поддержке гранта НИУ-ВШЭ НУГ 14-05-0042 "Анализ влияния структурных проблем отношений США с Россией, Китаем, Индией и Бразилией на развитие глобального управления"

⁷⁸ Кризис 1999г. из-за войны НАТО против Югославии, частью которого был марш-бросок российских десантников в Приштину и захват ими аэропорта «Слатина» до прихода наземного контингента НАТО, и российско-грузинская война августа 2008 г. Каждый раз Россия и США оказывались на грани конфронтации и даже военного столкновения.

представление о своем глобальном лидерстве. В соответствии с ними, обеспечение международной безопасности, мира и сотрудничества требует поддержания мирового порядка в форме американоцентричной либеральной системы, в которой только сами Соединенные Штаты являются его гарантом, и только они сами ради продвижения национальных интересов, которые часто камуфлируются в соображения более высокого, гуманитарного порядка, имеют право нарушать международное право и суверенитет государств, применять военную силу и устраивать или поддерживать госперевороты. В таком порядке только американское видение является универсальным, а ценности – «общечеловеческими».

Россия же, как и другие незападные центры силы, видит в этом не порядок, а беспорядок, самих же США все в большей степени рассматривает как угрозу международному порядку, а не как его гаранта. Соответственно, она стремится добиться уважения Соединенными Штатами правил, базирующихся на многополярности и предполагающих уважение интересов друг друга, невмешательство во внутренние дела, политико-дипломатический паритет в двусторонних отношениях и коллективное принятие решений по вопросам войны и мира.

Отличительная особенность нынешнего этапа американо-российских отношений, во многом выстроенного вокруг украинского кризиса, состоит в том, что степень взаимного несогласия и глубина нарушения сторонами тех правил, которые оппоненты считают незыблемыми, достигло своего апогея. Каждая из сторон совершила действия, исключающие возможность быстрой деэскалации и нового улучшения отношений. США поддержали и частично организовали государственный переворот в стране, которую Россия считает жизненно важной для своей безопасности, идентичности и развития, и затем активно пытаются окончательно превратить ее в антироссийское государство. Россия же нарушила территориальную целостность крупнейшей европейской страны и поддержала, пускай и не прямо, вооруженное восстание на ее территории. Произошло самое драматичное за эти переходные 25 лет усиление международного беспорядка, поставившее мир перед дилеммой: или сползание в хаос, или выработка устойчивых и разделяемых ведущими центрами силы правил взаимодействия.

От кризисов к конфронтации. После драматических столкновений 1999 и 2008 гг. России и США удавалось относительно быстро выходить из кризиса и переходить к новым попыткам выстраивания партнерских отношений. Украинский кризис положил конец периоду, когда Москва и Вашингтон были друг для друга пусть непростыми, но партнёрами. Как отметил авторитетный американский ученый Р. Легвольд, начался новый этап отношений двух стран, когда прежняя неопределенность российско-американских отношений отсутствует, и стороны выступают друг по отношению к другу однозначными противниками.⁷⁹

Охарактеризовать этот этап можно как «системная ограниченная конфронтация»⁸⁰. Стороны стремятся ослабить позиции друг друга там, где они пересекаются в наибольшей степени (прежде всего на постсоветском пространстве и в Европе), минимизируют сотрудничество по вопросам совпадающих интересов, но при этом не переходят к полномасштабной военно-политической конфронтации, не

⁷⁹ Robert Legvold. Managing the New Cold War. // Foreign Affairs, July/August 2014, Pp. 74-84.

⁸⁰ Часто используемый термин «новая холодная война» не представляется наиболее корректным, так как влечет за собой те черты прошлой «холодной войны», которые в нынешних обстоятельствах исключены.

проводят комплексную перестройку внешней и оборонной политики в соответствии с логикой конфронтации.

Инициатором новой конфронтации выступили Соединенные Штаты. Они ввели в отношении РФ санкции, которые не были в силах изменить ее политику в нужном для Вашингтона направлении, но были способны ухудшить ее экономическое положение; свернули сотрудничество с РФ по большинству направлений, включая по таким общим вызовам, как международный терроризм; активизировали политико-дипломатическое сдерживание РФ в Европе и на постсоветском пространстве; начали реанимировать планы более чем двадцатилетней давности по обеспечению обороны стран-членов от «российской агрессии»;⁸¹ стали оказывать давление на своих союзников в Европе и Азии по введению в отношении России все новых санкций, снижению потребления российских энергоносителей и минимизации сотрудничества с ней в целом; предприняли ряд шагов по символическому наращиванию военного присутствия в чувствительных для России Балтийском и Черноморском регионах.

В то же время Вашингтон не ставит вопрос о вступлении Украины в НАТО, не оказывает ей серьезную военную или экономическую поддержку, не производит масштабного наращивания американского контингента в Европе, не отказывается от общей стратегии «перебалансировки» в сторону АТР и не пересматривает оборонную стратегию в целом. По сути, в отношении России проводится политика «конфронтации за полцены».

С самого начала украинского кризиса, то есть с ноября 2013 г., было видно, что США видели проблему не столько в том, что Россия *делает*, но и в том, *что она собой представляет*. Началась откровенная демонизация российского президента, которого лично обвиняют во всем, что происходит в Украине, начиная с «аннексии» Крыма и заканчивая трагедией малазийского «Боинга». Показательной является редакционная статья The Washington Post от 21 июля 2014 г. «Западу нужна стратегия сдерживания нового государства - «изгоя» - России», призывающая «относиться к «путинской России» в соответствии с тем, чем она стала – опасным незаконным режимом, который необходимо сдерживать».

Причины конфронтации. Причиной конфронтационной политики США стали не только и не столько действия России в отношении Украины. Скорее, Вашингтон руководствовался целой совокупностью факторов, на основании которых были сделаны три вывода. Первый – что неправильное и опасное с их точки зрения поведение России перешло все допустимые границы. Второй – что первопричина болезненных для США черт внешней политики России, создающих угрозу наследию их «победы» в «холодной войне», заключается в характере российского внутриполитического режима, и прежде всего в факторе лично президента Путина. И третий – что смена правящего режима в России является достижимой в среднесрочной перспективе целью. Ключевая характеристика нынешнего этапа американско-российских отношений - полное и открытое неприятие т.н. «путинской России».

«Путинская Россия» стала ярким символом неправильного, с точки зрения США, развития государств и международных отношений в мире, возникшем после «победы» США в «холодной войне». В мире, в котором должны царить демократия в американском понимании как гарантия «правильного» внешнеполитического поведения государств и свободный рынок, структурированный вокруг институтов,

⁸¹ См. US Military Dusts off Decades-Old “Readiness” Plans for Russia. // ABC News, July 25, 2014.

норм и правил, определяемых американским капиталом, а гарантией сохранения этого порядка должно быть американское глобальное лидерство. «Неправильное» развитие России напрямую связывается в представлении США с фигурой российского лидера. Именно он, по их мнению, еще в начале 2000-х свернул Россию с «демократического» пути развития и переориентировал ее внешнюю политику с интеграции в западное сообщество на воссоздание «сферы влияния» на постсоветском пространстве и закрепление в качестве независимого (от США) центра силы многополярного мира.

Затем была «перезагрузка» отношений двух стран при Обаме, одной из главных предпосылок которой было президентство Дмитрия Медведева, на которое в Вашингтоне возлагали большие надежды. Там полагали, что Медведев пойдет на второй срок, дистанцируется от Путина и вернет Россию к «правильному» пути развития. Известие же о том, что Владимир Путин возвращается на президентский пост, вызвало у администрации Обамы большое разочарование. Оно росло по мере развития его предвыборной кампании, в которой важную роль играл антиамериканизм, и особенно после его возвращения в Кремль.

Именно Владимир Путин, по мнению большинства американских наблюдателей, виноват в разрушении «перезагрузки» отношений РФ-США, закончившейся «мини-кризисом» конца 2012 г. вокруг законов Магницкого и «Димы Яковлева». Уже тогда – за год до украинского кризиса – в США стали воспринимать более решительные действия Москвы на постсоветском пространстве именно как восстановление империи. В 2013 г. администрация Обамы попыталась выстроить невраждебные отношения с «путинской Россией», предложив ей начать переговоры о новом раунде сокращения ядерного оружия и уступку по ПРО. Однако и эта попытка провалилась. Россия заявила, что уступка по ПРО недостаточна, и увязала переговоры о новых сокращениях ядерного оружия с такими условиями, которые были для США заведомо неприемлемыми. Это убедило администрацию США в бесперспективности дальнейших попыток наладить конструктивные отношения с «путинской Россией». На фоне усиливавшегося тогда же клинча по Сирии и отказа Москвы выдать Вашингтону Эдварда Сноудена Россия перестала восприниматься как партнер, сотрудничество с которым желательно для продвижения американских интересов. Напротив, она стала восприниматься как проблема и вызов. Именно тогда – впервые в истории российско-американских отношений – США отменили визит Б. Обамы в Москву и двусторонний саммит президентов двух стран.

При анализе видения Москвы из Вашингтона важно учитывать три обстоятельства. Во-первых, российский внутри- и внешнеполитический «ревизионизм» воспринимался в США особенно болезненно на фоне собственных провалов 2000-х и 2010-х гг., Россия всякий раз была одной из первых, кто использовал американские провалы для требований принятия таких правил игры, которые исключали бы американское глобальное лидерство. США же, сталкивавшиеся с неспособностью достичь желаемого в Ираке, Афганистане, на Ближнем Востоке в целом, в АТР и Латинской Америке, отчаянно нуждались в том, чтобы добиться согласия по крайней мере от страны, которую они «победили» в «холодной войне».

Во-вторых, в США превалирует убеждение в том, что режим Владимира Путина на самом деле слаб, а Россия в целом (в отличие от Китая) является мнимой «великой державой». Мнение же о том, что Россия не заслуживает того статуса, на который претендует (давнее и разделяемое обеими партиями), основывается на структуре российской экономики и ее зависимости от мировых цен на нефть. Тем более, что в последнее время в экономике РФ усиливаются элементы стагнации.

В-третьих, в США имелось четкое понимание, что они не зависят от России ни политически, ни экономически, и в них нет влиятельных групп влияния, заинтересованных в конструктивных отношениях. Иными словами, конфронтация с РФ (в отличие от Китая), не обернулась бы для Вашингтона серьезными издержками.

На этом фоне отказ правительства Януковича от ассоциации с ЕС в преддверии Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» был воспринят в США как «последняя капля». Вашингтон перешел к решительным действиям, смысл которых состоял не только в том, чтобы предотвратить «поглощение» Россией Украины, но и в том, чтобы «проучить» Москву. Задачей-максимум виделось использовать новый кризис для формирования ситуации, которая в конце концов может привести к падению правящего режима в России. США стали открыто добиваться падения Януковича, оказывая на него жесткое давление и во всем поддерживая оппозиционеров «евромайдана» и боевиков Правого сектора, и одновременно начали выражать откровенную неприязнь к Москве, начав грязную информационную кампанию против Олимпиады в Сочи и бойкотировав ее на уровне политического руководства.

Когда же в Киеве в нарушение соглашения от 21 февраля 2014 г. той же ночью произошел госпереворот, Вашингтон немедленно начал добиваться консолидации и институционализации его итогов, закрепляя Украину прочно в орбите своего влияния. Все российские призывы вернуться к документу от 21 февраля и сформировать в Украине правительство, которое представляло бы все регионы страны, включая Донбасс и Крым, и проводило бы приемлемую для всех слоев населения политику, были проигнорированы. В дальнейшем Вашингтон оказал полную поддержку как военных действий Киева в Донецкой и Луганской областях, приведших к гуманитарной катастрофе, так и его решению отвергать все предлагавшиеся международным сообществом меры по деэскалации и политическому урегулированию конфликта.

Россия отреагировала присоединением Крыма и поддержкой протеста русскоязычного населения украинского Юго-Востока, переросшего в гражданскую войну. Здесь, как представляется, преследовались две цели.

Во-первых, не допустить превращения Украины в сугубо антироссийское государство, добиться формирования такого ее государственного устройства, которое давало бы разным регионам возможность влиять на внутреннюю и внешнюю политику Киева и, в частности, блокировать те их направления, которые представляются их жителям опасными. Например, вступления в НАТО или разрыва отношений с РФ.

Во-вторых, дать США понять, что их действия по нарушению жизненно важных интересов России и отстаиваемых ей правил международного поведения перешли критическую черту. Россия попыталась призвать Вашингтон к серьезному диалогу о правилах игры, поставила его перед выбором: или согласование нового международного порядка в Европе и Евразии, или хаос и эскалация конфронтации.

В американской интерпретации действия России бросали вызов одному из столпов, на котором зиждутся американские представления об их глобальном лидерстве: наследию их «победы» в «холодной войне». Оно предполагает независимую от Москвы и включенную в западную орбиту Украину, плюралистическое постсоветское пространство в целом и, конечно же, демократическую и «постимперскую» Россию, не пытающуюся воссоздать «империю». Также действия России бросали вызов тому, что, по мнению США, могут и не могут позволить себе «региональные державы» (к коим в Вашингтоне относят

всех великих держав, кроме самих себя) в мире, возникшем после их «победы» в «холодной войне». Это сделало конфронтацию и сдерживание единственно возможным политическим курсом США в отношении России на ближайшие годы.

Причину действий России Соединённые Штаты видят в характере власти в России, объясняют шаги России по Крыму и Донбассу попытками «авторитарного режима» компенсировать собственную слабость и экономическую стагнацию агрессивной политикой «собираения земель» и воссоздания «империи», одновременно очерняя решение украинцев сбросить коррумпированный и «авторитарный» режим Януковича, создать демократию и сделать решающий выбор в пользу Европы и Запада.

Пока не ясно, насколько значительные ресурсы США намерены вкладывать в политику «смены режима» в России, и насколько реально осуществимой эта цель рассматривается в среднесрочной перспективе. Но очевидно, что после присоединения Крыма и оказания поддержки ополченцам на востоке Украины степень неприятия в США «путинской России» достигла таких масштабов, которые исключают возможность нового улучшения отношений до тех пор, пока в России будет сохраняться нынешний политический режим. Американская политика будет развиваться в диапазоне между «игнорированием» России в глобальном масштабе при жестком противодействии ей на пространстве бывшего СССР и в Европе, и более жестким политико-дипломатическим сдерживанием РФ в глобальном масштабе при продолжении экономического давления и изматывания.

Перспективы конфронтации. Прекращение гражданской войны на Украине и разрешение кризиса в этой стране в целом, безусловно, приведет к некоей деэскалации напряженности в российско-американских отношениях, но не станет прологом к их новому улучшению. Политическая атмосфера в США не будет располагать к тому, чтобы кто-либо из влиятельных политических сил выступил за партнерские отношения с Россией или даже за их нормализацию. Гипотетический же добровольный отказ России от борьбы за будущий облик и внешнюю политику Украины будет воспринят в США как проявление ее слабости и сигнал, что в политике «смены режима» нужно переходить в наступление. В этом случае очень быстро (особенно если в 2016 г. президентом США будет избран республиканец) будет вновь поставлен вопрос о вступлении Украины в НАТО, что вызовет новый всплеск российско-западной конфронтации и позволит Вашингтону снова усиливать политический и экономический нажим на Москву.

Остающиеся два года администрации Обамы будут для России в части отношений с США в лучшем случае «мертвым сезоном». В худшем – периодом нарастания конфронтации. На президентских выборах 2016 г. «путинская Россия» будет позиционироваться как однозначный противник. Республиканцы будут использовать фактор новой конфронтации для обвинения демократов в наивности и утверждать, что они-то изначально говорили, что из «перезагрузки» ничего не получится. Демократы же будут перекладывать всю вину за провал «перезагрузки» и новую конфронтацию на Москву, – утверждать, что причиной тому стало возвращение Владимира Путина на президентский пост и то, какую политику он стал затем проводить внутри страны и вовне.

С российской стороны попытки наладить партнерские отношения с США в скором времени так же предвидятся с трудом.

Во-первых, маловероятно, чтобы Россия так просто отказалась от дальнейшей борьбы против консолидации Украины как антироссийского государства

и согласилась с фактическим восстановлением у своих границ «санитарного кордона».

Во-вторых, для России базовая причина конфронтации также уходит дальше и глубже Украины и упирается в фундаментальное несогласие по базовым правилам, которые должны определять отношения великих держав, включая ее самое, с США как слабеющим гегемоном. При этом в российском руководстве, видимо, понимают, что лучшего момента для решающей схватки за эти правила в ближайшее время не появится.

Даже если произойдет нечто неожиданное (например – острейший кризис в Восточной Азии или на Ближнем Востоке), что затмит российско-американскую конфронтацию и сделает их сотрудничество желательным и для них самих и для международной системы в целом, новое партнерство Москвы и Вашингтона будет ограниченным и быстротечным. Без разрешения базовых причин российско-американской конфронтации, то есть без принятия обеими сторонами одних и тех же правил игры на постсоветском пространстве, в Европе и в мире в целом, это партнерство обрушится и сменится новым этапом конфронтации достаточно быстро.

А.В. Авилова

ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ: ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КЛИМАТА В ЕВРОПЕ

Очередные выборы в Европейский парламент, состоявшиеся 22 – 25 мая 2014 г., стали отражением заметного сдвига в общественных настроениях. Во многих странах усилились национальный и региональный эгоизм, ксенофобия, антииммигрантские и экстремистские выпады. На итоги голосования, в котором участвовало 380 млн. человек в 28 странах ЕС, повлияла, прежде всего, затянувшаяся экономическая рецессия: близкие к нулю темпы роста ВВП, массовая безработица (27 млн. человек), растущий дисбаланс между странами севера и юга Европы. Для части избирателей выборы обрели значение плебисцита – за или против объединенной Европы, единой валюты, общего экономического курса ЕС и зоны евро.

Преобладающая часть мандатов досталась, как и прежде, трем политическим силам – консерваторам, социал-демократам и либералам, но рядом с ними в новом составе парламента сложилось крупное, политически разношерстное евроскептическое, а частью и еврофобское меньшинство, в котором заметно укрепились крайние фланги (см. таблицу). Характерно, что радикально настроенные избиратели более благополучного Севера отдали предпочтение правым настроениям, идущим вразрез с декларируемым ЕС принципом «сплочения», тогда как на Юге возобладал левый радикализм, протестующий против навязанного Брюсселем неолиберального курса и призывающий строить «другую Европу».

Неучастие в выборах большого числа имеющих право голоса, по-видимому, также можно считать отражением евроскептических настроений. Общественное внимание к Европарламенту снизилось: если в 1979 г. в выборах принимало участие 62% общего числа избирателей, то теперь только 43,1% (в кризисном 2009 г. – 43%). В этом, несомненно, сказалась слабая электоральная активность в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Самый низкий процент участия имел место в Чехии, Словакии (менее 20%), Словении, Польше, Венгрии, Латвии, Хорватии (от 20

до 30%). В ведущих странах активность избирателей была выше: в ФРГ – 47,9%, во Франции – 43,5%, в Великобритании – 36%, в Италии – 60%.

Таблица 1

СОСТАВ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА, 2009 И 2014 ГГ.

Парламентские группы	Число полученных мандатов	Число полученных мандатов	Прирост/сокращение числа мандатов
	2009	2014	
ЕНП	221	274	-53
С&Д	191	196	-5
ЕКР	70	57	+13
АЛДЕ	67	83	-16
ЕОЛ/ЛЭС	52	35	+17
ЗЕЛЕНЫЕ-ЕСА	50	57	-7
ЕСД	48	31	+17
Независимые	52	33	+19
Общее число мандатов	766	751	-15

Источник: European Parliament

ЕНП – Европейская народная партия (консерваторы и христианские демократы)

С&Д – Прогрессивный альянс социалистов и демократов (социал-демократы и социалисты)

ЕКР - Европейские консерваторы и реформисты

АЛДЕ – Альянс либералов и демократов за Европу (либералы)

ЕОЛ/ЛЭС – Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера (левые социалисты и коммунисты)

ЗЕЛЕНЫЕ-ЕСА – Европейский свободный альянс (экологи и регионалисты)

ЕСД – Европа за свободу и демократию (евроскептики)

Независимые – националисты и национал-демократы вне парламентских групп

Настоящий шок вызвала победа еврофобов во Франции, Великобритании и Дании, где они оказались лидерами по числу полученных мандатов. Крайне правый французский Национальный фронт во главе с М. Ле Пен набрал 24,7% голосов, увеличив свой электорат в четыре раза по сравнению с 2009 г. и победив в подавляющем большинстве избирательных округов. Он вел кампанию за выход Франции из зоны евро и против притока в страну иммигрантов, призывая к «защите суверенитета» и социальных интересов коренного населения. Британская Партия независимости (в национальном парламенте она почти не представлена) набрала 27% голосов: ее лидер Н.Фэредж, ультралиберал и приверженец федерализма, требует «освободиться от ЕС» и разделяет антииммигрантские взгляды. За ужесточение иммиграционной политики выступала и консервативная Народная партия Дании во главе с харизматичным лидером П.Кьерсгор, получившая 26,2% голосов.

Подобные настроения во многих странах переплелись с националистическими. В Австрии, Бельгии, Нидерландах заметно продвинулись правые националисты. В парламент прошли и неонацисты – от Венгрии (партия «Йоббик») и Греции («Золотая заря»). В Италии националистически окрашенная популистская волна разделилась на два течения – антисистемное Движение Пять Звезд (21,2% голосов) и сепаратистскую Лигу Севера (6,2%).

В ряде стран (Испания, Бельгия, Румыния, Венгрия, Ирландия) результаты голосования нанесли чувствительный удар по правящим и главным оппозиционным партиям, подорвав их общественный престиж и вызвав отставки с ведущих постов. В Италии, напротив, большого успеха (40,8% голосов) добилась правящая «Демократическая партия» во главе с М.Ренци, сумевшим объединить призыв «изменить Европу» с активным проведением структурных реформ, получивших одобрение ЕС⁸². Стремясь усилить давление на Брюссель, этой партии отдали голоса и те избиратели, которые не поддерживали бы ее на национальных выборах. Теперь итальянцы образуют в Страсбурге самую многочисленную группу в составе парламентской фракции Прогрессивный альянс социалистов и демократов, а по числу полученных мандатов уступают только Народной партии А.Меркель.

На волне национализма возросла активность региональных сепаратистских движений, которые добиваются от своих правительств согласия на проведение референдумов по вопросам самоопределения и независимости. Характерно, что это имеет место, как правило, в наиболее развитых районах, уже пользующихся широкими правами экономической, политической и культурной автономии. В условиях кризиса претензии населения этих районов на более высокое качество жизни вступают в противоречие с ресурсными ограничениями и осложнениями в сфере социальной политики. В ЕС растет напряженность между разными уровнями управления – региональным, национальным и наднациональным, побуждая местные элиты к поиску новых путей развития⁸³.

В Шотландии – области, на которую приходится около 8% общей численности населения и ВВП Великобритании, референдум о независимости, проведенный 18 сентября 2014 г., едва не увенчался победой сепаратистов. В нем участвовало 85% избирателей, из которых 45% высказалось за создание отдельного государства. В Каталонии, экономически самой развитой области Испании (20% национального ВВП), сторонники самоопределения попытались организовать аналогичный референдум (9 ноября). Подавляющее большинство его участников – 81% – голосовало за независимость, но опрос смог охватить лишь 37% местного населения. В отличие от шотландского референдума, который проводился с согласия Лондона, каталонская акция была незаконной, поскольку испанская конституция исключает возможность территориального разделения страны (предоставляя в то же время широкие права автономии всем 17 историческим областям). Характерно, что выборы в Европарламент были использованы организаторами каталонского опроса как средство давления на европейскую общественность и на Мадрид: численность мобилизованного местного электората выросла, по сравнению с 2009 г., на 45%⁸⁴.

Электронный опрос был проведен с 16 по 21 марта и в одной из северных областей Италии – Венето, где было собрано 60% голосов за автономию. С идеей отделения от Италии ее северной, экономически ведущей части выступала с 1990-х гг. Лига Севера, призывавшая создать государство «Падания» (от *padana* – долина реки По). В настоящее время, однако, эта партия переходит на федералистские позиции, идейно сближаясь с французским Национальным фронтом⁸⁵.

⁸² Как отметила газета «Монд», М.Ренци был одним из немногих, кто вел «проевропейскую» избирательную кампанию и вышел из нее победителем. – Ridet Ph. En Italie, la surprise M.Renzi. // Le Monde, 27.05.2014.

⁸³ См. об этом: Садовая Е., Сауткина В. Социальные дисбалансы. / Глобальная перестройка. М., 2014. С.250-256; Вайнштейн Г., Загладин Н., Рябов А. Демократия перед вызовами меняющегося мира. / Там же, с. 209-216.

⁸⁴ ABC (Madrid), 25.05.2014.

⁸⁵ Oneto G. Morta e' l'Italia, non la Padania. // Limes (Roma), 2014, N 11. P. 59-64.

Одним из наиболее значимых результатов выборов 2014 г. стало увеличение представительства левых сил в новом составе Европарламента. На их стороне выступал, главным образом, электорат проблемных стран Юга: от этих стран в парламент прошло около 30% нового состава фракции Прогрессивный альянс социалистов и демократов и почти половина депутатов, стоящих левее этой фракции.

Поддержавшая их общественность призывает вернуться к исходным началам европейской социальной политики, опирающейся на идею «сплочения» (выравнивания уровней благосостояния стран-членов ЕС), и отказаться от прямолинейного толкования принципа единой для всех бюджетной дисциплины. Неолиберальный экономический курс, жестко проводимый в ЕС и Еврозоне во имя «стабильности», резко ограничил в последние годы свободу действий проблемных стран Южной Европы, пытающихся вернуться на траекторию роста через стимулирование внутреннего инвестиционного и потребительского спроса. Без экономического роста получается не стабильность, а иммобилизм, подчеркнул М.Ренци в своем программном выступлении по случаю перехода к Италии функции председательства в ЕС. «Нынешняя Европа должна измениться... Недостаточно иметь общую валюту, надо разделять идею общей судьбы и общих ценностей», - резюмировала его речь газета итальянских деловых кругов «Иль Соле 24 Оре»⁸⁶. С той же позиции выступала в дни выборов и консервативная испанская газета «АВС»: «Значительная часть европейского общества отвергает политику, навязанную Брюсселем., (но) это отказ не от идеалов европеизма, а от той формы, в которой строится Европа»⁸⁷.

В контексте мировых экономических процессов преодоление кризиса системы ценностей, переживаемого ЕС, выглядит как трудный, но необходимый этап дальнейшего развития европейской интеграции. «Глобальная экономика неизбежно влечет за собой противостояние региональных колоссов. Если бы Европы (ЕС – Авт.) не существовало, сегодня ее следовало бы изобрести, чтобы обеспечить (возможность) конкурентной борьбы в защиту европейской культуры, общества и модели экономического развития. Отдельное национальное государство, будь оно любых размеров, слишком невелико. Только объединившись, можно справиться с трудностями. Рынок и единая валюта – два инструмента, необходимых для выживания в условиях глобального вызова... Надо не отталкивать Европу, а исправлять ее ошибки», - писала в день выборов газета «Иль Соле 24 Оре» в статье, озаглавленной «В поисках утраченной идентичности»⁸⁸.

Актуальность призыва к пересмотру экономического курса ЕС стала очевидной с приходом к власти в Греции леворадикального правительства А.Ципраса⁸⁹ и началом проведения Европейским центральным банком политики количественного смягчения (выкупа накопившихся долговых обязательств для преодоления экономической стагнации в Еврозоне)⁹⁰. Оба события – знаковые и повышают градус неопределенности в европейском обществе. Греция с ее громадным государственным долгом (175% ВВП) и нежеланием дальше выполнять условия получения международной финансовой помощи создает для ЕС ситуацию,

⁸⁶ Pesole D. Flessibilit  UE, piano in mille giorni. //Il Sole 24 Ore, 25.06.2014.

⁸⁷ Portero Nieto F., Portero F. Elecciones europeas. // ABC (Madrid), 27.05.2014.

⁸⁸ Cerretelli A. Alla ricerca dell'identit  perduta. Il Sole 24 Ore, 25.05.2014.

⁸⁹ См.: Квашнин Ю. Победа левых радикалов на парламентских выборах в Греции – http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1493&ret=640&printmode

⁹⁰ См.: Подколзина И. ЕЦБ переходит к политике количественного смягчения. – http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1489&ret=640&printmode

последствия которой непредсказуемы. Новый курс ЕЦБ, принятый вопреки сопротивлению страны-лидера, Германии, под давлением Франции и всего южного фланга, сопряжен с риском не удержать инфляцию в желаемых пределах, что может усилить центробежные тенденции в ЕС. Его руководству предстоит в сжатые сроки проводить коррекцию антикризисной политики, учитывая изменившийся общественный климат и необходимость укрепления доверия к европейским институтам.

А.С. Прозоровский

ШЕСТАЯ ВСТРЕЧА ЛИДЕРОВ СТРАН БРИКС

15-16 июля прошлого года в г. Форталезе (Бразилия) прошел шестой саммит БРИКС – объединения пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. За время с момента основания объединения мировая общественность уже успела привыкнуть к новой аббревиатуре, равно как и к саммитам, которые проходят поочередно в странах-членах. После того, как первый саммит (еще в формате БРИК – без ЮАР) состоялся в июне 2009 г. в Екатеринбурге, саммиты проводились ежегодно: в апреле 2010 г. в Бразилии (г. Бразилиа), в апреле 2011 г. в Китае (г. Санья), в марте 2012 г. в Индии (г. Нью-Дели), в марте 2013 г. в ЮАР (г. Дурбан) И вот теперь снова Бразилия.

До поры до времени данное объединение воспринималось в значительной мере как «виртуальное». Действительно, идея объединить наиболее весомые во всех отношениях страны развивающегося мира под единой «шапкой» пришла в голову Джиму О`Нилу – главному экономисту банка Goldman Sachs – в ходе составления отчета по развитию трендов в мировой экономике. Звучное название было подхвачено и растиражировано в СМИ, однако, вряд ли журналисты в должной мере представляли себе, насколько серьезное содержание будет скрываться за этим названием.

Государства БРИКС обладают значительными и важными для мировой экономики ресурсами и способны оказывать серьезное влияние на глобальный и региональные рынки. Но главная задача БРИКС заключается не в увеличении объемов взаимной торговли или добыче ресурсов, а в стремлении создать в условиях глобализации прочный блок стран, способных отстаивать свои интересы перед странами Центра. А для этого важным условием является финансовая независимость. За годы сотрудничества была проделана немалая работа, подписан ряд документов, направленных на развитие и укрепление финансовых взаимоотношений и создание соответствующих институтов. В 2010 г. состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве между Внешэкономбанком, Банком развития Китая, Национальным банком социально-экономического развития Бразилии и Экспортно-импортным банком Индии. В 2011 г. было принято рамочное соглашение о финансовом сотрудничестве в рамках межбанковского механизма БРИКС, В 2012 г. достигнуто соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах. В 2013 г. заключены соглашения о софинансировании сотрудничества в сфере «зеленой экономики» и т.д.

Все это не осталось незамеченным в западных странах. Однако на первых порах сотрудничество развивалось не быстро и давало повод скорее для пессимистических прогнозов. Наблюдающееся в последнее время замедление экономического роста в странах БРИКС породило на Западе новые сомнения

относительно жизнеспособности блока и перспектив его дальнейшего развития. Тем неожиданной оказался ход, сделанный в Форталезе. Речь идет о подписании Соглашения по созданию Нового банка развития (НБР). Главной целью НБР должна стать «мобилизация ресурсов для финансирования инфраструктурных проектов и проектов в области устойчивого развития в странах БРИКС и других странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах»⁹¹. Объявленный капитал НБР составит 100 млрд. долл., а начальный подписной капитал – 50 млрд. долл. Нижний предел участия стран БРИКС в капитале банка установлен в размере 55%, что позволит им контролировать деятельность НБР.

Кроме того в пункте 13 «Форталезской Декларации» говорится о создании Пула условных валютных резервов БРИКС, первоначальный размер которого составит 100 млрд. долл. Играя роль страхового механизма, этот Пул, поможет странам БРИКС избежать краткосрочных проблем с ликвидностью, будет способствовать углублению сотрудничества и укреплению глобальной системы финансовой безопасности.

Фактически речь идет о создании новых международных финансовых институтов, идентичных по своим функциям Мировому Банку и Международному валютному фонду, но вместе с тем до определенной степени альтернативных им. Неудивительно, что в западной прессе, о данных пунктах «Форталезской Декларации», было заявлено, что в новых финансовых институтах БРИКС «нет большой необходимости», а создание этих институтов – «ненужная трата времени и сил». Создание финансовых структур, альтернативных Всемирному банку и МВФ было оценено как проявление «обида» и «политический жест» со стороны стран БРИКС, которые «хотят иметь больше полномочий в глобальной финансовой системе»⁹².

Последнее отчасти верно. МВФ тормозит проведение объявленных в 2010 г. реформ, которые предполагали увеличение степени участия развивающихся стран в этой организации. Кроме того, МВФ – кредитор с достаточно жесткими условиями. Известно, что предоставление займов со стороны МВФ обуславливается требованиями, ослабляющими страны-получатели и выгодными для западных компаний, которые приходят вслед за кредиторами на новые для себя рынки. Участники саммита отметили в «Декларации», что такое положение дел, равно как и явное нежелание менять что-либо в своей работе, негативно сказывается на репутации, эффективности и легитимности МВФ. Так что создание НБР и Нового Валютного резервного фонда – это не «обида» или «жест», а нежелание крупных региональных держав играть по чужим правилам, (которые, порой, по ходу еще и внезапно меняются). Это создание собственной, более справедливой в отношении незападных стран, финансовой площадки.

Сегодня на страны БРИКС приходится 11 процентов накопленных капиталовложений и почти 20 процентов мировой торговли. Товарооборот между участникам объединения удвоился за последние пять лет. А по отчетам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) к 2020 г. ВВП Бразилии, России, Индии и Китая может достигнуть 1/3 общемирового объема. Сотрудничество и совместные проекты разворачиваются в самых разных областях. Со стороны России был представлен проект стратегии многостороннего экономического сотрудничества БРИКС, а также «Дорожная карта инвестиционного сотрудничества», конкретизирующая положения стратегии. Среди предложенных

⁹¹ Agreement on the New Development Bank / VI BRICS Summit. P 1-2.

<http://brics6.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSNDB.doc>

⁹² <http://serfilatov.livejournal.com/1854471.html>

проектов В.В. Путин на первый план выдвинул учреждение Энергетической ассоциации БРИКС. «Под её «крышей» можно было бы создать Резервный банк топлива и Институт энергетической политики БРИКС. Эти шаги позволили бы укрепить энергобезопасность наших стран, поговорить о создании новых инструментов, новых институтов по торговле энергетическими ресурсами», – сказал президент России⁹³.

Кроме того, он предложил усилить взаимодействие стран БРИКС в горнодобывающей и перерабатывающей отраслях, а также организовать Центр подготовки специалистов для металлургических отраслей стран БРИКС. Это, по словам В.В. Путина, позволит реализовать преимущества государств-партнеров, обладающих уникальной минерально-сырьевой базой в размере от 30 до 60 процентов мировых запасов. Прозвучало и предложение по совместному использованию российской глобальной навигационной системы ГЛОНАСС в различных отраслях экономики.

Также на саммите банки развития стран БРИКС заключили соглашение о сотрудничестве в области инноваций. Оно предполагает различные формы финансовой поддержки инновационных проектов, в том числе, софинансирование инициатив, реализация которых представляет непосредственный интерес для двух или более стран БРИКС⁹⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе последнего саммита БРИКС было начато создание автономной международной валютно-финансовой структуры и заложены основы координации макроэкономической политики между странами-участникам объединения. Сформированы финансовые механизмы поддержки инвестиционных проектов, а также высказаны конкретные предложения по дальнейшему развитию торговли и сотрудничества между крупнейшими развивающимися экономиками мира.

Следующий саммит состоится 9–10 июля 2015 г. в Уфе под председательством России.

Е.А. Канаяев

САММИТ АТЭС В ПЕКИНЕ

В ноябре 2014 г. Пекин принимал саммит АТЭС. Этому событию международное политическое сообщество ожидало с большим нетерпением. Прежде всего потому, что пекинская сессия лидеров АТЭС была юбилейной – 25-й по счету – и уже в силу этой причины ее результаты не могли быть «проходными». Во-вторых, потому, что могла проясниться судьба Транстихоокеанского партнерства (ТТП). США заявили о необходимости завершить переговоры о формировании ТТП ко времени ноябрьского турне Б.Обамы в Тихоокеанскую Азию⁹⁵. В свою очередь, Китай никогда не скрывал своего настороженного отношения к ТТП, хотя в последние полтора года его подход к ТТП несколько изменился – во многом по

⁹³ <http://события.президент.рф/выступления/46229>

⁹⁴ <http://www.riss.ru/analitika/3411-osnovnye-itogi-vi-sammita-briks#.VP8CYWdO670>

⁹⁵ Obama pushes for TPP deal by November. Japan Times. 21.06.2014. //

<http://www.japantimes.co.jp/news/2014/06/21/business/economy-business/obama-pushes-for-tpa-deal-by-november/#.VOBkvOidFc0>

причине нескончаемых пробуксовок этого проекта. Наконец, по причине ожидаемого контраста между двумя сессиями АТЭС, которые Китай проводил на своей территории. Первой был саммит АТЭС в Шанхае в 2001 г., а второй – пекинский саммит. Но если в 2001 г. Китай видел себя в качестве не более, чем крупного регионального игрока, то за прошедшие тринадцать лет его стремление заявить о своих глобальных амбициях стало очевидным.

Решения пекинского саммита АТЭС должны были дать ответ и на вопрос, в какую сторону пойдет эволюция самого Форума, какую тему он будет двигать как основное направление сотрудничества входящих в него экономик, тем самым выйдя из затяжного внутреннего кризиса.

Основное проявление кризиса выражается в нарастании противоречий между приоритетами его развитых и развивающихся участников. Первые традиционно стремились ускорить темпы либерализации условий торгово-инвестиционного сотрудничества, хотя в ряде случаев их интересам соответствует сохранение протекционистских барьеров, примером чего служит политика Японии по защите своего сельскохозяйственного сектора. Вторые нацелены преимущественно на интенсификацию технологических обменов, а на либерализацию торговли – лишь в тех секторах, где у них есть конкурентные преимущества. Пример тому служит стремление Вьетнама продвигать фритредерскую повестку в сфере торговли текстильной продукцией, готовой одеждой и обувью.

Еще одним проявлением кризиса АТЭС можно считать его неспособность адаптироваться к новым условиям. Это впервые проявилось во время азиатского финансового и экономического кризиса 1997-1998 гг., когда АТЭС не смог предложить своим участникам действенных мер преодоления экономических трудностей. То же самое произошло во время глобального финансового и экономического кризиса 2008-2009 гг., когда АТЭС объявил о готовности транслировать решения Большой индустриальной двадцатки на Азиатско-Тихоокеанский регион, но, не обладая необходимым инструментарием для решения этой задачи, не смог добиться ощутимых результатов. В последние годы АТЭС вынужден адаптироваться к развитию проекта Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП) и Восточноазиатского сообщества, продвигаемого в рамках Восточноазиатского саммита (ВАС) и АСЕАН+3 соответственно.

Наконец, отметим кризис идентичности экономик АТЭС. За два десятилетия деятельности Форума его участники не предприняли попыток идентифицировать себя в качестве единого формата сотрудничества, способного отстаивать общие интересы своих участников. Этому с самого начала деятельности АТЭС препятствовал принцип открытого регионализма⁹⁶, что не мешало АТЭС в начале 1990-х гг., когда глобализация воспринималась исключительно позитивно и Форум позиционировал себя лишь в качестве площадки, где происходит согласование различных аспектов экономической политики его участников. Однако в настоящее время на фоне нарастания конкуренции в региональных и глобальных экономических процессах этого недостаточно.

⁹⁶ Принцип открытого регионализма гласит, что сотрудничество между участниками соглашений о свободной торговле (ССТ) не должно носить дискриминационного характера по отношению к третьим экономикам. В частности, при устранении торговых барьеров внутри экономик-участниц ССТ каждая из них может заключать аналогичные соглашения и проводить отдельные аналогичные мероприятия с третьими партнерами.

Отмеченные выше факторы подтолкнули АТЭС к тому, чтобы выработать консолидирующую повестку сотрудничества. В результате возникло два направления – формирование Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) и «наращивание взаимосвязей» (*connectivity*).

Тема АТЗСТ разрабатывается экономистами АТЭС с середины 2000-х годов. Проект нацелен на интеграцию двусторонних и субрегиональных соглашений о свободной торговле в единую «общеатэсовскую» ЗСТ. Однако на практике это вряд ли осуществимо.

Основная причина – рассогласование условий сотрудничества в соглашениях о свободной торговле, уже заключенных экономистами АТЭС: различны сроки проведения либерализации торговых режимов, товарная номенклатура и процент позиций, на которые предполагается распространить снижение тарифов, и множество иных моментов.

Вторая причина, тесно связанная с первой, заключается в том, что формирование АТЗСТ предполагает изменение стиля работы АТЭС. Создание унифицированных параметров торгово-инвестиционного взаимодействия предполагает обязательный, а не рекомендательный характер выполнения принимаемых решений. Однако это не отвечает приоритетам многих экономик Форума. Например, на обязательной основе едва ли готовы сотрудничать Канада, Австралия и Новая Зеландия из-за различных условий торговли говядиной и молочной продукцией. Значительны разногласия между США и Австралией относительно условий торговли сахаром; между США и Канадой и США и Перу по вопросам, связанным с защитой интеллектуальной собственности; между США и Малайзией относительно торговли молочной продукцией, защиты интеллектуальной собственности, охраны труда и соблюдения фитосанитарных норм. Унификация сотрудничества в рамках АТЗСТ предполагает серьезные уступки, к чему экономисты АТЭС отнюдь не стремятся. Соответственно, в их интересах – сохранить добровольный характер принятых на себя обязательств, что объективно подрывает возможности формирования АТЗСТ.

Наращивание взаимосвязей предполагает не столько ускоренную либерализацию торговых и инвестиционных режимов, сколько формирование более развитой и диверсифицированной основы для экономического сотрудничества в целом. В АТЭС тема «наращивания взаимосвязей» стала разрабатываться в 2009 г., когда был принят Рамочный план действий АТЭС по наращиванию взаимосвязей в производственно-сбытовых цепочках, однако полноценное развитие она получила во время индонезийского и китайского председательства в 2013 г.

На саммите АТЭС в Индонезии были приняты два программных документа: Рамочное соглашение о наращивании взаимосвязей и Долгосрочный план по развитию инфраструктуры и инвестированию на 2013-2016 гг. Первый из этих документов определяет общие направления сотрудничества, которыми стали физическая взаимосвязанность (развитие инфраструктуры), институциональная (оптимизация нормативной базы для экономических обменов) и человеческие контакты (*people-to-people contacts*). Второй документ уточняет параметры и формы финансирования объектов инфраструктуры, делая акцент на важности подключения к проектам частного сектора. Конкретные направления включают создание «дружественной среды» для инвестиций в инфраструктуру, в которой неопределенности и риски сведены к минимуму, и сделан акцент на прозрачности и предсказуемости, развитии совместных механизмов планирования, определении приоритетных проектов, выработке системы стимулирования инвесторов с целью привлечения «длинных денег». Принято решение о создании пилотного Центра и

Консультативной экспертной группы АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, предназначение которых – аналитическая поддержка инфраструктурного строительства посредством механизмов ГЧП и оценка полученных результатов.

Тематику наращивания взаимосвязей в АТЭС развил Китай в год своего председательства. Приоритет отдан рассмотрению возможностей активизации обменов услугами в таких сферах, как транспорт и логистика, телекоммуникации, банковское сопровождение торговых сделок. На переговорах в г. Циндао, прошедших в мае 2014 г., участники АТЭС обсуждали параметры Дорожной карты наращивания взаимосвязей в АТЭС (*Blueprint on APEC Connectivity*). Были проведены мероприятия в рамках реализации Долгосрочного плана по развитию инфраструктуры и инвестированию. С таким багажом экономики АТЭС подошли к проведению пекинского саммита. Рассмотрим его результаты с точки зрения развития темы АТЗСТ и наращивания взаимосвязей.

По линии АТЗСТ экономики АТЭС приняли Пекинскую дорожную карту по содействию продвижению Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли⁹⁷. При анализе этого документа обращают на себя внимание следующие моменты.

Во-первых, Дорожная карта определяет, что «Реализация Богорских целей к 2020 году будет оставаться главным императивом деятельности АТЭС, и что АТЗСТ будет не подменять Богорские цели, а станет важной движущей силой для ускорения торгово-инвестиционной либерализации». На практике это означает, что экономики АТЭС взяли на себя обязательство сформировать АТЗСТ раньше достижения Богорских целей, т.е. до 2020 г.

Во-вторых, реализация проекта АТЗСТ будет осуществляться на принципе добровольности. АТЭС взял на себя обязательство лишь поощрять одностороннюю либерализацию, генерировать идеи для развития АТЗСТ и обеспечивать руководство по ее созданию. Заключительный доклад и рекомендации по формированию АТЗСТ должны быть выработаны на основе консенсуса. Все это дает основания ожидать, что практическая реализация необходимых мероприятий затянется на неопределенный срок.

В-третьих, Дорожная карта указывает, что «мостами» к созданию АТЗСТ могут стать ТТП и РВЭП. Однако реализация каждой из этих инициатив затруднено целым комплексом технических, политических и иных факторов. Попытка выстроить работающую схему на основе интеграции ТТП и РВЭП обречена на провал из-за конкуренции этих проектов. Такой сценарий тем более вероятен, что движение к увязке региональных инициатив с формированием АТЗСТ предполагается осуществлять на основе консенсуса.

При анализе Дорожной карты АТЭС по наращиванию взаимосвязей⁹⁸ напрашиваются противоположные выводы.

Во-первых, «дедлайном» достижения физической, институциональной и человеческой взаимосвязанности стал 2025 год. Это само по себе свидетельствует о серьезности подхода экономик АТЭС к этому направлению сотрудничества, давая даже наименее расторопным из них достаточно времени и свободы маневра.

Во-вторых, экономики АТЭС планируют уделить самое пристальное внимание укреплению механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Было

⁹⁷ Annex A - The Beijing Roadmap for APEC's Contribution to the Realization of the FTAAP. // http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx

⁹⁸ Annex D - APEC Connectivity Blueprint for 2015-2025. // http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexd.aspx

заявлено о необходимости создавать на основе уже имеющегося опыта центры по развитию ГЧП. Экономике АТЭС «приветствовали принятие Дорожной карты по созданию эффективной модели ГЧП для реализации инфраструктурных проектов и Повестки дня по поощрению инвестиций в инфраструктуру на основе ГЧП». Такой подход расширяет предпосылки реализации крупных проектов, прежде всего – в области инфраструктурного строительства.

В-третьих, экономика АТЭС планирует укреплять человеческие контакты не только на уровне квалифицированной рабочей силы – в сфере науки, образования и культуры, но и на уровне общения между простыми людьми. В Дорожной карте отмечено, что туризм является важной составляющей экономического роста участников АТЭС, следовательно – необходимо упрощение формальностей при пересечении границ. Это запускает «фактор дополнительного мультипликатора» в наращивании будущих экономических обменов.

Другие инициативы АТЭС, принятые во время китайского председательства, концентрируются вокруг наращивания взаимосвязей в значительно большей степени, чем вокруг АТЭС. Из таких инициатив выделим, прежде всего, укрепление продовольственной безопасности. Мероприятия, прописанные в Пекинской Декларации по укреплению продовольственной безопасности (*Beijing Declaration on APEC Food Security*), Плана действий АТЭС по сокращению потерь и убытков в продовольственной сфере (*APEC Action Plan for Reducing Food Loss and Waste*), Дорожной карте АТЭС по укреплению продовольственной безопасности (*APEC Food Security Roadmap toward 2020*) и других документах, нацелены на интеграцию поставщиков и потребителей сельхозпродукции в единые производственно-сбытовые цепочки, что является частью региональной взаимосвязанности.

При анализе итогов пекинского саммита АТЭС нельзя обойти стороной некоторые новые нюансы китайской политики.

На совещании лидеров деловых сообществ экономик АТЭС Си Цзиньпин озвучил идею т.н. «Азиатско-тихоокеанской мечты». Ее основу составил тезис, что сотрудничество с Китаем, на фоне укрепления его позиций как регионального геоэкономического центра, становится все более выгодным для деловых кругов экономик АТЭС⁹⁹. Такой «мессидж» региону Китай направил параллельно с практическими шагами, из которых наиболее важными стали создание Инфраструктурного фонда шелкового пути (с капитализацией 56,1 млрд. долларов) и Азиатского банка инвестиций в инфраструктуру (с капитализацией 100 млрд. долларов). Суть обоих проектов – укрепление финансовой и инфраструктурной привязки Азии к Китаю.

Эти шаги Китая важно рассматривать в контексте событий, произошедших в мае и августе 2014 года. В мае, выступая на шанхайской сессии Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, китайский лидер призвал к формированию общей, всеобъемлющей устойчивой безопасности на основе сотрудничества (*common, comprehensive, cooperative and sustainable security*)¹⁰⁰. В августе на 21-й сессии Регионального форума АСЕАН в Мьянме глава МИД КНР призвал к пересмотру сложившейся парадигмы обеспечения региональной безопасности на основе большей, нежели раньше, консолидации усилий азиатских участников АРФ, которые должны руководствоваться духом «сообщества азиатских стран с единой

⁹⁹ After 'Chinese dream', Xi Jinping outlines vision for 'Asia-Pacific dream' at Apec meet. South China Morning Post. 9 November 2014. // <http://www.scmp.com/news/china/article/1635715/after-chinese-dream-xi-jinping-offers-china-driven-asia-pacific-dream?page=all>

¹⁰⁰ CICA members vow common, comprehensive, cooperative security. CCTV.com. 22.05.2014. // <http://english.cntv.cn/2014/05/22/VIDE1400740204420816.shtml>

судьбой»¹⁰¹. Это свидетельствует о стремлении Китая противопоставить два вектора многостороннего сотрудничества. С одной стороны – АСЕАНоцентричные форматы, большинство участников которых составляют азиатские страны. С точки зрения Пекина, деятельность этих форматов несет консолидирующий элемент сотрудничества, представляя собой «выгоду для всех». С другой – американские альянсы, критикуемые Китаем как способные принести выгоду лишь отдельным странам, а следовательно, являющиеся не столько фактором сохранения геостратегической стабильности АТР, сколько «миной замедленного действия», подрывающей эту стабильность.

В целом, основные итоги саммита АТЭС в Пекине подталкивают к выводу, что Китай снизил перспективу реализации АТЗСТ и одновременно предпринял меры по финансовой и инфраструктурной «привязке» АТР себе, развивая тему наращивания региональной взаимосвязанности. Это, как минимум, не противоречит российским интересам с учетом нацеленности этой взаимосвязи на развитие дальневосточных территорий. Многие мероприятия, осуществляемые Министерством РФ по развитию Дальнего Востока, имеют немало общего с наращиванием взаимосвязей в АТЭС, что расширяет возможности России координировать перспективные планы с Китаем и другими партнерами по Форуму.

¹⁰¹ Wang Yi: *safeguarding regional peace and development by practicing the Asian security concept*. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11.08.2014. // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1181758.shtml

КРИЗИС НА УКРАИНЕ

И.Н. Куклина

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Киевский майдан, воссоединение Крыма с Россией и весь клубок последующих событий на Украине и вокруг нее разрушили хрупкий «статус-кво» на постсоветском пространстве. Эти события приобрели глобальное значение, превратив Украину в поле открытого столкновения интересов России — как доминирующей силы в регионе — и Запада, «мягкое» политическое вторжение которого на постсоветскую территорию в восприятии большинства политиков и политологов уже угрожает миру новой холодной войной.

Активизация и характер российской политики на украинском направлении вызвали не только резкую реакцию США, ЕС и всего евроатлантического сообщества, но и потребовали «самоопределения» бывших советских республик (как и других, «третьих», заинтересованных сторон) по отношению к украинскому кризису. Мартовская резолюция ГА ООН (A/REZ/68/262) по вопросу о территориальной целостности Украины не признала легитимным референдум в Крыму и осудила действия России, обозначив границы «первично-реактивного» раскола мирового сообщества по данной проблеме. Против нее проголосовало всего 11 государств, в том числе лишь два члена СНГ, не считая России.¹⁰² Впервые с момента распада СССР происходящее на его бывшей территории стало объектом столь целенаправленного и недружелюбного внимания на глобальном уровне, указывая при этом и на повышение градуса настороженности в восприятии политики России в регионе. В этой связи вопрос о влиянии украинского кризиса на политическую конфигурацию и трансформацию постсоветского пространства представляется весьма актуальным. Оговоримся при этом, что детальный анализ внешних факторов, провоцировавших развитие и углубление кризисной ситуации в Украине, остается за рамками данной статьи.

Очевидно, что СНГ как продукт распада Союза с самого начала не представлял собой единой семьи дружных народов. Свидетельством этого являются «замороженные» на десятилетия конфликты, неэффективность СНГ как межгосударственного объединения, неоднозначное отношение его членов к интеграционным инициативам РФ, наконец, война «08.08.08» и множество других факторов, обусловленных общим дефицитом внешней и внутренней безопасности. Однако украинский кризис создал на постсоветском пространстве особую ситуацию. Фактически он одновременно актуализировал для каждого из новых государств на бывшей территории Союза две угрозы: внутривнутриполитическую и внешнюю. Первая из них требовала усиления внимания к обеспечению внутренней безопасности в целях предотвращения использования майданных технологий борьбы за власть. Последствия киевского майдана в той или иной мере обещают проявиться (и уже проявляются) в укреплении авторитарных тенденций в развитии политических режимов в СНГ.

¹⁰² Можно отметить, что итоги голосования по данной резолюции несравнимы с наихудшими итогами голосования по «афганским» резолюциям ГА ООН в период Афганской войны

Вторая, внешняя, угроза толкала страны СНГ к «примерке на себя» модели превращения Крыма в субъекта РФ. Тем самым, украинский кризис обозначил некий разлом постсоветского пространства по линии «Россия — национальные государства». Он поставил последних перед императивами коррекции политического курса, связанной с опасениями продолжения территориального передела постсоветского пространства в условиях углубляющейся конфронтации России и Запада. В той или иной степени политический шок, вызванный украинским кризисом, коснулся всех государств, возникших на территории распавшегося Союза.

Поиски выхода из этого шока в стремлении оптимизировать свою политику в новых условиях в конечном итоге вывели на поверхность главные болевые точки в развитии региона, связанные с переформатированием угроз и вызовов в сфере безопасности. Пошаговое рассмотрение процесса кристаллизации позиций стран СНГ в этом плане могло бы служить весьма показательной иллюстрацией как простоты, так и сложности межгосударственных отношений между ними, обусловленных особым положением России на постсоветском пространстве и уровнем противоречивости переплетения интересов бывших республик. Однако, учитывая рамки публикации, ограничимся лишь лапидарным анализом общей результативности этого процесса.

Очевидным последствием украинского кризиса, хотя, возможно, и не самым важным, является дрейф СНГ как международной межправительственной организации, объединяющей постсоветское пространство, к окончательному развалу. Кризис в Украине наглядно показал, что СНГ неспособно решать базовые задачи, обозначенные в Статьях 5 и 7 договора об образовании СНГ, а именно (буквально) признание и уважение территориальной целостности и неприкосновенности границ его членов, формирование и развитие общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, а также таможенной политики. Глобальные и внутривнутриполитические реалии подтолкнули Кремль к нарушению обязующих условий договора и обусловили формирование характера, направленности и выбор инструментария трансформации постсоветского пространства.

Разумеется, само по себе отмирание СНГ не является политической трагедией. С самого начала было очевидным, что становление новой — после распада Союза — государственности в бывших республиках неизбежно приведет к диверсификации интересов на просторах азиатского и европейского «крыльев» постсоветского пространства. Однако выпадение Украины из этого пространства в значительной мере ограничило возможности его трансформации под контролем России. Она была поставлена перед необходимостью принятия реактивных решений по сохранению своего влияния в ближнем зарубежье в невыгодных для нее условиях нарастания остроты как внешнеполитических, так и экономических проблем.

В экономической сфере России удалось форсировать выделение на постсоветском пространстве евразийского интеграционного ядра как некоей «альтернативы» или «противовеса» восточной политике ЕС и европейским устремлениям Украины. К концу года договор об образовании ЕАЭС поэтапно подписали пять членов СНГ. По настоянию Казахстана, он был тщательно выверен на предмет исключения из текста любых формулировок, которые могли быть истолкованы как положения, носящие политический характер. При этом общность интересов членов ЕАЭС была демонстративно подкреплена Россией на военно-политическом уровне. Свидетельством этого явился декабрьский саммит ОДКБ, членами которой являются те же члены ЕАЭС плюс Таджикистан.

Экономические последствия украинского кризиса неизбежно повлекут за собой определенные изменения общей системы экономических и политических связей на постсоветском пространстве. Ориентация постсоветских государств на «евразийскую» или «европейскую» модель экономического развития вряд ли может быть отделена от характера восприятия проблем безопасности правящими режимами. В полной мере это касается и государств-членов ЕАЭС. Показательным в этом плане является заявление Н. Назарбаева о безусловной приоритетности интересов обеспечения независимости страны в сравнении с ее членством в ЕАЭС.

Необходимо отметить, что санкционная война, развернувшаяся между Россией и Западом, в принципе не только не препятствует развитию связей бывших республик с ЕАЭС, но и расширяет возможности маневрирования в торгово-экономических отношениях на любом направлении. Так, безнадежно тупиковая ситуация в реализации российской «газовой политики» в Украине открывает для Туркменистана и Азербайджана новые перспективы в продвижении «трубопроводных» проектов энергоснабжения ЕС и т. п. В то же время реорганизация постсоветского пространства на основе евразийской интеграции разворачивается в условиях, когда российская экономика несет масштабные потери от украинского кризиса, в стране нарастает финансово-экономическая нестабильность, углубляется негативное воздействие разрыва финансово-экономических связей с Западом на темпы ее роста и качество развития. В совокупности все эти факторы могут осложнить и без того не вполне ясные перспективы использования модернизационного потенциала ЕАЭС. Однако российский капитал вполне способен в известной мере компенсировать негативное влияние санкционной войны за счет инвестирования в экономику СНГ. Таким образом, последствия украинского кризиса, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, не исключают, возможностей, формирования условий, способствующих повышению тонуса экономического развития на постсоветском пространстве. Но реализация этих возможностей, разумеется, потребует от России целенаправленных усилий.

Что касается общей картины политического структурирования постсоветского пространства, связанного с последствиями украинского кризиса, то главным фактором, определяющим ее особенности, явилась ревизия бывшими республиками возможностей обеспечения собственной безопасности, т. е. степени и характера дистанцирования от украинского костра нестабильности и, соответственно, отношения к политике России на этом направлении. В принципе постсоветские государства по этому критерию можно разделить на три группы, каждая из которых весьма неоднородна.

В первую группу входят члены ОДКБ. Двое из них — Казахстан и Белоруссия, безусловно, являются главными партнерами России на постсоветском пространстве. На общем фоне переплетения политических предпочтений вокруг украинского кризиса главы этих государств на пробном этапе попыток его урегулирования выделяются выбором роли миротворцев-посредников, способных контактировать со всеми заинтересованными сторонами ради достижения мира. Выступая в этой роли, Н. Назарбаев, патриарх постсоветских лидеров, успешно использовал ситуацию для укрепления своего политического авторитета в СНГ и на международной арене. Что касается А. Лукашенко, то белорусский президент, сделав Минск столицей начальных переговоров по ситуации на юго-востоке Украины, поддался непозволительной для политика эйфории и слишком откровенно демонстрировал

небескорыстную двойственность своих позиций в связи с открывшимся для него «окном возможностей».¹⁰³

К главным партнерам РФ в первой группе примыкают Армения и Киргизия, обремененные собственными проблемами обеспечения безопасности и вынужденные формировать внешнеполитический курс с оглядкой на Россию. Оценивая ситуацию вокруг Крыма, президент Армении С. Саргсян не увидел коллизии в международном праве, проистекающей из утверждения принципов неприкосновенности территориальной целостности и права народов на самоопределение. При этом Армения проголосовала против упомянутой выше резолюции ООН, т. е. вместе с Россией. Позднее, во время визита в Ватикан в сентябре 2014 г., С. Саргсян заявил, что его страна придерживается принципа невмешательства в украинском кризисе. Руководство же Киргизии, не без раздумий и в конечном итоге беспристрастно оценила итоги референдума в Крыму как объективную реальность и не проявила особого внимания к событиям на юго-востоке Украины. Что касается Таджикистана, то, по понятным причинам, украинский кризис не требовал от него особых проявлений политической активности по причине географической удаленности.

Ко второй группе относятся страны, не связанные с Россией формальными узами экономической и военно-политической интеграции, а именно Туркменистан, «непостоянный» член ОДКБ Узбекистан и Азербайджан. Все они, по разным причинам и с разной степенью открытости, но достаточно твердо дистанцировались от проблем, связанных с развитием украинского кризиса. Экономически относительно благополучный Туркменистан демонстрировал непричастность к происходящему жестким соблюдением режима дипломатического молчания и максимальным ограничением распространения информации о кризисе на своей территории. Более деликатную, нейтрально-миротворческую, позицию занимает Узбекистан, который, в связи с референдумом в Крыму ограничился, без какого-либо упоминания России, заявлениями МИД с призывами воздержаться от решения проблем насильственным путем и с уважением относиться к территориальной целостности и суверенитету Украины в рамках международного права и стандартов ООН. Позднее президент Узбекистана И. Каримов первым среди лидеров СНГ высказался в пользу прямых мирных переговоров между В. Путиным и А. Порошенко.¹⁰⁴

К этой же группе можно отнести Азербайджан, который не мог не проголосовать за упомянутую выше резолюцию ГА ООН, иначе это означало бы кардинальное изменение его позиций по проблеме Нагорного Карабаха. В то же время президент Азербайджана И. Алиев в целом сумел сохранить сложившийся баланс в отношениях с Россией. Он не позволил себе каких-либо резких оценок ее политики в связи с украинским кризисом. Он остался на прежних позициях и в достаточно сложных отношениях с США и ЕС.

Наконец, третью группу представляют бывшие республики, мечтающие вырваться из постсоветского пространства. При этом особое место в их отношениях с Россией занимают проблемы территориального характера. Грузия и Украина отнюдь не отказываются от надежд вернуть потерянные для них Южную Осетию, Абхазию и Крым, а Молдова — разрешить замороженный конфликт за счет «воссоединения» с непокорным Приднестровьем. С учетом карабахского

¹⁰³ К. Затулин, директор Института проблем СНГ и депутат ГД трех созывов, охарактеризовал политику А. Лукашенко в обходе санкций как «деревенские хитрости» (см. www.zatulin.ru).

¹⁰⁴ Не лишне заметить, что в результате визита В. Путина в Ташкент в 2014 г. президенту Узбекистана И. Каримову удалось удачно «реструктурировать» государственный долг России объемом \$865 млн.

конфликта, где ситуация «ни мира, ни войны» постепенно размывается, Южный Кавказ и украинско-молдавский Юг СНГ образуют сейчас наиболее опасную, перенасыщенную конфликтным потенциалом зону, чреватую возникновением новых волн дестабилизации постсоветского пространства.

Трудно прогнозировать, где и когда может прогреметь очередной взрыв, связанный с отголосками украинского кризиса. Уже к концу года он рикошетом привел к фактической блокаде Приднестровья. Ясно, что Россия не может игнорировать гуманитарные и политические последствия дальнейшего ухудшения ситуации в «молдавском углу» СНГ. Пока же, по крайней мере в 2014 г., украинский кризис не помешал Грузии и Молдове избегать излишнего обострения отношений с Россией, обусловленного расстановкой внутривнутриполитических сил и соображениями экономического характера.

В целом конгломерат бывших республик в результате украинского кризиса в значительной мере потерял в обозримой перспективе возможности развития в благоприятной обстановке взаимодействия и взаимодополнения евразийской и европейской интеграции. Что касается России, то для нее особое значение приобретает появление на постсоветском пространстве невидимых границ, очерчивающих сферу влияния ее «главных врагов» — США и НАТО. Украинский кризис обозначил новый этап ослабления объединительного потенциала СНГ, похоронив при этом фетиш «славянского единства».

Бывшие республики практически в полном составе продемонстрировали также, что они не готовы к односторонней ориентации на Россию, опасаясь потери возможностей использования преимуществ глобализации в интересах собственного развития. Сохранение прочности территориально разорванных структур в области безопасности и экономического сотрудничества (ОДКБ, ЕАЭС) потребует от России определенных усилий в проведении гибкого политического курса по отношению к партнерам. В случае вероятной трансформации украинского кризиса в затяжной конфликт и/или непредсказуемого оживления замороженных конфликтов, она должна быть готова к новым ресурсным и имиджевым потерям.

Украинский кризис оказал негативное влияние не только на межгосударственные отношения, но и на общественную атмосферу в рамках постсоветского пространства. Помимо очевидных экономических трудностей, затронувших все социальные слаты в Украине и России, он вырыл социокультурную пропасть между Украиной и Россией, способствовал усилению ксенофобии, национализма и экстремизма.

Важнейшую роль в углублении этой пропасти сыграло развязывание жесточайшей информационной войны. Едва ли не главным адресатом информационной войны явилось население России и Украины. При этом ее базовым элементом по существу стала банальная поддержка «своего» национализма под флагом патриотизма, замешанного на отождествлении интересов государственных элит с интересами государства и общества и отход от конституционных принципов приоритета интересов личности и прав человека.

Поражающая способность информационного оружия в украинском кризисе теснейшим образом связывает советское прошлое с постсоветским настоящим. Этот фактор стимулирует формирование новых разделительных линий в идеологической и политической сферах, демонстрируя вероятность угрозы реинкарнации фашизма и нацизма. Общие итоги информационной войны ждут детального изучения и осмысления. Вне сомнения, ее последствия будут иметь долговременный характер и окажут многостороннее влияние на межгосударственные отношения на постсоветском пространстве.

Единственным позитивным плодом украинского кризиса для России к концу 2014 г. явилось, если критерием оценки считать преобладающие настроения в российском обществе, воссоединение с Крымом. Военно-стратегическое значение этого события также вполне очевидно. Что касается определения конечных целей политики Москвы на юго-востоке Украины, то найти формулу, определяющую ее место в общей стратегии России, весьма затруднительно. Не исключено, что продолжение войны в Донбассе все в большей мере ставит Россию в положение «круговой обороны».

К концу 2014 г. появились признаки (хотя и весьма слабые) того, что переход в затяжную фазу войны на юго-востоке Украины может быть заторможен за счет переговоров в том или ином формате. Следует, однако, отметить, что «замирение», по всей видимости, не вполне отвечает интересам США и нынешних вождей Украины, поскольку лишает ее весьма выгодного имиджа жертвы агрессии. Для России же затяжная война в Донбассе означает угрозу превращения ее в заложника гражданской войны в Украине. Что касается трансформации постсоветского пространства под влиянием украинского кризиса, то она требует определенного пересмотра внешней политики России в целях погашения его конфликтогенного потенциала, укрепления ее позиций в глобальном мире и обеспечения благоприятных условий внутреннего развития.

Н.П. Скороходова

ВЕХИ УКРАИНСКИХ СОБЫТИЙ

Украина – не просто соседнее с Российской Федерацией государство, это единое с Россией геополитическое, геокультурное, геоэкономическое пространство, формировавшееся на протяжении многих столетий. После дезинтеграции Советского Союза российско-украинские отношения выстраивались на принципах, зафиксированных Договором о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, подписанным в мае 1997 года. В целом такой характер отношений сохранялся до 2005 года. Ситуация стала очень заметно меняться после «оранжевой революции», когда Украина с приходом к власти В.А.Ющенко начала всё больше ориентироваться в своей международной и экономической политике на Запад. Происходит постепенное уменьшение доли России во внешнеторговом обороте Украины. Этот период был отмечен также «газовыми войнами» между российским «Газпромом» и украинским «Нафтогазом» по поводу условий поставок газа на Украину и его транзита европейским потребителям. В результате Россия вынуждена была начать разработку альтернативного маршрута поставок газа в Европу в обход территории Украины (в настоящее время на смену «Южному потоку» пришёл «Турецкий поток»).

Несмотря на возникавшие при В.А.Ющенко трения между Киевом и Москвой, Россия оставалась главным торговым партнером и основным инвестором Украины. В декабре 2014 года в послании Федеральному Собранию президент России В.В.Путин напомнил, что российские банки инвестировали в общей сложности в украинскую экономику 25 млрд. долларов. В конце 2013 года в соответствии с договорённостями, достигнутыми В.В. Путиным и В.Ф. Януковичем, Россия предоставила Украине кредит на сумму 3 млрд. долларов, а «Газпром» прокредитовал экономику Украины на 5,5 млрд¹⁰⁵. В ряде своих выступления

¹⁰⁵ <http://news.kremlin.ru/news/47173>

российский президент подчеркивал, что кредиты выдавались Украине не на «проедание», а на развитие и структурные изменения в экономике¹⁰⁶.

К моменту начала украинского кризиса Россия и Украина были членами свободной торговой зоны СНГ. Между двумя странами существовала традиционно сложившаяся тесная кооперация в промышленности и сельском хозяйстве, связывала их и единая транспортная инфраструктура. На территории Российской Федерации, по данным Федеральной миграционной службы РФ, трудились порядка 3 млн. граждан Украины, денежные переводы которых на родину только за один 2013 год составили около 30 млрд. долларов¹⁰⁷.

Поводом к началу 30 ноября – 1 декабря 2013 года беспорядков и акций протестов в Киеве, участники которых выступили с требованиями «европейского будущего», стало решение президента Украины В.Ф. Януковича об отсрочке подписания договора об ассоциации с Евросоюзом, к чему упорно склонял украинского президента Запад. Такое решение было продиктовано экономической целесообразностью, так как политически мотивированный выбор Киева в пользу евроинтеграции обернулся бы серьезными проблемами для экономики Украины. Принятие Украиной техрегламентов Евросоюза, что прямо вытекало из условий соглашения об ассоциации, привело бы к разорению важнейших секторов украинской экономики под наплывом более конкурентоспособных товаров из Европы, защищенных обнулением таможенных пошлин. В то же время выход на европейский рынок Украине не светил – для этого понадобилось бы проведение новой индустриализации, что требовало длительного времени, колоссальных ресурсов и не входило в планы ни Киева, не Брюсселя. Конечным смыслом ассоциации и установления зоны свободной торговли Украина – Евросоюз было то, что для Европы открывался бы украинский рынок сбыта, а Украина, пользуясь существованием зоны свободной торговли СНГ, начала бы выбрасывать свои товары на российский рынок.

За планами евроинтеграции Украины прорисовывались также перспективы её вступления в НАТО, что было уже прямой угрозой безопасности России. Даже отдалённая возможность приближения военной машины НАТО к границам Российской Федерации была для Москвы абсолютно неприемлемой.

Киевский Майдан, собравший в основном съехавших в украинскую столицу активистов националистических организаций Западной Украины, взявший на вооружение демагогический лозунг «Украина – це Европа!» и поддержанный в западных столицах, завершился свержением президента В.Януковича. Смена режима в Киеве была произведена в форме антиконституционного государственного переворота и вооруженного захвата власти; при этом «неизвестными снайперами» в центре Киева были убиты несколько десятков человек.

В отличие от западных стран, признавших новую украинскую власть (в лице спикера Верховной Рады, и.о. президента А.Турчинова и премьер-министра А.Яценюка), Россия заявила о нелегитимном характере нового режима. Позиция Москвы опиралась на неопровержимые факты. Было нарушено компромиссное соглашение о выходе из политического кризиса, подписанное 21 февраля 2014 года президентом Украины, представителями украинской оппозиции и главами МИД Германии, Польши, Франции. Согласно этому документу должно было быть сформировано «правительство национального единства», проведена конституционная реформа и в конце 2014 года организованы досрочные выборы

¹⁰⁶ <http://news.kremlin.ru/news/20113>

¹⁰⁷ <http://rian.com.ua/economy/20140316/341174469.html>

президента. Однако после отъезда В.Ф. Януковича из Киева вооруженные радикалы захватили здание администрации президента и правительства. Конституция Украины была растоптана, смена режима не отвечала ни одному из четырех легальных способов смены действующего президента, зафиксированных в Основном законе (смерть, неспособность выполнять обязанности по состоянию здоровья, импичмент, предполагающий определенную юридическую процедуру, и личная отставка). Февральский вооруженный переворот перечеркнул скрепленные подписями европейскими дипломатами договоренности об урегулировании политического конфликта мирным путем.

Налицо было и явное вмешательство во внутренние дела Украины иностранных государств, прежде всего США, а также Германии, Франции, Польши. С одной стороны, представители этих государств оказывали сильнейшее давление на действующую власть, всячески убеждая не применять силу против устроителей беспорядков в Киеве, с другой - именно при поддержке западных держав были организованы акции протеста, вылившиеся в вооруженный мятеж. По данным экспертов, к началу украинского кризиса в стране помимо официальных иностранных представителей, а также западных спецслужб активно действовали USAID (Агентство США по международному развитию), Корпус мира, Национальный институт демократии, Фонд Чарльза Стюарта Мота, Международный фонд «Відродження», принадлежащий Дж. Соросу, и множество других неправительственных организаций. Вся эта деятельность проходила под флагом содействия «развитию демократии». По признанию помощника госсекретаря США Виктории Нуланд, в «развитие демократии» на Украине Вашингтон вложил 5 млрд. долларов. С началом переворота текущее финансирование было резко увеличено. Размер денежных средств, поступавших в разгар Майдана через посольство США в Киеве в офисы «Свободы» и «Батькивщины», составлял 20 млн. еженедельно¹⁰⁸.

Анализ характера выступлений радикалов «Правого сектора» показал, что все их действия были тщательно срежиссированы. На Майдане обкатывалась универсальная организационная политтехнология. Так, под американским руководством в первой половине ноября 2013 года в Киеве проводились занятия по проекту «Техкемп», предусматривавшие подготовку специалистов в области ведения информационной войны и организации антиправительственных протестов. По данным экспертов, ссылающихся на польские источники, в Польше на американские гранты осуществлялась подготовка украинских студентов, которые стали одной из ударных сил Майдана и входили в среднее командное звено. Многие из них получали дополнительную подготовку в специальных лагерях¹⁰⁹.

18 декабря 2014 года президент России В.В. Путин, давая на Большой пресс-конференции оценку событиям на Украине, подчеркнул, что западные страны, требовавшие от В.Януковича неприменения силы к Майдану, не заняли такую же позицию по отношению к «Правому сектору» и не потребовали от оппозиции выполнения условий соглашения 21 февраля. «Если бы такая позиция была занята, то не было бы ни гражданской войны, ни многочисленных жертв», – отметил президент РФ¹¹⁰.

Новая украинская власть в лице избранного президентом 25 мая 2014 года П.А. Порошенко была тем не менее признана Россией легитимной. Были установлены прямые контакты между президентами России и Украины. Однако

¹⁰⁸ <http://www.fondsk.ru/news/2014/03/30/komu-vygodna-dalnejshaja-destabilizacija-ukrainy-26704.html>

¹⁰⁹ <http://www.fondsk.ru/news/2014/12/01/varshava-boitsja-opozdat-k-razdelu-ukrainskogo-piroga-30688.html>

¹¹⁰ <http://news.kremlin.ru/news/47250>

кризис, порождённый государственным переворотом и приходом к власти украинских националистических сил, сам собой рассосаться не мог. Неизбежным следствием победы киевского Майдана стала поляризация населения, значительную часть которого на востоке и юге Украины составляют русские и русскоязычные. В разных частях страны начались выступления уже против новой власти, порождённой Майданом. Сильнейшим катализатором этих выступлений стали первые шаги нового режима, ущемлявшие права русских, и в первую очередь отмена закона Украины о региональных языках, который давал русскому языку официальный статус в тех регионах, где его считали родным более 10 % населения. Выступления в Крыму, Одессе, в Донецкой, Луганской и Харьковской областях носили характер протестов против новых правителей Украины, шаг за шагом нарушавших Конституцию и попиравших права граждан. В ряде регионов участники выступлений протеста стали выдвигать лозунги выхода из состава Украины и присоединения к России.

В адрес Москвы посыпались обвинения в раздувании на территории Украины сепаратистских настроений. Эти выступления многократно усилились после выхода Автономной Республики Крым из состава Украины и присоединения её по итогам всекрымского народного референдума к России. Запад начал против России информационную войну. Воссоединение Крыма с Россией было представлено как «аннексия», поддержка Россией выступлений в защиту прав русского и русскоязычного населения Юга и Востока Украиной – как «российская агрессия».

Дежурным тезисом западной пропаганды стало утверждение о стремлении России осуществить раздел Украины. На Западе не любят вспоминать, что идея раздела Украины родилась и начала муссироваться именно в западных политических кругах. Ещё тогда, когда В.Ф. Янукович отверг соглашение об ассоциации Украины с ЕС и подписал в декабре 2013 года во время встречи с В.В. Путиным в Москве внушительный пакет российско-украинских договорённостей, на страницах западных изданий стали обсуждаться прогнозы расчленения Украины на части и вестись дискуссии о том, какие регионы отойдут к России, а какие останутся в сфере геополитического влияния Запада¹¹¹.

Официальная позиция России по этому вопросу прозвучала в Послании Президента России Федеральному Собранию: «Хорошо известно, что Россия не только поддержала Украину и другие братские республики бывшего СССР в их стремлении к суверенитету, но и в значительной степени способствовала этому процессу на рубеже 1990-х годов. С тех пор в нашей позиции ничего не изменилось. Каждый народ имеет неотъемлемое, суверенное право на собственный путь развития, на выбор союзников, формы политической организации общества, построения экономики и обеспечения своей безопасности. Россия всегда относится к этому и будет относиться с уважением. Это в полной мере касается и Украины, братского украинского народа»¹¹².

В то же время, как отметил в своё время президент Путин, распад СССР стал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Наивно было ожидать, что процесс нового государствообразования в этих границах будет происходить гладко и безболезненно. Вооружённые конфликты начала 90-х годов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе ярко это продемонстрировали. Конфликтность этих процессов в новых национальных государствах усугублялась, с одной стороны, развитием в них этнократических тенденций, с другой – наличием во многих из них больших масс русского или говорящего на русском языке населения.

¹¹¹ <http://www.fondsk.ru/news/2014/03/21/zhdet-li-ukrainu-novyj-dejton-26539.html>

¹¹² <http://news.kremlin.ru/news/20113>

Многие из этих людей, особенно в 90-е годы, подвергались гонениям со стороны националистических властных группировок, дискриминации, ущемлялись в элементарных правах и были вынуждены покидать свои дома и уезжать в Россию.

На Украине эти процессы были смягчены, но неоднородность территориально-этнического состава населения сказывалась, а произвольность границ, в которых в 1991 году была провозглашена независимость Украины, и происходившее на протяжении более двух десятилетий усиление националистических элементов в структурах власти постсоветской Украины эту неоднородность закрепляло.

Вошедшее в обиход в 2014 году понятие «Новороссия» родилось не в ходе боёв за Донбасс, оно появилось двумя с лишним столетиями раньше. Под Новороссией в широком смысле слова понимались территории Северного Причерноморья, присоединённые к Российской империи в результате русско-турецких войн во второй половине XVIII века. Харьков, Херсон, Николаев, Одесса – всё это был юг России, южные русские земли. После образования в 1922 году СССР некоторые из этих территорий были переданы советским правительством в состав Украинской ССР. Территории могли переходить от одной советской республики к другой, но русские люди оставались жить там, где они жили веками.

События 2014 года на Украине обязывали Россию выступить в защиту интересов и соблюдения гражданских прав тех людей, для которых родным языком является русский и которые в своей стране были объявлены «сепаратистами» и «террористами». Собственно, и восстание на Донбассе началось не с провозглашения Донецкой и Луганской народных республик, а с выдвижения требований о равноправии жителей этого региона, преимущественно русского по составу населения, с жителями всех других регионов Украины.

При этом Россия оказалась практически единственной страной, которая взяла на себя груз широкомасштабной государственной гуманитарной помощи жителям украинского юго-востока. РФ приняла на свою территорию около миллиона беженцев, оказывая им все виды помощи, помогала расселяться и осваиваться на своей территории. Для людей, вынужденных оставить или полностью потерявших кров в зоне боевых действий и пожелавших остаться жить в России, была упрощена процедура получения вида на жительство. Для жителей Донбасса, оставшихся на территории, где велись военные действия, отправлялись гуманитарные колонны с продовольствием, медикаментами, одеждой и прочими жизненно важными товарами. При этом они подвергались тщательному таможенному досмотру со стороны украинских властей, западные корреспонденты старательно, но тщетно пытались там найти оружие, а украинские СМИ продолжали пугать население рассказами о том, как в машинах ввозят оружие, а обратно вывозят трупы российских солдат. Россия обвинялась в том, что она ввела на территорию Украины свои войска, а когда доказательств этому не оказывалось, продолжались обвинения в военной помощи «сепаратистам». Официальные российские лица неоднократно были вынуждены опровергать это.

Наконец, чрезвычайно важным аспектом российско-украинских отношений стал крымский вопрос. Собственно, воссоединением Крыма с Россией он решён раз и навсегда, однако потребует, наверное, ещё много времени, чтобы пропагандистский тезис об «аннексии» Крыма Россией ушёл из западного политического обихода. Из уст президента России впервые прозвучали слова о том, что Крым имеет для России, прежде всего, огромное цивилизационное, сакральное значение. В Крыму находятся духовные истоки формирования русского народа и Российского государства. В древнем крымском Херсонесе, известном в русских летописях как Корсунь, принял крещение князь Владимир, крестивший затем Русь.

Крым, ставший частью Российской империи во времена императрицы Екатерины II, был освоен русскими людьми, в массе своей крепостными крестьянами, которых переселяли из российских губерний целыми деревнями. За два столетия созидательной работы России в Крыму были заложены основы экономического и культурного развития полуострова.

В Крыму был создан российский черноморский флот, обеспечивший положение России как черноморской и средиземноморской державы. Во второй половине XX века, в годы холодной войны, военно-стратегическое значение Крыма возросло ещё больше. Существование на полуострове аэродромов стратегической авиации позволяло Советскому Союзу контролировать Ближний Восток, Балканы, большую часть Средиземноморского бассейна. Нет сомнения, что в случае вступления Украины после государственного переворота в НАТО Крым был бы потерян для России навсегда.

Результаты референдума о самоопределении Крыма в марте 2014 года были красноречивыми. Подавляющее большинство жителей полуострова, свыше 96,7 % проголосовало за вхождение Крыма в состав России. Затем последовало решение крымского парламента о провозглашении независимости Крыма и присоединении его к Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что такое решение было принято парламентом, который сформировался ещё в 2010 г. на основе закона Украины и легитимность которого ни с какой точки зрения не могла быть подвергнута сомнению. С точки зрения международного права, были соблюдены все юридические нормы. Рано или поздно это придётся признать и тем, кто пока отказывается это делать.

В. А. Оленченко

ЕВРОПА, США И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Вокруг нынешнего украинского кризиса продолжаются бурные дискуссии, которые группируются, в том числе вокруг роли внешних факторов, влияющих на состояние и динамику кризиса.

Для понимания сути дискуссий целесообразно восстановить некоторые ключевые факты. Как известно, одной из отправных точек послужила разработанная в Евросоюзе программа «Восточное партнерство» (ВП), которая нацелена на переориентацию шести постсоветских республик: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии (на момент принятия ВП Грузия входила в состав СНГ), Молдовы и Украины с членства в Содружестве независимых государств (СНГ) на отношения ассоциации с Евросоюзом. В частности, предусматривалось внедрение стандартов ЕС в общественно-политическую жизнь стран ВП; приведение их национального права в соответствие с законодательной базой ЕС; заключение ими договоров о зоне свободной торговли с ЕС. Программу ВП разработали Польша и Швеция, а принята она в мае 2009 г. в Праге на совместном саммите ЕС и стран-участниц проекта.

Первоначально планировалось привлечь к финансированию США, Мировой банк, Японию, однако сложный турбулентный период, наступивший после глобального кризиса 2007-2009 гг., смешал эти планы, и ЕС пришлось ограничиться собственными средствами. В 2009-2012 гг. проект ВП реализовывался большей частью латентно в виде систематических на рабочем уровне визитов эмиссаров ЕС, посещавших страны – участницы проекта с целью контроля за реализацией пунктов

программы. Внимание концентрировалось на Украине, которая воспринималась как ключевой элемент ВП, способный в случае успеха увлечь за собой и другие страны участницы.

Во второй половине 2013 г. в период своего дебютного председательства в Евросоюзе Литва внесла в повестку дня проведение наряду с обычным – раз в полгода – саммитом ЕС также саммита стран-участниц программы «Восточное партнерство», на котором предполагалось подписать соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом. Провал подписания сопровождался разворачиванием массовых беспорядков украинской столице, которые при подталкивании со стороны США и стран Евросоюза переросли в государственный переворот, к практическому проведению которого приложили свои силы Германия, Польша, Франция.

Доступные факты не дают однозначного ответа на вопрос, кто выступил действительным инициатором организации на Украине «цветной революции». Возможны несколько вариантов. Один – идею предложили США, которые располагали концепцией разделения России и Украины, разработанной З.Бжежинским и изложенной публично¹¹³. Черновую же работу по созданию предпосылок для смены власти на Украине взял на себя ЕС. Другой вариант – политики, руководившие Евросоюзом во второй половине 2000-х годов, пришли к мысли о привлекательности украинского рынка, а также других постсоветских республик, расположенных в европейской части и подготовили соответствующую программу. Третий вариант – США и ЕС обособленно развивали свое присутствие и влияние в странах, впоследствии объединенных в ВП, а на заключительном этапе решили усилить между собой координацию для приведения во власть лоббируемых ими украинских политиков, общественных деятелей и активистов.

Кажется, что все три варианты имели место, и каждый из них, возможно, доминировал на определенном этапе развертывания кризисной ситуации на Украине и насильственной трансформации украинской общественно-политической жизни.

В настоящее время можно уверенно констатировать, что между США и Евросоюзом усиливается конкуренция за влияние на процессы на Украине. В частности, очевидно, что в украинской власти просматриваются по меньшей мере два лобби: проамериканское, которое возглавляет нынешний украинский премьер А.Яценюк и проевропейское, ориентирующееся на президента П.Порошенко. Конкуренция между США и ЕС в украинских делах можно наблюдать в противостоянии обоих лобби по основным, ключевым аспектам развития ситуации на Украине. Это видимая сторона конкуренции.

Ее содержательная сторона состоит в следующем. Речь идет о том, чье видение о будущем Украины возобладает. Евросоюз видит Украину, прежде всего как емкий и перспективный рынок, способный обеспечивать масштабное и продолжительное потребление товаров и услуг из Евросоюза, что дало бы сильный импульс развитию европейской экономики. США же рассматривают Украину как плацдарм, позволяющий им усилить свое присутствие в Европе в военном, политическом и экономическом аспектах.

Подписанный в конце 2014 г. договор ассоциации Украины с Евросоюзом, должен формально означать, что сегодняшние украинские реальности уже в определенной мере соответствуют требованиям программы Восточного партнерства, то есть процесс сближения со стандартами ЕС набирает обороты.

¹¹³ З.Бжежинский. Великая шахматная доска. Международные отношения. М., 1999.

Отвечает ли это американским интересам? Наверно не полностью, иначе США уже давно стали бы членом Евросоюза, хотя бы ассоциативным. Однако это не происходит, так как ни политические, ни экономические модели функционирования ЕС и США не совпадают. Обе стороны пришли к единому мнению, что оптимальным вариантом их взаимоотношений может оказаться Трансатлантическое партнерство о торговле и инвестициях, предполагающее, в том числе создание зоны свободной торговли Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP)¹¹⁴.

Однако для США в названии договора наиболее интересна часть, касающаяся инвестиций. Они уже даже наметили ее основную точку приложения – Польша, прежде всего польское машиностроение и ВПК. Пока здесь доминирует германский капитал. Видимо американский инвестор надеется его потеснить или даже вытеснить при содействии польских властей. Похоже, присутствуют также надежды и на содействие поляков в продвижении в этой плоскости американских бизнес – интересов на Украине. Правда, пока отсутствует полная ясность того, будет ли Украина и другие страны программы «Восточное партнерство» рассматриваться в рамках соглашения о торговле и инвестициях между США и Евросоюзом или к ним будет применяться другая правовая практика.

В то же время со стороны Европы в отношении Украины проявляют себя ряд факторов, которые частично конкурируют между собой, но сходятся в одном – попытаться дезавуировать историческую общность России и Украины. Из числа наиболее активных поборников этой идеи можно выделить Польшу, Литву, некоторые ведущие страны ЕС, Еврокомиссию.

Что касается польского фактора, то большинство польской политической элиты придерживается идеи о том, что оптимальным вариантом выстраивания и поддержания отношений между Украиной и Евросоюзом было бы осуществление этих процессов под эгидой и при ведущем содействии Польши. В огрубленном виде этот тезис формулируется так – Украине нужно патронирование и лучше Польши его оказать никакая другая страна не может. Идея эта имеет две грани.

Одна выражается в том, что польские деятели, высказываясь по Украине, всегда подчеркивают, что действуют от имени ЕС. В настоящее время для этого существует представительная трибуна, поскольку Президентом ЕС с декабря 2014 г. является известный польский премьер Дональд Туск. Он часто и безапелляционно выражает свое мнение по украинскому вопросу и, пользуясь своим статусом, стремится его закрепить в решениях ЕС.

Вторая грань заключается в том, что польские политики в Евросоюзе и в отношениях с Россией позиционируют себя силой, которая может и должна заботиться о своих географических соседях, думая о том, как их оградить, в первую очередь, от энергетической и в более широком плане экономической зависимости от России. Объектами первоочередной заботы поляки называют Украину и Литву.

Углубляясь в истоки и содержание польского фактора на Украине, приходится констатировать следующую цепочку фактов. Автором концепции принудительного размежевания России и Украины выступает известный американский политический стратег З.Бжежинский, который, как известно, имеет польское происхождение и который прибыл на проживание в США в сознательном возрасте, то есть успел впитать настроения и чаяния польской элиты¹¹⁵. Программу же ЕС «Восточное

¹¹⁴С 2013 г. текст находится на двустороннем согласовании. В начале 2015 г. (07.01.2015 г.) Евросоюз опубликовал свой вариант партнерства. США пока текст публично не представляли.

¹¹⁵Збигнев Бжежинский, 28.03.1928 г. Сосуществуют две версии места рождения. Одна – Варшава, другая - Харьков с получением свидетельства о рождении в Варшаве. Вторая интереснее, так как предполагает знакомство З.Бжежинского не только с польской, но и с украинской средой

партнерство» инициировала в основном Польша, которой ассистировала Швеция. Со стороны Польши подготовку программы курировал тогдашний министр иностранных дел Р.Сикорский – один из наиболее твердых сторонников евроатлантизма в Польше и в Европе. Отсюда следует то, что американский интерес к Украине обладает заметной польской составляющей.

Ряд ведущих польских политиков (Д.Туск, Р.Сикорский) видят стратегическую цель в формировании политического и экономического союза Польши с Украиной и Литвой – естественно, под эгидой Варшавы. Если обратиться к исторической ретроспективе то, можно говорить о ностальгии польской элиты по Речи Посполитой, которая, как известно, помимо Польши объединяла Литву, западноукраинские и западнобелорусские земли. Понятно, что польским политикам хотелось бы включить в предполагаемый союз и Белоруссию, а следовательно можно ожидать соответствующего усиления польского влияния на белорусское руководство и расширения вмешательства в ее внутренние дела.

Такой сценарий должен быть привлекательным для американской элиты. Во-первых, этот сценарий возвышает в Европе роль Польши, которая традиционно является последовательным и верным сторонником США. Во-вторых, ослабляет потенциальные связи Украины с ведущими западноевропейскими странами и тем самым «прививает» Украине более американский вектор развития.

Менее заметен, но отличается повышенной активностью литовский фактор, который в основном олицетворяет нынешний президент Литвы Д.Грибаускайте. Она совершает частые визиты в Киев, приглашает к себе киевских политиков. Литовское участие в украинском вопросе ближе американской, чем европейской политике в том смысле, что оно направлено на постоянное поддержание антироссийского тонуса и даже на его наращивание. Можно ли рассматривать Литву соперницей Польши в украинском вопросе? Скорее она подходит к роли союзника. Взять, к примеру, недавнее решение о создании совместной польско-украинско-литовской военной бригады. В любом случае литовский президент Д.Грибаускайте безоговорочно ориентируется на американские установки в украинском вопросе, и ее поведение не будет идти вразрез с поведением Польши.

Помимо непосредственных отношений с киевским руководством, Литва проявляет повышенную активность в Евросоюзе, явно не соответствующую ни ее политическому статусу, ни ее экономическому весу. В частности, она постоянно подпитывает антироссийскую риторику и инициирует призывы по усилению антироссийских санкций. Для придания авторитетности своей позиции Литва в Евросоюзе стремится позиционировать себя как представителя всех стран Балтии.

На более высоком уровне Литва дублирует свою антироссийскую активность в Совете Безопасности ООН как его непостоянный член¹¹⁶. По литовской инициативе все стадии украинского политического кризиса сопровождались выдвижением в СБ ООН различного рода проектов резолюций, которые заведомо были направлены против стабилизации обстановки на Украине и перманентно возлагали ответственность за украинские события на Россию.

Следует иметь также в виду, что в настоящее время послом ЕС в России является литовский представитель Вигдаутас Ушацкас, возглавлявший в свое время внешнеполитическое ведомство Литвы. По своим взглядам он относится к политикам, ориентирующимся на евроатлантизм. Это явно проявлялось в бытность его литовским министром иностранных дел, когда двусторонние отношения Литвы с

¹¹⁶ Литва избрана непостоянным членом СБ ООН на период 2014-2015 гг. согласно регламенту, предусматривающему ротационное представительство стран Европы в СБ ООН, которое обновляется каждые два года.

Россией характеризовались нарастанием конфликтности и выдвижением к российской стороне различного рода претензий. Он причисляет себя к одному из авторов концепции того, что с Россией нужно поддерживать устойчивые торговые отношения, имея в виду безоговорочный импорт Россией литовской продукции, и одновременно проявлять в политической сфере нетерпимость к поведению России на международной арене. Взгляды В.Ушацкаса и особенно их применение в отношениях с Россией были востребованы прежним составом Еврокомиссии во главе Ж.Баррозу, который настойчиво продвигал евроатлантизм в деятельность Евросоюза. Можно ли в этом свете рассчитывать на объективное восприятие В.Ушацкасом реакции Москвы на антироссийские санкции ЕС и достоверную передачу им в Брюссель российской позиции?

Понятно, что польский и литовский вклад в украинский кризис, имеющий откровенно проамериканскую направленность, не может не вызывать раздражения у ведущих стран Евросоюза – Германии, Франции, Италии. Оба фактора и поодиночке, и совместно становятся преградой для развития западноевропейскими странами приоритетных отношений с Украиной. Более того, польский и литовский факторы невольно или сознательно способствуют усилению на Украине американского влияния. Эти обстоятельства отчасти объясняют, почему А.Меркель (канцлер Германии) и Ф.Олланд (президент Франции) зачастую в украинских делах берут инициативу в свои руки, выступают не только от имени своих государств, но и в целом от Евросоюза. Их личный авторитет и статус руководителей ведущих государств ЕС способен нейтрализовать и польский, и литовский фактор. Учитывая, что США непосредственно не принимают участия в переговорных форматах по Украине, во всяком случае со стороны Еврокомиссии таких предложений не высказывалось, А.Меркель и Ф.Олланд получают серьезное преимущество в том, чтобы непосредственно влиять на ситуацию и реализовывать собственные варианты.

Последняя их инициатива, приведшая к достижению 12.02.2015 г. минских договоренностей о перемирии на Украине, вызвала, судя по всему, серьезную озабоченность в США. В Европу прилетал американский вице-президент Д.Байден, но видимо американцы посчитали это недостаточным и пригласили А.Меркель встретиться с Б.Обамой в Вашингтоне. По результатам встречи американский президент сделал заявление об отсутствии разногласий между США и Евросоюзом в подходах к ситуации на Украине. Скорее всего, это было предостережение Германии и Франции о том, что США не потерпит «сепаратных» франко-германских соглашений с Россией.

Можно сказать, что в унисон с фактором ведущих стран ЕС действует фактор Еврокомиссии. Нынешний ее состав, возглавляемый Ж.-К.Юнкером, объединяет в основном тех политиков, которые отдают предпочтение европеизму перед евроатлантизмом. Вместе с тем, естественно, их нельзя представлять деятелями, полностью отвергающими евроатлантизм. Вернее, говорить о том, что они допускают параллельное сосуществование в Европе и европеизма, и евроатлантизма при первенстве первого.

Линию Еврокомиссии в украинском вопросе проводит ее представитель по вопросам внешней политики и политике безопасности, который совмещает эту должность с постом первого заместителя председателя Еврокомиссии. С 01.11.2014 года и тот, и другой пост занимает итальянский политик Федерика Могерини. Она придерживается внешнеполитических традиций Италии, фокусом которых выступает стремление к переговорному процессу и урегулированию спорных ситуаций путем встречных компромиссов. Ф.Могерини имела возможность побывать на Украине и

познакомиться там с местными политиками в период генерации украинского политического кризиса, но еще до того, как она заняла пост представителя ЕС по вопросам внешней политики и политике безопасности. В настоящее время ее деятельность на украинском направлении характеризуется поиском сбалансированных решений по стабилизации ситуации на Украине.

Суммируя, следует констатировать, что в целом ситуация на Украине и вокруг нее развивается со стороны Запада под комплексным воздействием перечисленных факторов. Как показано выше, они зачастую, если не сталкиваются между собой, то преследуют разные цели. Переплетение этих факторов, временное возобладание одного или другого приводит к тому, что позиция Запада в целом и Евросоюза, в частности, в урегулировании украинского кризиса не отличается последовательностью, а иногда вызывает просто недоумение.

Л.С.Косикова

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ УКРАИНЫ. ПОТЕРИ НА РОССИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Прошедший год стал годом драматического ухудшения двусторонних политических и экономических отношений между Украиной и Россией в результате совокупного влияния как внутренних, так и внешних факторов. Основные из них: масштабный внутривнутриполитический и экономический кризис в стране; утрата Украиной части территории – бывшей Автономной республики Крым (АКР) и города Севастополя, которые перешли в состав Российской Федерации по итогам всенародного референдума; разрушительные военные действия в промышленно развитых юго-восточных регионах – Луганской и Донецкой областях РУ, ставших местом проведения т.н. АТО – антитеррористической операции центральных вооруженных сил Украины против ополченцев самопровозглашенных республик – ЛНР и ДНР; окончательный выбор руководством РУ европейского вектора региональной интеграции, подписание Соглашения об ассоциации с ЕС.

В экономике страны произошел резкий спад. Валовой внутренний продукт (ВВП) упал за год, как оценивает Нацбанк Украины, на 7-8%.¹¹⁷ Только в IV кв. 2014 г. ВВП Украины сократился на 15,2% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. (данные Госстата РУ). По оценкам НБУ, основными факторами падения украинской экономики в 2014 г., помимо военных действий, стали слабый внешний спрос на украинскую продукцию из-за ухудшения экономической ситуации в странах – торговых партнерах РУ; резкое ухудшение отношений с соседней Россией; сужение внутреннего спроса из-за снижения покупательной способности населения; а также ухудшение финансовых показателей деятельности предприятий в условиях сворачивания кредитной активности. Позитивных факторов для экономического роста в 2014 г. было только два: высокий урожай зерновых и либерализация доступа украинских товаров на рынки ЕС. Но они не переломили негативную динамику основных макроэкономических показателей.

¹¹⁷ Окончательная оценка ВВП за 2014 г. не была опубликована до середины февраля 2015 г., но НБУ рассчитывает ежегодный индекс производства базовых отраслей (ИПБО, или «мини-ВВП»), и в 2014 г. он составил, по расчетам, 9,6%. Поскольку ИПБО, как правило, превышает реальный ВВП, то спад во всей экономике может составить 7-8% (такой же прогноз по ВВП Украины ранее давали МВФ и ЕБРР).

Индекс инфляции по итогам года составил 124,9%, а официальный курс гривны с начала года и по декабрь девальвировал относительно доллара США на 97,3%. Сокращение объемов промышленной продукции в среднем по стране 10%.¹¹⁸ Впервые за последние 10 лет на Украине зафиксирован негативный прирост прямых иностранных инвестиций в размере 6,5 млрд. долл.: за 9 месяцев 2014 г. их отток составил 8469,5 млн.долл., а приток вложенных в экономику страны ПИИ – только 1905,8 млн.долл. Объем международных резервов Украины сократился за год втрое, и на 1 января 2015 г. составлял 7,5 млрд. долл.¹¹⁹

В базовых отраслях промышленности Украины, работающих в том числе на экспорт, ситуация катастрофически ухудшилась. На Донбассе, особенно в Донецкой и Луганской областях, темпы промышленного спада в 3-4 раза превысили средний показатель по стране: в Донецкой области падение в промышленности достигало – 31,5%, а в Луганской области – 42%. В основных отраслях региона нарушены традиционные производственные цепочки «уголь – кокс – металл» и « уголь – электроэнергия». На действующих предприятиях сократились объемы производства из-за перебоев в поставках сырья и вывозе готовой продукции, из-за повреждений производственных и инфраструктурных объектов, нарушений водо- и электроснабжения, временной остановки банковских операций.

Многие профильные предприятия Донбасса вообще остановлены и не работают. Среди них такие металлургические гиганты как Алчевский металлургический комбинат (13% общего производства металлопродукции), Донецкий металлопрокатный завод, Донецкий металлургический завод (2% общего производства), уникальный по своей продукции «Стахановский ферросплавный завод» (20% общего производства ферросплавов). Не работают большие коксохимические заводы – Авдеевский, Горловский, Ясиновский КХЗ, а действующие предприятия загружены на 30-40%. Соответственно сократились как продажи металлургической продукции на внутреннем рынке Украины, так и поставки на экспорт. Стоимостные объемы главной «валютообразующей» статьи украинского экспорта – металлопродукции в 2014 г. составили 12,6 млрд. долл., что на 12% ниже уровня 2013 г. Экспортные поставки знаменитых украинских бесшовных и сварных труб чуть превысили 1 млрд. долл. – это означает снижение на 32% к уровню 2013 г.

Резко сократились объемы производства в украинском машиностроении, где более всего была развита кооперация между Россией и Украиной. Особенно заметен спад в регионах Донбасса, где сосредоточены основные национальные машиностроительные предприятия по производству горно-шахтного оборудования, оборудования для металлургической и химической промышленности, заводы подъемно-транспортного оборудования и механизмов, по выпуску локомотивов и железнодорожных вагонов. Доля Луганской и Донецкой областей в общем объеме реализации продукции машиностроения Украины составляла в 2013 г. около 23%. В 2014 г. приостановили свою деятельность многие машиностроительные гиганты – Донецкгормаш, знаменитый Азовмаш, Стахановский вагоностроительный завод и другие.

В угольной промышленности Украины производство сократилось на 35%. Критическим оказался спад в 2014 г. для целого ряда производств химической

¹¹⁸ Черная книга Кремля. Киев: Кабинет министров (Правительство Украины). Февраль 2015. Опубликовано на украинском, английском, немецком, французском и русском языках на официальном правительственном портале. Доступно на:

http://www.kmu.gov.ua/control/ru/publish/article?art_id=247965405&cat_id=246935189

¹¹⁹ По данным НБУ, февраль 2015.

промышленности. Производство аммиака в Украине сократилось более, чем на 30% (главное сырье – российский природный газ), выпуск минеральных удобрений, преимущественно азотных – на 36%. В мае был остановлен знаменитый концерн «Стирол», выпускавший на экспорт аммиак, карбамид, азотную кислоту, аммиачную селитру. На 90% упало производство стекла, что создает трудности для смежных предприятий пищевой и фармацевтической промышленности.

Упадок украинской экономики, общая нестабильность и конфронтация между Москвой и Киевом, а также долгосрочная переориентация Украины на рынки ЕС отрицательно сказываются на взаимной торговле с Россией, которая стремительно сокращается в объемах и деградирует структурно. Двусторонний_ товарооборот упал с 38,2 млрд. долл. в 2013 г. до 22 млрд. долл. в 2014 г.¹²⁰ Тем не менее, Россия продолжает оставаться самым крупным торговым партнером Украины, как по суммарному объему торговли (в первой «тройке», кроме РФ, находятся Китай и Германия), так и по объемам экспорта и импорта. Украинский экспорт товаров в Россию составил по итогам года 9,8 млрд. долл., а импорт из РФ – 12,68 млрд. долл. Более быстрыми темпами сокращался импорт из России – падение составило 43% за год, или около 11 млрд. долл., что объясняется, в первую очередь, снижением закупок природного газа и даже временным прекращением его поставок (с июня по декабрь) по причине неоплаченной задолженности «Газпрому». Украинский экспорт сократился чуть меньше, но и падение на 31% за год, или порядка 7 млрд.долл. стало весьма ощутимым. Весь двусторонний товарооборот РУ–РФ снизился по стоимости на 39%.

Торговля с регионом СНГ в целом сократилась меньше, чем с Россией – на 33% (с 45,2 до 30,2 млрд. долл.), но и здесь прослеживается понижательная тенденция. Импорт товаров из стран Содружества упал на 35% , а экспорт украинской продукции в СНГ только на 29% , улучшив тем самым торговый баланс на фоне глубокой девальвации гривны.

В 2014 г. Украина окончательно закрепила в юридической форме свой «европейский выбор», подписав с Евросоюзом Соглашение об ассоциации (СА)¹²¹. составной частью которого и главным экономическим содержанием стал Договор о создании глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли между Украиной и ЕС (ГВЗСТ/DCFTA).¹²² Торговое соглашение рассчитано на 10-летний период реализации, в течение которого торговля Украины с членами ЕС будет существенно либерализована. В первые годы действия ГВЗСТ снимаются в основном тарифные ограничения – импортные пошлины на украинские товары, ввозимые в ЕС (в ряде случаев – только в пределах квоты), а затем, по мере гармонизации законодательных норм, различных регламентов и технических стандартов Украины с соответствующими европейскими нормами, предусмотрена отмена также многочисленных нетарифных ограничений.

С момента подписания экономической части соглашения торгово-экономические связи между Россией и Украиной не могут далее регулироваться исключительно на двусторонней основе, поскольку отныне режим внешней торговли Украины подчиняется директивам Брюсселя. В этой связи российская сторона настойчиво пыталась еще на стадии подготовки СА донести свои «озабоченности» до украинской стороны и европейских партнеров, предупреждая о том, что может

¹²⁰ Данные Госслужбы статистики РУ. Официальный сайт Госстата - ukrstat.org

¹²¹ В марте 2014 г. Украина подписала политическую часть СА с ЕС (от Украины подпись поставил Арсений Яценюк), а 27 июня в Брюсселе подписана экономическая часть (президент РУ Петр Порошенко)

¹²² DCFTA= Deep and Comprehensive Free Trade Area

фактически отменить режим свободной торговли с Украиной, предусмотренный Договором о зоне свободной торговли в СНГ (2011 г.), если после вступления в силу соглашения о ГВЗСТ между Украиной и ЕС условия торговли для российских экспортеров и импортеров ухудшатся. В итоге удалось сформировать трехсторонний формат консультаций по торговым вопросам на уровне министров экономики и торговли РФ – Украины – ЕС. На одной из встреч в таком формате, состоявшейся 12 сентября 2014 г., были приняты принципиальные решения, касающиеся торговых режимов Украины с ЕС и с РФ:

- вступление в силу договора о ГВЗСТ между РУ и ЕС отложено до начала 2016 г.

- ЕС сохраняет до конца 2014 г. и на весь 2015 год введенный в апреле 2014 г., в одностороннем порядке, режим автономных торговых преференций для украинских экспортеров¹²³.

- Россия утвердила за собою право, отменить режим ЗСТ с Украиной и перейти к режиму наибольшего благоприятствования (РНБ), или к общим ставкам импортного тарифа для стран ВТО, если Украина начнет досрочную имплементацию положений торгового договора с ЕС, т.е. ранее 31 декабря 2015 г.

Достигнутые в формате «треугольника» договоренности юридически создают наилучшие условия для Украины в торговой сфере. Ей одновременно предоставляется и беспошлинный доступ на рынок ЕС (без открытия до конца 2015 г. своего рынка для европейских экспортеров), и сохраняется режим зоны свободной торговли с Россией и другими странами СНГ. Это сделано с учетом сложнейшей экономической ситуации в стране. Таким образом, Украина получила дополнительное время, чтобы адаптироваться к новым условиям и требованиям торговли с Евросоюзом, а Россия – лучше подготовиться к защите собственного рынка от недобросовестного реэкспорта европейских товаров с территории Украины, имея уже достоверную информацию о содержании Соглашения об ассоциации и имея возможность отслеживать процесс имплементации.

Следует, однако, иметь в виду, что задолго до вышеупомянутых сентябрьских договоренностей, начиная с марта 2014 г., между Украиной и Россией развернулась настоящая торговая война, сопровождающаяся полным запретом на торговлю определенными товарами. Причинами стали санкции Украины в отношении России после «аннексии Крыма», особенно запрет на экспорт военно-технической продукции, в т.ч. в рамках двусторонней кооперации, а также ответные меры России. В течение года Россия вводила запреты на импорт молока и молочных продуктов (сыров), свинины, овощных и рыбных консервов, соков, картофеля, конфет с фабрик «Рошен», «Конти», пива компании «Оболонь» и др. Также был запрещен транзит через территорию России для украинских авиалиний. В итоге только за первое полугодие 2014 г. потери экспортной выручки Украины на российском направлении составили 7 млрд. долл. (по оценке премьер-министра А.Яценюка).¹²⁴

¹²³ По условиям двустороннего соглашения между ЕС и Украиной, вступившего в силу с 23 апреля, украинские экспортеры освобождаются от уплаты пошлины при ввозе своей продукции в страны ЕС. Это условие распространяется на 94,7% промышленных, 83,4% продовольственных и на 82,2% сельскохозяйственных товаров. Воспользоваться этими льготами в торговле смогут только поставщики, получившие европейские сертификаты на свою продукцию.

¹²⁴ Торговые войны Украины. 29-07-2014 и 9-07-2014 <http://nedelya-ua.com/media/torgovye-voyny-ukrainy>

За весь 2014 год различными ограничениями в доступе на российский рынок были затронуты 87% товарных позиций украинского экспорта.¹²⁵ Имея в виду негативный эффект таких ограничений, важно учитывать не только прямые потери на стоимостных объемах экспорта, но и сопутствующие им структурные сдвиги в экспортных отраслях украинской промышленности. Украинский эксперт В. Сиденко (Центр имени А.Разумкова, Киев) подсчитал, что примерно треть товарных позиций в экспорте Украины в Россию испытали «существенное сокращение» (на 10-20%); еще 41,2% товарной продукции экспорта пережили в 2014 г. «сильный кризис» (падение экспорта на 20-40%); а 13,4% из экспортной номенклатуры попали под определение «деструкция рынка» (снижение экспорта на 40%-70% за год).¹²⁶ В последней группе товаров, фактически потерявших российский рынок, находятся сахар и кондитерские изделия, молоко и молочные продукты, мясо и мясные продукты, алкогольные и безалкогольные напитки, суда, железнодорожные локомотивы и многое другое. Существенное падение объемов поставок в РФ затронуло такие крупные статьи украинского экспорта, как ядерные реакторы и котлы для АЭС (17% в товарном экспорте в РФ за 2014 г.), продукция неорганической химии (7%), черные металлы и изделия из них (14,6 и 6,4% соответственно), электрические машины (6,7%), железнодорожные локомотивы (6,3%).¹²⁷

Необходимо учитывать чрезвычайно высокую, иногда доминирующую долю российского рынка в общем экспорте названных видов продукции и, следовательно, повышенные риски для соответствующих отраслей. Так, например, в Россию поступает около 58% экспорта продукции всего украинского машиностроения, а в российском машиностроительном импорте «украинская» доля составляет всего 3,8%. В экспортных поставках железнодорожного оборудования из Украины на российский рынок приходится более 70% (1,7 млрд. долл. из 2,4), по продукции неорганической химии этот показатель составляет 53% (0,9 млрд. долл. из 1,7).¹²⁸ Данные отрасли ещё сохраняют элементы высоких технологий, в них создаётся достаточно высокая добавленная стоимость. Из-за катастрофического падения внутреннего спроса и невостребованности продукции этих отраслей на других внешних рынках многие предприятия придется закрыть, а персонал уволить. Вместе с ними отпадет надобность в конструкторах и ученых, в научных разработках и школах. Повернуть этот процесс вспять будет крайне сложно или вообще невозможно. Рассчитывать на сотрудничество с ЕС в высокотехнологичных отраслях, скорее всего, также не приходится, что наглядно показал опыт адаптации к европейскому рынку новых членов ЕС (стран Центральной и Восточной Европы, Балтии).

Статистические итоги внешней торговли Украины за 2014 г. показали, что потеря российского рынка для Украины не могут быть компенсированы либерализацией торговых отношений с ЕС. Все преференции украинским экспортерам позволили сэкономить около 500 млн. евро, тогда как экспортные потери на рынке РФ оценивают в 7-11 млрд. долл. за год. В то же время внешнеторговая переориентация Украины в пользу Евросоюза становится все

¹²⁵ Национальная безопасность и оборона, №5-6, 2014, с.92 (на укр. языке)

¹²⁶ Там же, с. 93.

¹²⁷ Рассчитано по: Государственная служба статистики Украины. Экспорт-импорт отдельных видов товаров по странам мира за январь-октябрь 2014 г. – <http://www.ukrstat.gov.ua>

¹²⁸ Дмитрий Минин. В Киеве принят закон об экономическом самоубийстве Украины. - <http://www.fondsk.ru/news/2014/08/22/v-kieve-prinjat-zakon-ob-ekonomicheskom-samoubistve-ukrainy-29095.html>

более заметной: товарооборот в 2014 г. составил 35 млрд. долл. (против 22 млрд. долл. с Россией), экспорт РУ в ЕС за год вырос на 7% и составил 16 млрд. долл., на фоне стремительного сокращения экспорта в Россию. При этом, импорт из ЕС (19 млрд. долл.) превышает экспорт и создает отрицательное торговое сальдо с этим регионом. Эксперты также отмечают, что товарная структура украинского экспорта в ЕС типична для аграрных стран, в ней преобладают сельскохозяйственные культуры и продовольствие. Впервые в 2014 г. Украина вывезла в ЕС больше сельхозтоваров, чем металлургической продукции.

Что же касается свертывания военно-технического сотрудничества между Украиной и Россией и потерь в экспорте военной техники, то украинские военные эксперты не считают их критическими – всего 300 млн. долл. в год, поскольку доля РФ в общем объеме экспорта вооружений и спецслужб Украины не превышает 15%.¹²⁹ Здесь в качестве компенсации Украина рассматривает возможность расширения военно-технического сотрудничества с США на двусторонней основе, содействие и взаимодействие с США и ЕС на рынках третьих стран. США также не исключают возможность передачи Украине военной техники стран НАТО, включая средства радиолокации и авиацию, в т.ч. для защиты границы. Еще одним направлением американской помощи может стать размещение на оборонных мощностях в Украине ремонтных заказов западных партнеров.¹³⁰

Э.А. Попов

НЕГАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ДЛЯ УКРАИНЫ

За год с небольшим, истекший после государственного переворота в Киеве (21-22 февраля 2014 г.), получившего в официальной идеологии постмайданной Украины наименование «революции гідності» («революции достоинства»), произошли изменения, с одной стороны, радикальные, но, с другой стороны, оставляющие после себя ощущение дежавю. Досрочные выборы президента, а затем парламента в свете снятия последних табу с нацистской символики; широко разрекламированная кампания люстрации чиновничества от представителей «старого режима»; лихорадочное нациестроительство и борьба с остатками «тоталитарного имперского наследства» на фоне так называемой «Антитеррористической операции» в Донбассе – это и многое другое призвано обозначить наступление новой эры в политической истории Украины. Но столь ли радикальны эти изменения, чтобы говорить о действительно новой Украине?

Так называемый евромайдан ноября 2013 – февраля 2014 года стоял под несколькими ключевыми лозунгами, одним из которых был призыв покончить с олигархами. Собственно, на этом лозунге – борьбой с самовластьем «семьи», распоряжающейся не только финансами страны, но и волей народа – и был создан феномен евромайдана. Даже другой главный лозунг – ускоренное подписание ассоциации с Европейским союзом – был вторичен с точки зрения политической психологии. «Народ проты влады» (народ против власти) потому, что «власть» противится желанию народа присоединиться к ЕС. Европейский выбор Украины в трактовке технологов и идеологов евромайдана выступал сознательным выбором всей нации, которому противостоит упорное и корыстное нежелание «олигархов» (понятие, которое искусственно сужалось до рамок «семьи», то есть, семьи

¹²⁹ glavred.info, 23/06/2014

¹³⁰ Интерфакс-Украина, 23.06.2014.

президента В. Януковича и его окружения). Мнение жителей Юго-Востока Украины, исторической Новороссии, не разделявших в массе своей этого настроения, игнорировалось.

22 февраля 2014 года произошло свержение Виктора Януковича, законного, хоть и крайне непопулярного президента Украины. На самой Украине, как и в странах Запада, сочувствовавших перевороту и фактически подготовивших его, факт переворота не признавался, сам он был назван, как мы помним, «революцией достоинства». Тем самым был положен опасный прецедент свержения власти «восставшим народом» и еще более опасный прецедент активного содействия перевороту со стороны западных стран.

Действия новой власти с первых шагов оказались направлены не на реализацию социальных лозунгов майдана, а на закрепление властных позиций и передел собственности. В Верховной раде наблюдалась немыслимая для европейской демократической страны ситуация фактического ареста большого количества депутатов фракций, не разделявших идеалов евромайдана – Партии регионов и коммунистов. Эта ситуация типологически напоминала события, последовавшие после поджога рейхстага в феврале 1933 г.: запрет всех партий, преследование левых (коммунистов и социал-демократов) и установление нацистской диктатуры в Германии.

Парламент оставался единственным сколь-нибудь легитимным органом власти на Украине, поэтому установление контроля над ним было вопросом политического выживания. Если часть депутатского корпуса от новой оппозиции (регионалы и коммунисты) сознательно пошла на контакт с новой властью дабы сохранить свои бизнес-интересы (в первую очередь это относится к представителям Партии регионов), то значительная их часть фактически оказалась на положении заложников. На начальном этапе существования новой власти наблюдателями отмечались многочисленные случаи манипуляций с голосованием: многие депутаты, физически находились вне стен Рады и не в Киеве. Тем не менее, их кнопками голосовали – разумеется, так, как это было выгодно новой власти. Оппозиционные депутаты, оставшиеся в Киеве, действовали под нажимом.

Как бы то ни было, победившей «народной революции» удалось очень быстро установить контроль над Верховной радой и добиться ее лояльности, по крайней мере, внешне. Не было предпринято ни каких, более или менее решительных действий по непризнанию переворота. Любые, даже самые оппозиционные выступления в стенах самой Рады (вспомним разоблачения лидера коммунистов Петра Симоненко, заканчивающихся потасовками и лишениями слова), как ни парадоксально, не нарушали интересов новой власти. Это были выступления в рамках действующего парламента, соответственно, игра по правилам, установленным 22 февраля 2014 года.

Между тем у части депутатского корпуса имелись весьма широкие возможности для непризнания переворота, которыми они не воспользовались. Не было создано объединения депутатов Верховной рады в изгнании, как ожидали многие наблюдатели в те дни. Переезд этой внушительной группы в другой регион, тот же Харьков, на тот момент не контролировавшийся Киевом, обращение к народу с призывом о сопротивлении, и к зарубежным правительствам – с требованием не признавать незаконную власть привели бы к возникновению принципиально иной внутри- и внешнеполитической ситуации. Не задаваясь здесь вопросом о причинах, почему не было сделано подобных шагов (угроза жизни депутатов и их семьям, общий паралич всей системы власти и пр.), констатируем, что своими действиями,

точнее, бездействием Верховная рада прошлого созыва, в том числе, ее оппозиционная часть несет ответственность за последствия переворота.

Напротив, новая власть действовала достаточно эффективно. Буквально в первые дни после переворота было объявлено о проведении 25 мая 2014 года внеочередных президентских выборов; выборы нового состава Верховной рады были назначены на октябрь 2014 года. Такая очередность не случайна: в условиях плотного контроля над оппозиционной Радой первой необходимостью было заполнить политическую пустоту, образовавшуюся после изгнания законного президента Януковича. Участие в выборах президента, незаконных по своей сути, поскольку проводились они при действующем президенте и при грубейшем нарушении избирательных прав, приняли участие многие оппозиционные (в отношении новой власти) политики: лидер Компартии Украины Петр Симоненко, губернатор Харьковской области Михаил Добкин, известный противник евромайдана Олег Царев и др. Их участие, вне зависимости от мотивов оказалось формой проявления лояльности власти майдана.

Победа на президентских выборах с почти сенсационным (в один тур!) исходом спонсора евромайдана олигарха Петра Порошенко (54,70% голосов), с огромным отрывом обогнавшим самого популярного оппозиционного политика Юлию Тимошенко (12,82% голосов) и других кандидатов завершили работу по легитимации результатов государственного переворота. Даже в России были вынуждены признать результат выборов на Украине. Впрочем, нет ничего более зыбкого, чем легитимность власти в глазах украинского населения.

Процесс смены власти в регионах затянулся на несколько месяцев, однако тоже протекал без особых осложнений. (Ситуацию в Крыму и Донбассе мы намеренно выводим за рамки нашего обзора).

Очень показательны результаты выборов в Верховную раду Украины, прошедшие фактически в разгар войны (еще один антирекорд украинской демократии). Напомним, вкратце, основные результаты этих выборов по партийным спискам: блок «Народный фронт» премьер-министра А. Яценюка и председателя СНБО А. Турчинова – 22,14%; Блок Петра Порошенко - 21,82%; блок «Самопомич» («Самопомощь») мэра г. Львова А. Садового; Оппозиционный блок, созданный на основе бывшей Партии регионов - 9,43%; Радикальная партия О. Ляшка - 7,44%; «Батькивщина» Ю. Тимошенко - 5,68%. В какой-то мере сенсацией выборов стал провал на выборах партии «Свобода», одного из моторов евромайдана. Коммунистическая партия Украины также не преодолела 5-процентного барьера на выборах.

Оставим в стороне вопрос о демократичности избирательной кампании и прозрачности процедуры подсчета голосов. Главный итог выборов – даже не широко обсуждавшийся перевес блока Яценюка – Турчинова над БПП (по партийным спискам, с учетом депутатов, избранных по одномандатным спискам, БПП получил первое место в новом составе Рады), непостижимый на фоне оглушительной победы Петра Порошенко уже в первом туре президентских выборов, который многие наблюдатели считали грубо сфальсифицированным. Этот минимальный перевес по числу депутатских мандатов и утрата П. Порошенко контроля над Верховной радой, безусловно, сыграют свою разрушительную для новой власти роль. Более значимы, все же, иные факторы.

Первый из них – отсутствие у избирателей юга и востока бывшей Украины (исторической Новороссии) своей партии/блока в Верховной раде. Оппозиционный блок ни по численности, ни по невнятности программы и лидеров, ни даже по названию не может претендовать даже на видимость представительства прав и

интересов доброй половины страны. Это логичное следствие полного игнорирования прав исторической Новороссии на президентских выборах 25 мая 2014 г., прошедших на фоне блистательного отсутствия кандидата от юга-востока, если, конечно, не считать таковым маргинала и бизнесмена О. Царева. Даже если допустить, что существованию украинской государственности не угрожают финансово-экономические рифы и военные поражения (и связанные с этим политические пертурбации), нельзя не признать, что в ее фундамент заложена мощная бомба. Цивилизационные и культурно-языковые различия внутри Украины никуда не делись, напротив, – еще более обострились, несмотря на жесткую цензуру и полицейские преследования. За скобку выведены культурно-языковые огромной части страны, дающей основной валовой национальный продукт и, наконец, поставляющий большинство призывников в украинскую армию. Подобной диспропорции не выдерживали и государства более прочные, чем нынешняя Украина.

Второй фактор – «разлитие» идеологии так называемого украинского национализма по программам фактически всех политических сил, прошедших в парламент. Сторонники нынешней украинской власти в попытках доказать, что «на Украине нет фашизма», апеллируют к тому факту, что ни одна из известных политических сил националистической направленности – Всеукраинское объединение «Свобода» и «Правый сектор» – не прошли в Верховную раду, а «Правый сектор» и вовсе набрал 1,80% голосов. Тем не менее, все прошедшие в Раду партии и блоки (в какой-то степени даже Оппозиционный блок) как минимум используют националистическую риторику, по сути же в своих политических действиях осуществляют националистическую программу. В стране, примерно половина населения которой составляют люди, назвавшие русский язык в качестве родного (на деле же число этих граждан на порядок выше) запрет русского языка не может получить иной трактовки, как националистическая и антидемократическая мера. Но за подобную языковую политику выступают все фракции Верховной рады кроме Оппозиционного блока.

Наконец, стоит обратить внимание на кадровый состав партий и блоков Рады: полевые командиры – главари карательных (добровольческих, в украинской терминологии) батальонов представлены во всех из них. Поэтому вывод о присутствии националистических партий в нынешней Верховной раде звучит примерно так: Националистических партий в украинском парламенте нет. Потому что все украинское государство стало националистическим. Я недаром поставил термин украинский национализм в кавычки. Выступая на заседании Общественной палаты Ростовской области в марте прошлого года, я сделал вывод, что украинский национализм выродился в украинский нацизм.

Наконец, фактор третий: сложившийся состав Верховной рады является блоковым. Блоковый в том смысле, что Рада фактически поделена между двумя главными силами, антагонистичными друг другу, причем, не только в стенах парламента. Украинские наблюдатели и политтехнологи много писали о скрытых механизмах частных и корпоративных интересов украинских выборов. Они полагают, что две фракции, вошедшие в состав нынешней Рады, финансируются (и управляются) одним из богатейших и самых могущественных олигархов Украины Игорем Коломойским, после государственного переворота добавившего в свой актив должность днепропетровского губернатора. Эти фракции – «Народный фронт» Яценюка – Турчинова и «Самопомичь» Садового. Вероятно, что скрытые договоренности присутствуют также между Коломойским и Ю. Тимошенко, вышедшей из днепропетровского клана. Как минимум, на этапе борьбы против

общего врага – П. Порошенко (с ним Тимошенко конфликтовала еще в период «оранжевой» революции) между двумя супертяжеловесами украинской политики возможен ситуационный союз.

Опасность блокирования внутри украинского парламента существенно возрастает, если посмотреть на карту политического районирования Украины. Блок «Самопомич» создан с центром во Львове, захватив ресурсы львовской «Свободы». Сам И. Коломойский контролирует Днепропетровскую область и посягает на контроль над всем юго-востоком пока еще единой Украины. Он предпринимает попытки для того чтобы добиться вхождения районов Донецкой области, контролируемой украинскими силовиками, в состав Днепропетровской. А также – установить политический и хозяйственный контроль через свою клиентеллу, в которую входят и бывший губернатор Донецкой области Тарута, и мэр Харькова Кернес и ряд других влиятельных, хоть и менее известных персонажей.

Тем самым внутри украинского государства складывается что-то вроде мини-государства, контролируемого Коломойским. Если ему удастся сместить (в ходе ли импичмента или, что более вероятно, в результате нового «народного восстания») своего конкурента П. Порошенко и поставить на его место своего протеже А. Яценюка, единству украинского государства на первых порах ничего не угрожает. Но неудача или хотя бы затягивание процесса ведут к дальнейшей приватизации не только собственности, но и территории Украины. На фоне углубляющихся финансово-экономических проблем возрастает привлекательность не просто автономистских – сепаратистских устремлений регионов. И новый старт сепаратизации Украины будет дан, как ни парадоксально звучит, на западе. Та же «Самопомоч» имеет тесные связи с Галицкой ассамблеей, которая предполагает сепаратное вхождение в ЕС трех галицких областей — Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской.

Угроза сепаратизации Украины на западных границах еще более возрастает, если принять во внимание русинский и мадьярский фактор в Закарпатье и румынский – в Северной Буковине (Черновицкая область). В середине февраля 2015 г. «хозяин Закарпатья» олигарх Виктор Балога фактически поставил ультиматум президенту Порошенко, обвинив того в гибели военнослужащих 128-й горно-пехотной бригады (сформирована в Закарпатье) в дебальцевском котле. И заявил, что не будет отправлять призывников из Закарпатской области на военную службу за пределы региона. Сверхопытный политик Балога, всегда умевший дружить с властью (он последовательно был другом и сподвижником В. Ющенко, В. Януковича, П. Порошенко) не стал бы делать подобных заявлений, не соразмерив риски. Опубликованные в конце февраля 2015 г. данные о 92 тысячах венгерских паспортов, выданных в Закарпатье, заставляют сильно задуматься о рисках сохранения «единой Украина» на западе страны, считавшимся плацдармом украинского проекта. Другая соседка Украины – Румыния, ведет не менее активную работу, чем Венгрия. По некоторым данным, ею выдано свыше 100 тысяч паспортов жителям Северной Буковины и Буджака (юго-запад Одесской области). Усилились и антиукраинские настроения в польском обществе, достаточно широкие круги которого мечтают о возвращении «польского Львова». Справедливости ради следует отметить, что подобные устремления и настроения не являются новостью. Однако в условиях как минимум глубокого кризиса украинской государственности эти потенциальные риски получают вполне реальные политические очертания.

В украинских и российских СМИ и аналитических изданиях широко обсуждается перспектива нового украинского майдана. По всей видимости, первым аккордом нового майдана стали события начала февраля 2014 г. В эти дни в Киеве

прошли массовые акции протеста, организованные недавно созданной общественной организацией «Всеукраинское батальонное братство». Изначально акция была направлена против действующего руководства генштаба Вооруженных сил Украины и, частично, министерства обороны. Непосредственным поводом послужила попытка ликвидировать либо переподчинить добровольческий батальон «Айдар». Подозрения в «заказном» характере акции получают подтверждение, если учесть, что экс-командира «Айдара» Сергея Мельничука считают человеком Коломойского.

Протест ветеранов «АТО» наложилась на сугубо социальный протест. Одновременно с членами «Батальонного братства», но независимо от них в Киеве протестовали шахтеры из западных областей Украины. В первых числах марта 2015 г. шахтеры Львовской и Волынской областей перекрывали дороги и устраивали другие акции протеста. В столице Украины состоялся оппозиционный митинг против роста коммунальных платежей, направленный непосредственно против мэра Киева Виталия Кличко. Ожидаемый 1 апреля кратный (в 3-6 раз) рост тарифов на газ для населения и столь же высокое увеличение стоимости электроэнергии и коммунальных услуг делают просто неизбежным социальный взрыв на Украине. На фоне падения гривны в два раза в течение одной недели февраля 2015 г. (всего гривна потеряла в покупательной способности за год после евромайдана более, чем в 4 раза) Украина стремительно превращается в одну из беднейших стран Европы. Пауперизация населения существенно расширит зону социального протеста. Очень быстро он выйдет за социальные рамки, хотя даже в них он представляет серьезную угрозу как для президента Порошенко, так и для премьера Яценюка.

Позволю не согласиться с господствующим мнением. Бенефициаром взаимосвязанного украинского кризиса (финансового, социально-экономического, внутривластного, военно-политического) выступит отнюдь не А. Яценюк, как полагают почти все наблюдатели в России и на Украине. В лучшем (для него, но не для Украины) случае Яценюк окажется гетманом на час, новым и недолгосрочным лидером Украины. Проблемы, которые ведут к свержению П. Порошенко, не только не исчезнут в этой ситуации, но еще более усугубятся. Более вероятен, на наш взгляд, куда более радикальный сценарий: приход к власти на Украине настоящего украинского фюрера. Наиболее вероятная кандидатура на этот «высокий» пост – командир полка «Азов», лидер Социал-националистической ассамблеи и организации «Патриот Украины» Андрей Билецкий.¹³¹ Пока А. Билецкий держится в тени, демонстративно дистанцируясь от участия в политических дрязгах, пока «отчизна в опасности». Но с каждым днем, несущим новые проблемы, запрос украинского общества на «вождя» становится все более ощутимым. Вопрос представляет не то, будет ли он услышан, а кто станет этим лицом.

Подведем итоги. Власть на Украине, образовавшаяся в результате государственного переворота и изгнания законного президента – незаконна по своей природе. Даже проведение президентских и парламентских выборов не устранило проблему нелегитимности власти на Украине. Нелегитимность эта двоякого рода: сугубо юридическая (наличие законного президента В. Януковича, свергнутого в результате переворота) и морально-политического. После майдана 2004 г. и евромайдана 2014 г. любая власть на Украине обязана иметь мандат народного доверия. Относительная легкость завоевания власти является оборотной монетой столь же легкой возможности ее утраты. Сама майданная власть дала идеологическое оправдание будущему перевороту, заявив в лице греко-

¹³¹ См. Э.А. Попов. Новейшие тенденции в современном украинском национализме // Проблемы национальной стратегии" № 3 (4), 2010.

католического (униатского) кардинала Любомира Гузара о «праве народа на восстание» (по сути, повторение известной формулы Фомы Аквинского).

Вывод, не столь явно лежащий на поверхности: насилие, которой свершилось на Украине, означало полное игнорирование воли одной части страны (востока и юга) и навязывание ей воли другой части (запада и центра). Легкость, с которой это насилие было осуществлено (по сути, преступное бездействие или даже соучастие в перевороте силовых структур, парламента и региональных властей) свидетельствуют о недемократичности и жестко иерархичной структуре украинской государственности. В том случае, если Украина сохранится как единое государство, ей необходим новый общественный договор, реальное, а не фиктивное участие в нем регионов и национально-культурных групп. Альтернативы этому – продолжающаяся фрагментация, вплоть до отпада отдельных регионов и раскола страны либо приход к власти украинского фюрера. Нынешнее духовное и морально-политическое состояние украинского общества не позволяет надеяться на позитивный сценарий. Полагаю, что на бывшей Украине с высокой степенью вероятности будет реализована причудливая смесь из двух альтернатив, с расколом Украины (отпадением западных регионов и Новороссии) и установлением нацистской диктатуры в центральной и части западных областей.

С.И. Лунев

АЗИАТСКИЕ ГИГАНТЫ И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Китай и Индия во многом сходятся в своих подходах к оценке мировых процессов. Гегемония Севера (Запада) отвергается Китаем и Индией по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для них независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо извне для них неприемлемо. Помимо этого, азиатские гиганты не относятся к привилегированной части мировой экономической системы, и они отнюдь не в восторге от правил игры, навязываемых развитыми странами. Несмотря на определенные противоречия и элементы соперничества между азиатскими гигантами, их позиции по глобальным вопросам весьма близки.

При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входила в тройку основных держав мира, которые имеют наименьшее количество расхождений с КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; только Россия, как правило, голосует с Китаем чаще, чем Индия, по вопросам международной безопасности. Показательно также активное участие Индии в формате БРИКС. Если в каких-то аспектах сложности индийско-китайских отношений могли приводить к определенному индийско-американскому сближению, то сегодня именно глобальные факторы поворачивают Дели от США в сторону БРИКС.

Индия и КНР в современном мире уже обладают статусом мировых держав, превратились в особые подсистемы международных отношений. Их формированию, как представляется, способствовал развал мирового социализма, ибо в биполярном мире этот процесс встретился бы с большими препятствиями. В ближайшем будущем они могут стать соперниками США в борьбе за лидерство. Но произойдет ли это и как, – зависит от взаимодействия многих факторов.

После краха биполярного устройства мира главной стратегической внешнеполитической целью США стало «недопущение появления в будущем любого глобального конкурента»¹³², как было отмечено в секретном докладе Пентагона «Направления оборонного планирования» в 1992 г. Если первоначально США опасались, что Япония и Германия превратятся в действительно великие державы, то с конца прошлого века стало очевидно, что их главным мировым оппонентом стала КНР. Для поддержания своего политического влияния и возможности сохранять роль мирового арбитра США постоянно пытаются найти врага, что могло бы консолидировать Западный блок. С конца 1990-х годов все чаще на роль главного противника «свободного мира» стали выдвигать Китай.

Конечно, азиатские гиганты совсем не заинтересованы в наращивании антагонизма с Западом. Азиатские сверхкрупные страны (это касается также Японии и Индонезии) проявляют крайнюю осторожность при осуществлении внешнеполитических шагов. Жесткая позиция занимает исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам – например, когда индийские власти открыто критикуют США за их политику в отношении Пакистана, но в целом демонстрируют нежелание бросать прямой вызов Соединенным Штатам. Китай также до второго десятилетия нового века проводил крайне осторожный внешнеполитический курс. Все более активные внешнеполитические позиции КНР, видимо, являются проявлением как осознания своей реальной экономической мощи, так и недовольства Западом, который, по мнению Пекина, недостаточно адекватно реагировал на линию Дэн Сяопина, завещавшего преемникам «не высовываться».

С 2011 г. Вашингтон проводит курс на значительное расширение своего присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹³³. США активизировали проект создания Транстихоокеанского партнерства, имеющего очевидную цель ограничения экономического присутствия КНР в АТР. Укрепились военные связи США со странами региона, заставляя Пекин все больше опасаться перспективы образования «антикитайского блока».

Вашингтон усиливал давление и на Индию в целях ее участия в планах по сдерживанию Китая. Если Госдепартамент США отказывается признавать подобные цели, то гораздо откровеннее ведут себя американские военные. Так, еще в феврале 2006 г. министерство обороны США в опубликованном ежеквартальном обзоре по существу объявило своей целью превращение Индии в фактического союзника в целях завершения процесса окружения Китая¹³⁴.

Украинские события способствовали ослаблению давления Вашингтона на азиатских гигантов. Это проявилось в частности в недавнем трехдневном визите Б. Обамы в Дели. Индийский истеблишмент использовал здесь появившуюся возможность вернуться к биполярной политике балансирования и равноудаленности, помня опыт 1960-х годов, когда Индия одновременно была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии и от США, и от СССР, а также учитывая опыт 1970-х годов, когда крен в сторону одной из сверхдержав негативно сказался на международных позициях страны. Любопытной деталью визита Б. Обамы является то, что в ходе посещения им военного парада 26 января – (в День Республики) кульминацией стал пролет над гостями российских военных самолетов МиГ-29К с авианосца «Викрамадитья», бывшего «Адмирала Горшкова»,

¹³² Excerpts from Pentagon's Plan: Prevent the Reemergence of a New Rival // *New York Times*, 08.03.1992, p. A14.

¹³³ Clinton H. America's Pacific Century / H. Clinton // *Foreign Policy*. 2011 (November) [Electronic resource]. Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century?page=0,6

¹³⁴ Cherian J. The China Factor. – «Frontline», Vol. 23, No. 4, Feb. 24 – Mar. 10, 2006.

который был передан Россией Индии в 2014 г. (американцы настойчиво требовали отменить полет самолетов, но индийская сторона не пошла ни на какие уступки).

Подходы азиатских гигантов к украинским событиям оказались сходными. Они воздерживаются при голосованиях в ООН по западным проектам резолюции по Украине, в которых осуждаются действия России, однозначно выступают против военных действий, призывают к политическому урегулированию кризиса. Типовым для российско-китайских документов, подписанных в 2014 г. стал тезис, что "Стороны призывают к деэскалации конфликта в этой стране (Украине – авт.), проявлению сдержанности, к поиску мирных, политических путей решения имеющихся проблем. Стороны призывают все регионы и общественно-политические группы Украины вступить в широкий национальный диалог, совместно разработать концепцию дальнейшего конституционного развития государства, предусматривающую полное соблюдение общепризнанных прав и свобод граждан"¹³⁵.

Индия также подписывает аналогичные документы, такие как Форталезская декларация 15 июля 2014 г. по итогам шестого саммита БРИКС в Бразилии¹³⁶. В ходе визита В.В. Путина в Индию в декабре 2014 г. упоминаний об украинском кризисе вообще нет в официальных документах. Так же обстоит дело с индийско-американскими саммитами. Хотя Б. Обама во время своего пребывания в Индии подвергал бесконечным нападкам Россию, официальные индийские представители никак не комментировали украинские события, а неофициальные лица – подвергли резкой критике попытку американцев втянуть Индию в антироссийскую кампанию.

Азиатские гиганты никак не обозначают своих позиций по вхождению Крыма в состав Российской Федерации, исходя опять-таки из желания уклоняться от прямой поддержки РФ или США. Значительную роль играет и двойственность ситуации. С одной стороны, воспользовавшись крымским прецедентом, Китай и Индия могут претендовать на спорные территории своих соседей. Достаточно вспомнить, что азиатские державы сами уже прибегали к подобным действиям: Китай в 1950 г. оккупировал Тибет, а Индия – в 1975 г. Сикким). С другой стороны, Пекин обеспокоен ситуацией в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а Дели опасается притязаний Пакистана на штат Джамму и Кашмир, а Китая - на Аруначал-Прадеш. Россия, пожалуй, может больше рассчитывать на поддержку Индии, поскольку внешнеполитические процессы в Южной Азии имеют сходство с постсоветскими реалиями. Не случайно Дели с 1991 г. всегда поддерживал действия России на постсоветском пространстве.

Большие надежды азиатские гиганты возлагают на получение от России уступок, прежде всего, в экономической (Китай) и военно-технической сфере (Индия). Пекин рассчитывает на значительное увеличение поставок энергоресурсов по низким ценам. Эти надежды оправдались практически сразу: в мае 2014 года «Газпром» и CNPC подписали соглашение («Сила Сибири») на 30 лет об экспорте в Китай 30 млрд. кубометров газа ежегодно. За 2014 г. поставки в Китай нефти из России возросли на 36%, достигнув цифры в 30 млн. тонн. В результате доля Саудовской Аравии в китайских закупках сократилась за год с 19% до 16%, а доля России выросла с 9% до 11%. По оценкам, к 2020 г. поставки РФ вырастут до 50 млн. тонн¹³⁷.

¹³⁵ Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1642

¹³⁶ Там же - www.kremlin.ru/media/events/files/41d4f160607850ce6e9c.doc

¹³⁷ Официальный сайт US Energy Information Administration, The United States Department of Energy [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ch>; Информационное

Эти отношения взаимовыгодны, поскольку Китаю желательно уменьшать свою зависимость от энергопоставок из нестабильного региона Ближнего Востока, а особенно из-за роста нестабильности в этом регионе, зоне постоянной турбулентности, то Россия тоже должна искать новые маршруты нефте- и газопроводов – в восточном и южном направлениях, чтобы не оказаться заложницей Европы, куда направляется основной экспорт российских углеводородов. Кроме того, Москва в целом благодарна КНР за то, что она не поддержала Запад в антироссийской компании, о чем публично заявляли многие российские руководители, включая президента. Вместе с тем определенная настороженность сохраняется из-за того, что Россия не получила безоговорочной поддержки, как это было и в 2008 г.

Индия также крайне заинтересована в расширении сотрудничества с Россией в сфере энергетики. В ходе визита В.В. Путина в Индию в 2014 г. было подписано 20 соглашений на общую сумму около 100 млрд. долларов. В их число попало и согласие России начать с 2015 г. поставки 10 млн. тонн нефти в год. Москва согласилась на участие индийских партнеров в совместном освоении нефтяных месторождений в Арктике. В сфере энергетики упор вновь был сделан на атомной промышленности. В декабре 2014 г. было принято решение, что до 2035 г. Россия построит в Индии не менее 12 атомных энергоблоков¹³⁸.

По словам премьера-министра Индии, для его страны Россия остается еще и ключевым военным партнером. Причем если раньше отношения между странами строились по привычной схеме «поставщик - потребитель», то очень скоро Индия станет собирать вертолеты МИ-17 и Ка-226Т у себя дома. Ожидается, что в год будут производить как минимум 400 таких машин.

Можно отметить, что общественное мнение и СМИ России не слишком замечают достаточно благоприятную для Москвы позицию Дели по украинскому вопросу, что говорит о недооценке Индии как к одной из ведущих мировых держав. Более четко об этом высказался президент РФ. Эта недооценка косвенным образом сказывается и на индийских средствах массовой информации. В ней часто воспроизводится негатив о России, транслируемый западной печатью. И такой информационный фон не идет на пользу России.

В индийских СМИ (как и в китайских) практически не отражено понимание того, что попытка оторгнуть Украину от России оказалась красной чертой, которую явно перешел Запад; что без Украины РФ не может наладить полноценные интеграционные процессы на постсоветском пространстве; что по существу реакция Москвы на политический переворот на Украине была вынужденной. Изложение событий происходит практически исключительно по западным трафаретам. Так, российская версия о том, что самолет Малайзийских авиалиний «Боинг-777» был сбит военным самолетом Украины, вообще не озвучивается.

Подобное освещение украинских событий в СМИ Китая и Индии, стратегических союзников России, должно стать для нас важнейшим толчком к осознанию чрезвычайной необходимости резко расширить масштабы пропагандистской деятельности за рубежом. Следует увеличить масштабы деятельности «РИА Новости» в азиатских державах, причем упор должен быть сделан не только на формировании позитивного имиджа нашей страны, но и просто на правдивом, а не политически мотивированном освещении реальности. Возможно подписание соглашений с крупнейшими газетами азиатских держав, предоставлении

агентство Regnum [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.regnum.ru/news/economy/1892981.html#ixzz3R94BKHvw>

¹³⁸ 12 new Russian reactors, six at Kudankulam // Hindu, 12.12.2014.

им российских материалов. Стоит подумать о создании для Индии российского англоязычного онлайн-издания, а для Китая – китаеязычного, а также об открытии в Москве новых корпунктов китайских и индийских СМИ. Следует предусмотреть также выделение средств для оплаты размещения российских материалов в азиатской прессе по особо важным для российской стороны темам.

Новая инициатива России, озвученная в ноябре 2014 г. о возобновлении радиовещания на иностранных языках и создании нового вебсайта, представляется шагом в правильном направлении. Целесообразно предложение азиатским гигантам видеоматериалов, рисующих российскую действительность с позитивной стороны, подписание специальных соглашений между российскими и азиатскими телеканалами об обмене телепередачами. Следует изменить политику телеканала «Russia Today» в отношении Китая и Индии. Отсутствие интересной аналитики и процветание «чернухи» и «желтизны» при показе азиатской действительности отворачивают местную аудиторию.

Украинские события показали Кремлю пределы развития взаимоотношений с Западом и важность сотрудничества с сверхкрупными азиатскими державами, ибо Китай, Индия, Бразилия недовольны монопольным положением Севера в мировой экономической и политической системе. Сближает наши страны и неприятие однополярного мира, признаки которого еще сохраняются. Однако необходимо также учитывать, что сравнение России по целому ряду параметров, определяющих международный вес и влияние мировых игроков, с такими государствами, как Китай и Индия, оказывается не в ее пользу. Очевидна слабость позиций РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором расположена ее большая территория. Особое значение для России имеют отношения с Китаем, с которым она имеет протяженную на тысячи километров границу. На фоне контрастов развития КНР и российского Дальнего Востока, даже при сохранении дружественных отношений с этой страной, Россия не может не ощущать своей реальной или потенциальной уязвимости в этом регионе.

Не следует также безропотно соглашаться на роль сырьевого придатка уже Востока, но поэтапно разрабатывать свою стратегию, направленную на развитие человеческого потенциала и наукоемкого производства. Всестороннее развитие взаимосвязей с Большой Восточной Азией (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и часть Южной Азии) даст России возможность укрепить свое положение как мирового центра, резко повысить гибкость внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии. В том числе – в плане обретения необходимой поддержки позиции России в международном контексте.

СНГ

Г.И. Чуфрин

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Планы евразийской интеграции вызвали неприятие со стороны США и их союзников по НАТО уже с момента своего возникновения. По мере же дальнейшего развития евразийского интеграционного проекта (сначала в форме Таможенного союза, а ныне – Евразийского экономического союза) это негативно-критическое отношение лишь усиливалось, переходя в откровенно враждебное. Причина в том, что в Вашингтоне и некоторых других западных столицах посчитали, что подлинной целью евразийского интеграционного проекта является не столько налаживание межгосударственного экономического сотрудничества на региональном уровне, сколько создание благоприятных условий для Москвы по восстановлению и усилению своего политического влияния на постсоветском пространстве.

Именно этим в значительной степени объяснялась крайне жесткая позиция, занятая США и Евросоюзом в текущем кризисе на Украине, начало которому формально как раз и послужил конфликт по поводу выбора Украины между участием в процессе евразийской интеграции и поворотом к Евросоюзу через заключение с ним соглашения об ассоциации (хотя, разумеется, причины этого кризиса гораздо шире и глубже).

В свою очередь это соглашение, в том виде, как оно было сформулировано и подписано новыми властями в Киеве и Евросоюзом в июне 2014 года, явно противоречило интересам России, а также было способно отрицательно сказаться на всей деятельности формируемого Евразийского экономического союза.

Неоднократно разъясняя позицию России по этому вопросу, президент РФ В. Путин подчеркивал, что в результате заключения соглашения об ассоциации и реализации содержащихся в нем требований к Украине о тарифной либерализации и переходе на технические и санитарно-ветеринарные нормы Евросоюза, будет нанесен существенный ущерб объемам и динамике торгово-экономического сотрудничества в евразийском регионе. Россия в этой ситуации не будет бездействовать, предупредил он, и вынуждена будет пойти на ответные меры, отменив торговые преференции в отношении Украины и введя стандартный торговый режим, такой же, какой применяется ею в торговле с Евросоюзом.¹³⁹

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что Россия не получила ожидаемой поддержки в этом конфликте со стороны Белоруссии и Казахстана, своих партнеров по евразийскому интеграционному проекту, которые не высказали вслед за Москвой намерения пересмотреть условия своего торгового режима с Украиной.

Как отмечалось в российском экспертном сообществе, причины, по которым евразийские партнеры России отказались повышать пошлины на товары, следующие с территории Украины, заключались в том, что, во-первых, Минск и Астана посчитали, что поскольку для белорусской и казахстанской экономик свободная зона торговли Украины с ЕС непосредственной угрозы не представляет, то они не хотели бы конфликтовать с Западом по этому поводу. К тому же, во-вторых, Белоруссия и Казахстан, отказавшись от солидарных действий с Россией, встали на путь преследования собственных интересов в сложившейся ситуации. Так,

¹³⁹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/46494>

ввиду того, что Украина является одним из крупнейших деловых партнёров Белоруссии, Минск недвусмысленно проявил заинтересованность не только в сохранении, но, по возможности, и в расширении своих торгово-экономических связей с ней. Что же касается Казахстана, то в связи с планами вступления во Всемирную торговую организацию, он постарался избежать обострения отношений с Украиной, которая могла бы заблокировать его вступление.¹⁴⁰

В свою очередь вследствие отказа евразийских партнеров России от координации с ней своей таможенной политики по вопросу ввоза товаров с территории Украины возникла угроза того, что не только украинские, но и западные товары могли бы фактически беспошлинно поступать в Россию, в частности, через Белоруссию, с которой у России таможенные границы согласно правилам Таможенного союза оставались открыты.

После того, как в августе 2014 г. Россия в ответ на западные политические и экономические санкции ввела запрет на импорт молочной, мясной, рыбной продукции, а также овощей и фруктов из стран ЕС, США, Канады и Австралии, в Белоруссии и Казахстане решили заработать на российском продовольственном эмбарго, нередко нарушая при этом существующие правила Таможенного союза.

Уже в августе 2014 г. представители официального Минска предприняли ряд энергичных шагов по привлечению поставщиков из ЕС в Белоруссию. Как следствие, в сентябре 2014 г. в Белоруссии импорт рыбы, а также овощей и фруктов из стран Евросоюза вырос по сравнению с сентябрем 2013 г. более чем в 2 раза, а молочных продуктов — в 117 раз. Вполне очевидно, что столь масштабное увеличение импорта продуктов питания было продиктовано отнюдь не ростом внутреннего потребления в республике. И хотя последовали официальные заверения на уровне президента А.Г. Лукашенко о том, что Минск не допустит реэкспорта запрещенной европейской продукции,¹⁴¹ практика засвидетельствовала иное.

Так, по данным Россельхознадзора, участились случаи ввоза в Россию из Белоруссии обезличенных (непромаркированных) партий овощей и фруктов (яблоки, груши, баклажаны). Только за период с августа по октябрь 2014 года поставки такой непромаркированной продукции из Белоруссии были выявлены в 82 случаях.

Федеральной таможенной службой (ФТС) РФ были выявлены и случаи контрабанды запрещенных продуктов из Казахстана, в частности, когда была задержана партия из 20 тонн мяса птицы из США, перевозившегося в Омск.

При этом было установлено, что продукты питания, ввозившиеся в Россию контрабандно как с территории Белоруссии, так и Казахстана, фактически поставлялись из стран Евросоюза, а также из США и Канады.

Контрабанда продуктов питания, попавших под российское эмбарго, введенное в ответ на санкции Запада, побудила Россию с 20 октября 2014 ввести усиление контроля за ввозом такой продукции с территории Белоруссии и Казахстана¹⁴². Наряду с введением проверок за импортом овощей и фруктов с территории Белоруссии к началу декабря 2014 г. под контрольные меры попали 30 белорусских предприятий, преимущественно — крупных государственных мясокомбинатов. Одновременно ФТС усилила контроль за перемещением транзитных грузов по российской территории, что осложнило реализацию так называемой «казахстанской схемы» — когда продукция, по документам якобы следовавшая транзитом в Казахстан, на деле реализовывалась в России.

¹⁴⁰ Ведомости. М. 30.06.14

¹⁴¹ Газета.Ru 22.11.2014

¹⁴² Ibidem

Не удивительно, что принятие Россией вышеуказанных мер контроля привело к всплеску напряженности во взаимоотношениях с ее партнерами по евразийской интеграции. Особенно эмоционально отреагировал на эти меры президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, расценив их как стремление посорить Белоруссию с получателями продовольственного транзита из Евросоюза, «закрыть белорусское транзитное пространство» и даже как нарушение Россией «всех наших договорённостей, которые мы достигли в Таможенном союзе».¹⁴³

Жесткие заявления последовали и из Астаны, где заявили, что не готовы сотрудничать с российской стороной по проблеме реэкспорта из ЕС. По словам вице-министра экономики Казахстана М. Абылкасымовой, «о введении какого-либо запрета на транзит товаров, которые импортирует Казахстан из Европейского союза, не может быть и речи» поскольку, пояснила она, взаимные санкции России и ЕС не имеют к Казахстану никакого отношения.¹⁴⁴

Иными словами, как в Минске, так и в Астане недвусмысленно подчеркнули свое желание дистанцироваться от российско-украинского конфликта, избежав при этом ухудшения отношений со странами Запада и распространения антироссийских санкций на свои связи с ними.

Весьма показательным в этой связи стало обращение президента Белоруссии к главам государств-членов Евразийского экономического союза. Выступая в качестве председателя Высшего Евразийского экономического совета, которым он стал после вступления Белоруссией в председательство этого Совета в январе 2015 г., А.Г. Лукашенко предложил «выработать действенные механизмы функционирования Евразийского экономического союза в условиях применения одним из государств-членов односторонних мер защиты рынка в отношении третьих стран».¹⁴⁵

Такое развитие событий может иметь весьма неоднозначные последствия для всего последующего хода евразийского интеграционного процесса.

С одной стороны, подписание Договора о ЕАЭС в мае 2014 г., а также присоединение к евразийским интеграционным проектам Армении и Киргизии в начале 2015 г. свидетельствуют об углублении позитивных тенденций в экономическом взаимодействии участников этих проектов.

С другой, наблюдаемые явные и достаточно серьезные расхождения в позициях России, Белоруссии и Казахстана относительно характера торгово-экономических отношений с Украиной после подписания Киевом соглашения об ассоциации с Евросоюзом создают болезненные проблемы, связанные с обеспечением режима единой таможенной территории в рамках Таможенного союза. В результате возникает серьезный вопрос об эффективности ЕАЭС и о том, как России нужно защищать себя в этой ситуации и каковы будут последствия ее защитных мер для евразийского интеграционного процесса в целом.

¹⁴³ <http://www.regnum.ru/news/polit/1878943.html#ixzz3MQUP7dM1>

¹⁴⁴ Газета.Ru 22.11.2014

¹⁴⁵ <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/21-01-2015.aspx>

ВСТУПЛЕНИЕ АРМЕНИИ В ЕАЭС*

3 сентября 2013 г. состоялся рабочий визит президента Армении С.Саргсяна в Москву. В ходе его встречи с президентом России В.В.Путиным глава Армении заявил, что его страна приняла решение о вступлении в Таможенный союз (ТС). С.Саргсян также заявил, что Армения готова предпринять в этих целях все необходимые практические шаги, а в последующем – участвовать в формировании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Российский лидер поддержал решение С.Саргсяна и выразил готовность Москвы всячески содействовать этому процессу.

Такое развитие событий оказалось совершенно неожиданным как для лидеров США/ЕС, так и для политической элиты Армении. Еще 16 августа 2013 г. на встрече с руководством правящей Республиканской партии Армении (РПА) президент С.Саргсян продолжал заявлять о совершенно противоположном: «мы идем в Европу!». В ноябре 2013 г. на саммите стран «Восточного партнерства» в Вильнюсе планировалось парафировать Соглашение об ассоциативном политическом партнерстве и о создании глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли Армении с ЕС.

Скорое воплощение на практике «европейского выбора» Армении рассматривалось как уже решенное дело не только в Вашингтоне и Брюсселе, уверенность в его реальности выражала часть экспертного сообщества в Армении и России. К примеру, 6 июля 2013 г. автор прозападного армянского издания *Iragir.am* А.Бадалянс удовлетворено констатировал: «Россия уже смирилась с тем, что Армения выбрала ассоциацию с ЕС»¹⁴⁶. Аналогичную оценку дал 15 августа 2013 г. один из ведущих российских экспертов по Закавказью М.Колеров: «Армения этот выбор уже сделала. И он лежит в сфере политической, экономической и оборонной ответственности Европейского Союза, переход Армении в который практически совершён и пересмотру не подлежит»¹⁴⁷.

Большинство комментариев, последовавших за неожиданным разворотом президента С.Саргсяна на восток, сводилось к тому, что его действия были продиктованы общим контекстом противоборства Вашингтона с Москвой за установление полного контроля над регионом Южного Кавказа. Российские и армянские официальные лица категорически отрицали наличие какого-либо давления на Ереван со стороны Москвы. В Вашингтоне и Брюсселе мнение было противоположным: руководство Армении приняло решение под давлением Москвы, и во всем случившемся виновата исключительно Россия, а не политика президента С.Саргсяна.

* Статья написана в рамках проекта Научного общества кавказоведов «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности», который осуществляется при поддержке Общероссийской общественной организации Общество «Знание» России в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 11-рп от 17 января 2014 года «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина».

¹⁴⁶ А.Бадалян. Россия смирилась с выбором Армении //

<http://www.Iragir.am/index/rus/0/comments/view/30634>

¹⁴⁷ М.Колеров. Итоги визита Путина в Баку и новые возможности //

<http://www.iarex.ru/articles/39998.html>

Армянское руководство постаралось не допустить охлаждения в отношениях со своими западными партнерами. 31 августа 2013 г. (т.е. еще до заявления от 3 сентября) президент С.Саргсян проинформировал еврокомиссара по вопросам расширения и европейской политики соседства Ш.Фюле принятом им решении о вступлении Армении в Таможенный Союз. Во время организованного 11 сентября 2013 г. президентом С.Саргсяном обеда с послами стран-членов ЕС, он подчеркнул, что в действительности для вступления в ТС парламент Армении должен принять не менее 150 законов и нормативных актов, а не 50, как сообщалось официально, и о том, что часть этих документов не стыкуется с рядом положений Конституции Армении.

12-13 сентября 2013 г. еврокомиссар Ш.Фюле провел в Ереване серию встреч с высшими должностными лицами и представителями неправительственных организаций. На этих встречах обсуждались предложения по подготовке нового документа по ассоциированному партнерству Армении с ЕС с учётом заявления Еревана намерении присоединиться к ЕАЭС. Это свидетельствовало о том, что США и их союзники предпочли воздержаться от попыток заблокировать процесс присоединения Армении к ЕАЭС и начали выстраивать свою политику на Южном Кавказе с учетом ее будущего членства в этом интеграционном объединении, рассчитывая в будущем использовать это обстоятельство в собственных целях.

29 мая в 2014 г. Россия, Белоруссия и Казахстан подписали договор о Евразийском экономическом союзе, который вступал в силу с начала следующего года. В этот же день президент С.Саргсян обратился к лидерам государств-учредителей ЕАЭС с предложением рассмотреть вопрос о присоединении к союзу Армении. 2 октября 2014 г. правительство Армении оценило вступление в ЕАЭС как соответствующее экономическим и политическим интересам страны, проект договора был им одобрен.

10 октября 2014 г. договор о присоединении Армении к Евразийскому экономическому союзу был подписан главами четырех государств. В этот же день в центре Еревана на площади Свободы прошел санкционированный властями митинг против вступления республики в Евразийский экономический союз. По данным полиции, в митинге участвовали более 14 тысяч человек, организаторы сообщили о 20 тысячах¹⁴⁸.

14 ноября Конституционный суд Армении признал договор о присоединении Армении к ЕАЭС соответствующим основному закону страны. Затем состоялись слушания в парламенте, которые проходили на фоне акций протеста уже противоположного свойства, однако прозападным политикам и НПО не удалось придать им массовый характер. 4 декабря 2014 г. парламент Армении ратифицировал договор о присоединении Армении к ЕАЭС, затем договор ратифицировали парламенты Белоруссии, Казахстана и России.

Армения присоединилась к ЕАЭС в рамках своих международно-признанных границ, таким образом, карабахская проблема не стала препятствием для ее членства в союзе. В конце декабря президентами государств-учредителей ЕАЭС были подписаны законы о ратификации договора о вступлении Армении в ЕАЭС.

Таким образом, Армения стала полноправным членом Евразийского экономического союза, присоединилась к договоренностям государств-учредителей ЕАЭС. Последние предоставили Армении максимально льготные условия для адаптации к общему экономическому пространству, для нее был предусмотрен постепенный переход к единому таможенному тарифу союза до 2022 г. Было учтено

¹⁴⁸<http://www.kommersant.ru/doc/2588155>

и то обстоятельство, что она не имеет общей границы со странами-партнерами. Уверенность в том, что это обстоятельство не станет помехой для успешной интеграции Армении в ЕАЭС, выразил президент С.Саргсян: «у членства Армении есть своя специфика – это отсутствие общей границы с другими членами ЕАЭС. Однако мы убеждены, что это не помешает интеграции Армении в единые системы регулирования, системы транспорта, энергетики, телекоммуникаций, финансов, формируемые на нашем общем экономическом пространстве»¹⁴⁹.

Вступление Армении в ЕАЭС дает ей новые возможности развития и решения социально-экономических проблем. Хотя первоначальная идея общего гражданства ЕАЭС в дальнейшем не получила развития, формальности для граждан, связанные с пребыванием на территории других государств-членов ЕАЭС были максимально облегчены. Более высоким должен стать уровень защиты их прав, созданы более выгодные условия для развития экономической кооперации на двусторонней и многосторонней основе.

Естественно, что вступление в ЕАЭС не повлечет за собой автоматического решения многочисленных и острых социально-экономических проблем Армении. Но очевидно, что для их решения в рамках ЕАЭС будет намного больше возможностей, чем прежде. При этом не следует рассчитывать, что ЕАЭС превратится в аналог советского "собеса", где за счет российского бюджета будут решаться все проблемы. Проект ЕАЭС может получить перспективу лишь в качестве «кооператива», где проблемы решаются общими усилиями всех его членов.

Будущие перспективы Армении в контексте проекта ЕАЭС будут зависеть не только от позиции властей, бизнеса и общества, но и от степени политической активности его идейных противников. И, естественно, от степени вовлеченности во внутривнутриполитическую ситуацию в Армении тех внешних сил, которые используют майданные, тахрирские и т.п. сценарии для вмешательства в дела других государств и достижения собственных целей.

Посольства США и их союзников в Ереване проводят скоординированную и систематическую работу по поддержке лидеров и организаций антироссийской направленности. Россию стремятся представить как империалистическое государство, которое угрожает независимости Армении, является основным источником всех проблем и конфликтов.

В армянских СМИ много лет повторяется набор утверждений о заинтересованности РФ в нерешенности карабахского конфликта, в нормализации армяно-турецких отношений, намерении России (как в 1921 г.) «предать» Армению в угоду Турции и Азербайджану, о невыгодном для Армении характере экономических связей с РФ и т.п. Постоянное повторение одних и тех же антироссийских утверждений в информационном поле Армении приносит определенный эффект, особенно в молодежной среде.

Наряду с активной информационной кампанией против России западные государства оказывают постоянное давление на руководство Армении. 30 июля 2014 г. посольство США официально предупредило армянские власти о рисках для Армении, которые связаны с введением санкций против Роснефти, Газпромбанка и ВТБ. Очевидно, что западные санкции против РФ будут использованы Вашингтоном и Брюсселем как средство политического и экономического давления на официальный Ереван с целью торпедирования интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Если такое давление не достигнет поставленной цели, не исключено, что

¹⁴⁹<http://www.vestikavkaza.ru/news/Armeniya-voshla-v-Evraziyskiy-soyuz.html>

США могут принять решение о смене власти путем осуществления очередного «майданного» сценария.

Непопулярность властей, коррупция и острые социально-экономические проблемы, излишняя идеализация «европейского выбора» частью населения (особенно в среде молодежи) создает благоприятную ситуацию для вмешательства внешних сил с целью блокирования интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и радикального изменения внешнеполитического вектора Армении.

Наиболее вероятно, что в ближайшей перспективе политика Запада по отношению к Армении и всему региону продолжит сохранять выжидательный характер. В настоящее время западные посольства сосредоточены на изменении общественных настроений путем информационной войны против России в местных и транслируемых в Армении западных СМИ. Одновременно определяется круг активистов и организаций, которые в случае необходимости могут быть задействованы в разыгрывании местного «майданного» сценария.

А.Б. Крылов, А.Ю. Скаков

НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-АБХАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

В результате распада СССР отношения между Россией и Абхазией складывались сложно и противоречиво. После войн в Абхазии и Южной Осетии, завершившихся поражением грузинской армии, политика Москвы была направлена на восстановление территориальной целостности Грузии, возврата отделившихся республик под контроль Тбилиси при условии предоставления автономии и гарантий безопасности местному населению.

В декабре 1994 г. российские власти ввели жесткие ограничения на пересечение российско-абхазской границы, призванные оказать давление на власти и население республики и вынудить их принять условия Тбилиси. При этом грузинские власти требовали от Москвы возврата бывших автономий под свою власть, но отказывались давать хоть какие-то гарантии безопасности и прав местного населения. После опустошительных войн в Абхазии и Южной Осетии подобная позиция Тбилиси была совершенно нереалистичной.

Во время войны, 23 марта 1993 г., Верховный Совет Абхазии обратился к Верховному Совету России с просьбой вернуть республику в состав либо под покровительство России. После войны, 16 апреля 1995 г. в Сухуме был проведен Народный сход, который принял следующее обращение: «Мы подтверждаем, что рассматриваем Абхазию, как территорию, находящуюся под покровительством и защитой России. Только единение с Россией позволит возродиться многонациональному народу Абхазии, который не мыслит своего существования без тесного общения с родственными народами Северного Кавказа, всей России и Европы. Только Россия способна обеспечить в регионе мир и спокойствие, сохранить многонациональный народ Абхазии и необходимые для его

* Статья написана в рамках проекта Научного общества кавказоведов «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности», который осуществляется при поддержке Общероссийской общественной организации Общество «Знание» России в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 11-рп от 17 января 2014 года «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина».

существования политико-экономическое и духовное пространство. Исходя из вышеизложенного, мы – участники Народного Схода многонационального народа Абхазии вновь обращаемся к народу и руководству Российской Федерации с просьбой о воссоединении Абхазии с Россией. Сухум, 16 апреля 1995 г.»¹⁵⁰.

После распада СССР и грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. лозунг возвращения в Россию продолжал господствовать в общественном сознании, его поддерживало большинство граждан Абхазии. Но российское руководство настаивало на принципе «территориальной целостности» постсоветских государств и возврате республики в состав Грузии. В условиях российской блокады общественные настроения в Абхазии быстро менялись. Уже через несколько лет идея собственного независимого государства стала преобладающей.

В конце правления Ельцина тупиковый характер абхазской политики Кремля стал очевидным. Для абхазов возвращение в состав Грузии продолжало оставаться категорически неприемлемым, так как оно противоречило интересам их этнического выживания. В конце 1990-х гг. президент Грузии Э. Шеварднадзе полностью переориентировался на США и ЕС. В условиях нарастающего кризиса в отношениях с США/ЕС и откровенно антироссийского курса официального Тбилиси Абхазия превращалась для России во все более важную составляющую ее кавказской политики.

С приходом к власти президента В.В. Путина Москва отказалась от прежнего курса по отношению к Абхазии. В 2001-2004 гг. российско-абхазские отношения активно развивались, объемы российской помощи на восстановление Абхазии постоянно нарастали. Российское руководство было уверено, что намного более успешное, чем в прежде, социально-экономическое развитие Абхазии в 2001-2003 гг. будет способствовать приходу к власти Р.Хаджимба – политического преемника тяжело больного первого президента Абхазии В.Ардзинба. Такая преемственность гарантировала бы продолжение курса на тесный союз с Россией и отвечала российским интересам. Разразившийся в Абхазии накануне президентских выборов 2004 г. острый внутриполитический кризис стал для Кремля неприятной неожиданностью.

После прихода к власти представителя абхазской оппозиции президента С.Багапша двусторонние отношения фактически пришлось выстраивать вновь. В конечном итоге Москве и новому руководству Абхазии удалось наладить нормальные отношения. После провала военной авантюры М.Саакашвили в Южной Осетии в августе 2008 г. Россия официально признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Абхазия перестала быть «непризнанным государством» и становится «частично признанным», а российско-абхазские отношения выходят на более высокий уровень.

17 сентября 2008 г. был подписан договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и Абхазией», который закрепил взаимовыгодные отношения России и Абхазии, придал им правовую основу. При следующем президенте Абхазии А.Анквабе двусторонние отношения продолжали развиваться. Проблемы возникали не столько в отношениях между Россией и Абхазией, а внутри самой Абхазии. В республике нарастало недовольство политикой третьего президента. Его обвиняли в том, что использование поступающих из России средств могло бы быть намного более эффективным, в коррупции и других грехах. 1 июня 2014 г. под давлением оппозиции А.Анкваб был вынужден уйти в отставку.

¹⁵⁰ ОБРАЩЕНИЕ схода многонационального народа Абхазии, посвященного 185-летию добровольного вхождения Абхазии в состав России// <http://www.kavkazoved.info/news/2011/02/20/obraschenie-shoda-naroda-abhazii-1995.html>

24 августа 2014 г. в стране прошли внеочередные президентские выборы, на которых убедительную победу одержал Рауль Хаджимба. В преддверии президентских выборов все кандидаты в президенты и все основные политические силы единодушно выступали за подписание нового договора с Российской Федерацией, который позволит перевести двусторонние отношения на более высокий уровень. После выборов разработанный российской стороной проект договора был опубликован с целью его широкого общественного обсуждения в Абхазии.

Москва предлагала, чтобы новый договор оформил формирование общего пространства обороны и безопасности России и Абхазии путем создания объединенной группировки войск, координационного центра органов внутренних дел стран. Предлагалось также максимально упростить режим на российско-абхазской границе и одновременно наладить эффективный контроль на грузино-абхазской границе по реке Ингур.

Предложенный российской стороной проект договора подвергся жесткой критике со стороны противников нового президента (партия «Амцахара», НПО-сектор и пр.). Пропагандистская кампания против подписания договора имела прежде всего внутриабхазскую направленность. Срыв подписания нового договора дискредитировал бы Р.Хаджимба, стал бы свидетельством его слабости и неадекватности. Бюджет Абхазии лишился бы обещанных в соответствии с договором 5,5 млрд. рублей, соответственно, в экономике республики не появились бы новые рабочие места, а заработная плата бюджетников не была бы ни повышена, ни даже проиндексирована. Это ослабило бы позиции Р.Хаджимба и усилило бы позиции его противников. Последние становились в глазах общества «настоящими патриотами Абхазии», что снимало с некоторых из них (в первую очередь, представителей НПО-сектора) обвинения в ангажированности в пользу Запада.

Противостояние договору давало возможность создать и консолидировать оппозицию новым властям. В чем можно было их обвинить? Ведь Р.Хаджимба только пришел к власти. Первым его шагом стала встреча Р.Хаджимба с В.В. Путиным 27 августа 2014 г., после которой и были озвучены основные параметры договора. Не имея другого подходящего повода для пропагандистской атаки на нового президента, его противники использовали новый договор для обвинения Р.Хаджимба в национальном предательстве, фактическом отказе от независимости и суверенитета Абхазии, намерении превратить ее в «российскую губернию». Тем самым тема растрат и финансовых махинаций прежней власти как бы теряла свою актуальность. Более того, появлялась возможность представлять расследование всевозможных злоупотреблений как борьбу с политическими оппонентами новой власти. Таким образом, с самого начала стремящиеся к политическому реваншу сторонники А.Анкваба сделали все, чтобы придать кампании против нового российско-абхазского договора характер конфликта между «истинными патриотами» Абхазии и «национальными предателями». Кстати, подобные методы политической борьбы успешно использовала оппозиция, обвинявшая А.Анкваба в национальном предательстве, что, в конечном итоге, привело к его отставке¹⁵¹.

¹⁵¹ Поводом для критики президента А.Анкваба стала получившая широкое распространение практика предоставления гражданства и паспортов Абхазии жителям Гальского района грузинского (мегрельского) происхождения. По мнению его политических противников, подобным образом А.Анкваб сознательно увеличивал роль грузинского компонента в политической жизни Абхазии и вел дело к капитуляции перед Грузией.

Неприятие многими политическими силами в Абхазии нового договора с Россией было продиктовано не только сиюминутными конъюнктурными интересами политических противников Р.Хаджимба. Справедливо мнение российского политолога С.Маркедонова: «Сам по себе договор не открыл чего-то нового в асимметричных отношениях РФ и Абхазии. Он выпукло обозначил противоречия между запросом на национальную независимость при растущей зависимости частично признанной республики от российского бюджета, гарантий безопасности, а также между необходимостью открытия Абхазии для бизнеса и инвестиций из РФ и сохранением абхазской этнодемократии (системы, сочетающей выборы и конкуренцию с привилегиями «титульного» этноса)»¹⁵². Очевидно, что отмеченные С.Маркедоновым противоречия имеют долговременный характер и что они могут привести к новым проблемам как внутри Абхазии, так и в отношениях между Россией и Абхазией.

Развернутая противниками Р.Хаджимба пропагандистская кампания против нового договора закончилась неудачей. После проведенной в Абхазии «правки» первоначального текста название договора изменилось: «союзничество и интеграция» были заменены на «союзничество и стратегическое партнерство». Понятие «интеграция» из текстов большинства случаев было удалено. Заметно возросли сроки выполнения конкретных мероприятий и заключения дополнительных соглашений. Место «согласованной» внешней политики заняла «скоординированная» внешняя политика (а это, видимо, только «учет интересов» и «информирование»). Появились новые пункты о предполагаемом участии Абхазии в интеграционных проектах на постсоветском пространстве (что весьма маловероятно, учитывая позицию Минска и Астаны).

В новом тексте договора были даны гарантии сохранения Вооруженных сил РА: в состав объединенной группировки войск будут входить только части «выделенные из состава ВС РА и ВС РФ», и руководить ими будет не «объединенное», а «совместное» командование. При этом заместитель командующего объединенной группировкой «назначается уполномоченным органом Республики Абхазия». Место «привидения в соответствие» таможенного законодательства заняло «сближение», оно же встало на место «гармонизации» бюджетного и налогового законодательств. Отметим также и явное стремление редакторов первоначального текста избежать обязательств абхазской стороны по приему каких-либо нормативно-правовых актов или внедрению «обязательных стандартов».

Несмотря на большое количество терминологических изменений в первоначальном тексте, основные параметры договора остались в силе. Длительная и предметная работа над текстом проекта договора, широко освещавшаяся в абхазских СМИ, ограничила для его противников возможности его торпедирования. Многие замечания по тексту были полезными для обеих сторон, они были учтены в окончательной редакции текста договора.

19 ноября проект Договора был одобрен правительством Республики Абхазия, и уже 20 ноября 2014 г. российское правительство приняло постановление о направлении согласованного варианта договора на подпись Президенту РФ. Согласованный сторонами текст договора о союзничестве и стратегическом партнерстве¹⁵³ был подписан президентами России и Абхазии 24 ноября 2014 г. По новому договору Абхазия в ближайшие три года будет ежегодно получать по 4 млрд. руб. на социально-экономическое развитие и еще 5 млрд. руб. будут

¹⁵² С.Маркедонов. Закавказье: итоги 2014 года. - <http://www.politcom.ru/18430.html>

¹⁵³ Полный текст договора см.: http://news.kremlin.ru/ref_notes/4783

перечислены в 2015 г. для реализации договора. Стороны создадут совместную группировку войск для отражения внешней агрессии и предпримут шаги по сближению законодательства¹⁵⁴.

Благодаря эффективной работе среди депутатов команде Р.Хаджимба удалось нейтрализовать активность оппозиции в парламенте Абхазии. В результате 22 декабря 2014 г. за ратификацию нового российско-абхазского договора проголосовало 23 депутата и лишь 5 депутатов проголосовали «против»¹⁵⁵. Любому непредвзятому наблюдателю было очевидно, что договор соответствует в первую очередь, интересам Абхазии.

Расчищая авгиевы конюшни старой власти, президент Р.Хаджимба пытается консолидировать все здоровые силы абхазского общества, не отталкивая своих вчерашних оппонентов. За несколько месяцев ему удалось добиться ощутимых успехов. Началась масштабная антикриминальная кампания, затрагивающая ряд фигур, близких к прежнему руководству. Успешными следует признать многие кадровые назначения на министерские посты (МВД, Министерство образования и др.). Авторитетный экономист Б.Барателия стал председателем Национального банка страны.

Негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Абхазии может оказать нестабильность экономической ситуации в России в контексте кризиса в ее отношениях с США и ЕС. В сложившейся ситуации руководству Абхазии необходимо осуществить переход к более самодостаточной экономике, снизить уровень зависимости путем изменения модели формирования бюджета РА, двигаясь от нынешнего соотношения в нем российских и абхазских поступлений (75% на 25% соответственно) к обратному соотношению (25% на 75% соответственно). Очевидно, что выстраивание самодостаточной экономики и обеспечение устойчивого социально-экономического развития станет главной задачей для четвертого президента РА Р.Хаджимба и его команды.

Новый договор призван стать долговременной основой для российско-абхазских отношений. Он дает возможность развивать взаимовыгодные связи, нейтрализовать имеющиеся и потенциальные угрозы, более успешно решать социально-экономические проблемы Абхазии. Это в интересах России, для которой выгодно, чтобы соседняя Абхазия была стабильным и предсказуемым государством. И которой, кстати, совершенно невыгодно включать Абхазию в свой состав и добавлять себе массу новых проблем внутри России и на международной арене. Новый договор в полной мере отвечает и интересам Абхазии, которая получает дополнительные возможности решать свои проблемы, в том числе и проблему государственного строительства.

А.М. Иванов

ЧЕТВЁРТЫЙ КАСПИЙСКИЙ САММИТ

29 сентября 2014 г. в Астрахани состоялся IV Каспийский саммит, в котором приняли участие главы пяти прикаспийских государств: Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана. По итогам встречи был подписан ряд документов: Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря, Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и

¹⁵⁴<http://www.vedomosti.ru/politics/news/36421401/partnerstvo-bez-oglyadki>

¹⁵⁵http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=41193

ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море и Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря. В совместном заявлении лидеров прикаспийских государств были определены также согласованные сторонами принципы деятельности стран-участниц саммита в акватории Каспийского моря¹⁵⁶.

Обсуждение проблемы раздела Каспия ведется с момента распада СССР, и за прошедший период стороны существенно продвинулись по пути сближения позиций и поиска компромиссов. В этой связи несомненным достижением стран-участниц переговоров в договорно-правовой сфере на момент проведения IV-го Каспийского саммита можно считать:

- чётко выраженную приверженность к сохранению мира и стабильности в регионе, а также уважение суверенитета и территориальной целостности друг друга;
- договорённость о недопустимости присутствия на Каспии вооружённых сил нерегиональных держав;
- утверждение принципа свободы мореплавания и использования водных ресурсов при соблюдении национального суверенитета каждой стороны над прибрежным морским пространством в пределах 15 морских миль и исключительных прав каждой стороны на добычу водных биологических ресурсов в пределах 10 морских миль, примыкающих к каждой прикаспийской стране;
- поддержание курса на разграничение дна и недр Каспийского моря на основе «общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации суверенных прав сторон на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, по договоренности сторон».

Наблюдаются и определённые практические успехи, ставшие результатом компромиссных по преимуществу решений. Так, Россия провела с Азербайджаном и Казахстаном в двустороннем порядке процедуру определения морских границ в Каспийском море¹⁵⁷. Иран, изначально претендовавший на 50% акватории Каспия, а потом снизивший свои требования до 20%, вынужден был пойти на дальнейшие уступки и искать компромиссы с Азербайджаном и Туркменистаном.

Однако в ходе IV-го Каспийского саммита стало очевидным, что страны-участницы по-прежнему испытывают немалые трудности в разрешении наиболее острых проблем, связанных с Каспием. В частности, пока рано говорить об урегулировании спора о границах раздела морского дна, особенно между Ираном и сопредельными государствами. В случае с Ираном, Азербайджаном и Туркменистаном ситуация усугубляется нахождением на спорных участках между Ираном и Азербайджаном, а также между Азербайджаном и Туркменистаном, перспективных месторождений углеводородов, являющихся объектом притязаний обеих сторон соответствующего территориального спора.

Позиции России и Ирана вступают в противоречие с мнением Казахстана, Азербайджана и Туркменистана и по ряду других направлений. Так, Россия и Иран единодушны в том, что лишь прибрежные страны имеют право размещать

¹⁵⁶ См. официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46686>.

¹⁵⁷ См.: «Соглашение от 6 июля 1998 года между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» и Протокол к Соглашению, фиксирующий прохождение модифицированной срединной линии, подписанный Президентом РФ 13 мая 2002 г.; подписанное 23.09.2002 «Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря»; «Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линии разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря» от 14.05.2003.

вооружённые силы в акватории Каспийского моря, а возможность появления на берегах Каспия сил сторонних государств исключается в любой форме. При этом Иран и Россия – единственные из всех пяти прикаспийских государств, которые располагают значимым военно-морским потенциалом, при том что и их отношения с Западом, главным образом с США, остаются достаточно напряжёнными. Обе страны находятся под действием международных санкций. Санкции против Ирана с разными обоснованиями вводятся США и их союзниками с 1979 г., а в 2000-е годы – преимущественно из-за отказа Тегерана свернуть свою ядерную программу; Россия находится под санкционным прессом США и ЕС с 2014 г. в связи с событиями в Крыму и на востоке Украины

Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, в свою очередь, формально соглашаясь с требованием о недопущении сил сторонних держав в Каспийский регион, на практике с готовностью идут на сотрудничество с США и НАТО в оборонной сфере, как это делают Казахстан и Азербайджан, сотрудничавшие с НАТО в Афганистане на протяжении многих лет; Туркменистан получает активную поддержку со стороны США в деле улучшения своих оборонительных возможностей¹⁵⁸.

Серьёзным камнем преткновения является вопрос транспортировки энергоносителей по подводным трубопроводам, в первую очередь, природного газа. Туркменистан и Азербайджан давно пытаются реализовать проект Транскаспийского газопровода, который бы обеспечил поставки газа из Туркменистана по дну Каспийского моря в Азербайджан и далее в Европу в рамках так называемого "Южного газового коридора", призванного стать для ЕС альтернативным России источником "голубого топлива". Россия и Иран выступают резко против этой инициативы, обосновывая свою позицию заботой об экологии Каспийского моря, но на деле за этим противодействием стоят прагматические мотивы: Российская Федерация не желает появления на европейском рынке конкурирующего туркменского газа, в то время как Иран предпочёл бы, чтобы туркменский газ пошел в Европу через его собственную территорию. Иран и сам заинтересован в выходе на европейский газовый рынок, но сохраняющийся режим санкций служит серьёзным препятствием на пути реализации этих планов.

Несмотря на российское и иранское противодействие любым попыткам со стороны бывших советских республик проложить трубопроводы по дну моря для доставки нефти и газа в Европу, Азербайджан и Туркменистан уверенно поддерживали на саммите в Астрахани идею строительства газопровода из Туркменистана через Каспийское море и Азербайджан в Европу, в очередной раз подчеркнув, что подобный проект на Каспии может осуществляться с согласия только тех государств, через участки дна которых будет построен такой трубопровод, с соблюдением самых высоких международных экологических стандартов и норм.

Сближению позиций России и Ирана относительно проблем Каспийского региона также способствует и внешнеполитическая обстановка, в первую очередь давление западных стран. В ноябре 2014 г. Россия и Иран подписали Протокол с соглашением между Правительством РФ и Правительством ИРИ о сотрудничестве в сооружении на территории Ирана атомной электростанции и контракт на строительство второй очереди АЭС "Бушер", предусматривающий сооружение двух энергоблоков АЭС с возможностью расширения до четырех энергоблоков¹⁵⁹, а также

¹⁵⁸ Mansour Kashfi. Iran yields to Russia in talks over Caspian resources // The Oil & Gas Journal. 02.02.2015. P. 35.

¹⁵⁹ Сайт Росатома. URL: http://www.rosatom.ru/resources/03a10680462aa521b6ecf6d490c073ed/protocol_russia_iran_rus.pdf (дата обращения: 06.11.2014); там же (URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/main/>

договорились о более активном участии российских нефтегазовых компаний в иранской нефтяной отрасли. В последние месяцы стороны активно обсуждали перспективы нефтяных своповых операций, прорабатывали соглашение об обмене российских промышленных товаров, продовольствия и металлов на иранскую нефть, а также договорились об укреплении сотрудничества в военной сфере, включающем в себя планы по расширению обмена делегациями, проведению штабных переговоров, участию в учениях в качестве наблюдателей, подготовке военных кадров, обмену опытом в миротворческой деятельности и борьбе с терроризмом, гуманитарному разминированию и заходу военных кораблей в порты России и Ирана¹⁶⁰.

Вместе с тем, необходимо отметить, что практические результаты многих громких меморандумов и соглашений, подписанных Россией и Ираном, зачастую оказываются куда более скромными, либо и вовсе стремящимися к нулю, что обусловлено как объективными трудностями – и, в первую очередь, действующим режимом международных санкций в отношении Ирана – так и самим характером этих договорённостей, носящих порой откровенно декларативный и демонстративный характер. Какой будет судьба последних инициатив по сближению двух стран покажет время.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что на IV Каспийском саммите не удалось достичь главного – согласовать и подписать всеми прикаспийскими странами давно ожидаемую всеобъемлющую Конвенцию о распределении прав на акваторию, морское дно и ресурсы Каспийского моря.

67ec0e80462a2044aeeeeed490c073ed (дата обращения 07.11.2014).

¹⁶⁰ Сайт РИА Новости. URL: <http://ria.ru/analytics/20150120/1043452036.html#ixzz3SUiMesjC> (дата обращения 20.01.2015).

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Г.И. Мирский

ФЕНОМЕН ИГИЛ

Трудно вспомнить, чтобы какой-либо другой регион современного мира сразу подвергнулся такому бедствию. Это уже не назовешь кризисом – это катастрофа. Арабский Восток рассыпается, задыхается и утопает в крови. Известный немецкий эксперт Райнер Герман пришел к выводу, что «арабский мир находится в самом глубоком кризисе со времени монгольского завоевания в 13 веке и разрушения Багдада в июне 1258 года».

Только в трех государствах не видно угрозы распада и существует относительный порядок – это Марокко, Тунис и Египет. В Ливии государства фактически уже нет. Алжир держится только потому, что население еще не оправилось от ужасов недавней внутренней войны. Но рано или поздно взрыв там неминуем, и все гадают, как долго сможет армия его предотвращать. К востоку от Суэца «нефтяные монархии» (не столько государства, сколько «племена с флагом») удерживаются в стабильном состоянии, пока есть нефть и газ. Сирию, Ирак и Йемен уже нельзя назвать цельными государствами, о мире и стабильности там давно забыли, прогнозы самые мрачные. Иордания и Ливан буквально висят на ниточке, никто не сомневается, что там зреют перемены к худшему.

Мир столкнулся с опасностью глобального масштаба. Ее название – экстремальный радикальный исламизм или транснациональный джихадизм. Ее реальное воплощение – организация «Исламское государство» (ИГ), иначе называемое ИГИЛ (Исламское государство Сирии и Леванта). Ее символ – Халифат, провозглашенный после вторжения боевиков ИГИЛ в Ирак из Сирии и ставший магнитом, притягивающим к себе мусульманских радикалов.

Число мусульман в мире приближается к полутора миллиардам. Из них экстремистов, а тем более террористов, вероятно, меньше одной сотой процента. Но это безумно энергичное, фанатичное, беспощадное и бесстрашное меньшинство, в распоряжении которого Интернет. Идеи радикальных исламистов пользуются огромной популярностью среди мусульманской молодежи, люди из более чем 80 стран нахлынули на территорию Ирака, контролируемую ИГ, тысячи европейцев отправляются воевать на Арабский Восток, обратившись перед этим в ислам.

В чем разница между исламом и исламизмом? В самом сжатом виде можно сказать: ислам – это религия и образ жизни, основа целой цивилизации, элемент идентичности сотен миллионов людей, порождающий солидарность мирового мусульманского сообщества. Исламизм – это политическое движение, базирующееся на радикальной идеологии, суть которой – фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира – от забвения основ «чистого, праведного, истинного ислама предков», от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящее для мусульман светское устройство общества. Под теоретическим прикрытием идей фундаменталистов (по-арабски «салафитов», от слова «салаф», предки) выросла когорта исламистов-практиков, «людей дела», борцов против «западных агрессоров и разлагающего влияния тлетворного Запада». При этом отметим полную несостоятельность теории «войны ислама против христианства», ведь исламисты считают западное общество не

христианским, а безбожным, аморальным и развращенным. «Цивилизация декольте» – так его называют.

Точно так же несостоятельно и мнение о том, что радикалами, экстремистами и в конечном счете террористами становятся обездоленные и отчаявшиеся люди из нищих стран. Нет, это почти всегда выходцы из состоятельных семей, получившие хорошее образование. И как раз в самых нищих странах, начиная, например, с Бангладеш и кончая Тропической Африкой, где люди живут на один доллар в день, террористов нет. Наоборот: из 19 боевиков, участвовавших в «Операции Манхэттен» (так с гордостью именуется «Аль-Каида» террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.) 16 были гражданами Саудовской Аравии, одной из богатейших стран мира. А среди добровольцев, приехавших из арабских стран воевать в рядах «Исламского государства», около 40 % составляют молодые люди из Туниса, страны с населением не слишком голодающим и наиболее грамотным в арабском мире.

Не оправдались и надежды на то, что успешное экономическое развитие воспрепятствует распространению экстремизма и терроризма. Те, кто полагали, что если людям дать работу и приличные условия жизни, у них не будет смысла «идти в террор», глубоко ошибаются. И высшее образование не становится препятствием для усвоения экстремистских взглядов. Вспомним западноевропейскую интеллигенцию 30-х годов прошлого столетия: образованные молодые люди, не удовлетворенные, как они считали «пошлой буржуазной жизнью» с ее банальными ценностями христианства, благополучной жизни, равенства, демократии и пр., в поисках смысла существования, возвышенных мотивов и великой цели обращались к чему? Либо к марксизму, либо к фашизму. Многие молодые немцы, французы или голландцы сегодня принимают ислам примерно из таких же побуждений: коммунистические и фашистские идеи вышли из моды, маоизм также не оправдал надежд тех, кто подобно Сартру видел в нем единственную альтернативу тусклой капиталистической цивилизации. Но вот ислам – может быть в нем и есть истина?

Для того, чтобы понять, что привлекает мусульман из разных стран, например, в ряды «Исламского государства», надо иметь в виду, что идеология исламистов основывается на общепризнанных базовых ценностях ислама. Так, все мусульмане согласятся с тем, что только их сообщество является особым, истинным (в Коране сказано: «Вы лучшая из общностей, созданных для рода людского»), и оно должно доминировать в мире, а фактически правят бал неверные, американцы. Следовательно, налицо великая несправедливость, последователи бен Ладена ведут борьбу за то, чтобы ее устранить, как же их не поддержать? Борьба против навязываемой якобы Западом светской модели общества – это тоже прямо вытекает из установок шариата, категорически не допускающего фактического (а не формального) равенства женщин с мужчинами и вообще существования сферы жизни, неподконтрольной религии.

В том-то и дело, что радикальный исламизм – это не какая-то занесенная болезнь. Его корни – в некоторых основных, органических положениях ислама, но искаженных и приспособленных для нужд насилия и террора. И если спросить тех мусульман, которые, может быть, не одобряют террор, но в общем сочувствуют идеям «Аль-Каиды», в чем причина этой симпатии, ответ будет: «Наша вера, ислам, единственная истинная религия, находится под угрозой, ее хотят уничтожить, мир ислама подвергается опасности новой колонизации, происходят вооруженные интервенции (Афганистан, Ирак, Ливия), более того – существует дьявольский заговор Большого Сатаны и сионистов с целью подрыва мусульманских ценностей».

На этой идейной основе родилась «Аль-Каида», организация арабских добровольцев, прибывших в Афганистан для борьбы против советских войск, которые были введены в эту страну в конце 1979 г. с целью оказания помощи пришедшему к власти революционному правительству. Война велась под лозунгом «джихада», «священной войны против неверных», и «Аль-Каида» получила существенную поддержку от США и Пакистана. После окончания афганской войны основатель «Аль-Каиды» Усама бен Ладен создал несколько дочерних группировок, одна из которых в 2003 г. в Ираке пришла на помощь суннитам, потерявшим власть в результате американской интервенции. Первое ее название – «Аль-Каида в Ираке», второе – «Исламское государство в Ираке», третье – ИГИЛ. Сейчас – просто «Исламское государство», т.е. Халифат.

Большинство сторонников джихада, священной войны, относится к ваххабитскому направлению суннитского толка ислама. Крайне нетерпимая, эта секта с особой ненавистью преследует шиитов – тоже мусульман, но «не тех». Лидер «Аль-Каиды в Ираке» Абу Мусаб аз-Заркауи называл шиитов «непреодолимым препятствием, затаившейся змеей, хитрым и зловредным скорпионом, шпионящим врагом и глубоко проникающим ядом». Помимо шиитов, врагами являются американцы и евреи.

Для понимания сегодняшних событий надо иметь в виду и такое важнейшее обстоятельство, как явно обнаружившаяся несостоятельность некоторых «национальных государств» Арабского Востока. Единая нация в них не сложилась, и лояльность жителей стала переноситься с государства на общину и свою конфессиональную общность. Для суннитов Ирака сирийские сунниты – это свои, а иракские шииты – чужие, если даже не враги. Центр тяжести – пока только в Ираке и Сирии – переместился с уровня государства на уровень локальной общности, часто даже секты. И люди уже ощущают себя, как и их предки, мусульскими суннитами или алавитами из Алеппо. Разница в том, что в прошлые времена над всеми ними стояла мощная имперская власть, не допускавшая войн между общинами.

В Египте, если не считать коптов-христиан, все жители – сунниты; то же и в Тунисе. Кровь пролилась и там, но в несравненно меньшем масштабе, чем в Сирии и Ираке. Видимо, можно говорить о национальной идентичности египтян и тунисцев, даже о формировании нации – на основе осознания общности исторической судьбы. «Я египтянин» – звучит убедительно. «Я иракец» – нет. Правда, в 1980-х годах иракцы-шииты воевали против своих иранских единоверцев не хуже, чем сунниты. Но там уже действовали тысячелетние недружественные отношения между арабами и персами; патриотизм, государственный национализм оказался сильнее религиозного родства.

Кстати о войне. Отчетливо видна разница между «правительственными» армиями и ополчениями, образованными на общинной или «сектовой» основе. Армия Башара Асада почти четыре года не может справиться с повстанцами, не имеющими тяжелого вооружения. Иракская армия вообще позорно бежала из Мосула при появлении джихадистов. Хорошо воюют суннитские экстремисты, включая ИГИЛ, равно как курды и ливанские шиитские отряды «Хизбалла». И это понятно: они воюют за «своих», а не за власть в столице, которая им безразлична. А солдаты правительственных войск не чувствуют себя гражданами. По большому счету государственные образования оказались несостоятельными.

Можно сколько угодно удивляться: подумать только, разногласия из-за вопроса о том, кто будет наследником «повелителя правоверных» Мухаммеда, сейчас, спустя чуть ли не полторы тысячи лет, порождают такое кошмарное кровопролитие. Но тут уже ничего не поделаешь. Вот уж где, действительно, дело не

в религиозных разногласиях или теологических спорах, а в том, что на протяжении всех этих сотен лет у представителей обоих толков ислама накапливалась ненависть друг к другу: дискриминируемое шиитское меньшинство мусульман не простит обид и унижений, а суннитов не заставишь отказаться от внушенного еще в детстве убеждения в том, что шииты – в лучшем случае еретики и отступники, а в худшем – враги ислама. И сейчас ясно, что так называемые *sectarian identities* никуда не девались, они существовали все время, скрытые и подмороженные, и никакие перемены и революции не смогли устранить или даже ослабить это органическое разделение общества.

Без осознания огромной важности суннитско-шиитского противостояния нельзя сегодня понять, например, почему бесчинства кровожадных мракобесов из «Исламского государства» не вызывают особого возмущения среди суннитского населения Ирака и Сирии (а возможно и немалой части жителей Иордании и Саудовской Аравии). Да, жестокие ребята, но ведь свои. Пленных убивают – а что, шииты этого не делали?

Вернемся к фронту. К 2010 г. джихадисты в Ираке, не сумев добиться победы и над шиитами, и над американцами, ушли в тень, но тут подоспела «арабская весна» в Сирии. Боевики двинулись туда, участвовали в войне против «шиитского режима» Башара Асада, и весной 2014 г. вернулись обратно в Ирак, зная, что там их готовы поддержать суннитские племена, ненавидящие руководимое шиитами правительство аль-Малики. Дальнейшее известно: образовалось реальное квазигосударство, контролирующее серьезные энергетические и водные ресурсы Ирака и Сирии и располагающее настоящей армией, бесстрашно воюющей сразу на всех фронтах.

2014 год войдет в историю как год создания ИГИЛ, самого жестокого, бесчеловечного и мракобесного террористического движения нашего времени, и как год провозглашения Халифата, который уже насчитывает 6 миллионов жителей. После молниеносного взятия Мосула все стали гадать – куда двинутся джихадисты. Самой вероятной мишенью выглядел Багдад, но десятки тысяч добровольцев - шиитов ринулись с юга на фронт – защищать столицу, в которой 4 из 6 миллионов жителей составляют шииты.

Тогда ИГИЛ вторгся в регион Иракский Курдистан, фактически являющийся самостоятельным квазигосударственным образованием вот уже в течение двадцати лет. Однако американцы не могли сдать своих единственных реальных союзников в Ираке – курдов. Обама послал авиацию. Бомбежки сделали свое дело, джихадисты отошли. Перед этим они на захваченной ими земле уничтожили все шиитские мечети и христианские храмы, монументы, даже гробницу библейского пророка Ионы. Кровапролитие продолжается, вновь начинается суннитско-шиитская война. Число взрывов смертников-шахидов достигло 30 в месяц. Шииты, опасаящиеся, что их доминирование в Ираке, ставшее возможным благодаря американскому вторжению в 2003 г., подходит к концу, начинают чувствовать себя, как пишет авторитетнейший иракский политик и писатель Али Аллауи, почти как евреи в Германии в 1935 г.

Возможно, что весной (сейчас обе стороны готовятся к «весеннему наступлению») ИГИЛ попытается ворваться в Иорданию и Саудовскую Аравию, создать единый фронт с ХАМАС и возглавить новую коалицию врагов Израиля. Еще бен Ладен говорил: «Дорога в Иерусалим идет через Багдад».

Цель суннитских исламистов-джихадистов – установить свою власть в ключевых странах исламского мира. Это, судя по всему, Саудовская Аравия (родина пророка), Пакистан, Ирак, Сирия, Палестина, Турция, Египет, Алжир. Если там будет

установлена власть воинствующих, нетерпимых исламистов – это уже будет для многих мусульманских радикалов Халифатом.

Все это будет решаться в Ираке. Но войну в Ираке нельзя выиграть без победы в Сирии. Фактически это уже разветвленная война. В Сирии идут несколько войн: первая – между режимом Башара Асада и оппозицией, переросшая в противостояние между суннитским большинством населения и алавитским меньшинством; вторая – между умеренной прозападной оппозицией и радикалами-джихадистами; третья – между самими радикалами («Фронт Нусры» против ИГИЛ); четвертая – между курдским ополчением и ИГИЛ; и наконец пятая, региональная – между США, Саудовской Аравией и суннитскими государствами с одной стороны, и Ираном и ливанскими шиитами с другой.

Свою отдельную двойную игру ведет Турция. Президент Эрдоган давит на Обаму, чтобы тот в борьбе против ИГИЛ не забывал об общей цели – свержении Асада, но американский президент законно опасается, что это приблизит победу джихадистов. Все воюющие силы не доверяют друг другу. Известная формула «враг моего врага – мой друг» в этом регионе не работает.

Вот допущенные Америкой ошибки, больше чем что-либо иное приведшие к нынешнему кровавому хаосу. Во-первых, Обама понадеялся, что Башар Асад сгинет так же, как Каддафи, не сообразив, что крах ливийского лидера был в первую очередь результатом воздушных ударов НАТО, чего в Сирии нет. Во-вторых, американцы не учли, что Сирия, в отличие от Ливии – многонациональная и мультиконфессиональная страна, и алавитская (шиитская) верхушка будет воевать из последних сил, чтобы избежать гибели от рук суннитских экстремистов. В-третьих, Обама вывел американские войска из Ирака, не сумев при этом заставить режим аль-Малики отказаться от проведения сугубо прошиитской политики, что вызвало у суннитов новый взрыв антиамериканизма. Таким образом американцы и Асада не смогли устранить, и обстановку в Ираке дестабилизировали: ведь если бы не поддержка доведенных до отчаяния антисуннитской политикой аль-Малики иракских суннитских племен, разве смогли бы 1300 джихадистов ИГИЛ обратить в бегство под Мосулом 60-тысячную иракскую армию?

Бездарной и контрпродуктивной оказалась политика главного союзника США – Саудовской Аравии, из которой в Сирию прибыло больше боевиков, чем из любой другой страны. На пропаганду господствующей в королевстве ваххабитской идеологии (ваххабиты – самое жестокое и нетерпимое направление суннитского толка ислама) Саудовская Аравия истратила 10 миллиардов долларов. Эксперты заметили, что вообще в мире происходит «ваххабизация суннизма». Всеми силами направляя суннитских экстремистов на борьбу против шиитов, саудовская монархическая элита сейчас с ужасом обнаружила, что помогла вырасти такому монстру, который запросто ее сожрет в соответствии с завещанием бен Ладена, смертельного врага саудовской династии.

Изуверы ИГИЛ, равных которым по жестокости не было в мире после краха полпотовских Красных кхмеров в Камбодже 40 лет тому назад, представляют сейчас главную угрозу для Запада. А вот для Асада их прибытие в Сирию оказалось, как это ни парадоксально, выгодным. Эти изверги не только отпугивают население, делая президента «меньшим злом» даже для тех суннитов, которые его ненавидят, но и не позволяют Западу оказывать оппозиции серьезную помощь. Обама не может послать повстанцам то, в чем они больше всего нуждаются – зенитные комплексы и противотанковые ракеты – именно потому, что это попадет в руки джихадистов. И каждый раз, когда Турция и страны Залива посылают оружие умеренной оппозиции, джихадисты знают, что они его отберут. Ведь что по сравнению с ними,

бесстрашными «борцами за дело ислама», представляет собой, например, Свободная сирийская армия, состоящая, как однажды проговорился вице-президент США Джо Байден, «не из солдат, а из лавочников»?

Обама не может помочь взять власть в Дамаске людям, верным заветам бен Ладена – убивать американцев где только они попадутся. Но и выглядеть защитником шиитов он не может, чтобы не восстановить против себя суннитов, правящих в 20 арабских государствах из 21 (а вообще из 57 мусульманских государств шииты находятся в большинстве только в четырех).

Катастрофа и кровавый хаос. Несколько десятилетий тому назад ключевыми словами в дискурсе на тему о Ближнем Востоке были: на Западе – демократизация, права человека, усвоение универсальных (фактически западных) ценностей, у нас – общедемократическая программа, единый фронт, революционная демократия. Слово «демократия» – и тут и там. Как же все ошибались! Сейчас ключевые слова звучат мрачно и зловеще. Ауспиции для «прогрессивного поступательного развития, процветания арабского мира» в условиях мира и безопасности выглядят весьма неблагоприятными.

С.В. Демиденко

ЛИВИЯ: ХАОС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

До 2011 года Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия (СНЛАД) была богатым и относительно благополучным государством, в котором его глава, полковник Муаммар Каддафи пытался выстроить рай для отдельно взятой части арабского народа. Все жители получали определенную долю от нефтяных доходов, правительство обеспечивало граждан бесплатными образованием, жильем и медицинским обслуживанием, субсидировало цены на продукты питания и товары первой необходимости. Что касается самой идеи Джамахирии как государственного устройства, то этот проект нельзя рассматривать как эксцентричную идею чудаковатого бедуина Каддафи. В условиях разделения страны по племенному признаку (до 120 только крупных племен¹⁶¹) идея народных собраний в общем соответствовала ливийским реалиям. Джамахирийская система поддерживала традиционный, знакомый испокон веков каждому ливийцу уклад, создавала иллюзию того, что все жители страны участвуют в ее политической жизни и напрямую влияют на принятие важнейших государственных решений. Вдобавок огромная численность высшего законодательного органа – Всеобщего народного конгресса (2700 депутатов¹⁶²) - обеспечивала представительство в нем каждого из племен.

Однако даже СНЛАД, государство с относительно небольшим населением и очень высокими нефтяными доходами (в сравнении с другими африканскими странами), оказалась затронута волной нестабильности, получившей с легкой руки СМИ название "Арабская весна". В основе протеста лежали, во-первых, регионально-племенной фактор (до революции 1969 года у власти находились представители Киренаики – племенные вожди-выходцы из среды ордена сенуситов, после же переворота, организованного группой "Свободных офицеров юнионистов-

¹⁶¹ А.З. Егорин, Г.В. Миронова. Сенуситы в истории Ливии. М., 2006. С. 22 – 32.

¹⁶² А.З. Егорин. Муаммар Каддафи. М., 2009. С. 102.; <http://www.kommersant.ru/doc/501357>.

социалистов" первенство перешло к представителям Триполитании¹⁶³), а во-вторых, не вполне адекватная экономическая политика самого Каддафи.

За время своего правления полковник несколько раз кардинальным образом менял экономический курс страны. Начиная с 1969 года до периода окончательной «джамахиризации» (1976 – 1979 гг.), государство вело планомерное наступление на частный сектор. В результате этих действий население столкнулось со всеобщим дефицитом, тотальной забюрократизированностью, ростом коррупции и злоупотреблений. Это дало почву для появления и в самой Ливии, и за ее пределами антикаддафистских организаций самого различного толка – от монархических до ультра религиозных. В 1987 году Каддафи вынужден был снять запрет на частную собственность. Затем вследствие террористических актов в Ла-Белль (1986 год) и в Локкерби (1988 год) Ливия попала под действие международных санкций и уровень жизни поднять не удалось вновь. В начале 2000 гг. полковник пересмотрел теперь уже основы внешней политики, что привело к отмене эмбарго и активизации экономической жизни СНЛАД. Очень кстати начался и нефтяной бум, который дал Триполи исключительные возможности по претворению в жизнь масштабных социальных проектов, "успокоивших" большую часть населения. Однако полностью протестная база оппозиции за столь недолгий промежуток времени размыта не была (особенно в Киренаике), чем в 2011 году и воспользовались внешние силы (страны НАТО и арабские монархии Персидского залива) с целью устранения неугодного им Каддафи.

Справляясь более или менее с поддержанием стабильности внутри страны, и разорвав режим международной изоляции, Каддафи, видимо уверовав в свой «дипломатический гений», в международной политике допустил ряд серьезных просчетов, которые и обернулись катастрофой для СНЛАД. Потерпев неудачу в открытом противостоянии с Западом, полковник с 2000-х гг. стал использовать против «империалистов» нефтяное оружие. Ради углеводородных богатств Ливии европейцы готовы были терпеть и санкции в отношении Швейцарии, и бесконечные скандалы на фешенебельных европейских курортах, связанные с именами сыновей Каддафи¹⁶⁴. Италия даже взяла на себя обязательство выплатить Ливии несколько миллиардов долларов в качестве компенсации за многолетнюю оккупацию. Унижая европейцев, Каддафи демонстрировал населению Ливии волю к борьбе и твердость в отстаивании политических принципов. Страна должна была гордиться своим лидером.

Однако европейцы, разрабатывая ливийские концессии, не забывали об унижениях, которым подвергал их Каддафи, допуская к разработкам углеводородных месторождений. Скорее всего, план свержения режима и передела местного рынка зрел в столицах Старого Света уже давно. Ждали только удобного случая. Он представился, когда на волне «арабских революций» в Киренаике началось очередное, казалось бы рутинное, выступление мятежников, которое сразу же получило всеобъемлющую поддержку извне.

Свое слово сказали и Саудовская Аравия с Катаром, давно и люто ненавидевшие лидера СНЛАД. Каддафи всегда считал, что основным препятствием для объединения арабов (под эгидой Триполи) является «антинародная» политика консервативных арабских монархий – Саудовской Аравии, Иордании, Катара, Бахрейна, ОАЭ (после обострения отношений между Триполи и Каиром в 1977 году этот список пополнился Египтом). В этой связи он интриговал на международной

¹⁶³ См. А.З. Егорин. Муаммар Каддафи. С. 417 - 426. Анализ биографий вождей революции однозначно свидетельствует в пользу преобладания в их составе выходцев из Западной Ливии.

¹⁶⁴ См., например: <http://newsru.co.il/world/31dec2009/aline706.html>

арене против «заливников», а также поддерживал силы, дестабилизирующие ситуацию внутри клерикальных арабских монархий. Конфликт Триполи с государствами Персидского залива был настолько глубок, что в 2002 году Ливия вышла из Лиги арабских государств, а среди экспертов широкую известность получил факт глубокой личной неприязни между Каддафи, с одной стороны, и королем Саудовской Аравии Абдаллой и бывшим эмиром Катара Хамадом аль-Тани – с другой, последнего Каддафи даже оскорблял публично¹⁶⁵.

После падения СНЛАД большинство наблюдателей сходилось на том, что страну ждет хаос и, вероятнее всего, гражданская война. На первых порах эти прогнозы не полностью оправдались, что дало некоторым западным авторам повод заявить о победе в Ливии демократических сил¹⁶⁶. Основываясь, видимо, на этих оптимистичных прогнозах, крупнейшие игроки углеводородного рынка Европы (Eni, Wintershall, Total, OMV) начали работу в Ливии, активно сбывая добытое сырье в Италии, Китае и Франции.¹⁶⁷ Однако достаточно скоро оживление сменилось стагнацией, а уровень добычи стал неуклонно снижаться (в августе 2013 года он составлял 650 тыс. баррелей в сутки, в то время как на протяжении всего 2012 года он держался на уровне 1,3 – 1,4 млн. баррелей)¹⁶⁸. Такому положению дел способствовали нарастающие дезинтеграционные процессы.

Летом 2012 года в Ливии прошли выборы во Всеобщий национальный конгресс, которые должны были стать первым шагом обновленной страны на пути к демократии. Результаты голосования вселили в европейцев еще больше надежд на стабилизацию ситуации – исламисты проиграли. В парламент было избрано 200 депутатов (80 - по партийным спискам, 120 – независимые)¹⁶⁹. Победу праздновал Альянс национальных сил, считавшийся на тот момент условно либеральным (или исламистско-либеральным¹⁷⁰). Второе место заняла Партия справедливости и строительства (ПСС) - политическое крыло ливийских «Братьев-мусульман» (основана в марте 2012 года¹⁷¹). Из оппозиционеров, которых фактически "в обозе" привезли французы и итальянцы, тут же был сформирован кабинет министров, приступивший к созданию сил национальной безопасности¹⁷².

¹⁶⁵ <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/20-01-12a.htm>

¹⁶⁶ См., например: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/oct/21/libya-revolution-democracy-muammar-gaddafi>

¹⁶⁷ Э.О. Касаев. Нефтяные потери Ливии // Независимая газета. 15 октября 2013 года.

¹⁶⁸ Там же

¹⁶⁹ <http://www.bbc.com/news/world-africa-18721576>.

¹⁷⁰ К.В. Мещерина. Новая Ливия: тернистый путь... куда? // Азия и Африка сегодня. №2 (679) 2014.

¹⁷¹ <http://www.tripolipost.com/articledetail.asp?c=1&i=7553>

¹⁷² Долгое время витриной ливийской оппозиции был Мохаммед Магареф - бывший посол в Индии. В 1980 году Магареф вместе со всем штатом бюро сбежал на Запад, и в 1981 году основал в Хартуме Национальный фронт спасения Ливии. В августе 2012 года именно Магареф стал спикером парламента обновленной Ливии. Однако, окунувшись в реальную политическую жизнь и, видимо, поняв, что разобрать весь ворох накапливающихся проблем он не в состоянии, Магареф подал в отставку 28 мая 2013 года. Несколько дольше продержался бывший помощник Магарефа по работе в посольстве Индии Али Зейдан, занимавший до недавнего времени пост главы кабинета министров. Зейдан, движимый желанием установить контроль центральной власти над ливийским ТЭКом, отдал приказ вооруженным силам атаковать танкеры, которые нелегально вывозят из страны нефть. После этого в октябре 2013 года Зейдан был похищен некими людьми, которые препроводили премьера в неизвестном направлении, хотя скоро освободили. По все видимости, главу кабинета вывезли куда-то для беседы о будущем углеводородного потенциала Ливии. Детали разговора, равно как и тот, кто был собеседником Зейдана, осталось неизвестным. В марте же 2014 года премьеру, которого обвинили в коррупции и неспособности выполнять свои прямые обязанности, был вынесен вотум недоверия, а в его отношении прокуратура начала расследование. (см. например: [http://www.libyaherald.com/2012/08/11/mohammed-magarief-from-libyas-most-hunted-man-to-national-](http://www.libyaherald.com/2012/08/11/mohammed-magarief-from-libyas-most-hunted-man-to-national)

Однако достаточно быстро выяснилось, что ни парламент, ни его спикер, который в новой Ливии является главой государства, ни правительство не имеют возможности проявить управленческую состоятельность. Негативные прогнозы экспертного сообщества начали сбываться с 2012 года, когда началась полная дезинтеграция ливийского социума. Причиной же этих процессов стало обострение противоречий между крупными племенами и племенными союзами, которые в условиях разрушения ориентированных на поддержание межплеменного мира институтов Джамахирии вступили в борьбу за контроль над недрами, над маршрутами контрабанды вооружений, над поставками продовольствия. Жертвой этих усобиц стал даже посол США в Ливии, убитый мятежниками в сентябре 2012 г.

На первых порах основным источником нестабильности была Киренаика. Региональные лидеры стремились добиться как можно более широких прав автономии, чтобы самим контролировать залежи углеводородов, политическим представителем восточных вождей является полевой командир Ибрагим аль-Джатран¹⁷³. В условиях ослабления центральной власти фактическими хозяевами положения на востоке страны стали местные шейхи. В 2013 году "ополченцы" Джатрана, как бы демонстрируя свою мощь, захватили нефтяные терминалы в портах Рас-Лануф, Сидер, Эз-Зувайтина, Харига¹⁷⁴ и удерживали их в течение девяти месяцев. Применить против «сепаратистов» войска официальный Триполи так и не решился, опасаясь, видимо, что насилие приведет к социальному взрыву по всему востоку страны. Урегулировать конфликт удалось путем переговоров¹⁷⁵.

Несколько позже кризисные процессы стали набирать силу и в Триполитании. Основной очаг напряженности здесь – город Мисурата. Проживающие в его окрестностях племена испокон веку отличались особенной воинственностью, не ладили с соседями и были головной болью и для итальянцев, и для короля Идриса, и для самого Каддафи. Не случайно мисуратцы стали едва ли не основным ударным отрядом повстанцев в борьбе против джамахирийского режима; именно они пленили и убили сначала самого Каддафи, а потом захватили и удерживают в качестве боевого трофея его старшего сына Сейф-аль-Ислама). Сначала мисуратцы вели борьбу с берберами Зинтана (в рядах оппозиции они более известны как "Зинтанская бригада"), потом переключились на родное племя бывшего лидера Джамахирии – каддафа.

На разбой, чинимый мисуратцами, до поры до времени никто не обращал особенного внимания, пока воинственные бедуины не бросили вызов могущественным кланам Востока, став во главе происламского альянса "Рассвет Ливии". В данный союз, помимо Мисураты, вошли также ориентированные крайне радикально организации "Ансар аш-Шариа", "Аль-Каида в Средиземноморье" и местные "Братья-мусульмане". Вероятнее всего, под этими названиями скрываются представители мелких восточных племен, которые под эгидой радикального ислама и могущественной Мисураты выступили против диктата племенных союзов Киренаики¹⁷⁶. Имеются также сведения об участии в этом объединении боевиков из ИГИЛ¹⁷⁷.

congress-speaker/#axzz2zb85YcD3 ; А.З. Егорин. Муаммар Каддафи. М., 2009. С. 191.; ИНТЕРФАКС. «Международная информация». 28 мая 2013 года. 22:26)

¹⁷³ <http://www.chicagotribune.com/news/sns-rt-us-libya-oil-20140305,0,4939195.story>

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ <http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2811485>

¹⁷⁶ ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 4 декабря 2014 года. 18:52.

¹⁷⁷ ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 5 декабря 2014 года. 11:26.

Летом 2014 года "Рассвет Ливии" захватил ключевые города страны – сначала "колыбель революции" и экономический центр – Бенгази, а позже и саму столицу. Под напором мисуратцев из Триполи бежали депутаты избранного в июле 2014 года нового парламента, которые теперь уже в изгнании, в Тобруке, создали "единственный законный" орган власти – Палату представителей. Его признает мировое сообщество, от его лица действует и "законный" премьер Абдалла аль-Тани. Что касается мятежников, то они создали в Триполи своей законодательный орган и свое марионеточное правительство Омара аль-Хаси¹⁷⁸, которое в ноябре 2014 года даже решилось отправить своих представителей на саммит ОПЕК¹⁷⁹.

Таким образом, сейчас в Ливии действует два парламента и два кабинета министров, противостояние между которыми углубляет раскол в обществе и погружает страну в пучину политического хаоса. Все чаще при описании ситуации в бывшей Джамахирии звучит термин "сомализация". И это действительно так. Гражданская война, начавшаяся в 2011 году, с падением режима Каддафи лишь набирает обороты. Восточная элита, скоординировав действия и проведя ревизию своих военных сил, выступила против захвативших контроль над крупнейшими экономическими центрами страны мисуратцев и союзных им племен (исламистов). Операцию под названием "Достоинство Ливии" возглавил один из оппозиционных режиму Каддафи генералов Халифа Хафтар¹⁸⁰ (по данным американских источников - гражданин США¹⁸¹). Подконтрольные ему подразделения носят название Ливийской национальной армии и им уже (хотя и негласно) придан статус вооруженных сил страны, поскольку созданные под эгидой "законного" правительства и при поддержке европейцев армия и полиция со своей задачей очевидно не справились.

Теперь бои с переменным успехом идут за Бенгази и Триполи. О победах сообщает то одна, то другая стороны. Перелома в ходе боевых действий, однако, не происходит, по всей видимости, в силу того, что Ливия по сей день является плацдармом борьбы не только внутренних, но и региональных сил. Исламистам Мисураты помогает Катар¹⁸², а восточным шейхам ориентированное теперь просаудовски египетское руководство президента А. Ас-Сисси¹⁸³. Противостояние между этими центрами силы (Дохой и Эр-Риядом) определяет с недавнего времени политическое лицо всего Ближневосточного региона.

Сегодня Ливия как бы выкинута из мирового информационного пространства. О ней мало пишут, еще меньше говорят. Подобная информационная блокада объясняется тем, что несостоятельность очередного, на этот раз европейского, эксперимента по модернизации арабского государства путем широкого применения силовых методов очевидна. Вместо демократии, свободы и процветания ливийский народ получил горе, нищету и тотальную исламизацию. Можно сказать, что европейцы, вторгнувшись в СНЛАД (американцы, как известно, отозвали свою авиацию после первых же дней налетов¹⁸⁴), наступили там на те же грабли, что и США в Ираке. Желая сделать покоренную страну более лояльной и управляемой, они уделили много внимания военной фазе (к слову сказать - и здесь у Брюсселя получилось не слишком удачно), не разработав никакого внятного плана

¹⁷⁸ <http://www.reuters.com/article/2014/11/28/us-libya-security-rival-idUSKCN0JC1A320141128>

¹⁷⁹ ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 26 ноября 2014 года. 17:15.

¹⁸⁰ ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 2 декабря 2014 года. 15:07.

¹⁸¹ <http://www.nytimes.com/2014/05/28/opinion/the-new-danger-in-benghazi.html?action=click&contentCollection=Opinion®ion=Footer&module=MoreInSection&pgtype=article&r=0>

¹⁸² ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 31 октября 2014 года. 17:48.

¹⁸³ <http://bigstory.ap.org/article/7fe66b72c56a49479c46d19ef2e3bf66/clashes-libyas-benghazi-kill-least-3>

¹⁸⁴ Е.М. Примаков. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2012. С. 387 - 388.

послевоенного ее обустройства. Европейцы понадеялись на универсальность либеральных методов, решив, что демократия все наладит сама собой. Однако, как это уже не раз подтверждалось политической и исторической практикой, что хорошо для развитых в социально-экономическом отношении сообществ, плохо для структур отсталых и архаичных. Именно к таким структурам необходимо отнести и ливийское общество, которое к моменту начала агрессии так и не сумело разорвать тенета племенной раздробленности. В результате у южных рубежей Старого Света тлеет очаг политической нестабильности, распространяющий вокруг гуманитарные проблемы, исламизацию и контрабанду наркотиков и вооружений (в том числе и массового уничтожения¹⁸⁵).

Сегодня как никогда ясно – хаос в Ливии будет лишь нарастать. Помимо противостояния между Мисуратой и восточными шейхами, дезинтеграционные процессы усиливаются вследствие конфликтов друг с другом отдельных племен – каддафы и ауляд сулейман¹⁸⁶, тубу и туарегов¹⁸⁷ и т.д.). Управлять конгломератом воинственных и своевольных племен мог лишь человек, изнутри понимавший специфику организации местного сообщества. Однако человек этот канул в Лету, а новые рецепты формирования государственности оказались в Ливии нежизнеспособны. Сравнение с Сомали более чем уместно, ибо теперь это не государство, а всего лишь географическая территория на политической карте Северной Африки.

А.А. Рогожин

АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА – КУРС НА АЗИЮ

2014 год ознаменовался резким повышением дипломатической активности арабских стран на азиатском континенте, в первую очередь в отношениях с Китаем и Индией.

В сентябре министр иностранных дел Саудовской Аравии наследный принц Сауд Аль-Фейсал провёл переговоры со своим китайским коллегой Ван И, в рамках которых пообещал содействовать ускорению создания Зоны свободной торговли (ЗСТ) ССАГПЗ¹⁸⁸ – КНР и участвовать в формировании Азиатского инфраструктурного банка (Asia Infrastructure Investment Bank, AIIB) – нового финансового института, к которому Китай проявляет повышенный интерес. В ноябре эмир Катара Тамим бин Хамад Аль Тани и председатель КНР Си Цзиньпин подписали соглашение о создании Стратегического партнёрства Китая и Катара. В ходе переговоров эмир высказался за скорейшее формирование ЗСТ ССАГПЗ – КНР, выразил готовность участвовать в китайском проекте Морского Шёлкового пути и войти в состав государств-основателей Азиатского инфраструктурного банка.

¹⁸⁵ ИТАР-ТАСС. "Политика". 19 ноября 2014 года. 22:28.

¹⁸⁶ ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 28 сентября 2014 года. 23:09.

¹⁸⁷ ИТАР-ТАСС. "Международная панорама". 21 сентября 2014 года. 19:12.

¹⁸⁸ Таково официальное название этой организации (англ. Cooperation Council for the Arab States of the Gulf; араб. *العربية جيل خال لودل نواعتلا سلجم*), однако её участники предпочитают употреблять сокращённый вариант – Совет сотрудничества государств Залива, ССГЗ (англ. The Gulf Cooperation Council, GCC; араб. *جي جيل خال نواعتلا سلجم*), что помогает избежать использования топонима "Персидский", ибо арабские государства предпочитают называть этот залив "Арабским". В состав ССАГПЗ входят Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты.

В январе Саудовскую Аравию по приглашению руководства страны посетил министр финансов Индии П. Чидамбарам для обсуждения комплекса вопросов, связанных с финансированием инвестиционных объектов, представляющих взаимный интерес. С ответным визитом в Индии в феврале побывал вице-премьер, министр обороны Саудовской Аравии наследный принц Сальман бен Абдель Азиз аль-Сауд, который провёл переговоры о сотрудничестве с Индией в таких областях как оборонная промышленность, наука и технологии. В начале 2014 года Катар и Индия продлили на новый срок действующий с 2004 года контракт на поставку в Индию сжиженного природного газа, а в ноябре министр торговли и промышленности Катара Тауфия Фаузан аль Рабиах возглавил весьма представительную – свыше 100 человек – делегацию деловых кругов страны на IV Индийско-арабской конференции по сотрудничеству в Дели.

Вслед за визитом в Индию в ноябре 2013 г. премьер-министра Кувейта шейха Джабер аль-Мубарак аль-Хамад ас-Сабаха в 2014 состоялось заседание Межправительственной комиссии, итоги которой были закреплены подписанием многочисленных контрактов, предусматривающих создание совместных предприятий в таких сферах, как добыча нефти, нефтехимия, транспортная и энергетическая инфраструктура. Крупнейшим из них будет металлургический комбинат, который Индия построит в Кувейте.

В феврале 2014 г. состоялся первый государственный визит в Индию короля Бахрейна Хамада бен Иса аль-Халифы, в ходе которого были достигнуты договорённости о взаимном инвестиционном сотрудничестве в различных отраслях обрабатывающей промышленности, в области информационно-коммуникационных технологий, банковском деле.

Представляется очевидным, что активизация стран-членов ССАГПЗ связана с более отчётливо обозначившимися в 2014 году потенциальными угрозами (особенно на среднесрочную перспективу) для сбыта их нефти и газа в Азии со стороны новых конкурентов – США и России.

США могут появиться на азиатских рынках нефти и газа после того, как, благодаря технологическим инновациям, выйдут на полное самообеспечение своих потребностей в энергии к 2020 г. и начнут экспортировать углеводородное сырьё в страны этого континента. Россия предпринимает немалые усилия по масштабному выходу на рынки газа и нефти Китая и в меньшей степени других стран Азии. В странах ССАГПЗ прогнозируют, что уже в среднесрочной перспективе Россия может стать крупным игроком на азиатском рынке нефти и газа.

Существенные изменения глобального экономического веса различных стран и регионов, произошедшие в последние десятилетия, а особенно рост Китая и Индии, дополнены ожидаемыми серьёзными сдвигами в области предложения энергии на азиатском континенте. Это всё сильнее подталкивает страны Персидского залива к тому, чтобы акцентировать своё внимание на экономической сфере сотрудничества с азиатскими государствами, не ограничиваясь рассмотрением их как исключительно покупателей нефти и газа. Не следует забывать также, что страны ССАГПЗ и страны Азии связывают разнообразные и довольно масштабные отношения в сфере экономического сотрудничества, и эти связи имеют порой многовековую историю.

Азия сегодня является наиболее важным торговым партнёром ССАГПЗ – это касается как экспорта нефти и СПГ, так и импорта промышленных товаров и продовольствия. Доля Азии (исключая Японию) в общем объеме торговли стран ССАГПЗ составляет 40% и имеет тенденцию к росту. Растущие торговые связи ССАГПЗ с развивающимися странами Азии также сопровождаются интенсификацией

двусторонних отношений в области инвестиций. Рабочие мигранты из Азии, особенно с Индийского субконтинента, сейчас составляют более половины рабочей силы стран ССАГПЗ, внося значительный вклад в экономическое процветание и развитие государств Персидского залива.

Будучи подкреплён дальнейшим ростом доли Азии в структуре глобального спроса на энергию в ближайшие десятилетия, наблюдаемый сдвиг торговых отношений ССАГПЗ в сторону Азии предположительно продолжится. Именно растущий спрос на энергоносители азиатских государств поможет ССАГПЗ поддерживать экономический рост, сохранить важные рынки сбыта нефти и газа. Существенно и то, что Азия стремительно становится также главным торговым партнёром монархий Персидского залива, оставив позади и США, и страны ЕС. Более тесное сотрудничество между этими двумя регионами обещает дать странам ССАГПЗ широкий доступ не только к быстро растущим азиатским рынкам нефти и газа, но и к таким многообещающим секторам, как телекоммуникационные и финансовые услуги.

Экономики ССАГПЗ сильно зависят от экспорта углеводородного сырья и связанных с ним продуктов, от значительного импорта других товаров, включая продукты питания, продукцию машиностроения и промтовары. Не удивительно, что монархии Персидского залива входят в число наиболее открытых стран мира, в которых экспорт и импорт товаров и услуг составляет 110% ВВП.

За минувшее десятилетие были отмечены некоторые значительные изменения в структуре торговли стран ССАГПЗ. Япония остаётся наиболее важным экспортным направлением для стран ССАГПЗ, однако её доля снизилась с 23% в 2000 г. до 15% в 2012 г. В то же самое время, Индия поднялась с десятого на второе место, и теперь на её долю приходится более 10% экспорта ССАГПЗ. Это изменение структуры торговли отражает смещение глобального экономического веса в пользу быстроразвивающихся стран, особенно Азии, на долю которых теперь приходится более 40% всего экспорта ССАГПЗ. Более половины экспорта ССАГПЗ теперь направляется в быстроразвивающиеся и развивающиеся страны. Китай и Индия постепенно становятся крупнейшими торговыми партнёрами ССАГПЗ.

В экспорте стран ССАГПЗ в Азию (помимо Японии) доминировали нефть и газ, а также полученные из них химикаты и пластмассы (более 80% всего экспорта в 2012 г.). На долю этих продуктов Азии за пределами Японии пришлось почти 60% энергетического экспорта ССАГПЗ: Южная Корея 13%, Китай 10, Индия 9% (с учётом Японии эта доля увеличивается до 80%). В то же самое время, Азия становится всё более зависимой от импорта нефти из стран Персидского залива.

Индия сегодня получает 2/3 всего своего импорта нефти из стран Залива (18% из одной только Саудовской Аравии). 1/3 нефтяного импорта Китая также поступает из стране ССАГПЗ (17% из Саудовской Аравии). Япония удовлетворяет не менее 70% своих общих потребностей в нефти за счёт импорта из монархий Персидского залива, а в случае с Южной Кореей этот показатель превышает 60%. Этот процесс сопровождался существенным сокращением доли импорта из промышленно развитых стран, и в особенности из стран ЕС. Импорт из стран Азии, не считая Японии, состоял преимущественно из продукции машиностроения и других промышленных товаров (машины и оборудование – 28.8%, промышленное сырьё и нефтепродукты – 7.5, прочие промышленные товары – 32.6%).

Растущая важность торговых отношений с азиатским континентом также отражается в торговой политике стран-членов ССАГПЗ в отношении Азии. Важной вехой стало вступление в силу в сентябре 2013 г. соглашения о свободной торговле (ССТ) между ССАГПЗ и Сингапуром. Оно стало первым соглашением такого рода,

заключённым между ССАГПЗ и неближневосточной страной. Оно освобождает от взимания таможенных пошлин на 99% общего объема товаров, импортируемых из Сингапура в страны ССАГПЗ¹⁸⁹. Кроме того, это соглашение предусматривает преференциальные отношения в других сферах, включая торговлю услугами, инвестиции, правила определения страны происхождения товара и таможенные процедуры. Страны ССАГПЗ также выразили готовность признавать сингапурские стандарты халальности как аналогичные своим внутренним стандартам.

В настоящее время ведутся переговоры о заключении ССТ с другими азиатскими торговыми партнёрами, включая Индию и Китай. Китайский президент Си Цзиньпин в январе 2014 г. призвал ускорить подписание соглашения о свободной торговле между Китаем и ССАГПЗ – и оно является предметом переговоров на протяжении десятилетия. С китайской точки зрения данное соглашение не только позволит обеспечить крупномасштабный импорт нефти по более благоприятной цене, но и открывает для китайских компаний новые возможности в сфере инвестиций и бизнеса.

Растущие торговые связи стран ССАГПЗ с развивающимися странами Азии сопровождались усилением потока взаимных инвестиций. На азиатских рынках страны ССАГПЗ действуют не только в области энергетики и инфраструктуры, но и в других секторах, таких как финансы и телекоммуникации. Для арабских стран Персидского залива инвестиционные проекты в Азии обещают доступ к растущим рынкам энергоносителей, а также к другим привлекательным секторам экономики, таким как финансовый сектор (в том числе "исламский") и телекоммуникации. В свою очередь страны Азии и в первую очередь Китай стремятся укрепить свою энергетическую безопасность через стратегические инвестиции в зоне ССАГПЗ.

По сравнению с другими быстроразвивающимися рынками богатые углеводородами монархии Персидского залива не испытывают острой нужды в прямых иностранных и портфельных инвестициях, чтобы поддерживать своё экономическое развитие. Их амбиции по привлечению ПИИ следует, скорее, понимать в контексте усилий стран этого региона по диверсификации своих экономик с целью сокращения роли углеводородного сектора в экономике и, как следствие, стремления извлечь выгоду из овладения технологиями, секретами производства и деловыми навыками, которыми располагают иностранные, в том числе азиатские, инвесторы. Хотя данные о страновой принадлежности иностранных инвестиций (входящих и исходящих) по отдельным странам ССАГПЗ труднодоступны, даже имеющаяся информация свидетельствует о расширении в последние годы инвестиционных связей между Азией и странами ССАГПЗ.

Так, прямые инвестиции Китая в страны ССАГПЗ к концу 2014 г. достигли почти 30 млрд. долл., составив примерно 8% от общего объема притока ПИИ в регион. Таким образом, Китай занял 6-е место в группе ведущих иностранных инвесторов в ССАГПЗ, обогнав ФРГ и Великобританию. Почти 50% всех китайских инвестиций было направлено в энергетику стран региона, более трети в инфраструктурные объекты – от телекоммуникационных до торгово-развлекательных центров. Более 50% китайских инвестиций в монархии Персидского залива поступило в Саудовскую Аравию и примерно 30% – в ОАЭ. Уже в 2010 г. Китай стал шестым по объёму инвестиций инвестором в Саудовской Аравии, вложив в королевство, согласно официальным данным, 9,4 млрд. долл. (в 2006 г. китайские инвестиции в КСА составляли всего 1 млрд. долл.).

¹⁸⁹ В рамках ССАГПЗ установлен единый 5%-ный таможенный сбор со всех товаров, ввозимых из-за рубежа, хотя на национальном уровне существуют исключения для некоторых классов продуктов.

Индия уже в 2011 г. стала седьмым по размерам инвестором в ОАЭ, обеспечив 3% от общего объема входящих ПИИ в эту страну, и четвертым по объему источником ПИИ в Омане, куда вложены инвестиции в размере 0.6 млрд. долл., или 4% от общего объема входящих ПИИ. Примечательно, что, если средства основных инвесторов – Великобритании и США – направляются преимущественно в нефтяную и газовую геологоразведку, то индийские инвестиции концентрируются в промышленном производстве (почти 50%) и финансовых услугах (21%). Объем индийских инвестиций в Саудовской Аравии к 2014 г. достиг 1.6 млрд. долл.

Что касается прямых инвестиций государств ССАГПЗ в страны Азии, то они не только растут по объему, но и диверсифицируются в отраслевом разрезе, выходя за пределы традиционных сфер – энергетики и транспортной инфраструктуры. ОАЭ стали десятым по размерам инвестором в Индии по объему входящих ПИИ, и вложения ОАЭ в эту азиатскую страну к 2014 г. составили 2.6 млрд. долл. Весьма активен в Азии Катар. Глава Национального суверенного фонда (Qatar Investment Authority, QIA) Ахмад Мохамед Аль-Сайед (Ahmad Mohamed Al-Sayed) объявил о планах фонда по сотрудничеству с китайской инвестиционной корпорацией Citic Group, а также о намерении инвестировать 10 млрд. долл. в Азии в ближайшие пять лет. Запланированные в рамках диверсификации активов инвестиции Катара в Азии в здравоохранение, строительство инфраструктурных объектов и недвижимость могут достичь 20 млрд. долл. в течение следующих пяти лет. В ближайшие 3–4 года Катар инвестирует 5 млрд. долл. в малайзийские нефтехимические предприятия¹⁹⁰.

Помимо торговли и инвестиций третьим важным связующим элементом между монархиями Персидского залива и развивающимися странами Азии является обширное сообщество мигрантов из Азии, живущих и работающих в странах ССАГПЗ¹⁹¹. Иммигранты из Азии составляют там значительную долю постоянного населения (около 40% в целом по региону, в Катаре и ОАЭ – свыше 80%, около 50% населения Бахрейна, и 30% населения Омана) и примерно половину рабочей силы. Примерно 70% трудовых мигрантов, работающих в ССАГПЗ, приехали из развивающихся стран Азии¹⁹². Их денежные переводы, отправляемые из стран-членов ССАГПЗ на родину, оцениваются в 70–80 млрд. долл. в год. Индийцы составляют крупнейшее иммигрантское сообщество, насчитывающее порядка 6 млн. человек (30% всех мигрантов); далее по численности следуют мигранты из Пакистана, Филиппин, Бангладеш и Индонезии. Не удивительно, что две трети всех денежных переводов, отправляемых за границу из стран ССАГПЗ, направляются в Азию. Для большинства азиатских экономик переводы из стран ССАГПЗ являются важным источником притока иностранной валюты, иногда превышающим по объему, входящие ПИИ. Они вносят важный вклад в развитие национальных экономик стран Азии. То же самое происходит и в принимающих странах Персидского залива, где иностранные рабочие уже более двух десятилетий содействуют экономическому процветанию стран ССАГПЗ, удовлетворяя их спрос и на неквалифицированную рабочую силу, и на высококвалифицированных специалистов.

Тем не менее, рынки труда в большинстве стран ССАГПЗ весьма сильно разделены, большая часть местных жителей работает в государственном секторе, тогда как в частном секторе доминируют выходцы из других стран. Эта ситуация всё

¹⁹⁰ Platt G. Qatar Country Report // The Global Finance. December 2014. P. 55.

¹⁹¹ The GCC Going East – Economic Ties with Developing Asia on The Rise. Deutsche Bank. Current Issues. Emerging Markets. 18.04.2014. Pp. 8–9.

¹⁹² По оценке министерства иностранных дел Индии, в странах-членах ССАГПЗ проживает около 7 млн. индийцев, в том числе в Саудовской Аравии – 2.8 млн., ОАЭ – 2.6, Омане – 0.7, Катаре – 0.5, Бахрейне – 0.35 млн.

чаще становится проблемой для некоторых стран-членов ССАГПЗ, например, для Саудовской Аравии. Хотя в период между 2000 и 2010 г. в странах ССАГПЗ было создано примерно 7 млн. рабочих мест, только менее 2 млн. из них досталось уроженцам этих стран.

Несомненно, экономические перспективы стран ССАГПЗ останутся тесно связанными с Азией. Поскольку азиатские экономики останутся локомотивами роста глобальной экономики в ближайшие годы, если не десятилетия, их спрос на энергию продолжит расти быстрее в сравнении с другими регионами мира. Согласно последнему докладу Международного энергетического агентства ("Перспективы мировой энергетики" – World Energy Outlook), предполагается увеличение доли Азии (исключая Японию) в глобальной структуре спроса на энергию с 33% в 2011 г. до 41% в 2035 г. Агентство полагает, что значительная доля возросшего спроса на нефть развивающихся стран Азии будет покрыта за счёт импорта нефти с Ближнего Востока: в частности, импорт нефти из стран ССАГПЗ в Китай и Индию к 2035 г. предположительно удвоится. Соответственно, можно ожидать, что наблюдаемый сдвиг торговых отношений ССАГПЗ в сторону Азии на протяжении следующих двух десятилетий продолжится.

В то же самое время растущий интерес со стороны азиатских инвесторов к региону ССАГПЗ не только связан с его стратегически важным углеводородным сектором, но и со строительством, судоходством и промышленным производством. Усилия стран ССАГПЗ утвердиться в качестве центра исследований и разработок в секторе высоких технологий также могли бы быть подкреплены импортом из азиатских стран технологий, например, в таких областях как альтернативная и атомная энергетика.

Учитывая географическое положение Аравийского полуострова как моста между Европой, Азией и Африкой, устремления ССАГПЗ превратить этот регион в международный центр торговли и туризма представляются вполне реалистичными. Предстоящие в регионе события мирового масштаба, такие как выставка WorldExpo 2020 в Дубае и Чемпионат мира по футболу в 2022 г. в Катаре ещё больше укрепят это направление развития за счёт привлечения туристов и инвестиций.

Тем не менее, расширение взаимосвязей между ССАГПЗ и Азией создаёт для региона новые риски. *С одной стороны*, это делает страны ССАГПЗ более зависимыми от экономического развития и стабильности их крупнейших азиатских партнёров. *С другой стороны*, могут заметно осложниться социально-экономические проблемы, связанные со стремительно растущими общинами выходцев из Азии в странах ССАГПЗ.

М.А. Володина

АЛЖИРО-МАРОККАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ЗАПАДНОСАХАРСКОГО КОНФЛИКТА

Западносахарский конфликт, отличающийся большой сложностью и многофакторностью, продолжал в 2014 г. влиять как на состояние региональной безопасности в Северной Африке в целом, так и на межгосударственные отношения Алжира и Марокко. Особую значимость западносахарская проблема приобрела в связи со свержением режима М. Каддафи в Ливии и возникшем там политическим вакуумом, который характеризуется практически полным отсутствием контроля над протекающими в этой стране хаотическими и неконтролируемыми процессами.

Непрекращающаяся война в Мали, ставшая следствием падения режима Каддафи, захват боевиками оружия, которое теперь беспрепятственно распространяется по соседним странам, становится главной угрозой для Африки и всего мирового сообщества. Нерешенность западносахарского конфликта способствует также возрастанию террористической угрозы, поскольку многие террористы привлекают на свою сторону население, неудовлетворенное центральной властью или ввиду ее отсутствия (как в случае с Западной Сахарой).

Проблема Западной Сахары являет собой сложный комплекс многолетних и исторических особенностей взаимоотношений стран в Северной Африке. В многолетнем территориальном споре за территорию Западной Сахары переплетаются как политико-экономические, так и регионально-территориальные противоречия, которые еще больше усугубляются устремлением сюда различных политических игроков, преследующих здесь собственные интересы.

Марокко ставит своей целью воссоединить земли, которые, как считают в королевстве, исторически принадлежат ему, что является вопросом геополитического престижа страны, средством повышения авторитета монарха среди подданных, но также и способом получить значительную экономическую выгоду от эксплуатации сухопутной и прибрежной территории Западной Сахары, богатой минеральными и рыбными ресурсами. В свою очередь, Алжир, для которого остается неприемлемым усиление роли Марокко на региональном уровне, поддерживает право населения Западной Сахары на самоопределение и создание независимого суверенного государства, рассчитывая также укрепить собственные политические и экономические позиции в регионе Магриба. Ведь в случае обретения Западной Сахарой полноценной независимости, Алжир станет одним из основных поставщиков углеводородов в эту страну, сможет также, предоставляя Западной Сахаре финансовую и техническую помощь, активно участвовать в разработке нефтяных месторождений и дальнейшем развитии нефтяной промышленности в этой стране.

В сложном и двойственном положении в связи с сахарской проблемой оказались европейские страны. Признавая государства, которые обрели свое нынешнее географическое очертание после Второй мировой войны, европейские лидеры уклоняются, тем не менее, от открытой поддержки курса Марокко на возвращение своих исторических территорий. В то же время, учитывая существование тех государств со сложным этнокультурным и этнолингвистическим составом населения, где проявляются центробежные тенденции, в Европе очень настороженно и с большой опаской воспринимают проблемы, порожденные сецессией, ирредентизмом и пр., то есть такие проблемы, которые становятся камнем преткновения в отношениях одного или двух государств.

Причинами длительного и затяжного конфликта в Западной Сахаре являются: несогласованность позиций различных западносахарских племён по вопросу предоставления независимости Западной Сахаре, сама специфика социально-политической структуры западносахарского общества, а также географические особенности этого региона. Испокон веков проживавшие здесь племена находились в постоянной борьбе друг с другом из-за сурового климата пустыни и как следствие этого — отсутствия продовольствия, что вынуждало их периодически совершать набеги на караванные пути с целью поиска провизии и средств к существованию. По этой причине в пустыне практически исключена иерархическая политическая структура, которая выступала бы гарантом безопасности племен, являлась бы балансиrom в возможных противостояниях различных племен.

В силу удаленности друг от друга различных племен, их кочевого образа жизни, а также трудностей, возникающих при проведении полноценных социологических исследований, трудно подсчитать истинную численность западносахарского населения. Так, в начале 1980-х годов некоторыми исследователями приводились сбалансированные цифры (ввиду значительных расхождений данных у французов и испанцев) – около 150 тыс. человек¹⁹³. К настоящему времени эти оценки достигли 500 тыс. человек, однако приведенные данные вызывают сомнение, поскольку западносахарские племена постоянно кочуют, и они включены в статистику марокканского государства. Потому-то отчасти вопрос о принадлежности этих племён к образовавшемуся в Западной Сахаре государству является проблемой самоопределения и идентификации каждого члена местных сообществ.

Важным фактором развития Северной Африки является сложносоставной характер взаимоотношений основных политических «игроков» в этом регионе – Марокко, Алжира и Ливии. Если Ливия (благодаря М. Каддафи) находила определенный баланс в выстраивании своей внешнеполитической стратегии, то Алжир и Марокко были исторически связаны кругом противоречий и взаимных претензий.

С самого начала борьбы за независимость Западной Сахары лишь Фронт ПОЛИСАРИО стал той единственной организацией, которая открыто выступила за *полную* независимость этой. Другие политические объединения, выражавшие интересы населения Западной Сахары, были нацелены с момента своего создания исключительно на борьбу с колониальными испанскими властями. 17 июня 1970 г. произошла кровавая драма в одном из кварталов Аль-Аюна, где испанскими властями был дан жёсткий отпор со стороны недовольного населения. Многие представители Фронта ПОЛИСАРИО были арестованы, а его руководитель, Мухаммед Сид' Брагид Басири, убит. Именно в этот день западносахарский народ осознал, что обрести свободу и независимость невозможно лишь мирным путем. Это событие ознаменовало собой начало становления народного самосознания западносахарцев.

В наши дни проблема признания западносахарской независимости так все еще остаётся далекой от разрешения, главным образом, ввиду несовпадения позиций по этому принципиальному вопросу между представителями ПОЛИСАРИО и Марокко.

В 2006 г. Королевский консультативный совет по делам Сахары (Марокко) выдвинул план, предусматривающий предоставление Западной Сахаре статуса автономии под суверенитетом Марокко. Фронт ПОЛИСАРИО категорически отверг подобный сценарий, полагая, что именно население Западной Сахары, располагая правом на самоопределение, должно само определить статус нового государства путём проведения всенародного референдума. Представители ПОЛИСАРИО подкрепляют свою позицию ссылками на соответствующие статьи Устава ООН, где обосновывается право на национальный суверенитет именно народа, а не только конкретного государства. Лидеры Фронта ПОЛИСАРИО отклонили подобное предложение, поскольку, как они убеждены, народ Западной Сахары выступает за полную независимость своей страны, а не за автономию в составе Марокко. Таким образом, провозглашенная Фронтом ПОЛИСАРИО в 1976 г. Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР) остается *частично признанным государством*. Его суверенитет признан более шестьюдесятью странами, в то

¹⁹³ Saxena S.C. *Western Sahara: No Alternative to Armed Struggle*. Delhi, 1995, p. 8.

время как другие временно заморозили признание САДР, ожидая результатов референдума по самоопределению. Можно надеяться, что это событие не заставит себя долго ждать – не без активного участия всех политических сил Западной Сахары, а также при нахождении консенсуса между двумя сторонами конфликта (Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО) и более сбалансированной марокканской внешней политики.

Примечательно, что именно события в Западной Сахаре послужили своеобразным детонатором Арабской весны. Речь идет о состоявшейся 8 ноября 2010 г. в Эль-Аюне (западносахарском городе на границе с Марокко, контролируемом марокканской администрацией) манифестации, участники которой выступили против продолжающейся дискриминации, бедности и нарушения прав человека в отношении местных жителей. Было выдвинуто также требование о предоставлении независимости Западной Сахары. Эти события послужили отправной точкой новой политической доктрины Марокко в отношении «своих» южных территорий – включение западносахарской проблемы в конституционную реформу в стране.

События «арабского пробуждения», начавшиеся в 2011 г., затронули основные государства Африканского континента, особенно ту его часть, которая и до арабских революций находилась в «турбулентном» внутривнутриполитическом состоянии. Бесконтрольный оборот в регионе оружия (что стало следствием гражданской войны в Ливии) привёл к расширению пояса террористического влияния групп, связанных с Аль-Каидой и другими джихадистскими организациями. В свою очередь изменение геополитической карты Северной Африки и смещение ее прежних геостратегических осей стало исходным пунктом в обострившейся борьбе различных (в том числе и террористических) заинтересованных сторон за минеральные ресурсы (война в Мали является ярким подтверждением начавшегося процесса).

В этой связи возникает вопрос о необходимости поддержания внутреннего порядка в сопредельных странах и выстраивания новой внешней политики крупными государствами на Африканском континенте. В подобных условиях руководителям стран, являющимся региональными центрами в Африке, предстоит выработать единый комплексный подход к решению таких сложных задач, как борьба с терроризмом и устранение конфликтных очагов на континенте. Однако многолетние трения и «шероховатости» во взаимоотношениях некоторых государств лишь усугубляются под воздействием политической нестабильности в Северной Африке.

Алжир и Марокко вновь демонстративно отказываются от совместных поисков компромиссных решений по ряду принципиальных вопросов, касающихся проблемы Западной Сахары. Политическая недалёковидность глав этих государств, как полагают некоторые эксперты, а также непростая внутривнутриполитическая ситуация в Алжире и Марокко, чреватые серьезными последствиями для сохранения безопасности в регионе, поскольку именно эти две страны смогли сохранить внутреннюю стабильность в ходе Арабской весны; они же остаются в регионе теми основными политическими центрами, от взаимных и слаженных действий которых зависит будущая устойчивость всей Северной Африки. От решения западносахарской проблемы, а главное – от установления взвешенных партнерских отношений между ключевыми политическими силами Северной Африки – Марокко и Алжиром, зависит политическая, экономическая, социальная стабильность в данном регионе. Ведь тупиковая ситуация во взаимоотношениях между Марокко и Алжиром блокирует деятельность Союза Арабского Магриба (эта созданная в 1989 г. организация призвана способствовать региональной интеграции и совместному решению важных экономических и социальных проблем Северной Африки).

Решение западносахарской проблемы остается для короля Марокко Мухаммеда VI главным политическим приоритетом. В новой конституции, опубликованной *дахиром* (декретом) короля Марокко 29 июля 2011 г. и ставшей своеобразным ответом на массовые протестные выступления в марокканских городах, особое внимание уделяется именно вопросу Западной Сахары. В Главе 5 Основного закона впервые в марокканской истории язык хассания (разговорный арабский язык Западной Сахары) рассматривается как «неотъемлемая часть идентичности Марокко»¹⁹⁴. Таким образом, западносахарский компонент отныне официально включен в традиционное наследие марокканской культуры. Можно при этом, однако, предположить, что власти королевства подобным шагом пытаются разрешить не только имеющиеся культурно-исторические противоречия между марокканским населением и жителями Западной Сахары, находящимися под юрисдикцией Марокко, но также и политическую задачу. Ведь данная статья конституции во взаимосвязи с той её частью, где речь идёт о запрете создания региональных партий в Марокко, в дальнейшем воспрепятствует Фронту ПОЛИСАРИО стать легальной силой в марокканской политической системе.

Марокко активно использует богатую ресурсами территорию Западной Сахары: воды, которые омывают её берега, являются самыми «рыбообильными» в мире. Само рыболовство предоставляет 74 тыс. рабочих мест жителям Марокко; 78% от всего рыбного промысла Марокко – это рыба, выловленная у берегов Западной Сахары, и качество этой рыбы отвечает всем строгим требованиям международного контроля, что позволяет Марокко заниматься рыбным экспортом. Сельское хозяйство Западной Сахары также активно развивается и приносит значительные дивиденды марокканскому правительству. Богата территория Западной Сахары и фосфатами. Марокко стремится к монополизации производства фосфатных удобрений, которые в этой стране в настоящее время составляют около 80% от мирового производства. Государство, обладающее большими запасами фосфатов, может диктовать свои нормы на международном рынке, и Марокко как страна, использующая 45.1% мировых запасов фосфатов (не включая сюда фосфатные ресурсы Западной Сахары) может повлиять на судьбу многих государств, особенно тех, чьё благосостояние напрямую зависит от развития сельского хозяйства. На территории Западной Сахары залегают богатейшие месторождения фосфатов, одним из которых является Бу Краа. Его запасы превышают 10 млрд. т (около 10% мировых запасов). Сочетание таких факторов, как огромные запасы фосфатов, высокое содержание минерала в руде, возможность ее добычи открытым способом, близость рудников к побережью Атлантического океана, существенно сокращает производственные и транспортные расходы и делает добычу этих минералов в Западной Сахаре чрезвычайно выгодной.

О значимости западносахарских земель для экономического развития Марокко говорит тот факт, что около половины национального бюджета страны идёт на покрытие социальных нужд южных территорий Марокко – то есть южных провинций и самой Западной Сахары. И подобные меры уже приносят свои плоды: благодаря активному строительству школ, многие районы Западной Сахары по уровню грамотности превосходят некоторые регионы Марокко¹⁹⁵. Королевство выделяет колоссальные финансовые средства для реализации своих амбициозных планов, направленных на развитие инфраструктуры, строительство дорог. В ноябре 2013 г. был запущен второй этап инвестирования в Западную Сахару, предусматривающий вложения на 12.5 млрд. долл. и рассчитанный на 10 лет. Марокканские власти

¹⁹⁴ Эл. pecыпc: http://www.amb-maroc.fr/constitution/Nouvelle_Constitution_%20Maroc2011.pdf.

¹⁹⁵ Cherkaoui M. *Morocco and the Sahara. Social Bonds and Geopolitical Issues*. Oxford, 2007, p. 84.

надеются превратить Западную Сахару в важный морской транспортный узел для всего региона Западной Африки, сделав эту страну одной из самых удобных транспортных артерией на Атлантическом побережье Африки.

При всем обилии финансовых потоков из Марокко она продолжает страдать от социальных диспаритетов – неравномерности развития и географической обособленности многих районов от основных городских агломераций. Безработица среди молодежи по-прежнему остается крайне высокой — 28%, а среди дипломированных специалистов – 41%. Для развития Западной Сахары и сокращения неравномерности развития необходимо комплексное реформирование всего социального пространства: должны внедряться механизмы обновления элит, борьба с клановой, племенной и клиентелистской системой, которая блокирует продвижение молодежи по социальной лестнице на местном уровне.

Многие представители традиционных племенных структур активно вступают в ПОЛИСАРИО, поскольку они недовольны засилием промарокканской элиты (глав и представителей традиционных племен) во всех ветвях власти. Именно этот важный фактор, который постепенно набирает силу и стимулирует процессы размежевания с Марокко, может стать своеобразным «стеклянным потолком». С его обрушением марокканская власть будет вынуждена признать независимость Западной Сахары. В целях «контролируемости» ситуации и умирения политически активных жителей марокканскими властями поддерживается стремление западносахарцев к развитию политической системы представительства в регионе: первые региональные выборы в Западной Сахаре (на территории Марокко) намечены на весну 2015 г. Их проведение может стать своеобразной отправной точкой для постепенного включения западносахарского населения в жизнь региона. Легитимация представительства Западной Сахары в государственных органах (пока хотя бы в рамках марокканского государства) окажется неоценимой для будущего политического развития этого, пока еще частично признанного, государства.

Особый интерес многих геополитических акторов вызвали исследования, подтвердившие наличие у берегов Западной Сахары крупных нефтяных месторождений. В 2001 г. было подписано соглашение о проведении разведки и добычи нефти между Марокко, американской компанией *Kerr Mc-Gee* и французской *Total*. Однако Комиссия по правам человека ООН осудила подобное соглашение, ущемляющее права коренного населения Западной Сахары и не учитывающее его интересы, поскольку государство до сих пор не признано мировым сообществом, а договор был подписан марокканской стороной, что было расценено как препятствие к обретению независимости Западной Сахары. Западные компания были вынуждены признать незаконность своих действий, и «нефтяная программа» была отложена.

Однако в настоящий момент основным фактором обострения напряженности в регионе стало заявление американской корпорации *Космос Энерджи* с долевым капиталом марокканских нефтяных компаний о запланированном в ближайшее время начале бурения скважин у берегов Западной Сахары – недалеко от города Буждур. Многие исследователи и журналисты называли подобные планы «битвой за нефть в последней колонии Африки»¹⁹⁶. Подобные действия, в случае обнаружения крупных нефтяных залежей в этом районе, могут привести к тому, что западные нефтяные компании, тщательно соблюдающие международные конвенции и договоренности, могут начать активно содействовать решению проблемы Западной Сахары (прежде всего оказывая давление на марокканские власти), что повлечет за

¹⁹⁶ Эл. ресурс: <http://www.algerie1.com/flash-dactu/sahara-occidental-le-financial-times-evoque-la-bataille-pour-le-petrole-dans-la-derniere-colonie-dafrique>.

собой проведение всеобщего голосования в Западной Сахаре по вопросу предоставления ей независимости, которую эта страна в конечном итоге и обретет.

Не стоит ждать скорейшего обретения Западной Сахарой независимости. Более вероятным видится поэтапное решение западносахарской проблемы с особой ролью экономических факторов, связанных с нефтедобычей, а соответственно, и с заведомо выгодными финансовыми контрактами. Эти факторы могут побудить западные компании активнее выступать за скорейший выход «замороженного» западносахарского конфликта из той тупиковой ситуации, в которой он в настоящее время находится. Важную роль могут также сыграть международные организации, если они увеличат свое участие в решении западносахарской проблемы.

Н.М. Мамедова

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА В 2014 ГОДУ

Ужесточение санкционного режима против Ирана заставило правительство страны разработать меры, направленные на стимулирование внутренних источников развития. Рецессивные явления в экономике настолько четко коррелировались с очередными введениями санкций, что руководство страны, отрицавшее долгое время влияние санкций на экономику, вынуждено было уже в 2013 г. признать это, чтобы вывести из-под критики ядерную программу. Попытки исправить собственными силами ситуацию в иранской экономике, отягощенной санкционным режимом, ни к чему не привели. Сложившаяся за долгие годы роста цен на нефть бюрократически-централизованная экономическая модель при слабо развитом гражданском обществе не смогла быстро отреагировать на резкое ограничение связей с мировым рынком. О своей готовности начать переговоры по ядерной программе говорил в конце своего президентства даже М. Ахмадинежад, однако лидер страны (рахбар), А. Хаменеи, не дал ему на это разрешения.

Новую страницу в отношениях с ведущими мировыми державами по вопросу ядерной программы открыл новый президент Ирана Хасан Роухани, являющийся частью прагматического крыла государственно-религиозной элиты и представлявший долгие годы Иран на международных переговорах по ядерной проблеме. Сама по себе победа на президентских выборах Х. Роухани, кандидатура которого была поддержана не только прагматиками, но и реформаторами, давала надежду на возможность перемен как внутри страны, так и в отношениях с мировым сообществом. А главной проблемой в этих отношениях была ядерная программа Ирана, являвшаяся официальным поводом формирования санкционного режима. К этому времени, по мнению большинства экспертов, Иран подошел уже к ядерному «порогу», и для получения оружия достаточно было бы политического решения. Озабоченность мирового сообщества вызывал также характер режима и возросшая за время президентства Ахмадинежада экономическая и политическая роль КСИР (Корпус стражей исламской революции), являвшихся наиболее оснащенной части вооруженных сил Ирана.

Получив от лидера страны мандат на ведение переговоров по ядерной проблеме, Х. Роухани добился также и передачи права ведения переговоров МИДу, то есть непосредственно правительству. До этого все переговоры велись секретарем Высшего Совета национальной безопасности, который, хотя по Конституции и находился под руководством президента, но фактически контролировался рахбаром через назначаемых им членов Совета. Для Ирана

главной целью переговоров была отмена санкций, или, по крайней мере, их смягчение и возвращение иранского ядерного досье из Совета Безопасности ООН в МАГАТЭ.

В августе 2013 г. Х. Роухани сформировал правительство и уже в ноябре начались переговоры по ядерной программе в Женеве с так называемой «шестеркой», представленной пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН плюс Германия. От Ирана переговорщиком выступил заместитель министра иностранных дел Аббас Аракчи. В результате переговоров был принят «Совместный план действий», в котором Иран подтверждал, что он «ни при каких обстоятельствах не будет стремиться к обладанию или разработке любого типа ядерного оружия»¹⁹⁷. Иран обязался также заморозить развитие ядерного потенциала: прекратить обогащение урана до 20%; снизить наполовину в оксидной форме уран, обогащенный до 20% для Тегеранского исследовательского реактора; не расширять деятельность в Натанзе, Фордо, Араке¹⁹⁸; не создавать новых объектов по обогащению; предоставить доступ инспекторам МАГАТЭ к объектам в Фордо и Натанзе, урановым шахтам и заводам по переработке урана. Взамен страны «шестерки» обязались приостановить введение новых санкций против Ирана и действие санкций в отношении нефтепродуктов, золота, иранской автомобильной промышленности, запасных частей для гражданских самолетов, страховых и транспортных компаний. Была разрешена репатриация части валютной выручки от продажи нефти, удерживаемая за рубежом. Это соглашение породило большие надежды на быстрый вывод Ирана из экономической и политической изоляции, вызвав интерес зарубежных компаний к возможности экономического сотрудничества с Ираном и всплеск активности отечественных предпринимателей.

Самым главным для Ирана в подписанном соглашении стало то, что речь в нем шла не о закрытии Иранской ядерной программы (ИЯП), а об изменении ее параметров. Предполагалось, что обозначенные в принятом документе обязательства будут выполняться поэтапно, поэтому предусматривалось проведение проверок МАГАТЭ, проведение промежуточных переговоров «шестерки» и подписание всеобъемлющего ядерного соглашения к 20 июля 2014 г. Однако дорога к этому окончательному соглашению оказалась очень сложной.

В январе 2014 г. Иран начал приостановку обогащения до 20%, объяснив эту населению не как выполнение обязательства по Женевским соглашениям, а как добровольную меру. В ответ была проведена разблокировка ряда ограничений по продаже иранской нефти, на счет Центрального банка Ирана из швейцарских банков поступил первый транш (0.55 млрд.долл.) из замороженных зарубежных активов (4 млрд. долл.), а в марте – второй (0.45 млрд. долл.).

Практически каждый месяц по ИЯП проводились переговоры. По многим вопросам позиции сблизилась, однако обсуждение некоторых ключевых вопросов проходило трудно. В политических кругах Ирана и стран «шестерки» эйфорию от ноябрьских соглашений постепенно сменили скептические нотки. Основные противоречия, конечно, существуют между Ираном и США. Они стали заметны уже накануне Венских переговоров 18 февраля 2014 г., когда Барак Обама оценил результативность предстоящих переговоров как 50 на 50, а переговорщик от США Уэнди Шерман заявил, что намерен внести в повестку вопрос о ракетной программе

¹⁹⁷ Неофициальный перевод с английского. Женев. 24.11. 2013. Эл. ресурс: www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5842441E46EF22C644257C2D004CEDF3.

¹⁹⁸ Подземный комплекс «Фордо», оборудованный центрифугами для обогащения урана, находится недалеко от города Кум. Ядерный объект «Натанз» расположен в провинции Исфahan, Арак – столица Центрального остана (провинции).

Ирана, о которой в Женевском соглашении ничего не говорилось¹⁹⁹. Перед очередным раундом переговоров в марте 2014 г. в Вене 83 из 100 американских сенаторов направили письмо Обаме с требованием включить в окончательный текст договора пункт о полном прекращении Ираном обогащения урана. Кроме Сената с аналогичным письмом обратились к американскому президенту и члены Конгресса²⁰⁰. Али Хаменеи, со своей стороны, заявил, что «дело, начатое нашим внешнеполитическим ведомством и правительством, будет продолжено, что он не выступает против, но и не питает оптимизма»²⁰¹.

Тем не менее, удалось договориться по ряду спорных моментов, как например, по Араку, лазерному центру в Лашкарабаде, обогатительной фабрике в Ардакане. МАГАТЭ в целом на первом этапе было удовлетворено ходом выполнения Ираном договоренностей. Однако заметного прорыва в дальнейших переговорах не происходило. С точки зрения Запада, Иран действовал медленно. По мнению Ирана, Запад не отвечал на иранские шаги адекватным смягчением санкций. Согласно Женевским договоренностям окончательный документ, гарантирующий мирный характер иранской ядерной программы в обмен на снятие международных санкций должен был быть подготовлен к 20 июля 2014 г. Затем срок был отодвинут до 24 ноября. Накануне этого состоялось несколько встреч в рамках переговоров «шестерки» и Ирана, а также двухсторонние и трехсторонние контакты между министром иностранных дел Ирана Мохаммадом Джавадом Зарифом, представителем ЕС Кэтрин Эштон и госсекретарем США Джоном Керри.

В октябре 2014 г. в Вене состоялся восьмой раунд консультаций Ирана с «шестеркой», который подтвердил, что осталось много спорных моментов. Даже прежде оптимистично настроенный Аббас Аракчи после этого раунда вынужден был признать, что стороны имеют разногласия почти по всем вопросам. Иранская сторона считала, что Иран выполнил условия Женевского соглашения – обеднил до 4 т. урана до уровня природного, сократил число действующих центрифуг, открыл допуск членам МАГАТЭ на свои объекты. Но он выступил против полной остановки центрифуг, против прекращения ядерных исследований, доказывая, что топливо ему будет нужно после выработки его на Бушерской АЭС. Начавшиеся переговоры с Россией о строительстве еще двух блоков АЭС тоже обосновывались заинтересованностью Ирана в получении топлива и продолжении научно-исследовательских работ.

В результате украинских событий, осложнивших отношения России с другими странами «шестерки» и Германией, акцент в переговорном процессе отчетливо сместился в сторону позиции США, которые требовали больших уступок со стороны Ирана. К тому же в очередном докладе МАГАТЭ отмечалось, что Иран выполнил лишь три из пяти показателей по обеспечению прозрачности своей ядерной программы. Указывалось, что, например, в список объектов не был в свое время включен завод в Мариване, хотя впоследствии Иран допустил специалистов Агентства на этот объект. Доказательства мирного характера иранской программы, с точки зрения международных экспертов, были недостаточными. Накануне 10-го, ноябрьского, раунда переговоров Керри заявил в Париже на пресс-конференции, что «шестерка» не рассматривает вариант продления срока переговоров. «Мы хотим

¹⁹⁹ «Шестерка» и новый раунд переговоров. *Современный Иран*. 2014, № 29, с. 57.

²⁰⁰ Федорова И. Е. Некоторые направления внешней политики ИРИ в 2013–2014 годах. *Иран: история и современность*. Кулагина Л. М., Мамедова Н. М., ред. М., 2014, с. 222.

²⁰¹ Хаменеи А. Выступление на встрече с жителями Азербайджана, 17.02.2014. Эл. ресурс: www.Khamenei.ir.

достигнуть соглашения, но не любого соглашения. Наша цель состоит в получении гарантий, что доступ к разработке ядерного оружия будет заблокирован»²⁰².

Нажим на работу представителей Роухани, на его правительство со стороны консервативных кругов усиливался. Представители высшего духовенства и парламента обозначили так называемую «красную черту» переговоров по ядерному вопросу – сохранение возможностей ядерных исследований и определенного количества центрифуг. Правительство даже стали обвинять в тайных соглашениях с США.

Соглашения, которое удовлетворило бы обе стороны, так и не было подписано. Но главное, что переговоры не были прерваны, а продлены до 30 июня 2015 г. Более того, в ответ на принятые Ираном меры по ограничению развития тех компонентов ядерной программы, которые могут рассматриваться как программы двойного назначения, по увеличению прозрачности ядерных разработок, страны «шестерки» приняли решение о размораживании ежемесячно 700 млн. долл. иранских средств и отказе Запада от введения новых санкций. Тем не менее, переговорный процесс в 2014 г. не закончился окончательным соглашением, что вызвало острые дебаты как на Западе, так и в Иране.

Спикер иранского парламента Али Лариджани, традиционно критикующий правительство страны и мнение которого особенно важно, поскольку он происходит из одной из самых политически влиятельных семей в Иране, в своем выступлении 1 февраля 2015 г. обвинил Барака Обаму в том, что именно он несет личную ответственность за провал ядерных переговоров. Лариджани считает при этом, что иранская сторона проявила достаточную гибкость в переговорах, а США стоит понять, что «неправильная политика может привести к провалу всего переговорного процесса»²⁰³. Он также заявил, что пришло время Ирану самому решать, какого уровня обогащения урана следует придерживаться, и Запад Ирану – отнюдь не указ, тем более что обещанные санкционные послабления так и не наступили. В январе 2015 г. 250 из 290 членов меджлиса подписали петицию, где говорилось: если западные переговорщики не умерят своих аппетитов и не перестанут требовать от Ирана невозможного, не выполняя при этом обещанного, то есть – снятия санкций, меджлис потребует от правительства снять ограничения с процессов обогащения и позволить поднять планку до 60%²⁰⁴.

В США Сенат и Конгресс продолжают настаивать на ужесточении политики в отношении Ирана. Обама пытается убедить Конгресс и европейских членов «шестерки» в необходимости продолжать дипломатические переговоры с Ираном. Он не считает, что дополнительные санкции сделают Иран более сговорчивым на переговорах и готов наложить вето на решения Конгресса. Нельзя исключать того, что дальнейший нажим на Иран может привести к смене правительства Роухани, подорвет попытки либеральных политических сил вывести страну из экономического и политического застоя и заставит вновь поднять вопрос о возможности военного разрешения иранской ядерной проблемы. В условиях осложнившейся ситуации в Европе из-за украинского кризиса и возрастающей нестабильности на Ближнем Востоке члены переговорного процесса по иранской проблеме надеются на достижение консенсуса не раньше лета 2015 г.

²⁰² *Цит. по: Бондарь Ю. М. Иран: ноябрь 2014 г. Военно-политическая ситуация. Институт Ближнего Востока, 10.12.2014. Эл. ресурс: www.iimes.*

²⁰³ www.parliran.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=84&pageid=3060&newsview=27157

²⁰⁴ *В.И.Месамед. Переговоры по иранской ядерной программе вновь входят в серьезную фазу. www.iimes.20.01.2015.*

ТУРЦИЯ ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Состоявшиеся в Турции 10 августа 2014 г. президентские выборы принесли победу (51.8% голосов избирателей) премьер-министру и лидеру правящей Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепу Тайипу Эрдогану. Председателем правительства и лидером ПСР (с 28 августа 2014 г.) стал государственный деятель и дипломат Ахмет Давутоглу, занимавший до этого (с 1 мая 2009 по 28 августа 2014 г.) пост министра иностранных дел.

Роль Эрдогана в Турции и до выборов была достаточно высока, поскольку именно он определял, по существу, все основные направления экономического развития республики, ее внутреннюю и внешнюю политику; удалось Эрдогану и его окружению крепко держать рычаги управления государством. Так, в Турции была успешно предотвращена масштабная внутривластная дестабилизация по образцу той, что случилась по итогам «арабских восстаний» в Египте, Ливии и Сирии, поскольку турецкие власти вовремя купировали протестную активность (неоправданно названную многими СМИ «Турецкой весной» – по аналогии с пресловутой Арабской весной), начало которой положили весной 2013 г. волнения на стамбульской майдане Таксим. Был доведен до конца процесс по делу армейских генералов, обвиненных в подготовке государственного переворота (Операция «Кувалда»); преодолен заговор элит, инспирировавших в конце 2013 г. крупный коррупционный скандал (Операция «Большая взятка»).

Еще большее укрепление после выборов позиций правящей ПСР, а также новые назначения на высшие государственные посты, дали многим основание для оптимистических прогнозов относительно того, что Турция вступила в новый период своей истории и открыла там новую страницу. «Сильный президент, сильный премьер-министр, сильный кабинет министров и сильная народная поддержка станут основой для становления могущественной Турции», - писал, например, известный турецкий журналист Ибрахим Карагюль²⁰⁵. Очевидно также, что на посту главы государства Эрдогану легче станет осуществлять свои планы по дальнейшей трансформации Турции.

Во внутренней политике речь может идти об окончательном воплощении в жизнь проекта, который Эрдоган, будучи еще премьер-министром, продвигал с 2012 года, то есть о преобразовании турецкой политической системы из парламентской (имеющей в Турции давнюю традицию) в президентскую, в связи с чем предполагаются конституционные изменения, наделяющие президента значительно большими полномочиями по сравнению с имеющимися.

В числе стоящих перед турецким президентом проблем – нерешенный курдский вопрос, поскольку не снята с повестки дня угроза отделения от Турции населенных курдами районов, провозглашение ими независимости либо присоединение (что менее вероятно) к де-факто вполне автономно существующему Иракскому Курдистану.

В сфере экономики президенту и его команде предстоит решить сложнейшие структурные проблемы, учитывая амбициозные планы Эрдогана превратить Турцию, являющуюся 16-й по величине экономикой в мире, в одну из десяти крупнейших экономик к 2023 году – столетию со дня основания республики. Однако показывавшая до недавнего времени достаточно высокие темпы развития, турецкая

²⁰⁵ См.: *Yeni Safak*, 22.08.2014. Эл. ресурс:
<http://www.yenisafak.com.tr/yazarlar/IbrahimKaragul/basbakan-davutoglu-ve-turkiye-devrimi/55477>.

экономика в 2014 г. продолжила замедление. Увеличился внешний долг страны (42.8%); выросла безработица (10% по официальным данным и в разы выше по неофициальным – особенно среди молодежи, составляющей в Турции половину населения); на фоне дефицита торгового баланса (65.7 млрд. долл. США) наблюдается падения фондового рынка, ослабление турецкой лиры, уменьшение доходов от туризма. Все это чревато ростом социальной напряженности, усугубляемой недовольством части населения и элит тем, что в ущерб социальным программам значительные средства государство расходует на цели расширения турецкого геополитического влияния.

Турецкая внешняя политика, между тем, отличается следующей особенностью: ее региональная составляющая – будь она направлена на ЕС, Ближний Восток, Россию, Центральную Азию или Кавказ – является неотъемлемой частью глобальной стратегии Турции, претендующей на роль одного из влиятельных игроков современной мировой политики. В рамках этой стратегии ПСР (после прихода ее к власти во главе с нынешним президентом Эрдоганом в результате победы на выборах 3 ноября 2002 г.) усиленно продвигает за границей – с использованием элементов «мягкой силы» – коммерческие, культурные и образовательные программы. Такие жизненно важные инструменты, как дипломатия и динамично развивающиеся национальные бизнес-структуры, активно используются турецкими властями для развития новых форм партнерства в различных регионах мира, а также и для расширения турецкого политического влияния.

Европейское направление остается для турецкой политики приоритетным, несмотря на усиливающееся в Турции разочарование политикой Евросоюза. Турция была принята в НАТО в 1952 г., в 2000 г. получила статус кандидата на вступление в ЕС и является членом Таможенного союза ЕС. Однако же переговоры о полноценном вхождении Турции в европейское экономическое пространство привели с годами лишь к увеличению количества критериев и положений (с 15 до 35), по которым Турция может быть принята в ЕС. Анкара, недовольная такой позицией партнеров и рассматривающая возможные альтернативы европейскому ТС, делает попытки самоопределиться на международной арене. Этот процесс, однако, не обещает быть для Турции легким, как с внешнеполитической, так и с внутривнутриполитической точки зрения, поскольку Анкара много сил и средств потратила на сближение с Брюсселем и морально ей будет сложно порвать отношения с Таможенным союзом ЕС. Но это не исключает открытия перед Турцией новых перспектив на других внешнеполитических направлениях.

В мусульманском мире Эрдоган стремится перехватить инициативу решения острых и злободневных вопросов, касающихся, в частности, палестино-израильской проблемы, сирийского конфликта, борьбы с «Исламским государством» (ИГ) у своих основных региональных соперников – Ирана, Саудовской Аравии, Израиля. При этом правительство Эрдогана, опасаясь обострения ситуации в Турецком Курдистане, старается проводить осторожный курс, который выглядит порой как отчаянное лавирование между всеми важнейшими игроками ближневосточной политики. Так, Турция всеми силами сопротивляется огромному давлению, оказываемому на нее США и их партнерами по воюющей с асадовским режимом в Сирии коалиции с целью подвинуть власти республики на введение наземных войск в Сирию для борьбы с самопровозглашенным «Исламским государством», уничтожение которого полностью отвечает интересам Турции.

Во-первых, это снимает угрозу выплескивания на территорию самой Турции конфликта из Ирака, где правительственные формирования и курдские

подразделения ведут боевые действия против ИГ при содействии авиации «коалиции желающих» (около 50 государств) под эгидой США. Во-вторых, для Турции нежелательно распространение боевых действий, ведущихся ИГ против иракских курдов, на территории проживания турецких курдов. И, в-третьих, Анкара заинтересована в том, чтобы иракская нефть беспрепятственно попадала бы в Турцию, чему мешает ИГ.

Другое дело, что в Сирии Турция продолжает финансировать группировки, воюющие против президента Башара Асада, оказывает им практическое содействие, невзирая на то, что часть этих группировок имеет радикально-исламистскую направленность, что, порой, сближает их с ИГ. Однако турецкие власти закрывают на это обстоятельство глаза ради достижения в сирийском конфликте более масштабной цели – смещения президента Асада и установление в Сирии протурецкого, суннитского режима. Но политическое противостояние с официальным Дамаском не затеняет того факта, что Турция с самого начала сирийского кризиса предоставила убежище 1.5 млн. беженцам; 200 человек было вывезено из пограничного сирийского города Кобани, где происходили наиболее ожесточенные бои с ИГ. А всего турецкое правительство выделило беженцам из государственной казны почти 4.5 млрд. долл. гуманитарной помощи²⁰⁶.

Помимо ближневосточного внешнеполитического направления, которое для Турции в 2014 г. оказалось одним из приоритетных, обращает на себя внимание качественный сдвиг в турецко-российских отношениях, наполнившихся в истекшем году новым содержанием.

Своеобразным оселком, на котором прошло проверку уже достаточно укрепившееся к тому времени российско-турецкое партнерство, стал крымский вопрос вкупе с начавшимся после воссоединения Крыма с Россией украинским кризисом. Априори предполагалось, что Турция, как член НАТО и государство, стремящееся попасть в ЕС, должна была, подобно всем остальным участникам этих объединений, действовать в рамках блоковой солидарности, выказывая одновременно лояльность по отношению к западным союзникам, наделившим себя правом решать, какие страны мирового сообщества – нарушители международного права, а какие – нет. На какое-то время обрела также актуальность проблема взаимоотношения Турции с крымскими татарами, отдельные представители которых – противники того, чтобы Крым стал российским – призывали Анкару вмешаться, напоминая об исторических, культурных, религиозных узах, связывавших оба народа – крымскотатарский и турецкий. В конечном итоге турецкую позицию определили, как собственные интересы, так и значимость в турецкой экономике и политике российского фактора.

Турция стала едва ли не единственной страной–членом НАТО, которая не ввела санкции против России. Не поддержала Турция, будучи сама многонациональным государством, антироссийских настроений радикально настроенного меньшинства крымских татар, поскольку это могло принести массу проблем в отношениях с курдами и спровоцировать совершенно нежелательную для Турции ответную реакцию со стороны России. Комментируя проявленный турецким руководством здоровый прагматизм, особенно примечательный на фоне позиций европейских стран и даже некоторых партнеров России по Таможенному союзу и ОДКБ, специалист по внешнеполитическим вопросам Турции Синан Ульген отмечал: «Турция придерживается осторожного подхода. С одной стороны, она придает

²⁰⁶ Today's Zaman, October 16, 2014. Эл. ресурс: http://www.todayszaman.com/diplomacy_turkey-sco-ties-vital-to-strengthen-eu-bozkir-says_361801.html.

значение принципу территориальной целостности государств; связана родственными узами с крымскими татарами и является членом НАТО. С другой стороны, существуют глубокие экономические связи с Россией и, помимо всего прочего, личные взаимоотношения между Путиным и Эрдоганом. Вот почему Турция не заходит так далеко, как США в вопросе санкций против России»²⁰⁷.

И действительно, Россия – второй после Германии торговый партнёр Турции, которая в свою очередь находится на 8-м месте среди иностранных торговых партнёров России: в 2013 г. объём российско-турецкой торговли составил 32,7 млрд. долл., и поставлена цель увеличить показатель ежегодного товарооборота до 100 млрд. долл. к 2020 году²⁰⁸. Турция инициировала вопрос о создании зоны свободной торговли с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана, о чем заявил министр экономического развития РФ Алексей Улюкаев по итогам переговоров с министром экономики Турецкой Республики Нихатом Зейбекчи 19 июля 2014 г. в Австралии. Зона свободной торговли с Таможенным союзом, полагает торговый представитель России в Турции Тофик Меликов, будет способствовать еще большему развитию торгово-экономических отношений Турции с Россией, хотя они и так демонстрируют положительную динамику роста²⁰⁹.

Турция является вторым крупнейшим потребителем российских углеводородов после ЕС: из потребляемых республикой в год около 30 млрд. куб. м газа российская доля составляет 18 млрд. Поставки российского газа в Турцию осуществляются по газопроводу «Голубой поток» и Трансбалканскому газопроводу. В начале августа 2014 г. министерство окружающей среды Турции дало добро на строительство еще одного российского газопровода – «Южный поток», маршрут которого должен был проходить по турецкой акватории Черного моря в Болгарию и далее в другие страны Европы. Однако этот проект стал торпедироваться Еврокомиссией и Госдепартаментом всеми возможными методами. Все изменил государственный визит в Анкару 1 декабря 2014 г. президента В. В. Путина, который объявил в турецкой столице об отказе Москвы от реализации проекта строительства газопровода «Южный поток» «в связи с отсутствием разрешения от Болгарии и позиции Еврокомиссии». Газпром и турецкая нефтяная корпорация BOTAS подписали меморандум о строительстве нового трубопровода через Черное море мощностью 63 млрд. куб. м/год. При этом глава Газпрома Алексей Миллер уточнил, что из них 14 млрд. предусмотрены для поставки в Турцию, остальной объем (около 50 млрд. кубометров газа) будет поставляться на границу Турции и Греции²¹⁰. «Турция и Европа будут брать газа столько, сколько им будет нужно. Таким образом, Турция станет энергетическим хабом всего региона», — подвел позже итог этому событию Эрдоган²¹¹.

Новый проект, получивший неофициальное название «Турецкий поток», превращает Турцию в посредника при торговле российским газом с Европой (что,

²⁰⁷ Цит. по: Джонс Д. Украинский кризис вносит напряженность в турецко-российские отношения. *Eurasianet*, 08.05.2014. Электронный ресурс: <http://russian..org/node/60581>.

²⁰⁸ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. *Министерство экономического развития РФ. Портал внешнеэкономической информации*. Эл. ресурс: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/tr_ru_relations/tr_ru_trade.

²⁰⁹ Торгпред РФ: вступление Турции в ЗСТ с Таможенным союзом возможно. *РИА Новости*, 25.07.2014. Эл. ресурс: <http://ria.ru/world/20140725/1017583584.html>.

²¹⁰ Станислав Тарасов. Путин и Эрдоган трансформируют Большой Ближний Восток. *Регнум*, 02.12.2014. Эл. ресурс: <http://www.regnum.ru/news/1872202.html>.

²¹¹ Эрдоган озвучил название нового газопровода, *Лента.ру*, 11.12.2014. Эл. ресурс: <http://lenta.ru/news/2014/12/11/turkish>.

скорее всего, невыгодно Евросоюзу). Проект также выводит Турцию на роль одного из главных транзитных хабов современной мировой торговли углеводородами, причем, вне зависимости от того, откуда будут поступать нефть и газ, транспортируемые в Европу через турецкую территорию. Что касается государственного визита президента России в Турцию, то он, вне всякого сомнения, оказался прорывным, и его результаты скоро станут сказываться на расстановке сил в масштабах всего Ближнего Востока. Здесь важную роль сыграет новый формат отношений Москвы и Анкары, а само российско-турецкое сближение скажется как на азиатском, так и на европейском направлении.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

Е.А. Брагина

КАБИНЕТ НАРЕНДРЫ МОДИ – СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ ИНДИИ

Победа Бхарати Джаната партии (БДП) на всеобщих парламентских выборах 2014 г. обозначила изменения в социально-экономической политике. Впервые правительство страны возглавил человек, родившийся в независимой Индии. В состав нового кабинета премьер-министра Н.Моди вошли в основном близкие к нему члены БДП, выходцы из штата Гуджарат, в котором он родился и был успешным губернатором с 2002 по 2014 г., – люди примерно в той же возрастной категории, что и Моды. 17 сентября 2014г. ему исполнилось 64 года, что было отмечено на родине торжественным вегетарианским обедом. Для официальных лиц в Индии это время расцвета сил и карьеры. Президентом БДП стал его последовательный сторонник Анит Шах, тоже гуджаратец.

Н.Моди, прошедший школу партийной работы с самых низов, сумевший резко поднять в годы своего губернаторства темпы роста Гуджарата, политик и хозяйственник, точно уловил настрой индийского общества на «сильную руку», способную провести реформы. В своей избирательной кампании он сделал упор на необходимости иного стиля управления во имя «Новой Индии». Характерен один из его главных лозунгов: «У меня есть шанс посвятить себя порядку во власти Индии». Реформы стали ключевым словом в лексиконе премьер-министра Н.Моди и его правительства, сокращенного, как он и обещал, до 45 человек вместо 76 в прежнем составе. Было уменьшено также число комитетов с целью упростить бюрократические процедуры, оно не получило обычных 100 дней защиты от критики со стороны СМИ. Для нового правительства, как считают наблюдатели, характерны жесткая централизация и концентрация принятия решений в офисе премьера.

Экономическое положение Индии не из легких. По оценкам экспертов, страна переживает структурный спад, а не циклическое замедление²¹². После 8-9% среднегодовых темпов роста ВВП в нулевые годы начавшийся мировой кризис привел к их падению в 2013 г. до 4,9% – самый низкий показатель за последние 25 лет. Индии с быстро увеличивающимся населением необходим ежегодный рост экономики не менее 7%, не выполняется заложенный в действующем 12-м пятилетнем плане темп роста порядка 8,2%. Нерешенной социально-экономической проблемой остается массовая бедность. Азиатский банк развития относит к этой категории почти 584 млн. индийцев, что более, чем вдвое, превышает правительственные оценки. Продолжился рост цен на продовольственные товары, особенно на овощную продукцию – основу питания большинства населения, что привело к активным протестным выступлениям. Правительству Моды помог рекордный урожай зерновых, 264,4 млн. в 2014 г. по сравнению с 257,1 млн.т. в предыдущем. Однако это не сняло с повестки дня острой дискуссии о масштабах правительственных субсидий для поддержания сельского хозяйства (подавляющее большинство крестьянских земельных наделов менее одного гектара). Субсидии, по поводу которых Индия постоянно конфликтует с ВТО, поддерживают самые бедные слои сельского населения.

Дефицит по текущим торговым операциям составил 49,2 млрд. долл. к исходу 2013/14 финансового года. Золотовалютные запасы Резервного банка Индии

²¹² Global Asia. V.9. № 2. September 2014. P.105.

немного выросли, до 304 млрд. долл. Курс рупии к доллару, девальвированный и подверженный колебаниям, в середине 2014 г. составил 60,1 рупии за доллар. Инфляция порядка 7- 8% заметно снизила инвестиционную привлекательность страны. Общий приток ПИИ из первой десятки иностранных инвесторов (РФ не входит в их число) снизился по сравнению с 2011 г. и лишь немногим превысил уровень 2013 года. Совокупность этих показателей привела индийских экономистов к выводу, что страна находится на грани стагфляции. Дополнительным раздражителем стал рост коррупции, масштабы которой оцениваются от 4 до 12 млрд. долл. в год. В коррупционных скандалах были замешаны правительственные чиновники, что ухудшило репутацию Индийского Национального Конгресса (ИНК).

Победе Н.Моди на выборах помогла поддержка крупного национального капитала, недовольного торможением реформ в области торговли, сохраняющимся давлением бюрократии на бизнес. Следствием стал усилившийся вывод активов за рубеж, 36,9 млрд. долл. в первом квартале 2014 г.). Нехватка капиталовложений стала одной из причин снижения темпов роста национальной промышленности, которые не превышали 2%, опускаясь в отдельные месяцы до 0,2%. Двигателем роста остается сектор услуг (рост 5,9%), но признана необходимость реиндустриализация. Как подчеркивает известный индийский экономист Амартья Сен, речь идет о строительстве современных наукоёмких предприятий, а не повторении пройденного с упором на тяжелые отрасли промышленности. Падение мировых цен на нефть может облегчить эту задачу для Индии, которая импортирует до 75% необходимых экономике углеводородов.

Одной из самых острых и трудно решаемых проблем остается безработица. Возрастная группа до 26 лет достигла 50% всего населения, но страна при количественном росте трудоспособных граждан не получает демографического дивиденда из-за невозможности обеспечить их занятость. Массовые миграционные потоки молодежи из сельских районов в поисках работы переполняют прежде всего крупные города. В ближайшие 25 лет примерно 300 млн. мигрантов покинут деревни, но спрос на их неквалифицированный труд ограничен. Города дают две трети национального дохода страны, в них концентрируется наиболее динамичные группы населения. Остальные группы, не удовлетворенные своим положением, отсутствием занятости, перспектив социального лифта, ждут перемен. Н.Моди в ходе выборов обещаниями реформ завоевал поддержку городского среднего класса, его даже называли «кумиром среднего класса», но реальных мер пока ещё не было предложено.

Первые выступления Н.Моди в качестве премьер-министра были в духе продвижения к «Новой Индии», о которой он говорил в ходе предвыборной борьбы. Свою программную речь 11 июня 2014 г. он посвятил преодолению бедности, заявив, что в 2022 году, когда Индия будет отмечать 75 лет независимости, ни один человек в стране не будет страдать от отсутствия своего дома, электричества, туалета и воды. Но это скорее декларация о намерениях без конкретики.

Деловому сообществу обещана модернизация железных дорог с упором на скоростные магистрали. Новый министр транспорта Суреш Прабха жаловался, что ежедневно этим видом транспорта пользуются 23 млн. субсидируемых пассажиров и средств его ведомству хронически не хватает. Улучшение инфраструктуры, которая находится в тяжелейшем состоянии, требует гигантских инвестиций, учитывая территориальные масштабы Индии. Поскольку высока вероятность, что в 2022 г. Н.Моди будет занимать пост премьера второй срок, ему придется объяснять причины весьма вероятных неудач.

Но в присущей ему наступательной манере Моди идет на риск. Выступая в Красном форте 15 августа 2014 года в День независимости, он говорил о непривычных для такого рода мероприятий проблемах – крайне низком состоянии санитарии в городах и деревнях (из миллиарда жителей Земли, не имеющих туалетов, 600 млн. индийцев²¹³), участившихся случаях изнасилования женщин, слабой трудовой этике. Значимо прозвучал его призыв очистить священную реку Ганг. Вместе с членами правительства он участвовал в уборке улиц в ряде городов страны в рамках национальной «Clean India Campaign». Разумеется, это похоже на популизм, но в тоже время следование традициям гандизма. Правда, Моди в СМИ сравнивают чаще всего с руководителями авторитарного толка – Ли Куаню и Индирой Ганди.

Государственные банки из-за трудностей в финансовой сфере и большого числа невозвратных кредитов нуждаются в докапитализации порядка 100 млрд. долл. Правительство предполагает продать часть своих долей в нестратегических предприятиях для пополнения банковских ресурсов. Центральный банк Индии, регулятор денежного обращения, активно использует сделки по краткосрочным кредитам для поддержки государственных банков. Принципиально важна прозвучавшая критика Плановой комиссии за увлеченность централизованным планированием, традиционным для ИНК. При этом премьер подчёркивал важную роль бизнеса в экономическом развитии, которому не следует мешать излишними ограничениями. Были сокращены государственные субсидии на энергоносители и удобрения – меры, которые давно подвергались критике за их неэффективность и разворовывание бюджетных средств. Новые льготы получили экспортеры, хотя добиться увеличения экспорта промышленных товаров (девиз «Сделано в Индии») в условиях снизившегося мирового спроса крайне сложно.

Широкую поддержку ещё в ходе предвыборной борьбы получило заявление Моди о необходимости модернизации оборонной промышленности. Соответственно, правительство вскоре после формирования приняло, похоже, самое кардинальное своё решение об увеличении доли частного, в том числе иностранного, капитала в этой отрасли с 26% до 49%, что вызвало оживление не только среди местных предпринимателей, но и зарубежных поставщиков вооружений. Был облегчен доступ иностранным инвесторам в такие области как страхование и телекоммуникации. Намечены меры стимулирования бизнеса в особых экономических зонах, в которых формируются малые и средние инновационные предприятия (start-ups).

Фортуна благосклонна к Н.Моди. Во второй половине 2014 г. в стране обозначился рост ВВП, оценки колеблются от 5,4% до 6%, хотя видеть в этом результат новой политики преждевременно. Экономика способна реагировать на настроения в обществе – Sensex, основной биржевой индекс страны, вырос на 22%, как только стали известны итоги выборов, и в последние месяцы показывает повышательную тенденцию. Курс рупии к доллару к концу 2014 г. снизился незначительно, составив 60,5 рупии. Большое воодушевление вызвал успех индийских ученых и инженеров – в конце сентября 2014 г. они с первой попытки вывели построенный в Индии космический аппарат на орбиту Марса, что ранее не удавалось КНР и Японии.

Принятый правительством Моди бюджет 2014/15 финансового года год (на 8 месяцев до первого апреля 2015 г.) не содержал, как писали СМИ, ударных реформ («big bang reforms»). С учётом его переходного характера правительство

²¹³ The Economist. 19.07.2014. P.47.

использовало в основном проверенные методы. Объем капиталовложений в размере 301 млрд. долл. на 29% превысила предыдущий, в том числе за счет инфляционного давления. Первое место в намеченных расходах, как и всегда, заняла инфраструктура (дорожное строительство всех типов, воздушные и морские порты), а также создание 100 “умных городов” (smart cities), которые в совокупности создадут “алмазный четырехугольник”, связывающий скоростными магистралями крупнейшие города Индии. Это означает попытку правительства с помощью концентрации инвестиций на инфраструктурном строительстве увеличить спрос на рабочие руки, улучшить/удешевить логистику перевозок, способствуя росту предпринимательства. Расходы на оборону повышены до 37,5 млрд. долл. Вслед за принятием бюджета в Дели стали съезжаться представители стран – экспортеров оружия. Однако правительство Моды делает упор на расширении и диверсификации национального производства вооружений, не ограничиваясь их закупками, что неизбежно повысит конкуренцию местного и иностранного крупного частного капитала за долю на этом рынке. Частью экономической политики кабинета стали также меры по привлечению прямых иностранных инвестиций – прежде всего в сталелитейную, машиностроительную, энергетическую, цементную отрасли с целью их модернизации.

Бюджет, принятый в атмосфере определенной эйфории, и другие первоочередные экономические меры нового правительства призваны усилить государственно-частное партнерство, важный аспект социально-экономической политики развития Индии. Оно необходимо для реализации инфраструктурных проектов, поскольку масштабы и длительность их окупаемости требуют объединения усилий государства и бизнеса. Это отвечает интересам обеих сторон, поскольку реализация намеченных правительством планов позволит оживить гигантский внутренний рынок страны. Н.Моди и его команда не меняют основ социально-экономической модели развития Индии, но акценты смещаются в сторону усиления рыночных механизмов.

Д.Б. Абрамов

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ ИНДИЙСКИХ ПРАВЫХ

Всемирный банк и Международный валютный фонд, а за ними и иные авторитетные институты спрогнозировали, что Индия обгонит Китай и станет наиболее быстро растущей экономикой в мире в течение ближайших двух лет²¹⁴. ВВП страны уже превысил 6,78 трлн. долларов, что является третьим показателем в мире, хотя доход в пересчете на душу населения не превышает 5 777 долларов – всего лишь 125-ый результат. Для того чтобы прогноз смог успешно осуществиться, Индии предстоит дать ответ на целый ряд социально-экономических и политических вызовов. Один из наиболее насущных – проблема коррупции.

Тема борьбы с коррупцией как узловая общеиндийская задача вышла на передний план актуальной индийской политики в 2011 г. в связи с взрывным ростом массовой поддержки в стране антикоррупционного движения гуруджи (учителя) Анны Хазаре. Проблема широкого распространения коррупции никогда не оставалась секретом для самих индийцев. Однако в ходе последней предвыборной кампании

²¹⁴ Goldman Sachs predicts India's GDP growth to overtake China's by 2016. // International Business Times, December 5, 2014. See more at: <http://www.ibtimes.co.uk/goldman-sachs-predicts-indias-gdp-growth-overtake-chinas-by-2016-1478209>

2013 – 2014 гг. это тема практически вытеснила другой жгучий и извечный вопрос политических дебатов между непримиримыми соперниками Индийским национальным конгрессом (ИНК) и Бхаратия джаната партии (БДП) – сюжет проблематичности светского характера индийского государства.

Для индийского большинства, включая наиболее активную и быстро растущую часть населения страны – низы среднего класса, стало очевидным, что дальнейшее откладывание комплексного решения проблемы коррупции ставит под угрозу будущее экономического роста и их личного преуспевания. Это понимание, выразилось в амбициозных планах правительства Нарендры Моди, занявшего пост премьер-министра в мае 2014 г. после убедительной победы ведомой им БДП во главе Национально-демократического альянса (НДА). Основным электоральным преимуществом Моди оказались его талант грамотного хозяйственника в бытность свою главным министром штата Гуджарат на протяжении последних 12 лет. Под его руководством экономика региона расцвела: 5% населения страны, проживающих там, обеспечивают 7,6% ВВП и 22% индийского экспорта. Моди добился столь значимого прогресса, сделав работу властей штата более прозрачной, открытой и дружелюбной к бизнесу устранив многочисленные бюрократические и коррупционные препоны. Подобных мер от Нарендры Моди его сторонники ожидали и по всей стране. Не случайно столь успешным программным слоганом для БДП стал следующий: «Национализм — наше вдохновение. Развитие и хорошее управление — наша цель». Тема индусского национализма – хиндутвы – в идеологии БДП, а также неоднозначная роль Нарендры Моди в гуджаратских погромах мусульман в 2002 г. заслуживают отдельного рассмотрения, что же касается второй составляющей лозунга, то несомненно, что успешное развитие и качественное, прозрачное управление непосредственно зависят от преодоления страной бедствия коррупции²¹⁵.

Коррупция в Индии приобрела системный и настолько всеохватывающий характер, что заставляет задуматься о применимости употребления западного термина «коррупция» в индийских условиях. Наиболее древний индийский политико-экономический трактат из дошедших до нас – Артхашастра, предположительно составленный Каутилей в конце IV – начале III вв. до н.э., утверждает, что как «невозможно уследить за тем, как пьет воду плавающая в воде рыба, также невозможно проследить за тем как ворует государственный чиновник». Жалование современного индийского бюрократа среднего и низшего звена применительно к его образу жизни вряд ли способно обеспечить его повседневные расходы и многократно уступает заработной плате специалиста той же квалификации в частном секторе. Стало привычным, что основной доход значительного числа государственных служащих составляет хорошо продуманная и практически узаконенная своей ненаказуемостью и повсеместностью распространения как рутинной социальной практики система взяток.

²¹⁵ За рамками данной статьи остается болезненный пласт коррупционных вопросов, сопряженных с государственным субсидированием и системой льгот и преференций для представителей далитов или неприкасаемых, относящихся к т.н. «списочным кастам и племенам» (Scheduled Casts and Scheduled Tribes) и весьма широкие слои «угнетенных» или т.н. «прочих отсталых классов» (Other Backward Classes). Также, за отсутствием места мы не коснемся не менее злободневной темы коррупционных злоупотреблений при создании союзов региональных кастовых партий, приводящих к откровенному торгу преференциями и льготами для кастовых лидеров в обмен на голоса их общин. См. подробнее: Абрамов Д.Б. Кастовые партии и кризис этносоциокультурной солидарности индийского общества. // Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий. - М.: ИМЭМО РАН. 2013.

Стоит напомнить, что одной из важных религиозных обязанностей варны брахманов, тщательно разработанных ещё в Ведах, является получение даров. Если учесть, что большинство мелких индийских чиновников на местах по-прежнему принадлежат к высшим кастам, становится более понятно, почему для современного индийца низкого социального статуса кажется столь естественным, принося свою просьбу о подключении телефонной линии, сокращении «нерасшифрованных» счетов, штрафов или помощи с оформлением даже вполне законных субсидий, сопровождать ее определенным подношением. Вот почему лидер далитов Б. Р. Амbedкар ещё в период борьбы за независимость больше опасался освобожденной Индии, руководимой выходцами из высших каст, нежели продолжения британского раджа (правления). Один из авторитетнейших индийских политологов П.Б. Мехта так описывает положение своих сограждан: «Почти при любом акте взаимодействия индийцев и государства, когда их учитывают, регистрируют, облагают налогом, удостоверяют лицензию, ставят печать, заверяя полномочия, или оценивают, чиновники дают понять, что возможна неформальная договоренность»²¹⁶. Посредством приношения даров функционирует древнейший институт налаживания межкастовых и межобщинных иерархических взаимодействий как на личном, так и на групповом уровнях, вертикальных и горизонтальных социальных связей. Отлаженный веками механизм кастово-джатных взаимодействий, межкастового симбиоза через систему даров и взаимных услуг связывает две или несколько каст, находящиеся на разных уровнях общественной иерархии. Демократические государственные институты достраиваются традиционными институтами индийского общества, дополнительно скрепляя их и придавая им эластичность, но при этом снижая эффективность государственного управления и экономики страны.

С одной стороны, долгое время остававшееся неизменным терпимое отношение к коррупции среди представителей среднего класса и крупного бизнеса было продиктовано тем, что после экономических реформ 1991 г. они оказались избавлены от гораздо более жестких форм контроля со стороны государства в виде системы лицензирования и иных элементов «ручного регулирования» индийской экономики. С другой стороны, для подавляющего большинства индийцев, за исключением части элит, получивших в ходе реформ более широкие возможности трудоустройства и освобождение от чрезмерной опеки государства, работа чиновника вплоть до настоящего времени составляла и составляет предел мечтаний. Для представителей же социальных низов работа на государство это не только гарантия занятости (индийского служащего со времен порядков еще эпохи Дж. Неру просто невозможно уволить или сменить), но пожизненное вознесение вверх по социально-экономической лестнице. Характерный и самый недавний пример тому: из центрального департамента общественных работ в Дели уволили электротехника, который не ходил на работу 25 лет. Чтобы его уволить, в дело пришлось вмешаться одному из министров лично²¹⁷.

В отличие от России, также страдающей от коррупции, в Индии высшие государственные институты поражены этим недугом в значительно меньшей степени. По российским меркам, на уровне принятия правительственных или министерских решений коррупции в Индии практически не существует (хотя нет правил без исключений). Но чем ниже властный уровень, тем выше коррупционная составляющая в управлении, больше власть чиновников над жизнью рядовых индийцев. Такое положение дел десятилетиями находило отражение в

²¹⁶ Mehta P.B. The Burden Of Democracy. New Delhi: Penguin Books. 2003. - P. 115.

²¹⁷ CPWD official sacked for absence from duty for 25 years // The Indian Express, January 8, 2015. See more at: <http://indianexpress.com/article/cities/delhi/cpwd-official-sacked-for-absence-from-duty-for-25-years/>

политическом участии граждан: как правило, чем выше уровень выборов, тем менее они интересовали местных избирателей. И наоборот, явка при выборах в панчаят – орган местного самоуправления, охватывающий несколько соседних деревень, оказывается выше, чем в национальный парламент. Рядовой индеец скорее вспомнит имя своего депутата в законодательном собрании штата, а не в парламенте страны.

С этими особенностями индийской социальной активности оказались связаны массовые формы антикоррупционной борьбы. Кисан Бабурао Хазаре, известный как Анна Хазаре, начал свою деятельность в конце 1970-х демобилизовавшись из армии. Общенациональную популярность ему принесло «Народное движение против коррупции» (НДПК) в 2011 г. Об уровне его поддержки говорит такой факт: в августе того же года в защиту его требований о свободе собраний антикоррупционных митингов и акций протестующие заполнили центральные площади в 570 индийских городах. Свои законопроекты, молчаливо отвергавшиеся властями, он продвигал благодаря публичным голодовкам в окружении и под защитой своих единомышленников. В частности в Дели акция с участием Хазаре проходила у мемориала Махатмы Ганди, чьим принципам он старается следовать²¹⁸. Несмотря на экспоненциальный рост массовой поддержки и материальных пожертвований своему движению, Анна Хазаре ведет жизнь аскета на выплачиваемую ему государством скромную военную пенсию.

В ходе избирательной кампании 2013 – 2014 гг. Хазаре изначально старался максимально от нее дистанцироваться и не высказывать своих предпочтений в пользу какой-либо из претендующих на власть политических партий или их лидеров. Однако полностью осуществить нейтралитет. Находящаяся у власти ИНК столь однозначно ассоциировалась с коррумпированностью, что поддержка их оппонентов из БДП, вступившей в избирательную кампанию под антикоррупционными лозунгами сама собою вписывалась в логику деятельности НДПК. Тем не менее, в ряде интервью Анна Хазаре не уставал отмечать, что несмотря на одобрение им этих лозунгов и стоящих за ними целей он не разделяет националистических и коммуналистских принципов, от которых БДП и ее союзники, по его мнению, не вполне свободны.

В предвыборный период волна коррупционных скандалов докатилась до ряда чиновников федерального уровня в правительстве ИНК. Скандалы следовали один за другим: незаконная выдача 2G-частот сотовым операторам по явно заниженным тарифам министерством связи²¹⁹, принятие правил, практически узаконивающих получение взяток сотрудниками полиции от водителей при пересечении границ штатов, махинации при оформлении водительских прав в МВД и пр. Последним ударом по ИНК, окончательно сформировавшим общественное мнение о ней как о партии коррумпированной сверху донизу, стали обвинения в адрес бывшего премьер-министра страны Манмохана Сингха. Обвинения, заключавшиеся в непрозрачности приватизации угольной отрасли и нанесении ущерба бюджету в 34 млн. долларов, были связаны с тем, что в годы приватизации²²⁰ Сингх возглавлял министерство угольной промышленности Индии. Угольная отрасль ключевая для

²¹⁸ Некоторые формы сопротивления Анны Хазаре беззаконию порой принимали криминальный характер. Это объяснялось тем, что помимо идеала ненасилия гандизма Хазаре разделял и учение философа и политического активиста Виноба Бхаве (1895-1982) о возможности в крайних обстоятельствах отстаивать справедливость всеми доступными способами.

²¹⁹ What is the 2G spectrum scam? // India Today, October 19, 2012. See more at: <http://indiatoday.intoday.in/story/what-is-the-2g-scam-all-about/1/188832.html>

²²⁰ Речь шла о периоде с 2005 по 2009 гг., когда 142 предприятия угольной отрасли прошли приватизацию с грубыми нарушениями.

энергетики страны: 2/3 электроэнергии вырабатывают угольные ТЭЦ. БДП с союзниками заговорили о крупнейшем коррупционном скандале в современной Индии – «Коалгейте». Мало кто сомневался в личной честности Манмохана Сингха. Тем не менее значительная доля ответственности за неэффективность реформы угольного сектора действительно лежала на нем. Слишком широкие полномочия, предоставленные решениями Сингха властям штатов, вкупе с неэффективной системой контроля породили коррупционные схемы, позволившие раздать наиболее прибыльные предприятия близким к властям штатов людям, не нарушив при этом буквы закона.

В результате череды громких коррупционных скандалов в рядах ИНК имидж борца с коррупцией особенно поспособствовал Нарендре Модии взойти на вершину политического Олимпа. Однако оказалась, что с этой вершины проблема выглядит сложнее. Индия столкнулась с парадоксальной ситуацией, когда трудно отучить ее граждан от привычки платить за то, что принадлежит им по праву. Преодоление коррупции в стране относится к числу приоритетных задач, но выполнение ее требует от нового руководства страны не только перестройки государственного управления, точной настройки систем контроля и репрессий, но и болезненной для общества трансформации традиционной ментальной парадигмы.

Анна Хазаре не скрывает своего разочарование первыми шагами правительства БДП, а его детище, поддержку которому гарантировал Моуди, - законопроект о назначении на местах выдвинутых снизу кандидатов «локпал» (омбудсменов) с широкими контролирующими полномочиями, остается под сукном: «Людам по-прежнему приходится платить взятки, чтобы сдвинуть с места решения даже самой несложной их насущной проблемы». Назначение местных локпал, по мнению Хазаре, «решило бы по меньшей мере половину подобных проблем, но господин Моуди за пол года своего премьерства не нашел на это времени. Кампания БДП «Индия против коррупции» была поддержана нами, но теперь я считаю, что эту кампанию БДП вела не против коррупции, а против Объединенного прогрессивного альянса и ИНК»²²¹.

Перечисленные факты говорят в пользу мнения Хазаре, подтверждая опасения, что антикоррупционные реформы на поверку могут оказаться показными. Новый кабинет министров в 2014 г. отметился лишь двумя реализованными мерами: часть разрешительных документов для граждан и малого бизнеса стало возможным получать через интернет, а для государственных регуляторов сокращены полномочия неформального давления на бизнес. О структурных реформах пока нет и речи, а без них коррупцию в стране не преодолеть. Критики Модии указывают, что пока его правительство больше озабочено укреплением собственной власти, а не экономики страны. После выборов в стране стала популярна шутка: «Если раньше Индия была страной, где не было власти, то теперь это страна, где не стало оппозиции». Впрочем, кредит доверия у индусских правых и лично Нарендры Модии на проведения серьезных комплексных реформ есть, и на этом пути он несомненно обретет ещё немало сторонников из числа рядовых граждан.

Оценивая актуальную ситуацию, сложившуюся на фронте борьбы с коррупцией в Индии, стоит сослаться на три обстоятельства. Во-первых, срок пребывания у власти кабинета БДП едва превысил полугодовую отметку и преждевременно давать окончательные оценки серьезности его намерений. Во-вторых, опыт Нарендры Модии позволяет ему осознавать значимость проблемы коррупции для будущего индийской экономики. И третье, к немаловажным преимуществам Индии

²²¹ Modi govt. has failed to check corruption: Anna Hazare. // The Hindu, January 29, 2015. See more at: <http://www.thehindu.com/news/cities/Delhi/hazare-to-launch-fresh-stir-on-lokpal/article6833339.ece>

следует отнести отлаженную систему функционирования многих демократических институтов и, прежде всего, судебную систему. Суды в Индии достаточно независимы, а профессионализм судей пользуется заслуженным уважением, и потому обвинения в коррупции доходящие до суда, приводят не только к увольнению виновных, но и к реальным тюремным срокам.

Опираясь на эти данные, представители неправительственной организации Transparency International впервые за 18 лет оценили уровень коррупции в Индии ниже, чем в Китае. В новом индексе восприятия коррупции страна занимает 85-е место (для сравнения — Китай занимает 100-е место, Россия — 136-е). И хотя методология подсчета индекса не является безупречной, результаты исследования способны вселить определенный оптимизм. Приход множества новых людей во власть представляет Индии реальный шанс существенно сократить коррупционное давление на ее растущую экономику, этот же шанс есть и у правительства Нарендры Моды на деле продемонстрировать решительность своих намерений сплотить страну в единую нацию не на расовых или этнорелигиозных основаниях, но на принципах, ставящих во главу угла демократические институты светского правового государства.

А.Г. Володин

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ИНДИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Нарендра Моди, принявший в мае 2014 г. присягу премьер-министра Индии, стал — со времени завоевания суверенитета в 1947 г. — шестнадцатым главой правительства «крупнейшей демократии мира».

Политические аналитики уже в ходе избирательной кампании отмечали: правительство Н.Моди, если последнему суждено занять пост премьера, будет проводить более «самостоятельную» и «инициативную» внутреннюю и внешнюю политику. Авторы прогнозов ссылались, в частности, на «усталость» индийских избирателей не только от коррупции и nepotизма, поразивших высшие эшелоны государственной власти, но и от зависимости тогдашнего премьера Манмохана Сингха от воли лидера Индийского национального конгресса Сони Ганди (регулярно проходившей курсы лечения в США), что подчас делало политику страны зигзагообразной, меняющейся от различных обстоятельств. Сказанное в полной мере относилось и к сфере внешнеполитической активности Индии, в том числе российско-индийским отношениям, в которых время от времени появлялись «шероховатости» («wrinkles», как переводила этот термин англоязычная индийская печать).

Впрочем, с избранием на пост министра иностранных дел Салмана Хуршида (внука второго президента Индии, д-ра Закира Хусейна) внешнеполитическая линия Индии уже начала корректироваться, в ней появились отчетливо слышимые национально-государственные ноты. С.Хуршид провозгласил приоритет интересов страны как абсолютный императив индийской внешней политики («India First» foreign policy). В этом качестве, внешняя политика вновь стала объектом межпартийного консенсуса. Тем не менее наблюдатели еще во время избирательной кампании отмечали возможное появление новых акцентов во внешней политике страны, в частности, в отношениях Дели и Пекина.

Во-первых, обращалось внимание на готовность Китая инвестировать значительные средства в экономику штата Гуджарат, где Н.Моди до 26 мая с.г.

находился на посту главного министра. На основе конфиденциальности представители МИД Китая напрямую связывали активную инвестиционную деятельность КНР в Гуджарате с личной поддержкой Н.Моди – «сильного политика», способного отстаивать роль Индии как самостоятельного «гравитационного центра» в мировой политике. Подобная позиция вполне устраивала Китай, поскольку недвусмысленно указывала на нежелание будущего премьера Индии участвовать в проектах «сдерживания» Китая в АТР²²².

Во-вторых, Н.Моди в ходе избирательной кампании лишь единожды критически оценил внешнюю политику Китая: это произошло в ходе выступления кандидата в премьеры в северо-восточном штате Аруначал Прадеш, который некоторые в Пекине по-прежнему рассматривают как часть «Восточного Тибета». Однако к подобным высказываниям индийских политиков во время избирательных кампаний в Пекине привыкли и не придают им особого значения.

В-третьих, деловой стиль Н.Моди, продемонстрированный последним в штате Гуджарат, импонирует китайским руководителям, которые заинтересованы в восстановлении экономического роста Индии до прежних значений (8% +) при растущей роли внешнеэкономических связей Дели и Пекина, способных укрепить и политическую взаимозависимость двух наиболее населенных государств мира.

В-четвертых, Китай, как представляется, заинтересован в массированном использовании своих долларовых авуаров для развития транспортной инфраструктуры и создания «промышленных коридоров» в Индии. В качестве потенциальных инвесторов называются также Япония и Южная Корея. В международных экспертных кругах фигурировала цифра 300 млрд. долл. (хотя индийские официальные лица опровергают подобную информацию). Косвенно возможность столь масштабных проектов подтвердил сам Н.Моди, в одном из интервью оценивший сумму требуемых национальной экономикой инвестиций приблизительно в 1 трлн. долл.

В-пятых, индийских и китайских руководителей, видимо, сближает приверженность идее развития трубопроводной нефте- и газовой системы в Евразии с целью избежать возможных рисков при доставке углеводородов водным путем. В частности, недавно объявлено о начале работ по прокладке трубопровода Иран – Пакистан – Индия, переговоры о строительстве которого велись долгие годы. Китай, как известно, всячески стремится избежать транспортировки энергоносителей через Малаккский пролив, выбирая более короткие и безопасные маршруты. Индия также пытается изыскать менее рискованные пути доставки энергоносителей.

Какова же «картина мира» нынешнего правительства в Дели, т.е. конкретизация основных направлений внешней политики страны? На мой взгляд, внешнеполитическая стратегия нового правительства напрямую связана с личностными характеристиками нового премьера: ясным пониманием Индии как самостоятельного центра мировой политики, твердостью характера и личных убеждений, ориентацией на союзы и соглашения, определяемые особенностями развития «пост-американского мира» (Фарид Закария)²²³.

Уже начинает просматриваться прямая связь между стилем руководства Н.Моди и новой «редакцией» индийско-китайских отношений. Важным элементом картины «постамериканского» мира для Н.Моди станут поиски взаимопонимания с Китаем - и в сфере внешнеэкономических связей, и в области внешней политики. Возможно, между Дели и Пекином будет достигнут новый уровень взаимного

²²² Речь идет о концепции «союза четырех демократий» (США, Японии, Австралии и Индии), которую в Пекине именовали как «восточный фланг НАТО».

²²³ Zakaria F. The Post- American World. N.Y.- L.: W.W.Norton, 2008.

доверия (несмотря на сохраняющиеся разногласия по ряду принципиальных вопросов), что может усилить взаимную тягу к совместным действиям, в частности в «постамериканском» Афганистане.

Далее, Н.Моди, особенно после парламентских выборов, подчеркивал: идея американоцентричного мира не материализовалась, и необходима новая геополитическая конструкция - более тесная координация действий Индии, Китая и России с целью стабилизации мирополитических процессов на период перехода от «постбиполярности» к новой, более сложной организации мирового пространства, отражающей его возрастающую диверсификацию. Так, заинтересованность премьера Индии в получении российского природного газа через Китай, возможно, прошла через предварительные консультации с политическими руководителями КНР.

Вероятны совместные действия Индии, Китая и России в Афганистане после эвакуации из этой страны иностранных войск. Индия и Китай заинтересованы в создании максимально благоприятных условий «пост-американского» урегулирования в Афганистане. Обе страны опасаются «выплескивания» исламского политического радикализма за границы Афганистана, что грозит дестабилизацией как западным районам КНР, так и некоторым западным штатам Индии – в частности, возможной массовой миграцией из Пакистана под воздействием обострения в этой стране социально-экономических проблем и переноса внутриафганских конфликтов в соседнюю Исламскую Республику Пакистан. Помимо этого, как Индия, так и Китай не заинтересованы в разрушении секулярных/светских политических систем в Центральной Азии, тем более в приходе к власти здесь исламистских элементов.

Очевидно, этапным событием в развитии отношений Дели и Пекина станет скорое принятие Индии (вместе с Пакистаном, Ираном и Монголией) в состав полноправных членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Можно предположить, что нынешние перемены в индийско-китайских отношениях предвещают, помимо прочего, серьезную перегруппировку сил в Евразии и в мировой политике в целом.

Сентябрьский визит в Индию Председателя КНР Си Цзиньпина вызвал многочисленные комментарии в прессе и СМИ двух стран, а также в масс-медиа практически по всему миру. Исторически отношения между двумя наиболее населенными государствами планеты складывались непросто. Пограничный конфликт 1962 г., а равно и последующие столкновения (хотя и меньшего масштаба) оставили свой след в исторической памяти обоих народов. Доверие в отношениях Дели и Пекина восстанавливается медленно, что легко объяснимо. Поэтому сразу рассчитывать на «исторический перелом» после визита Председателя КНР в Индию было нереалистично.

В этом контексте у индийско-китайской встречи на высшем уровне было, так сказать, два «плана» – сегодняшний (текущие экономические и политические отношения «Слона» и «Дракона») и перспективный (обращенные в будущее совместные инициативы, опирающиеся на общее представление о перемещении мировой геоэкономической «оси» на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион).

Никто не ожидал легких, беспроblemных переговоров Си Цзиньпина и Нарендры Моди: обе стороны твердо отстаивали свои интересы. Так, китайская инициатива «нового шелкового пути» требует от Индии взвесить все «pro» и «contra» предлагаемого проекта, что потребует времени. Далее, индийцы настаивали на более свободном доступе своих товаров и технологий на китайский рынок (дефицит внешнеторгового баланса в отношениях с КНР для Индии в 2007 – 2013 гг. составил 169 млрд. долл.). Наконец, Индия (правда, условно) поддержала идею

«экономического коридора» по маршруту Бангладеш – Индия – Китай – Мьянма, сопроводив свое согласие желанием видеть «мирную, устойчивую и построенную на началах сотрудничества» среду взаимодействия вовлекаемых в этот проект государств. В свою очередь, Индия получила гарантии на инвестиции Китая в экономику страны в размере 20 млрд. долл. сроком на пять лет (до визита лидера КНР фигурировали более значительные цифры).

В целом эксперты и аналитики отмечают: дискуссии в Ахмадабаде и Дели укрепили личные отношения между руководителями Китая и Индии, что рассматривается как важный элемент стабильности в отношениях двух азиатских гигантов и как начало долгосрочного позитивного тренда в партнерских связях Китая и Индии.

Аналитики выделяют несколько моментов, которые будут оказывать долгосрочное влияние на характер двусторонних отношений.

Во-первых, правительство Н.Моди сознает, что в индийском обществе пока не сформировался консенсус относительно установления более тесных отношений с Китаем. И в Индии, и в Китае существуют силы (государственная бюрократия, армейские круги и руководство сил безопасности, а в Индии – еще и правые националисты), которые сохраняют влияние на общественное мнение. В сжатом виде их позицию можно сформулировать следующим образом: «отношения между нашими странами слишком сложны, чтобы принимать поспешные решения».

Во-вторых, Индия всегда стремилась избегать резких перемен во внешней политике, в чем проявились такие качества Индийской цивилизации, как преемственность, трезвость ситуационных и стратегических оценок, уважение к прошлому. «Внешняя политика не меняется со сменой правительства», – еще раз напомнила Сушма Сварадж, нынешний министр иностранных дел Индии. Во внешней политике Дели, как отмечают знающие люди, появятся новые акценты: больше внимания будет уделяться отношениям с государствами АТР (Япония – крупнейший иностранный инвестор в экономику Индии, активно действует на данном направлении Южная Корея), хотя здесь «дорожная карта» восточной политики страны пока окончательно не прорисована. В-третьих, правительство Н.Моди видит прямую связь между модернизацией индийской экономики и активностью индийской дипломатии в мировом пространстве.

Процесс урегулирования пограничных споров, напоминают эксперты-политологи, начался в 1988г., во время визита премьер-министра Раджива Ганди в Пекин. Власти Индии и КНР сознают: соглашение о делимитации границы двух стран необходимо будет провести и через индийский парламент, и через Политбюро ЦК КПК, а это- задача не из легких.

Если подвести итоги визита Председателя КНР в Индию, можно, очевидно, утверждать: встречи и беседы Си Цзиньпина и Н.Моди были продуктивными и многообещающими. Однако руководителей обоих государств ожидает трудная работа по окончательной нормализации отношений между двумя «государствами – цивилизациями».

Индия вновь напомнила о себе как об одном из центров-«гравитационных полей» в мировой политике во время состоявшегося в конце сентября визита Н.Моди в США. Визит имел легко читаемую экономическую «повестку»: внешние связи, включая военно-техническое сотрудничество, должны способствовать модернизации индийской экономики (в том числе ее оборонных кластеров) и создавать новые рабочие места для различных демографических групп общества, включая молодежь. И в этом, и в других аспектах визита ясно просматривалась очевидная логика приоритета собственных национальных интересов. В Индии не

забыли американские санкции, введенные администрацией Клинтона в связи с испытаниями ядерных взрывных устройств в 1998 г. Понимают в Дели и то, что отмена санкций связана с определяемым стране новым местом в американской геополитической конфигурации в АТР, т.е. в сдерживании Китая в Азии. Поэтому и чувствуют себя свободными от обязательств участвовать в планируемом «кордоне безопасности» вокруг КНР.

Мысль эта с предельной ясностью выражена одним из наиболее авторитетных внешнеполитических аналитиков страны К.Сибалом: «США хотели бы создать сеть взаимоотношений с государствами, которым угрожает восходящее развитие Китая. Цель – разыграть эту карту против Пекина, но только в случае прямой угрозы американским интересам; однако при этом защита интересов вовлеченных в данный проект стран не предполагается. ... Индия воздержалась бы от вступления в отношения с США, которые являются смягченной версией американо-японских отношений»²²⁴.

Понятно, что у новой (сам термин является условным) внешней политики Индии много критиков – и дома, и за рубежом. Сам принцип «интересы Индии превыше всего» неизбежно сопряжен с трудностями и проблемами. Однако «страна-цивилизация» не может не исходить из независимой внешнеполитической парадигмы. Поэтому и геополитический треугольник Дели – Пекин – Вашингтон, будет приобретать «равнобедренный» характер.

А.Г. Володин

ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В ИНДИЮ

Полицентричный мир требует от России диверсификации внешней политики. В политической науке разновекторность или, как говорят французские эксперты-международники, «свободная геометрия мировой политики» предполагает отказ от «идеологических союзов» и выстраивание государственного курса на основе прагматического понимания собственных интересов.

Тренд в сторону диверсификации внешней политики страны рельефно проявился и в ходе декабрьского (2014 г.) визита президента России В.Путина в Индию, который местная печать оценила как «продуктивный». В ходе визита была подтверждена роль Индии как «проверенного временем и надежного партнера» России, в каких бы сложных ситуациях наши страны не находились.

Индия недвусмысленно подтвердила свое отрицательное отношение к антироссийским санкциям, тем более что сама не раз становилась объектом подобных действий. Со своей стороны, президент России не только заверил партнеров в бесперебойных поставках запасных частей к российскому военному оборудованию в Индии, но и принял на себя обязательство ускорить передачу высоких технологий индийским компаниям, занятым в системе ВТС. Москва, заинтересованная в возвращении себе роли главного поставщика ВВТ на индийский рынок, уже активно участвует в программе «сделай в Индии», ставшей несущей конструкцией всей индийской промышленной политики. В ходе визита было объявлено о начале производства в стране российских вертолетов среднего класса Ми-17 и легкого класса Ка- 226 (общее количество «изделий» достигнет 400 единиц). Часть продукции будет поставляться за рубеж.

²²⁴ Sibal K. How Does the Indo- US Strategic Partnership Figure in the US Pivot Shifting to Asia?- Defence and Security Alert, New Delhi, October 2014, p.17.

Иначе говоря, мировой кризис ускоряет становление новой, выгодной для обеих стран модели разделения труда. Индия располагает внушительным по своей емкости внутренним рынком и значительным резервуаром квалифицированной рабочей силы, тогда как Россия обладает инновационными идеями и технологиями, необходимыми для создания высокоэффективных видов ВВТ и изделий двойного назначения. Перенос части отечественных производств в Индию выглядит поэтому и рентабельным, и логичным.

В ходе визита руководство Индии еще раз продемонстрировало недвусмысленное неприятие санкций, вводимых в обход ООН, приняв в составе российской делегации представителей Республики Крым, в развитии кооперационных связей с которой заинтересованы деловые круги Индии. На мой взгляд, речь идет не только о сотрудничестве в агросфере, но и в области гостиничного строительства, тем более что в этот бизнес уже активно включается Турция.

Премьер-министр Индии Н.Моди считается прагматиком. Поэтому, развивая отношения с нашей страной, Дели не без успеха использует Россию в качестве стабилизирующей силы в Евразии, тем самым выстраивая сложную систему взаимоотношений с другими великими державами, включая КНР и США. Такова логика «свободной геометрии международных отношений». В нынешней внешнеполитической стратегии Индии значительная роль отводится экономической дипломатии: помимо вертолетов, индийские компании будут производить запасные части для «изделий» российского происхождения, состоящих на вооружении в Индии. Подобный, без преувеличения, инновационный подход к ВТС резко ослабит роль чиновничества, задействованного в данной сфере, и избавит руководителей обеих стран от вмешательства в дела, не требующие столь высокого уровня компетенции.

Откликаясь на общемировые тенденции разделения труда при «материализации» сложных изделий с высокой долей добавленной интеллектуальной стоимости, Россия намерена разместить в Индии некоторые виды производств, участвующих в процессе создания современных гражданских авиалайнеров – уже летающего Sukhoi Superjet 100 и перспективного MC-21. Наличие относительно недорогой, но высококачественной рабочей силы – лишь один из факторов переноса части производств в Индию. Вторая, не менее веская причина частичной «релокализации» подобных производств – стремление укрепить (точнее, начать выстраивать) позиции нашей страны на чрезвычайно емком рынке гражданской авиатехники, которому предстоит не только расширяться, но и серьезно обновляться. По самым консервативным оценкам, эта емкость в Индии и России примерно одинакова – не менее 1600 – 1800 летательных аппаратов различных классов.

Примечательно, что в ходе визита не было объявлено о соглашениях по совместному производству истребителя пятого поколения и транспортного самолета средней дальности. Видимо, сделано это умышленно: успешное развитие вышеназванных и других проектов откроет путь к реализации новых совместных стратегических инициатив, так что нашим промышленникам, включая «оборонщиков», никак нельзя расслабляться.

В области классической энергетики заслуживает внимания давно лелеемый «прорыв» Индии в Арктику (нефтяные и газовые поля в Восточной Сибири), с одной стороны, и неотложность транспортной революции в Евразии – с другой, о чем эксперты рассуждают уже около двух десятилетий. Эта тема «мирной геополитики» в Евразии может иметь перспективное продолжение с участием не только трех

«гигантов» (Индии, Китая, России), но и других заинтересованных стран Азии и Европы.

В сфере «неклассической», т.е. атомной, энергетики дальнейший прогресс в двусторонних отношениях связывается с производством некоторых ключевых компонентов атомных силовых установок в Индии, что соответствует интересам России: «портфель» заказов у Росатома на строительство АЭС уже составляет около 100 млрд. долл.

Важной представляется, особенно для ряда наших регионов, и поставка индийских товаров продовольственного назначения (включая фрукты и овощи тропического происхождения) на российский рынок, тем более что в Индии уже, и не раз, побывали строгие ревизоры из Роспотребнадзора. Перспективно смотрятся и другие совместные проекты, в частности в ювелирной промышленности. Успешно соперничая с Италией в этой сфере, Индия уже в конце 90-х гг. прошлого века обошла признанных мировых лидеров по общему объему продаж ювелирных изделий).

Впрочем, не будем забывать, что в двусторонних отношениях необходима обоюдная синергия, и прежде всего взаимодействие частных компаний двух стран, включая малый и средний бизнес. В свою очередь, такого рода сотрудничество предполагает кооперацию между регионами наших стран, которая никак не может наладиться вот уже более 20 лет. Уповать на центральные власти недостаточно. Необходимы инициативные совместные проекты, регулярные визиты на взаимной основе руководителей регионов. Наконец, для выстраивания дееспособной модели отношений «регион–регион» не обойтись без емких «банков информации», содержащих сведения о возможностях и экономическом потенциале партнеров, чем должны заниматься региональные подразделения Российской академии наук и местные университеты.

Наши отношения слишком важны, чтобы предоставлять их воле случая или надеяться на традиционное русское «авось». Сложное положение, в котором оказалась наша страна, должно диктовать новые алгоритмы решения внутренних проблем, тогда как внешняя политика, включая внешнеэкономическую деятельность, могла бы стать действенным ресурсом внутреннего развития России.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Н.Г. Рогожина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ТАИЛАНДЕ

Военный переворот, совершенный 22 мая, стал полной неожиданностью для противостоящих друг другу на протяжении 6 месяцев политических сил, выступающих в поддержку законно избранного правительства Йинглак Чинаават или же против него.

Введение военного положения (за два дня до переворота), которое сохраняется и по сей день, установление комендантского часа, запрет на митинги и демонстрации, цензура печати, преследование инакомыслящих и тюремное заключение некоторых активистов из числа «красных рубашек» – далеко не полный перечень тех мер, которые используют военные для решения провозглашенной ими задачи по примирению общества²²⁵.

То, что общество раскололось, и институты власти были практически парализованы на протяжении полугода, стало поводом для вмешательства военных в политику. Вся история послевоенного Таиланда свидетельствуют о том, что военные считают себя единственной легитимной силой, способной навести порядок в стране и обеспечить ей процветание. С самого первого дня прихода к власти генерала Прают Тян-Оча, организатора переворота, страна попала под жесткое управление военных, поддержку которым оказывает крупный бизнес и чиновники высшего ранга – традиционный для Таиланда вариант управления высшим политическим истеблишментом.

Сам генерал Прают Тян-Оча относится к числу ярых поборников монархии. Поэтому не возникало никакого сомнения в том, что Прают, который и нарушил субординацию, введя чрезвычайное положение самостоятельно, хотя это является прерогативой короля, получит его поддержку.

Сформированная им система политического управления страной полностью соответствует поставленной задаче по консолидации власти у военных и получения ими полного контроля над страной (в первую очередь, речь идет об укреплении абсолютной власти самого Праюта) в течение длительного срока, который может растянуться на полтора года или даже больше.

С выборной демократией было покончено с первого же дня переворота. Был установлен авторитарный режим. Главным политическим институтом страны стал Национальный совет по поддержанию мира и порядка (НПОМС). Принятая временная конституция узаконила формирование недемократической формы правления. Она предоставила Праюту полную свободу действий «по противодействию угрозе миру, порядку, монархии, национальной экономике или суверенитету страны» (статья 44)²²⁶, что обеспечивает монополизацию власти в стране в руках военных и ставит под сомнение проведение ими политических реформ в русле демократических преобразований. Вопрос о реформе, призванной «реструктуризировать политические, социальные и экономические институты Таиланда» до начала проведения всеобщих парламентских выборов, ставился еще противниками правительства Йинглак Чинаават, а сейчас реализуется хунтой в

²²⁵ The Diplomat, June 05, 2014.

²²⁶ The Associated Press, July 22, 2014.

форме создания Национального совета по реформам с участием узкого круга лиц (230 человек), назначенных королем по рекомендации Национального Совета по поддержанию мира и порядка.

Вряд ли кто-то сейчас в Таиланде имеет четкое представление о том, в каком направлении пойдут эти реформы. Единственно, что можно сказать с большей или меньшей уверенностью, так это то, что таиландские политики из числа гражданских чиновников и военного руководства будут стараться внести такие изменения в политическую систему (прежде всего в избирательную), которые будут гарантировать им прочные позиции в руководстве страны.

Монополизации власти военными, опирающимися на традиционную политическую элиту, служит и законодательный орган – Национальная ассамблея, в которую Прают назначил приближенных к нему политиков. Поэтому ни у кого не вызывало сомнения, что они единодушно проголосуют за Праюта как за нового премьер-министра, хотя это и противоречит ранее принятым правилам политической игры, по которым военные, совершавшие переворот, оставляли на посту премьера гражданское лицо.

Портфели в сформированном Праютом кабинете министров распределились следующим образом: министрами обороны, транспорта, коммерции и внутренних дел стали военные, а назначение на пост главы финансового и экономического ведомства получили гражданские, близкие по своим политическим взглядам военной хунте.

Насколько правление военных в той форме, в какой оно к настоящему времени сложилось, способно положить конец политическому противостоянию в Таиланде, способствовать выходу общества из политического кризиса? Большинство населения, как это не выглядит парадоксальным на первый взгляд, поддержало приход к власти военных. Во многом это объясняется усталостью от политической неразберихи, царившей в стране на протяжении полугода.

Несмотря на различия в подходах к управлению страной между традиционной политической элитой (часть ее либерально настроена и выступает в поддержку демократии) и нынешним военным руководством страны (их правление сродни авторитаризму), они скорее союзники, чем противники по своим идейным убеждениям, представлениям, ценностям. И те, и другие воспитаны на традициях таиландской политической культуры, которая признает статусную иерархию в обществе и легализирует отношения патрон-клиент, обеспечивавшие до недавнего времени устойчивость политической системы, несмотря на постоянную смену руководителей страны, часть которых приходила к власти в результате военных переворотов. Но неизменным оставалось одно – власть традиционной политической элиты, связанной межличностными отношениями и представляющей высшие круги таиландского общества. Эти традиции сохранялись и в период существования «квазидемократических» режимов в конце 1990-х годов, но оказались подорванными с приходом к власти в стране Таксина Чинавата в 2001 г.

Не только потому, что он сам, хотя и был генералом полиции и крупным бизнесменом, не принадлежал к высшей аристократии и не проявил себя как ярый монархист, а потому, что Чинавата позволил себе играть на чужом поле: он вербовал сторонников не из среды высшего политического истеблишмента, а опираться на электорат, представленный жителями беднейших районов – Севера и Северо-Востока (откуда он сам был родом). Это и обеспечивало ему безусловное преимущество на выборах в стране, но не устраивало тех, кто оказался на периферии политической системы, несмотря на свои высокие политические амбиции

и традиционное представление о том, кто должен править страной – «достойный» образованный человек, а не «толпа».

Хотя генерал Прают, захватив власть, вывел за границы политического участия все политические партии, однако главным объектом его удара стал Таксин и его ближайшее окружение²²⁷. Задача стоит простая – покончить с его влиянием в стране на годы вперед, подорвать его авторитет и социальную базу. А для этого можно использовать разные средства, начиная с контрпропаганды и заканчивая военными операциями. Не исключается и вероятность того, что новое военное руководство будет оттягивать время проведения выборов, пока не будут изменены правила голосования и не переписана конституция с тем, чтобы перекрыть возможность возвращения партий Таксина к власти.

Наиболее реальный на сегодня сценарий политического развития Таиланда – это установление направляемой сверху демократии на неопределенный срок, термин, которым уже давно пользуются авторитарные режимы во многих странах мира (достаточно вспомнить просуществовавший 30 лет режим Нового порядка в Индонезии при правлении Сухарто). Генерал Прают открыто заявляет о формировании «демократии тайского стиля» в противоположность западной демократии, которая не соответствует, по его мнению, ценностям тайского общества²²⁸. Правда, что такое демократия «тайского стиля» генерал Прают не расшифровывает, но, вероятно, подразумевает, что ее установление в стране сохранит власть за традиционным тайландским истеблишментом, неотъемлемым компонентом которого является руководство армии, и предупредит приход во власть «грязных» политиков, использующих практику подкупа голосов избирателей.

И, тем не менее, будущее политического развития Таиланда остается мало предсказуемым. Некоторые эксперты считают, что этот переворот, как и предыдущие, обречен²²⁹, несмотря на то, что сегодня в его поддержку высказалось 70.6% опрошенных²³⁰. Многое будет зависеть от проводимой военным руководством экономической политики²³¹, способной улучшить положение беднейших слоев населения и упрочить позиции среднего класса, политические пристрастия которого могут меняться: желание сохранить свой привилегированный статус (это касается главным образом представителей среднего класса Бангкока) сочетается с его в целом либеральным настроем. А это сегодня более 40% потенциальных избирателей, включая и складывающийся новый политический сегмент общества – низший средний класс, формирующийся, главным образом, на периферии, и обеспечивавший в прошлом поддержку Таксину²³².

Новая власть в лице военных и их гражданских союзников, вряд ли, способна примирить общество, расколотое и по классовому признаку, и по политическим убеждениям. Сложилась ситуация, когда «низы» уже не хотят быть только управляемыми, а «верхи» не хотят подчиняться волеизъявлению большинства по той простой причине, что слишком велик у них страх потерять свои привилегии.

Вопрос, таким образом, решается не о судьбе Таксина, а о выборе будущего политического развития страны – или это будет управляемая сверху ограниченная демократия или же представительная демократия. Возможно, политическая карьера

²²⁷ The Diplomat, June 05, 2014.

²²⁸ <http://www.nationmultimedia.com/politics/What-makes-Thai-style-democracy-globally-palatable-30240809.html> Pravit Rojanaphruk@PravitR. August 13, 2014.

²²⁹ The Diplomat, May 23, 2014.

²³⁰ Bangkok Post, August 18, 2014.

²³¹ The Nation, August 18, 2014.

²³² Bangkok Post, August 10, 2014.

Таксина и закончилась, и он перестанет быть тем маяком, на который ориентируется его окружение. Но останется ли его окружение, которое, возможно, найдет себе нового лидера и сформирует новую партию, реальной политической силой, вот в чем главный вопрос. Надежды на возвращение к демократии связаны в первую очередь с низшим средним классом, выступающим за равный доступ всех групп населения к политической власти и экономическим ресурсам, а потому и отстаивающим идеалы представительной демократии²³³.

Некоторые тайландоведы считают, что решить политический кризис в Таиланде может новый социальный контракт, который обеспечил бы более равное распределение политической и экономической власти в обществе²³⁴. И до тех пор, пока традиционная элита не будет готова пойти на уступки, основа для возрождения политического конфликта в стране сохранится.

А.С. Прозоровский

ВЫБОРЫ В ИНДОНЕЗИИ

Минувший год в Индонезии целиком прошел под знаком выборов – парламентских и президентских, имевших особое значение для страны. Различные исследователи, политические обозреватели и эксперты неоднократно отмечали опасность для Индонезии разворота к авторитаризму из-за наличия в стране многочисленных социальных, экономических, этнических и культурно-религиозных проблем, порождающих в обществе тягу к «твердой руке». Возможность подобного разворота усугублялась тем, что авторитарный режим генерала Сухарто, существовавший в стране свыше 30 лет, рухнул достаточно давно, чтобы на фоне текущих проблем народ начал забывать его негативные стороны.

Вариант «авторитарного реванша» казался вероятным также из-за того, что для «старой» элиты истекло время ее политической активности. Как заявил в эфире национального телеканала TVRI политический наблюдатель Бурхануддин Мухтади, «2014 год будет «гранд-финалом» для ведущих политических деятелей, поскольку в 2019 году для старой элиты возможностей уже не будет»²³⁵. Слова о необходимости сменить поколение, управляющее страной, звучат сегодня чаще и громче, нарастает соперничество между «стариками» и «молодежью» на всех этажах политической системы. Вполне реальной выглядит перспектива того, что в ближайшие пять лет на смену рожденным в 50-х гг. придут те, кто родился в 70-х гг. Таким образом, «главной интригой», скрытой за предвыборной борьбой кандидатов, стал вопрос о грядущей смене поколений внутри политической элиты.

За последние десять лет, в течение которых страной руководил отставной генерал Сусило Бамбанг Юдойоно, экономическая и внутривнутриполитическая ситуация в Индонезии в определенной мере стабилизировалась. Страна сумела преодолеть последствия финансового кризиса 1998-1999 гг. С 2004 г. в стране проходят прямые президентские выборы, что свидетельствует об укреплении демократических тенденций. Децентрализация управления значительно повысила роль окраин. Открытые столкновения политических противников на улицах, характерные для

²³³ The Diplomat, May 23, 2014.

²³⁴ Michael J. Montesano. Thailand in 2014: Signs of Things to Come?" delivered at the 2014 ISEAS Regional Outlook Forum (ROF), 9 January 2014, Singapore.

²³⁵ <http://www.verkhoturov.info/content/view/1303/1/>

конца 90-х начала 2000-х гг., остались в прошлом. Напротив, значительно возросла роль парламента, который сегодня играет в политическом процессе роль не менее весомую, чем фигура президента.

Вместе с тем, сохраняются и некоторые черты, присущие молодым, еще недостаточно оформившимся партийно-политическим системам. К таковым, в частности, можно отнести избыточную многопартийность, неизбежно влекущую за собой создание временных и хрупких блоков, политические торги, сопровождающиеся лоббированием и коррупцией. Большинство партий создается «под кандидата» и не имеет серьезной продуманной программы. Это, впрочем, мало заботит избирателя, который голосует, прежде всего, за личность и руководствуется в своем выборе имиджем кандидата, мнением традиционных авторитетов и отставных генералов, доносящих до общества позицию армии, которая официально стоит вне политики.

По закону выдвигать кандидатуры на пост президента и вице-президента могут лишь партии или коалиции, набравшие на выборах в Совет Народных Представителей (СНП) не менее 25% голосов или получившие не менее 20% мест в парламенте, что почти неизбежно требует создания предвыборных блоков и сопровождается активными политическими маневрами.

Возглавляемая Сусило Бамбангом Юдойоной Демократическая партия (ДП) была создана в свое время именно для «раскрутки» кандидатуры этого отставного генерала. Начав практически с нуля, ДП сумела за прошедшее десятилетие набрать значительный вес, продвинуть своих представителей на руководящие посты в ряде провинций и областей. Вместе с тем «демократы» оказались замешаны в череде коррупционных скандалов, что снизило доверие к ним со стороны избирателей и весьма негативно сказалось на рейтинге президента, изначально позиционировавшего себя в качестве непримиримого борца с коррупцией.

Поиски подходящей кандидатуры для нынешних выборов шли в ДП еще с сентября 2013 г., но, в итоге, закончились ничем²³⁶. На выборах в СНП 9 апреля 2014 г. партия набрала 10,18% голосов (в 2009 г. – 20,85%), продемонстрировав тем самым снижение своей популярности вдвое. Попытки создания коалиции не принесли успеха. В итоге, на ближайшие пять лет ДП оказалась в роли оппозиции.

Лидером на парламентских выборах стала Индонезийская демократическая партия борьбы (ИДП(б)) под руководством дочери первого президента Индонезии Сукарно – Мегавати Сукарнопутри. Набрав 18,95% голосов, она получила 109 мест в СНП. Несмотря на то, что такой показатель выглядел лучше результатов 2009 г. (95 мест), он тем не менее был далек от ожидаемого результата. В конце 90-х гг. популярность ИДП(б) была чуть ли не вдвое выше, ибо партия находилась в оппозиции, не признавалась режимом Сухарто и подвергалась гонениям. В значительной мере ее популярности способствовала и фигура самой Мегавати, носящей отблеск харизмы своего отца.

Однако, вся эта популярность была растеряна за один неполный президентский срок (2001–2004 гг.), который Мегавати находилась у власти, сменив по закону президента А. Вахида, ушедшего в отставку в результате импичмента. Индонезийцы быстро разочаровались слабой работой ИДП(б), особенно в области стабилизации экономики, создания новых рабочих мест, борьбе с коррупцией, поддержании общественного порядка и урегулировании региональных конфликтов, которые в тот момент сильно обострились. С тех пор Мегавати ни разу не удалось

²³⁶ Попов А.В. Президентские выборы в Индонезии. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск № 23 / 2014. С. 37-38.

добиться победы для себя или своей партии, но на 2014 г. она возлагала значительные надежды.

Ближайшим союзником Мегавати, еще с выборов 2009 г., был отставной генерал Прабово Субианто, возглавлявший партию «Движение за Великую Индонезию» («Гериндра»). Будучи зятем Сухарто и в прошлом командующим стратегическим резервом армии, Прабово руководил подавлением беспорядков в Джакарте весной 1998 г., защищая слабеющий режим. Вместе с тем, многие индонезийцы полагают, что именно Прабово спровоцировал те погромы, дабы на волне их подавления сместить своего тестя, точно так же, как тот сместил Сукарно в 1965 г.

В соответствии с договоренностями 2009 г. Мегавати выставляла свою кандидатуру на президентский пост, а Прабово – с ней в тандеме – на вице-президентский. В 2014 г планировалась рокировка, – и уже Прабово, при поддержке Мегавати, должен был идти на президентские выборы. В 2012 г. этот альянс «обогатился» еще одной весьма перспективной фигурой в лице Джоко Видодо.

Будучи выходцем из незнатной и небогатой семьи из Суракарты, Джоко Видодо с детства зарабатывал на жизнь, работая уличным разносчиком и грузчиком. Выучившись у отца плотницкому ремеслу, изготавливал сувениры и мебель. Окончив в 1985 г. Университет Гаджа Мада по специальности инженера лесного хозяйства, Видодо некоторое время служил в государственной деревообрабатывающей компании. В дальнейшем он создал собственный бизнес, и к началу 2000-х гг. уже руководил крупной мебельной фирмой. В 2005 г. он был избран мэром Суракарты, завоевал любовь горожан на этом посту и был замечен крупными политическими деятелями.

В 2012 г. при поддержке ИПД(б) и «Гериндры» Джоко Видодо (или Джокови, как чаще его сегодня называют) победил в борьбе за пост губернатора Большой Джакарты. На новом месте его популярность быстро выросла благодаря активной борьбе с коррупцией и возрождению старой яванской традиции «блусукан» – внезапного посещения с проверкой различных служб и мест в городе, с личным заслушиванием жалоб от населения. Немало было сделано им и для решения транспортных проблем столичного мегаполиса, а также введения бесплатного образования и медицинского страхования для бедняков²³⁷.

Видимо, высокая популярность этого нового политика, не связанного с прежней правящей элитой, а также слабые позиции коррумпированной и скомпрометированной пропрезидентской ДП, заставили Мегавати поверить в его грядущую победу и забыть о своих договоренностях с Прабово. Джокови был объявлен кандидатом в президенты от ИДП(б) еще до парламентских выборов. Результаты, однако, оказались не столь хороши. Заняв первое место в списке и вплотную подойдя к 20%-му барьеру, ИДП(б) не смогла его преодолеть, что означало необходимость быстрого сколачивания новой коалиции.

Напротив, «Гериндра» смогла улучшить свои позиции более чем вдвое, – 11,81% голосов и 73 места в СНП по сравнению с 4,46% голосов 47 местами в 2009 г. Прабово выдвинул свою кандидатуру в президенты и приступил к поиску союзников для дальнейшей борьбы. О союзе с ИДП(б) речи уже не шло.

Наконец, еще одной крупной силой в предвыборной гонке был Голкар. Созданный еще при Сукарно как союз функциональных групп, обновленный при Сухарто и доминировавший на протяжении ряда десятилетий в партийной системе страны, Голкар сумел пережить крушение «Нового порядка» и сохранить весьма

²³⁷ <http://ria.ru/world/20141020/1029085227.html>

прочные позиции. Сегодня это партия государственных служащих и национальной бизнес-элиты уверенно занимает 2-3 позицию в списке. Выборы 9 апреля принесли Голкару 14,75% голосов, 107 мест в СНП и твердое второе место. Эта стабильность результатов, а также политическая весомость и значимость Голкара, заставляют другие партии обращаться к нему за поддержкой. Так было и в этот раз.

Лидер Голкара – крупный бизнесмен Абуризалъ Бакри – выдвигал себя в президенты еще с 2012 г. Видя успехи Джокови, Бакри сперва пожелал оказать поддержку ему, но тремя днями позже предпочел вступить в союз с демпартией действующего президента Юдойоно. В намечавшейся коалиции ДП должна была поддержать в качестве кандидатуры на пост вице-президента Прамона Эдди Вибово – шурина Юдойоно, однако, альянс не состоялся. В итоге, Голкар принял сторону Прабово, но понес при этом определенные потери. Целый ряд видных политических деятелей вышел из состава партии, заявив о своей поддержке кандидатуры Джокови. В частности, бывший лидер Голкара Юсуф Калла принял приглашение Джокови на пост вице-президента. В Голкаре пошли разговоры о партийном расколе и возможном скором смещении Бакри с руководящего поста. В предвыборном же штабе Прабово амбиции и метания Бакри сочли способными отпугнуть избирателей, и попросили его «поменьше выступать в поддержку отставного генерала»²³⁸.

Другие партии и организации тоже не избежали явных и скрытых расколов. Так Христиане великой Индонезии (KIRA) и Китайская ассоциация великой Индонезии (PETIR), являвшиеся дочерними массовыми организациями «Гериндры», приняли решение поддержать Джокови. Партия народной совести («Ханура») встала на сторону Джокови, но лишилась одного из своих лидеров – медиа-магната Хари Таносудибьо, ушедшего к Прабово. Раскололись исламские партии Индонезии, традиционно склонные поддерживать одного кандидата.

В итоге коалицию во главе с ИДП(б) (18,95%) составили Партия национального пробуждения (9%), Партия национал-демократов (6,7%), «Ханура» (5,3%) и Партия справедливости и единства Индонезии (0,9%). Суммарно около 40,88% голосов. Прабово сумел привлечь на свою сторону более крупные силы. «Гериндру» (11,81%) поддержали Партия национального мандата (7,6%), Партия справедливости и процветания (6,8%), Партия единства и развития (6,5%), Партия звезды и полумесяца (1,5%), а в конце концов и Голкар, что дало в итоге 48,93% голосов и большинство в парламенте. Кандидатом в вице-президенты был выдвинут Хатта Раджаса – лидер Партии национального мандата, бывший министр-координатор по вопросам экономики и свояк президента Юдойоно.

Предвыборные программы Джокови и Прабово оказались весьма схожи. Оба кандидата обещали расширять кредитную поддержку малого и среднего бизнеса, строить больше жилья для малоимущих, совершенствовать инфраструктуру, повышать продуктивность сельского хозяйства, и защищать национальный бизнес от конкуренции иностранцев, особенно в горнодобывающей отрасли²³⁹.

Имелись и определенные различия. Так, программа Прабово и Хатты Раджаса выглядела достаточно стройной и лаконичной, в то время как Джокови и Калла представили пространный и явно «сырой» документ со множеством повторов и опечаток. Среди заявленных реформ программа Джокови имела такие трудноосуществимые пункты, как отмена государственных субсидий на топливо, (что

²³⁸ <http://polittech.org/2014/07/03/vybory-prezidenta-indonezii-samye-nepredskazuemye-za-vsyu-istoriyu/>

²³⁹ <http://www.fondsk.ru/news/2014/07/01/indonezijskij-putin-protiv-indonezijskogo-obamy-28243.html>

в свое время окончательно подкосило режим Сухарто и лишь отчасти удалось Юдойоно) и увеличение средних крестьянских наделов на Яве с 0,3 до 2,0 га²⁴⁰.

Разнился и тон предвыборных речей. Джокови позиционировал себя как представитель гражданского общества и защитник прав человека, в особенности «маленького» человека. Его основной темой была переориентация индонезийской демократии на защиту интересов народа, в противовес олигархии, которая сформировалась при Сухарто и по сей день определяет ситуацию в экономике и политике. Прабово же больше упирал на неэффективность и безответственность существующей власти, на необходимость создания дееспособного государства, заботящегося о нуждах «простых людей» через решение больших задач модернизации²⁴¹.

В целом, свою предвыборную кампанию Прабово провел весьма успешно, хотя и «неспортивно». В ход были пущены слухи, очерняющие Джокови, использовался подкуп избирателей и давление на них со стороны военнослужащих. При этом надо заметить, что армия в целом приняла сторону Джокови, оказав ему поддержку в лице ряда отставных генералов. Относительно же Прабово военные, напротив, высказывались в том плане, что в армии его слишком хорошо знают, чтобы поддерживать на выборах²⁴². Однако, так или иначе, первоначальный разрыв в рейтингах, достигавший 15% в пользу Джокови, к выборам сократился до 2-3%.

На выборах 9 июля с небольшим перевесом в 6% вырвался вперед тандем Джоко Видодо и Юсуфа Каллы (53,15% 70,6 млн. голосов). Наибольшую поддержку ему удалось получить на Центральной Яве, Калимантане, Сулавеси и Папуа. Также в пользу Джокови проголосовали христианские районы Восточной Нуса Тенгары и северной Суматры. Прабово (46,85% 62,3 млн. голосов) получил преимущество в провинциях с сильными мусульманскими и фундаменталистскими настроениями. Несомненно, сыграл свою роль фактор этнической принадлежности кандидатов. Так, победа Джокови на Сулавеси была в значительной мере одержана благодаря Юсуфу Калле – выходцу с этого острова. Напротив, административный ресурс оказался малоэффективен. Было замечено, что население зачастую голосовало в пику местной администрации за кандидата-соперника.

22 июля Генеральная избирательная комиссия завершила подсчет голосов и объявила о победе Джоко Видодо. Претензии Прабово были рассмотрены в Конституционном суде и отвергнуты. 20 октября прошла инаугурация нового президента и вице-президента.

Сейчас еще рано говорить о выполнении новой властью своих обещаний, но ее способность идти на решительные и рискованные шаги очевидна. 18 ноября были сокращены субсидии на топливо, и цены выросли на 30%, поднявшись с 6000 рупий до 8500 за литр для бензина и до 7500 – для дизеля. Топливные субсидии в 2015 г. обошлись бы бюджету в 23 млрд. долл., а снижение – даст экономию порядка 13 млрд. долл., которые теперь пойдут на развитие инфраструктуры, здравоохранения и сельского хозяйства. Понимая, насколько сильно эти меры ударят по малоимущим слоям населения, правительство систематически корректировало цены на топливо в зависимости от мировых цен на нефть. В итоге, в начале 2015 г. цены (уже без субсидий) снизились до 6400 рупий, вернувшись практически к прежнему уровню.

²⁴⁰ Попов А.В. Президентские выборы в Индонезии. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск № 23 / 2014. С. 41.

²⁴¹ http://russiancouncil.ru/ru/inner/?id_4=4021#top

²⁴² Попов А.В. Президентские выборы в Индонезии. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск № 23 / 2014. С. 43.

Другой резкий ход, касающийся уже внешнеполитической сферы, был сделан 17 января 2015 г., когда были казнены шесть иностранцев, арестованных ранее за производство и контрабанду наркотиков. Просьбы о помиловании, поступившие от глав и представителей иностранных государств, были отклонены, что свидетельствует о способности президента Видодо быть жестким в тех случаях, когда речь идет о борьбе с преступностью и наведении порядка в стране.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

А.Н. Федоровский

СТАБИЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

После резкого обострения на протяжении предыдущих двух лет политической ситуации в Северо-Восточной Азии (СВА) отношения между странами региона к началу 2015 г. стали менее напряженными. Хотя сохраняются корни многих проблем, угрожающих подрывом стабильности и конструктивного диалога с участием региональных держав (территориальные претензии, односторонние меры, усиливающие дисбалансы военных потенциалов, споры вокруг оценок исторического прошлого) постепенно крепнут факторы, позитивно влияющие на межстрановые отношения.

В значительной степени они связаны с новыми важными аспектами внешнеполитического курса Китая, которые просматриваются в приоритетах, заявленных председателем КНР Си Цзиньпином, а также в конкретных шагах, предпринимаемых китайской дипломатией. Упор на меры военного характера становится менее демонстративным, им на смену приходят политические и экономические методы.

Не отказываясь от своих притязаний на острова, контролируемые Японией или на которые претендуют члены АСЕАН, Китаю удалось, не теряя лица, отойти от курса, ведущего к дальнейшему наращиванию военно-политического противостояния со своими соседями и поддерживающими их США. В частности, была ослаблена интенсивность морского патрулирования в районе находящихся под контролем Японии островов (яп. Сенкаку, кит. Дяоюйдао). Китайская морская платформа, первоначально размещенная с целью геологоразведки в спорном участке Южно-Китайского моря, была переведена в другой район, что уменьшило напряжение в отношениях Китая со странами-членами АСЕАН.

Наряду с этим произошла активизация китайской дипломатии в Тихоокеанской Азии. Расширилось предложение странам региона китайской экономической помощи. Одновременно Пекин включился в реализацию двух крупных международных проектов, которые несомненно еще больше увеличат роль и влияние КНР как на региональном, так и глобальном уровнях. В частности, в октябре 2014 г. было объявлено о формировании нового кредитного института – Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций (с капиталом до 100 млрд. долл. и штаб-квартирой в Пекине), в котором ведущая роль будет принадлежать КНР. Наконец, на Саммите АТЭС в Пекине (ноябрь 2014 г.) Китаем была выдвинута концепция Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), создаваемой не в рамках АТЭС, а в «параллельном» формате, поддержанная всеми участниками Форума. Тем самым, при председателе Си Цзиньпине все большее значение приобретает стремление Пекина опереться в своей внешней политике не столько на военную силу, сколько на растущий экономический и дипломатический потенциал.

В свою очередь, напряженность, вызванная территориальными претензиями Японии к Республике Корея, также заметно ослабла, что объясняется стремлением Токио избежать ухудшения отношений с Сеулом, с которым правительство С. Абэ предпочитает в сложившихся условиях выстраивать конструктивные отношения. Опасаясь доминирования Китая в Тихоокеанской Азии, Япония, во-первых,

продолжает курс на укрепление двустороннего стратегического военно-политического союза с США, во-вторых, ориентируется на развитие партнерских отношений с Южной Кореей, а также членами АСЕАН, в-третьих, стремится сбалансировать свою роль в регионе, которая до сих пор базируется на экономической мощи, за счет укрепления потенциала вооруженных сил, а также расширения возможности их применения в миротворческих операциях и в кризисных ситуациях.

Не все действия Токио вызывают одобрения у соседей, некоторые из которых опасаются возрождения гегемонистских устремлений Японии. Вместе с тем такие государства, как Вьетнам и Индия, активизировали двусторонний дипломатический диалог с Японией, в котором просматривается взаимная озабоченность этих государств ростом политического, военного и экономического влияния Китая. При администрации С. Абэ внесены коррективы в политику на Корейском полуострове. В своих отношениях с КНДР Япония исходит из стремления выяснить судьбу своих граждан, похищенных ранее северокорейскими спецслужбами. В ответ на выраженную Пхеньяном готовность сотрудничать в решении данного вопроса Токио смягчила условия поддержания экономических связей с Северной Кореей.

После сложного периода наследования власти в КНДР, сопровождавшегося ракетными пусками и угрожающими внешнеполитическими заявлениями, в межкорейских отношениях с конца 2014 г. наступил этап относительной стабилизации. Произошла консолидация режима Ким Чен Ына. Правящая в Сеуле администрация Пак Кын Хе взяла курс на установление диалога с Пхеньяном, а также инициировала проведение «евразийской политики», предполагающую активизацию разносторонних и масштабных отношений с Пекином и Москвой. Все это формирует предпосылки укрепления доверия в отношениях между странами региона, что создает адекватные условия для налаживания конструктивного сотрудничества региональных держав, способных способствовать корейскому регулированию.

Тем не менее, экономика КНДР продолжает испытывать серьезные проблемы, а значит – сохраняется угроза дестабилизации внутренних процессов, которые могут ухудшить ситуацию на Корейском полуострове и в СВА в целом. В то же время возникли новые факторы, сдерживающие непредсказуемость внешнеполитических шагов северокорейского руководства. Прежде всего, следует подчеркнуть проявившееся с 2014 г. охлаждение в политике Китая в отношении КНДР. Пекин недоволен сохраняющимися ядерными амбициями Пхеньяна, а также методами ограничения китайского влияния на внутренние процессы в Северной Корее. На этом фоне в конце 2014 г. КНР и Республика Корея достигли договоренности о подписании Соглашения о свободной торговле, реализация которого придаст дополнительный импульс интеграции экономик двух стран, а также позитивно повлияет на политический климат в регионе. В то же время Китай, Республика Корея и Япония достигли договоренности о возобновлении переговоров о многостороннем сотрудничестве, в том числе о возможном трехстороннем экономическом соглашении о свободной торговле. Хотя договоренность по этому вопросу едва ли будет достигнута в ближайшей перспективе, сам факт переговоров в указанном формате снижает накал дипломатической риторики. Как бы то ни было, администрации Ким Чен Ына, выстраивая свою политику на Корейском полуострове, придется считаться с тем обстоятельством, что китайское руководство во главе с Синь Цзиньпином не поддержат шаги, способные ухудшить в регионе военно-политическую ситуацию.

Политика Соединенных Штатов Америки в СВА несет в себе противоречивые черты. С одной стороны, отрицая обвинения в политике «сдерживания Китая», США продолжают укреплять инфраструктуру своего военного присутствия в регионе, что вызывает озабоченность в КНР. С другой стороны, Вашингтон поддерживает постоянный диалог с Пекином по широкому спектру политических и экономических проблем, в решении которых заинтересованы оба глобальных игрока. При том, что сохраняется американско-китайское соперничество за региональное лидерство, взаимная заинтересованность в масштабном и разностороннем экономическом взаимодействии удерживает Китай и США от втягивания в процесс конфронтации.

Вовлеченность США в конфликты вокруг Украины и на Ближнем и Среднем Востоке побуждают американскую дипломатию не допустить дестабилизации ситуации в Тихоокеанском регионе. Поэтому, хотя президент Б. Обама заявил о распространении обязательств по обороне Японии на спорные острова, Соединенные Штаты призывают вовлеченные стороны перевести обсуждение спорных вопросов исключительно за стол переговоров. По этой же причине Вашингтон, не видя путей быстрого решения вопросов корейского урегулирования, фактически заморозил свою дипломатическую активность на Корейском полуострове.

В то же время большое внимание американская дипломатия уделяет перспективам региональной экономической интеграции, стремясь обеспечить отстаивание своих интересов за счет использования поддержки союзников и новых партнеров, опасющихся экономического и политического доминирования Китая.

Хотя негативное влияние введенных США и ЕС экономических и политических санкций проявляется и в данном регионе, однако, в целом, в СВА Россия не сталкивается с таким жестким противостоянием, как на евроатлантическом направлении. Нынешняя стабилизация политической ситуации в регионе создает для Москвы условия для поддержания диалога и экономического взаимодействия с дальневосточными соседями. Многие в этом отношении будут зависеть от совершенствования внутренних механизмов экономического, правового и административно-политического характера, а также проведения креативной дипломатии, учитывающей быстро меняющиеся экономические и политические реалии на тихоокеанском направлении.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Л.Н. Симонова

СНОВА ДИЛМА РУСЕФФ

Основным событием 2014 г. в Бразилии стали всеобщие выборы президента страны. Баллотировавшаяся на второй срок президент Дилма Русефф смогла одержать победу в острой политической борьбе (ее отрыв от проигравшего кандидата Аэсиу Невиса составил лишь около 3%). Теперь перед ней стоит немало вызовов и проблем, не решенных в период первого мандата. В результате изменившегося соотношения сил главе государства неизбежно придется вносить коррективы в сформировавшуюся модель развития, особенно учитывая ухудшение экономической ситуации в стране, снижение предпринимательской уверенности и нарастание социальной напряженности.

Как показали результаты всеобщих выборов, преимущество в политической сфере по-прежнему сохраняет Партия трудящихся, находящаяся у власти с 2002 г., что предполагает преемственность внешней и внутренней политики на ближайшие годы. В то же время итоги парламентских и президентских выборов показывают крайнюю фрагментацию политических сил при некотором сдвиге вправо. В условиях Бразилии раскол электората примерно пополам не означает дестабилизации страны, поскольку оппозиционная Партия бразильской социал-демократии сразу же признала итоги выборов и не отрицает возможности конструктивного сотрудничества с властью.

Основные разногласия касаются дальнейшей стратегии развития страны и определения роли государства в решении назревших социально-экономических проблем. Д. Русефф отдает приоритет социальным проблемам и обосновывает необходимость укрепления экономической роли государства, расширения госинвестиций для преодоления последствий мирового финансового кризиса. А.Невис предлагает сосредоточиться в первую очередь на экономическом росте, усилении рыночных рычагов и повышении роли предпринимательского сектора, не отрицая важности социальных программ. При этом его сторонники указывают на неэффективность экономической политики государства, в том числе программ кредитования через госбанки. Обе партии выступают за многовекторную внешнюю политику и укрепление позиций Бразилии в многополярном мире, в том числе готовы развивать отношения с Россией.

Не исключается, что смена состава правительства, прежде всего, министра финансов и других представителей экономического блока, внесет коррективы в сторону большей открытости экономики, сокращения госрасходов, включая финансирование через банки развития, и достижения сбалансированности бюджета. Это подтверждается назначением в январе 2015 г. на пост министра финансов Ж. Леви, выступающего за проведение более жесткой кредитно-денежной и финансовой политики.

Во время второго мандата президент под давлением укрепившейся оппозиции будет более активно бороться с коррупцией и засильем государственной бюрократии. Существуют риски усиления социальной напряженности по мере формирования гражданского общества и роста среднего класса.

Основным достижением первого президентства Дилмы Русефф (2011–2014 гг.), как и ее популярного предшественника Л.И. Лулы да Силвы (2003–2010 гг.),

стала успешная социальная политика. Благодаря многочисленным социальным программам удалось существенно снизить уровень бедности. Ряды среднего класса пополнили более 40 из 200 млн бразильцев. По итогам 2014 г. реальная заработная плата выросла на 3,8%, уровень безработицы оставался на низком уровне – 4,3%.

Вместе с тем, несмотря на положительные сдвиги, значительная часть населения, особенно средние слои, недовольна низким качеством образования и здравоохранения, высокими ценами на общественный транспорт и другие услуги. Нерациональное расходование средств на мегапроекты, связанные с проведением чемпионата мира по футболу 2014 г. и подготовкой к Олимпийским играм 2016 г., привело к массовым акциям протеста, которые достигли апогея в июне 2013 г. и повторились летом 2014 года. В стране сохраняется высокий уровень насилия и организованной преступности.

Негативную роль сыграли и многочисленные коррупционные скандалы в правительстве, правящей партии и государственной нефтяной компании Petrobras. В декабре 2014 г. прокуратура Бразилии предъявила обвинения в коррупции и отмытии денег 22 топ-менеджерам шести крупнейших в стране строительных компаний, выполнявших подряды Petrobras. Всех их также подозревают в картельном сговоре, в результате которого Petrobras платил взятки бразильским политикам по контрактам общей стоимостью свыше 4 млрд. долларов. 4 февраля 2015 г. на фоне расследования коррупционного скандала вынуждена была уйти в отставку глава компании Мария дас Грасас.

Прошедший год стал достаточно сложным и неоднозначным для Бразилии в плане динамики экономического развития и устойчивости макроэкономических показателей. На фоне ухудшения ситуации на мировых рынках, снижения внутреннего спроса и падения предпринимательской уверенности темпы роста бразильского ВВП в 2014 г. снизились до 0,1% по сравнению с 2,5% в 2013 году. Среди внутренних факторов, отрицательно повлиявших на динамику экономического роста, следует также отметить сильнейшую за последние десятилетия засуху, последствия которой отразились на объемах производства сельскохозяйственной продукции и показателях работы ГЭС, спровоцировав рост цен на продукты питания и электроэнергию.

Проведение ЧМ по футболу и выборы президента страны потребовали значительных вливаний бюджетных средств, что в условиях снижения деловой активности и сокращения экспортных поступлений не могло не сказаться на сбалансированности госфинансов. В 2014 г. бюджетный дефицит увеличился до 6,7% ВВП (3,2% ВВП в 2013 г.). Размер государственного долга достиг 63,4% ВВП – один из наиболее высоких показателей среди стран ЛКА, что существенно усилило риски снижения кредитного рейтинга Бразилии.

Резкое снижение экспортной выручки в результате падения мировых цен на бразильские сырьевые товары (на 8,9% по сравнению с 2013 г.) и сокращение поставок в Китай, ЕС и Аргентину привело к дальнейшему увеличению отрицательного сальдо баланса по текущим операциям (-4,2% ВВП в 2014 г.). В 2014 г. бразильский реал подешевел на 18%, внешний долг вырос на 12,6%, достигнув 15,9% ВВП. Однако на фоне высоких золотовалютных резервов внешний долг не вызывает особых опасений. Кроме того, Бразилия входит в число наиболее привлекательных стран мира для иностранного капитала: нетто приток ПИИ в 2014 г. превысил 62 млрд долл. (2,9% ВВП).

Таблица 1.

Основные макроэкономические показатели Бразилии в 2011-2015 гг.

Показатели/годы	2011	2012	2013	2014 оценка	2015 прогноз
Темпы прироста ВВП*, %	2,7	1,0	2,5	0,1	-1,0
Уровень инфляция, %	6,4	5,7	5,9	6,4	7,5
Уровень безработицы, % ЭАН	6,9	5,5	5,4	4,3	4,3
Инвестиции в основной капитал, % ВВП	19,3	18,2	18,2	17,3	17,2
Сальдо бюджета центрального правительства, % ВВП	-2,6	-2,5	-3,2	-6,7	-4,1
Государственный долг**, % ВВП	54,2	58,8	56,7	63,4	64,1
Экспорт товаров, млрд. долл.	256,0	242,6	242,0	225,1	234,0
Импорт товаров, млрд. долл.	226,2	223,2	239,7	229,1	228,0
Сальдо баланса по текущим операциям, % ВВП	-2,1	-2,4	-3,6	-4,2	-3,8
Приток прямых иностранных инвестиций, млрд. долл.	66,7	65,3	64,0	62,5	59,0
Внешний долг, % ВВП	12,0	13,9	13,8	15,9	16,0
Валютные резервы, млрд. долл.	352,0	378,6	375,8	374,1	377,3

* в млрд. долл., в ценах 2005 г.

**валовой госдолг (без предприятий госсектора и Центрального банка Бразилии)

Источник: World Bank Database – <http://data.worldbank.org>. CEPAL. Estudio Económico de América Latina y el Caribe 2014. Santiago de Chile, 2014. Banco Central do Brasil, database.

В 2015 г. влияние неблагоприятных внешних факторов на экономику Бразилии может усилиться. Ожидаются новые волны оттока капитала из развивающихся стран, имеющих неустойчивые балансы и снижение курсов национальных валют. Центральные банки стран, не имеющих больших валютных резервов и активного сальдо платежей по текущему счету, будут вынуждены поднять процентные ставки, либо прибегнуть к мягкой или жесткой девальвации национальной валюты. Это может привести к увеличению бремени внешнего долга и резкому росту инфляционного давления. По оценке ЦБ Бразилии, в 2015 г. объем ВВП страны может сократиться на 0,6%, что станет худшим показателем за последние 25 лет.

Снижение устойчивости и конкурентоспособности бразильской экономики в последние годы в значительной степени было связано с проблемами структурного характера, незавершенностью реформ в налоговой и финансовой сферах, наличием «узких мест» в экономике и социальной сфере.

Прежде всего, речь идет о низких темпах роста производительности труда в промышленности на фоне ускоренного повышения заработной платы и снижения безработицы. Бразильские предприниматели (прежде всего малый и средний бизнес) демонстрируют слабую заинтересованность в увеличении инвестиций, расширении и модернизации производства, повышении производительности труда.

Для Бразилии характерен традиционно низкий уровень инвестиций – менее 18% ВВП в 2014 г., из которых порядка 4% ВВП приходится на госсектор.

Бюрократические барьеры, высокая стоимость кредитов и налоговое бремя (в среднем 67% налогооблагаемой базы), неразвитость инфраструктуры – все это также существенно снижает эффективность производства и повышает риски в предпринимательском секторе Бразилии. Развитие обрабатывающей промышленности, и прежде всего современных производств, связанных с применением новых технологий, сдерживается нехваткой квалифицированной рабочей силы и в целом низким уровнем базового образования.

В международном рейтинге конкурентоспособности экономики в 2014-2015 гг., публикуемом Всемирным экономическим форумом, Бразилия занимает 57 место из 144, по индексу условий ведения бизнеса (Всемирный банк, 2014 г.) – 116 место из 189 стран, по индексу экономической свободы (Heritage Foundation, 2014 г.) – 114 место среди 178 стран.

Основные задачи в экономической сфере, которые предстоит решать правительству Д. Русефф в 2015-2017 гг., связаны прежде всего с наведением порядка в сфере госфинансов, повышением инвестиционной привлекательности страны и уровня предпринимательской уверенности. Динамика развития Бразилии в ближайшие годы будет определяться результативностью мер, принятых правительством Дилмы Русефф в социальной сфере, по поддержке национальных производителей и повышению конкурентоспособности бразильской экономики. Помимо снижения процентных ставок по кредитам, проведения валютной политики в интересах экспортеров и снижения налоговой нагрузки, значительные усилия и финансовые средства правительство планирует направить на реализацию программ в области инфраструктуры на основе государственно-частного партнерства, на развитие высокотехнологичных и инновационных кластеров, улучшение системы образования и здравоохранения.

АФРИКА

Э.Е. Лебедева

«БОКО ХАРАМ» И РЕГИОНАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Наибольшую опасность для мира в Западной Африке и в Африке южнее Сахары (АЮС) в целом представляет растущая дестабилизация ситуации в Нигерии – самой населенной стране Африки (167 млн. человек), а по количеству мусульман (75 млн.) – шестой в мире. Страна занимает первое место на африканском континенте по объему ВВП, шестое в мире по экспорту нефти, она – второй (после ЮАР) центр силы в АЮС, а также важный торгово-экономический партнер США, Китая и ЕС. В Западной Африке Нигерия доминирует в банковском, телекоммуникационном, транспортном секторах, а также в сфере обеспечения региональной безопасности, являясь одним из десяти основных поставщиков миротворцев для миссий ООН и Африканского союза (АС). И вот в 2014 г. эта ключевая страна Африки и один из важнейших субъектов центрo-периферических отношений Север-Юг оказалась в чрезвычайно трудной и опасной ситуации. Она столкнулась с тремя вызовами: нарастанием дестабилизации на северо-востоке страны из-за активизации террористической деятельности группировки «Боко Харам»; намеченным было на середину февраля 2015 г. проведением президентских выборов и ухудшением экономической ситуации из-за падения цен на нефть.

До последнего времени нигерийская правящая элита недооценивала «Боко Харам». Ареной ее террористической деятельности были удаленные северо-восточные регионы, экономически малопривлекательные и слабо развитые, с малочисленным (по нигерийским меркам) населением. «Боко Харам» сумела использовать в своих интересах протестные настроения северян, в подавляющем большинстве своем мусульман, недовольных крайней нищетой, высокой безработицей (от 40 до 80% среди молодежи штатов Борно, Уоб и Адамава), экономической и политической маргинализацией северо-востока страны, плохим управлением и беспрецедентной коррупцией в правящей элите. Растущее возмущение жителей вызывала неспособность армии защитить их, что вело к формированию среди них отрядов самообороны. Наибольший протест вызывали злоупотребления силовых структур при «зачистке» территории от экстремистов – бессудные расправы, убийства, аресты невинных людей и т.п.

В результате в Нигерии развернулся конфликт нового типа, в котором негосударственные образования противостоят государству и гражданскому населению²⁴³. Лозунги «Боко Харам» – искоренение светской модели образования и западного образа жизни, свержение нынешнего правительства и создание исламского государства. После убийства полицией в 2009 г. харизматичного лидера группировки М. Юсуфа «Боко Харам» перешла к активным террористическим действиям и постепенно стала превращаться в трансграничную организацию. Тактика организации – проведение стремительных атак на христианские церкви,

²⁴³ См. Д.Б. Малышева. Исламистское обличье африканских военных конфликтов. - Международная жизнь, 2014, № 11.

полицейские участки, армейские казармы, а также учебные заведения, рынки, «зачистки» целых деревень, убийства и похищения учащихся. Жертвами боевиков все чаще становятся христианские и мусульманские старейшины и религиозные авторитеты. «Боко Харам» использует террористов-смертников, в ее рядах много иностранных боевиков – не только из Чада и Нигера, но и Мавритании, Сомали и Судана. Группировка, по некоторым сведениям, имеет международную сеть центров по обучению террористов в Мали, Нигере, Камеруне, Чаде, Судане и ЦАР.

Составить более или менее полное представление о руководстве группировки, ее структуре, количестве членов, их этнической принадлежности весьма затруднительно, поскольку она имеет сетевую структуру, отдельные части которой мало взаимодействуют друг с другом. В настоящее время, по некоторым данным, численность боевиков колеблется между четырьмя и шестью тысячами, а по другим – превышает 9 тыс. человек; ее руководителем является Абубакар Шекау. В нулевые годы 90% ее членов составляли этнические канури²⁴⁴, которые проживают в северо-восточных штатах Нигерии и в приграничных районах Камеруна, Чада и Нигера. Но «Боко Харам» – не этноцентричная группа, и, судя по всему, она стремится создать панэтническое исламское движение. Ее лидеры широко используют язык хауса, на котором говорят в Сахеле и который служит лингва франка для северной Нигерии; они постоянно восхваляют исторические фигуры, почитаемые на территориях проживания хауса-фулани, таких как Осман дан Фодио – основатель халифата Сокото (1804-1903). Известно, что в организации существуют две секции. Деятельность наиболее многочисленной из них сфокусирована на дискредитации нигерийского правительства, а другой – на проведении террористических атак. Финансирование группировки идет по нескольким линиям: изъятие прибыли успешных бизнесменов, контрабанда оружия и денег, поддержка со стороны богатых сторонников, контроль над некоторыми маршрутами наркотрафика в Европу из Западной Африки и, предположительно, финансовые связи с организацией «Аль-Каида» в странах исламского Магриба» (АКИМ).

Террористическая активность «Боко Харам» с каждым годом нарастает. Уже в 2013 г. Нигерия в рейтинге Глобального терроризма за 2013 г. (Global Terrorism Index 2013) заняла четвертое место, пропустив вперед Ирак, Афганистан и Пакистан (на пятом месте – Сирия). Весной 2014 г. для всего мирового сообщества стала очевидной полная неспособность правительства Нигерии справиться с нарастающей угрозой, которую представляет группировка. Похищение экстремистами 270 школьников в штате Борно 14 апреля 2014 г., получившее широкую международную огласку и принесшее серьезные репутационные потери стране из-за неспособности силовых структур найти и освободить школьников, заставило нигерийское правительство признать, что «Боко Харам» стала главным вызовом нигерийскому государству. 23 мая 2014 г. по просьбе Нигерии СБ ООН внес «Боко Харам» в список террористических организаций. Ввиду нарастания политической нестабильности в стране и в преддверии выборов 2015 г. нигерийские власти уделяли первостепенное внимание укреплению сектора безопасности. На поддержку силовых структур планировалось выделить до четверти федерального бюджета 2014 г. Однако вряд ли это удалось реализовать, учитывая резкое падение с осени 2014 г. цен на нефть в условиях, когда 80% федерального бюджета составляют доходы от ее экспорта. Негативно этот фактор сказывается и на

²⁴⁴ Канури составляют 8% мусульманского населения Нигерии.

экономическом развитии всей страны, а также на финансовом обеспечении подготовки и проведения президентских выборов.

Тем временем темпы и масштабы террористических акций боевиков приобрели беспрецедентный характер. В сентябре 2014 г. Абубакар Шекау, явно под влиянием успехов Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), утвердившегося на части территории Ирака и Сирии, заявил о создании исламского халифата со столицей в городе Гвоза на северо-востоке Нигерии. К ноябрю 2014 г. «Боко Харам» контролировала территорию более 20 тыс. кв. км. Эксперты сходятся во мнении, что между ИГИЛ и «Боко Харам» существует много общего в плане идеологических оснований, религиозных тенденций, целей, стратегий и способов их реализации. Но существуют, на наш взгляд, и серьезные различия. ИГИЛ продемонстрировал, что может не только завоевывать территории, но и управлять ими, выстраивать вертикаль власти на местах и хотя бы минимально обеспечивать базовые социальные нужды населения. У нигерийских экстремистов нет для этого ни ресурсов, ни компетенции, тем более для управления так называемым халифатом. Для жителей территорий, занятых «Боко Харам», жизнь превратилась в полный кошмар из-за установления жесткой формы шариата, похищений детей и систематических расстрелов тех, кто не разделяет взглядов инсургентов – руководителей коммун и правительственных чиновников, религиозных лидеров и молодежи. Население голодает, лишено самого необходимого для жизнеобеспечения в городских условиях. На северо-востоке наступил экономический коллапс из-за разрыва торговых и транспортных связей с соседними регионами и введения экстремистами надзора за ценами. Есть предположение, что у группировки не хватает людей, чтобы эффективно контролировать города, поэтому они не делают попыток создать свою, альтернативную администрацию. Поэтому идея халифата в ближайшем будущем вряд ли найдет реальное воплощение на территории Нигерии.

В октябре 2014 г. лидеры стран-членов Комиссии бассейна озера Чад – Нигерии, Чада, Нигера, Камеруна, а также Бенина приняли при содействии ООН общую стратегию борьбы с «Боко Харам». Среди намеченных на ноябрь 2014 г. мероприятий – размещение военных подразделений внутри национальных границ, организация деятельности штаб-квартир многонациональных сил (Multinational Joint Task Force - MNJTF)²⁴⁵, регионального разведцентра и т.п. США, Великобритания и Франция должны обеспечивать многонациональные силы разведданными, собранными с использованием дронов. В ответ «Боко Харам» решила продемонстрировать свои силы и возможности. В предновогодние дни 2014 г. и первую неделю 2015 г. экстремисты захватили базу многонациональных сил недалеко от города Бага и часть самого города, расположенного на берегу озера Чад рядом с границами Нигера, Камеруна и Чада. Согласно данным *Human Rights Watch*, инфраструктура базы наполовину уничтожена, убиты десятки нигерийских солдат и гражданских служащих, захвачено много оружия и амуниции. Большие разрушения отмечены и в городе, убито более 500 жителей. В этот же период «Боко Харам» провела еще несколько терактов с использованием девочек-смертниц. В январе 2015 г. боевики в ходе серии вылазок и нападений уничтожили 16 городов и поселков на северо-востоке страны, в том числе расположенных на берегу озера Чад, а также атаковали столицу штата Борно Майдугури. Предположительно к началу 2015 г. в Нигерии от рук боевиков «Боко Харам» погибло более 11 тыс.

²⁴⁵ Эти силы (MNJTF) были созданы еще в 1998 г. для противодействия контрабандистам в пограничных районах между Чадом, Нигером и Нигерией. Со временем мандат MNJTF трансформировался в контртеррористический.

человек, полтора миллиона жителей северо-востока страны стали внутренне перемещенными лицами и 200 тыс. беженцами, осевшими в Камеруне, Чаде и Нигере²⁴⁶. Ситуация в этих странах усугубляется тем, что они все чаще становятся объектами атак экстремистов и уже десятки тысяч местных жителей, особенно камерунцев, вынуждены покинуть свои родные края. А. Шекау открыто угрожает президентам этих стран, если они пошлют свои военных подразделения в Нигерию на помощь федеральным войскам.

Очередной саммит Африканского союза (АС), состоявшийся 31 января 2015 г. и посвященный координации усилий африканских государств для коллективного ответа на континентальные угрозы, поддержал инициативу Комиссии стран бассейна озера Чад по формированию упомянутых многонациональных сил. В ответ на вопрос, нужна ли наземная операция западных войск, наподобие французской операции на севере Мали, для борьбы с «Боко Харам» Нигерия заявила, что такой необходимости нет. Эту позицию поддержал и спецпредставитель ООН по Западной Африке М. Ибн Чамбас. На встрече 5–7 февраля 2015 г. делегатов АС и ООН он заявил, что на первых порах многонациональные силы (примерно 8700 военнослужащих) будут действовать в рамках стратегии, принятой Комиссией стран бассейна озера Чад, при технической и финансовой поддержке АС, ООН и стран-доноров. ЕС, в частности, обещает предоставить нигерийским органам безопасности антитеррористическую помощь в размере 10 млн. евро.

Как видно из этих документов, внимание АС и его международных партнеров сосредоточено на том, чтобы закрепить успех и нарастить мощь коллективных действий против «Боко Харам». Очень эффективно действуют армейские подразделения Чада, воюющие на северо-востоке Нигерии и оказывающие поддержку местным военным на севере Камеруна. Жесткий отпор экстремистам оказывают армейские силы на территории Нигера. Но, главное, в феврале 2015 г. нигерийские войска, наконец-то, активизировались и добились значительных успехов, освободив от боевиков ключевые города на северо-востоке страны, в частности г. Бага. Западные и южноафриканские²⁴⁷ военные специалисты обучают нигерийцев управлять современными реактивными истребителями, вести воздушную разведку, предоставляют коммуникационное оборудование, а также обучают методам ведения партизанской войны. 19 февраля ВВС Нигерии в рамках наступательной операции многонациональных сил провели успешные бомбардировки лесов Самбиза, где располагаются лагеря боевиков, и г. Гвоза, объявленного «Боко Харам» столицей халифата. Боевики в условиях растущего военного прессинга оставляют лагеря, захватывают десятки деревень и смешиваются с жителями, используя их как человеческий щит. Они в панике бегут под напором наземных войск и воздушных налетов в районе Мадагури. Согласно заявлению нигерийских военных, на конец марта 2015 г. планируется новая крупная операция многонациональных сил против экстремистов.

В ближайшем будущем станут ясны реальные возможности «Боко Харам», как с точки зрения ее военного потенциала, так и стратегии группировки в целом.

²⁴⁶ По данным УВКБ на декабрь 2014 г., почти 90 тыс. человек нашли прибежище в регионе Диффа в Нигере, начиная с мая 2013 г. Около 200 тыс. жителей трех северо-восточных штатов бежало в Чад, Камерун и Нигер. Ухудшается ситуация и в регионе Дальнего севера в Камеруне из-за атак Б.Х., откуда бегут десятки тысяч местных камерунцев. <http://allafrica.com/stories/201502160758.html>

²⁴⁷ Министр обороны ЮАР утверждает, что в Нигерии нет военнослужащих Южноафриканских национальных сил обороны (South African National Defence Force), что это наемники, и они будут арестованы по возвращении домой. Возможно, это ветераны бывшей армии АЮС. <http://allafrica.com/stories/201502161404.html>

Возможно, что она серьезно ослабеет, но это не положит конец этой экстремистской организации, которая уже охватила своими щупальцами часть Сахаро-Сахельского региона АЮС. Реальную опасность ощущают и страны Центральной Африки, которые заявили о своей решимости присоединиться к антитеррористической борьбе. «Боко Харам» – это комплексная проблема, решить ее только военными средствами невозможно. Недаром еще в марте 2014 г. советник президента Нигерии по национальной безопасности М. Дасуки представил стратегию “мягкого” подхода к борьбе с терроризмом (*Countering Violent Extremism (CVE) Program*). В ее реализации – наряду с управленческими структурами на уровне федерации, штатов и коммун – предполагается задействовать гражданское общество, ученых, традиционных, религиозных и местных лидеров. Стратегия включает следующие направления контртеррористической деятельности: дерадикализация задержанных террористов и подозреваемых; разработка плана экономического восстановления северо-восточного региона, включающего шесть штатов; мобилизация всего общества на базе семейных, культурных, религиозных и национальных ценностей. Особенное внимание должно уделяться молодежи, которая не только ощущает себя маргинальной частью общества из-за ограниченного доступа к социально-экономическим ресурсам, но и находится в ситуации конфликта идентичностей – религиозной, этнической и региональной.

Поэтому ключевой задачей в образовательной сфере становится развитие у школьников критического мышления. В информационном пространстве стратегия борьбы с экстремистской идеологией должна базироваться на пропаганде следующих постулатов: «ислам и терроризм не равнозначны», «контртерроризм не направлен против мусульман», «общее противодействие мусульман и христиан насильственному радикализму может положить ему конец» и т.п.²⁴⁸ Эксперты считают необходимым дополнить эту стратегию «мягкой силы» положениями о соразмерном использовании военной силы против вооруженных формирований и о содействии усилению позиций традиционного ислама в его противодействии радикальным элементам, злоупотребляющим религией в узкокорыстных и разрушительных политических целях. В феврале 2015 г. бригадный генерал Абубакар Джими предложил начать прямые дебаты с «Боко Харам» по вопросам идеологии, веры и религиозных догм, полагая, что это подорвет моральный дух боевиков, которые очень слабы в этих вопросах, и поможет сдержать рекрутирование молодежи.

Однако столь необходимая Нигерии стратегия «мягкой силы» в борьбе с терроризмом вряд ли будет реализована в ближайшем будущем. «Боко Харам» стала инструментом манипуляции массовым сознанием в руках различных политических сил, нагнетавших политическую напряженность в связи с намеченными на 2015 г. выборами и использовавших страхи и панические настроения населения в условиях эскалации насилия. Южанам внушали, что «Боко Харам» существует благодаря поддержке мусульманской элиты севера, представители которой, в свою очередь, объясняют неспособность правительства покончить с исламистской сектой стремлением президента Г. Джонатана представить северную элиту как спонсора террористов. Провокационные требования властей некоторых южных штатов о регистрации проживающих там северян вызвали массовые выступления молодежи в штате Кано под лозунгом выхода северных территорий из состава Нигерии. В этой ситуации росла

²⁴⁸ Dasuki M. *Nigeria's Soft Approach to Countering Terrorism*. Available at: <http://prnigeria.com/2014/03/nigerias-soft-approach-to-countering-terrorism/>

озабоченность и внутри страны, и за ее пределами перспективами проведения выборов на всей территории Нигерии, включая ее северо-восток, а значит, и проблемой их легитимности. И вот за неделю до начала президентских выборов Независимая национальная избирательная комиссия (ННИК) объявила об их переносе с 14 февраля на 28 марта, объяснив это решение соображениями безопасности. Советник по национальной безопасности М. Дасуки написал в комиссию: власти из-за непрекращающейся операции против «Боко Харам» не могут гарантировать безопасность выборов, если они пройдут по первоначальному графику. Кроме того, требуется дополнительное время для выдачи населению карт биометрической идентификации, необходимых для голосования. В округах, где ведутся боевые действия, голосование проводиться не будет, в связи с чем для учета голосов зарегистрированных там избирателей будут применены альтернативные схемы. Зато в течение дополнительных шести недель нигерийские власти обещают ликвидировать лагеря боевиков «Боко Харам» на территории страны. Более того, президент и военные заверяют население, что скоро А. Шекау будет пойман и предстанет перед судом. Решение отложить выборы не одобрил Совет штатов, включающий всех бывших президентов страны, а также сенат и руководители некоторых исполнительных органов. Их поддержали Великобритания и США. Оппозиция же заявила, что, Г. Джонатан, используя такие уловки, хочет уйти от неизбежного поражения.

Политические игры Г. Джонатана вызывают крайнее недовольство не только его ярых противников с мусульманского Севера, которые и так считают, что, вступив в борьбу за президентский пост, он нарушил неписанное соглашение, согласно которому пост президента в 2015 г. должен занять северянин. Нарушение установившихся правил настораживает и международных партнеров Нигерии, которые справедливо опасаются не столько гражданской войны, сколько военного переворота, хотя военные заверяют нигерийцев и международное сообщество в своей полной приверженности демократическим устоям страны.

Если в марте 2015 г. выборы все же состоятся, то, кто бы на них не победил – Г.Джонатан или М. Бухари, южанин или северянин, он вынужден будет решать проблему «Боко Харам». А поскольку эта проблема – комплексная и долговременная, то для ее решения потребуются не только коллективное военное противостояние африканских стран этой террористической исламистской организации. Не менее важна реализация стратегии «мягкого» подхода к борьбе с терроризмом в условиях, когда традиционный ислам становится все менее привлекательным для обездоленной нигерийской молодежи на фоне растущего влияния в арабском мире радикальных исламистских настроений, «перетекающих» из стран Северной Африки и Ближнего Востока в Субсахарскую Африку. А, главное, Нигерия, чтобы не превратиться в региональный плацдарм терроризма, нуждается в глубоких реформах, нацеленных на преодоление социально-экономической и политической маргинализации северных регионов, ликвидацию самого высокого (после ЮАР) разрыва в уровне жизни между верхами и низами, массовой безработицы и хронической нищеты.

БУРКИНА-ФАСО: НАЧАЛО «ЧЁРНОЙ ВЕСНЫ»?

Осенью 2014 г. внимание мирового сообщества вновь было привлечено к Сахаро-Сахельскому региону, ставшему в десятые годы наиболее конфликтной зоной Африки южнее Сахары. Острейший политический кризис разразился в Буркина-Фасо – одном из немногих относительно стабильных государств Сахеля. Президент Блэз Компаоре²⁴⁹ 27 лет твердо держал власть в стране, играл весьма активную посредническую роль в разрешении ряда острых конфликтов в странах Западной Африки и считался одним из ключевых союзников Франции и США²⁵⁰ в борьбе с радикальными исламистскими группировками в Сахаро-Сахельском регионе. Кризис спровоцировало намерение Компаоре отменить 37-ю статью конституции, которая ограничивает пребывание на посту президента двумя пятилетними сроками, чтобы получить возможность снова баллотироваться на президентский пост в 2015 г.²⁵¹ 30 октября Национальная ассамблея должна была рассмотреть проект поправок. Три дня (28-30 октября) мощные антиправительственные выступления сотрясали столицу г. Уагадугу и другие крупные города страны. Акции гражданского неповиновения быстро переросли в массовые беспорядки. Участники волнений захватили здания парламента, государственного телевидения, сожгли штаб-квартиру правящей партии, поджигали автомобили, грабили магазины и мелкие лавки. Президентская охрана (Régiment de Sécurité Présidentielle, RSP – PCП), в меньшей степени жандармерия и части национальной армии попытались остановить протестующих, применив оружие, в результате чего сотни человек пострадали, несколько демонстрантов были убиты. Африканский союз (АС) пригрозил Буркина-Фасо санкциями в случае ревизии конституции страны, а Франция и США – основные страны-доноры дали понять Компаоре, что он лишится их поддержки.

Обострение ситуации побудило президента отозвать законопроект о внесении поправок в конституцию и отменить ЧП, но волнения не утихали. 30 октября в обращении к нации Б. Компаоре предложил оппозиции провести переговоры об установлении на год, до президентских выборов 2015 г., переходного периода, пообещав уйти после них в отставку. Его предложение оппозицией было отвергнуто, но, главное, «Великолепный Блэз», как называли Компаоре в народе, потерял поддержку своей многолетней опоры – армии, традиционно игравшей ключевую роль в политике страны и являвшейся гарантом стабильности государства. В тот же день начальник генштаба Оноре Траоре объявил себя новым временным главой государства, распустил парламент, правительство и временно приостановил

²⁴⁹ Католик по вероисповеданию Блэз Компаоре, 1951 г. рождения, принадлежит к одному из крупнейших этносов – моси.

²⁵⁰ Буркина-Фасо являлась членом Транс-Сахарского контртеррористического партнерства, и с 2007 г. в стране размещена военная база США.

²⁵¹ С 1991 г. Б. Компаоре сначала избирался на два семилетних президентских срока, а после внесения конституционных поправок в 2000 г. – еще на два пятилетних. В 2013 г. он заявил о возможности проведения в стране референдума о новой ревизии конституционных положений, касающихся сроков правления президента. В январе 2014 г. было объявлено о создании Республиканского фронта, объединившего 37 политических партий, организаций и движений для поддержки проведения референдума.

действие конституции. 31 октября Б. Компаоре покинул президентский пост и бежал в Кот-д'Ивуар.

По всей видимости, военные не планировали свержения Компаоре, но сама ситуация сыграла им на руку. К тому же в стране существовало как бы две армии: регулярные вооруженные силы и президентская охрана – мощное, хорошо обученное и экипированное элитное подразделение численностью в 1200 военнослужащих. 1 ноября подполковник Якуба Исаак Зид²⁵², заместитель командира РПС, заявил о том, что он берет на себя функции временного главы государства и, по сообщениям, его подчиненные установили блокпосты в столице. Несколько часов спустя кандидатура И. Зиды была единогласно поддержана армейской верхушкой, включая О. Траоре. И. Зид утверждал, что целью армии является предотвращение хаоса в стране, обеспечение плавного перехода к демократии, но отверг требование АС о возвращении страны к гражданскому правлению в течение двух недель. Опасаясь установления военного режима, ООН и АС пригрозили подполковнику и его сподвижникам санкциями.

5 ноября все вовлеченные в кризис стороны при многостороннем международном посредничестве (ЭКОВАС и др.) приняли Хартию переходного периода сроком на один год, до 11 октября 2015 г., когда должны состояться президентские и парламентские выборы. 16 ноября 2014 г. все стороны подписали переходную конституцию. 17 ноября специальный комитет из 23 представителей армии, традиционных лидеров, духовенства, гражданского общества и политической оппозиции утвердил, по предложению военных, временным президентом страны Мишеля Кафандо, бывшего министра иностранных дел страны, а затем и представителя Буркина-Фасо в ООН. Функции парламента возложили на Национальный переходный совет (НПС), состоявший из 90 представителей оппозиции, общественных организаций, бывшей правящей партии и военных. Председателем НПС был избран Шариф Момина Су, один из пяти кандидатов на пост президента переходного периода. 23 ноября 2014 г. М. Кафандо утвердил состав временного правительства, в котором И. Зид занял посты премьер-министра и министра обороны. На другие ключевые посты – министров горной промышленности, связи и внутренних дел – были назначены также военные. Однако концентрация власти в руках военных однозначно делает переходное правительство формально гражданско-военным, что вызвало крайнее недовольство АС и международного сообщества. В ответ фактический глава государства И. Зид снова пообещал передать власть гражданскому руководству после завершения переходного периода. Такова канва основных событий политического кризиса, развернувшегося в Буркина-Фасо в октябре-ноябре 2014 г.

Существуют, однако, серьезные риски срыва намеченного перехода и, как следствие, угроза стабильности страны. Перед правительством стоят невероятно сложные задачи. При этом оно должно учитывать высокий уровень мобилизации общества и не может не считаться с позицией международного сообщества, которое обеспечивает необходимую для функционирования правительства и организации электорального процесса финансовую помощь. Так, для организации

²⁵² Якуба Исаак Зид – 49 лет, протестант из г. Яко в центре страны. Обучался в командном центре г. По – административном центре провинции Нахури на юге страны и получил степень по международному менеджменту в Университете Ж. Мулин (г. Лион, Франция). В 2008-2009 гг. И. Зид служил в составе ооновской миссии «голубых касок» в ДРК.

выборов требуется 50,6 млн. западноафриканских франков, а в наличии только половина этой суммы. Необходимы ресурсы хотя бы на осуществление программы, объявленной М. Кафандо, по снижению безработицы среди молодежи.

Поскольку правительство не может действовать одновременно на всех фронтах, выделено четыре приоритетных направлений его деятельности: восстановление доверия между властями и населением, улучшение закона о выборах, разработка нового проекта конституции и реформирование армии. Последний пункт особенно волнует ЭКОВАС, Францию, США, ЕС и ООН, которые настроены поддерживать диалог с армией, чтобы она ушла в казармы по окончании переходного периода.

Армия, как ключевой политический игрок, уже проявляет склонность к авторитарному правлению. Начиная с декабря 2014 г., нарастала напряженность в отношениях между переходным правительством и РСР – наиболее мощной и неподдающейся контролю силой. На призыв А. Зиде интегрировать гвардейцев в ряды регулярной армии и сократить им зарплату РСР 4 февраля 2015 г. предложила ему самому уйти в отставку. Чтобы сохранить свой пост, А. Зиде пришлось пойти на компромисс и утвердить предложенную РСР кандидатуру ее руководителя и согласиться, что судьбу президентской гвардии будет решать комиссия, которую еще надо создать. В ответ 7 февраля 2015 г. тысячи демонстрантов, недовольных компромиссом, который лишь укрепил, по их мнению, позиции РСР, вышли на улицы столицы и второго крупнейшего города страны Бобо-Диуласо. Группы гражданского общества и часть оппозиционных партий требуют безусловного роспуска РСР – главной в прошлом опоры Компаоре и орудия репрессий против демонстрантов в октябре 2014 г. Но это очень сложно сделать. Ведь среди членов переходного правительства много представителей прежних политических структур и служб безопасности.

Переходный период в Буркина-Фасо не отмечен появлением альтернативной мощной структурированной политической силы. Бывшие оппозиционные партии, ставшие новой политической элитой – это порождение системы, созданной Компаоре несколько десятилетий назад. В Буркина-Фасо, как и в большинстве субсахарских стран, системная оппозиция была сильно фрагментирована, на политической сцене доминировала партия «Конгресс за демократию и прогресс» (КДП, *Congrès pour la Démocratie et le Progrès*, CDP). По результатам парламентских выборов 2012 г., в которых участвовали 74 партии, правящая партия получила 70 из 127 мандатов, а ведущая оппозиционная партия «Прогресс и перемены» (*Progrès et le Changement*, UPC) во главе с Зефирин Диабре (*Zéphirin Diabré*) всего лишь 18. Но с 2009 г. в КДП нарастали недовольство и распри из-за курса Компаоре на так называемое обновление руководства партии. Он добивался замены многолетних руководителей партии своими родственниками и друзьями, что привело к выходу из КДП ряда высокопоставленных членов²⁵³ и созданию ими в 2014 г. новой оппозиционной партии «Народное движение за прогресс» (*Mouvement du Peuple pour le Progrès*, MPP).

Хотя они выступали единым фронтом против Компаоре, амбиции и соперничество их лидеров создавали политическое напряжение в стране. Оппозиционные партии фактически не имели разработанных программ развития

²⁵³ В 2012 г. из состава исполнительного бюро партии были вынуждены уйти Рош Каборе (*Roch Kaboré*) – бывший президент КДП, вице-президент партии Салиф Диало (*Salif Diallo*), один из основателей партии Симон Компаоре (*Simon Compaoré*), бывший мэр Уагадугу, которых сменили родственники и друзья президента. Рош Каборе и Салиф Диало возглавили Народное движение за прогресс.

страны, их единственным требованием было устранение Компаоре и, когда это – весьма для них неожиданно – произошло, они смогли предложить избирателям лишь общие слова о демократии и необходимости ликвидации пагубного наследия поверженного президента. Существовали, правда, и партии левой ориентации – сторонников бывшего президента страны Томаса Санкара, свергнутого Компаоре в 1987 г. Для многих Санкара и его революционные идеи и деяния не просто глава в истории страны. Они остаются привлекательными для «рассерженной» молодежи, требования социальной справедливости стали основными лозунгами в октябрьские дни «восстания граждан», а портреты Санкара несли многие демонстранты.

Оценка буркинийского кризиса экспертами, политиками и оппозицией неоднозначна и, естественно, со временем менялась. Сразу после ухода Б. Компаоре многие СМИ восторженно отмечали, что «на континенте, где лидеры государств часто отчаянно цепляются за власть, вплоть до смерти, или их убирают силой, “буркинийская революция” приветствуется как редчайший случай смены режима в результате гражданской мобилизации и народных выступлений»²⁵⁴. Местные оппозиционные силы объявили буркинийские события «Чёрной весной» наподобие Арабской весны.

Еще в 2000-х годах в Буркина-Фасо значительно усилились социальные протесты на национальном и локальном уровнях. В 2011 г. в течение трех месяцев страна была охвачена забастовками студентов, госслужащих, шахтеров и солдатскими волнениями, но Компаоре подавил протесты. В основе антиправительственных выступлений лежало недовольство населения растущим разрывом между высокими темпами прироста ВВП (6,4% в 2012 г.) и ограниченным улучшением условий жизни населения. Экономический рост не конвертировался в социальное развитие и в улучшение качества человеческого капитала. Он усиливал социальную дифференциацию секторального и регионального характера. Экономический подъем Буркина-Фасо обеспечивался в основном за счет бума в секторе природных ресурсов, обусловленном значительным повышением за последнее десятилетие мировых цен на золото – главное сырьевое богатство страны. Позитивную роль сыграли и реформы, проводимые правительством с целью привлечения в горнодобывающий сектор прямых иностранных инвестиций. Темпы же развития остальных отраслей экономики остаются низкими. Показателем этого является то, что рост реального душевого ВВП за пределами сектора природных ресурсов на протяжении последних пяти лет составлял лишь 1,9%²⁵⁵. В 2009 г. 46,7% населения страны, по данным Мирового банка, жило ниже черты бедности. 51% молодежи в возрасте от 15 до 29 лет были безработными в 2012 г. В рейтинге стран по Индексу человеческого развития за 2014 г. Буркина-Фасо занимает 181 место из 187²⁵⁶. И все это на фоне системной коррупции и экономического nepотизма правящей элиты, особенно президентского окружения, члены которого имели собственные интересы в таких секторах, как золотодобыча, банковские услуги, недвижимость и розничная торговля. В этих условиях попытки Компаоре остаться у власти еще на пять лет, естественно, вызвали в 2014 г. новую волну мощных антиправительственных выступлений, носящих уже социально-политический характер, организованных или активно поддержанных оппозиционными партиями.

²⁵⁴ Электронный ресурс: <http://africanarguments.org/2014/11/07/burkina-faso-after-compaore-continuity-through-change-by-valerie-arnould>.

²⁵⁵ *Финансы и развитие*, сентябрь 2013 г., с. 24.

²⁵⁶ Электронный ресурс: <http://nonews.co/directory/lists/countries/index-hu>.

Но теперь, в переходный период, главная забота политических организаций – подготовка к выборам 2015 г. Сила же, с которой должно считаться переходное правительство, – это группы недовольной молодежи, в частности, «Гражданская метла» (Citizen Broom) и Коллектив против референдума (Anti-referendum Collective), которые были застрельщиками октябрьских событий. «Гражданская метла» вместе с еще восемнадцатью группами была главным организатором выступлений 7 февраля. У этих рассерженных граждан видение трансформации буркинийского общества, структур управления гораздо глубже, чем у правительства. «Низовые» активисты требуют кардинальных изменений в стране. А именно – улучшения социально-экономических условий, искоренения коррупции, реформы государственных институтов и привлечения к суду наиболее одиозных фигур прежнего режима. Если же надежды населения не оправдаются в ближайшем будущем, нового «восстания граждан» не избежать. Предпосылок для этого много. Основное здесь – противоречие между этими надеждами и объективной реальностью: необходимостью решать сложнейшие задачи, которые стоят перед страной, вступающей на путь реформ, и при этом сохранять управляемость страны. Толчком к антиправительственным выступлениям может стать и сохранение РСР в качестве властной и неподдающейся контролю силы.

Уход Компаоре, таким образом, положил начало длительному периоду политической неопределенности в Буркина-Фасо. Трудно предвидеть дальнейшее развитие событий, но вряд ли стоит ждать прихода «Чёрной весны». У армии достанет сил задушить ее на корню. Да и разрушительные последствия Арабской весны для обществ и государств Северной Африки могут побудить буркинийскую молодежь взглянуть на ситуацию перехода более трезвым взглядом. Однако события в Буркина-Фасо нашли горячий отклик и поддержку во многих других африканских странах. В кенийской газете «The Independent» (Kampala) от 10 ноября 2014 г. была опубликована статья под говорящим заголовком: «Африка задается вопросом: Если Буркина-Фасо сумела сделать это, то почему это не можем сделать мы?». Авторы статьи прямым текстом предупреждают президентов-«долгожителей» Анголы, Камеруна, Экваториальной Гвинеи, Уганды, Судана, Зимбабве и некоторых других стран о возможности повторения у них буркинийских событий. Настоящая проблема, стоящая перед африканскими государствами, – это отработка механизма смены политической власти без массового насилия и пролития рек крови.

ЭКОЛОГИЯ

Н.Г. Рогожина

ДОКЛАД ООН ПО ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ

Прибрежные города уйдут под воду в результате таяния снегов, участвовавшие стихийные бедствия – штормы, ураганы, ливни наводнения, циклоны, засуха – нанесут огромный ущерб мировой экономике²⁵⁷, нехватка продовольствия спровоцирует голод, исчезнут многие виды флоры и фауны²⁵⁸, стихийная миграция населения из экологически уязвимых мест вызовет хаос и политическую нестабильность, возникнут войны за контроль над ограниченными природными ресурсами. Картина такого мира к концу этого столетия предстает в докладе Межведомственной комиссии ООН по изменению климата. Её пятый оценочный доклад является результатом последних научных данных в этой сфере, которые должны послужить предостережением для всего человечества, если оно не предпримет действий по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу. В докладе, опубликованном в ноябре 2014 года, содержатся три основных вывода:

1. Климатические изменения являются результатом человеческой деятельности, и влияние этого фактора возрастает.

2. Мы должны действовать быстро, если мы хотим избежать наихудших последствий изменения климата.

3. У нас есть в распоряжении средства для ограничения климатических изменений, если мы будем действовать незамедлительно²⁵⁹.

Ученые отмечают, что выбросы парниковых газов, которые вызывают потепление климата, превосходят сегодня наивысший показатель их концентрации в атмосфере за последние 800 тыс. лет. Содержание в атмосфере двуокиси углерода в результате сжигания ископаемого топлива возросло с доиндустриального периода на 40%.

Доклад кратко излагает наблюдаемых и прогнозируемые последствия изменения климата на планете. К числу наиболее опасных относится таяние снегов и сокращение ледяного покрова²⁶⁰. Это, согласно прогнозам, приведет к концу столетия к повышению уровня моря до 1 м. Наиболее уязвимыми в этом случае станут прибрежные территории и небольшие острова. Таким государствам, как

²⁵⁷ К 2030 году потери мировой экономики, обусловленные потеплением климата, оцениваются в 700 млрд. долл. <http://www.businessinsider.com/terrible-effects-of-climate-change-2014-10>.

²⁵⁸ К 2050 году исчезнут коралловые рифы, которые вряд ли выдержат повышение температуры сверх 2 градусов, что нанесет ущерб туристическому бизнесу 94 стран мира. Только Австралия, по данным Института мировых ресурсов, понесет убытки в размере 6 млрд. долл. и лишится 63 тыс. рабочих мест. Наибольший урон от исчезновения коралловых рифов понесут Фиджи и Гаити, которые крайне зависят от сохранения рифов. Кораллы являются не только важным биологическим ресурсом, сырьем для производства лекарств, но и буфером, препятствующим распространению эрозии. Последняя угрожает исчезновением 160 тыс. км береговой линии. Изменение климата сделает непригодным для проживания привычные места обитания многих видов животного и растительного мира, что приведет к сокращению биологического разнообразия (под угрозой исчезновения белый медведь, отдельные виды рептилий и пресмыкающихся). Всего к 2080 г. будет утрачена половина всех видов растительного мира и 50% животного мира.

²⁵⁹ <http://www.businessinsider.com/un-climate-report-stop-all-greenhouse-emissions-2014-11#ixzz3IDrztv7jv>.

²⁶⁰ Выделение 50 млрд. т. метана в результате таяния снегов в Арктике обойдется мировой экономике в 60 трлн. долл.

Нидерланды, Великобритания, а также малым островным государствам Океании и Карибского бассейна, первым грозит опасность затопления. Кроме того учащаются высокие приливы, усилится эрозия береговой линии. Ущерб от затопления Калькутты, в которой проживает 14 млн. человек, оценивается в 2 трлн. долл. Для Майямы эта цифра составляет 3.5 трлн. долл. Наводнения, штормы, ливни, сопровождающие поднятие уровня моря, приведут к большим экономическим потерям, связанным с разрушением жилых построек, объектов промышленного производства и инфраструктуры, сокращением значительных площадей сельскохозяйственных угодий.

В общей сложности при повышении температура на 3 градуса пострадают или погибнут 136 памятников истории, относящихся к Всемирному наследию. Среди них – Венеция, Стамбул, Санкт-Петербург.

По последним оценкам, повышение уровня моря, вызванное потеплением климата на 3 градуса, заставит более 600 млн. человек мигрировать с привычных мест своего проживания²⁶¹. По данным Международного центра наблюдения за перемещением людей, на 98% этот процесс в 2012 году был обусловлен воздействием климатических и погодных явлений. Наибольшее число экологических беженцев будет зафиксировано в странах Юга.

Потепление климата будет сопровождаться распространением инфекционных заболеваний и не только в развивающихся странах, но даже в США. Наиболее опасными из них являются малярия (которая в 2012 году унесла 627 тыс. жизней) и лихорадка денге, число заболевших которой по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за последние 50 лет выросло в 30 раз. Удлинение летних периодов времени, повышение температуры, учащение выпадения дождей создадут благоприятную биологическую среду для распространения болезнетворных насекомых.

Здоровью людей угрожает загрязнение атмосферы выбросами твердых частиц, концентрация которых в воздухе в жарком климате возрастает, что чревато увеличением числа пострадавших от сердечнососудистых, легочных и раковых заболеваний. По данным ВОЗ, незначительное повышение температуры, зафиксированное с 1970-х годов, вызывает преждевременную смерть у 150 тыс. человек. И этот показатель удвоится к 2030 году²⁶². Резко ухудшится психическое состояние людей. Данные исследований свидетельствуют о том, что изменение климата и сопутствующие этому явления стихийные бедствия, такие как наводнения, штормы, пожары, ураганы, вызывают у людей тревоги и отчаяние.

Увеличение числа жарких дней в году при одновременном сокращении выпадения дождевых осадков спровоцирует засуху во многих районах мира²⁶³, что угрожает ухудшению продовольственной ситуации при сокращении урожайности пшеницы, риса и маиса на 20%, начиная с 2030 года, при росте спроса на них на 14% в связи с увеличением численности населения²⁶⁴.

В Азии урожайность пшеницы сократится на 50%, а риса – на 17% к 2050 году, что скажется на хозяйственной деятельности и условиях существования миллионов людей, занятых в сельском хозяйстве. Последствием этого может стать обострение

²⁶¹ http://iopscience.iop.org/1748-9326/9/5/051001/pdf/1748-9326_9_5_051001.pdf.

²⁶² <http://www.edf.org/climate-change-impacts>.

²⁶³ Число жарких дней в западной части Индонезии, Средиземноморском регионе, в некоторых частях Центральной и Южной Америки возрастет на 30 дней к концу столетия по сравнению с уровнем 1990–1999 гг.

²⁶⁴ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2592650/UN-report-warns-devastating-effects-global-warming-lead-wars-nations-food-shortages.html>

политической обстановки во многих районах мира, испытывающих дефицит продовольствия. Число голодающих детей к 2050 году, по данным Всемирной продовольственной программы, возрастет более чем на 20 млн. человек – на 11 млн. в Азии, 10 млн. – в Африке и 1.4 млн. – в Латинской Америке.

С повышением температуры воздуха на 2 градуса связано обострение водной проблемы. От нехватки воды пострадают сотни миллионов людей к 2100 году. В 2013 г. около 1,3 млрд. людей проживало в районах, испытывающих дефицит воды. Их число к концу столетия возрастет на 8%.

В крайне сложном положении окажется рыболовецкая отрасль. Её продуктивность в силу сокращения улова рыбы, популяция которой сократится при повышении температуры на 2.8 градусов, снизится на 50% к 2060 году во многих районах мира²⁶⁵.

Частым явлением станут лесные пожары, которые охватят большие территории, как в Южном, так и в Западном полушарии. По данным Национальной академии наук США, каждый градус увеличения температуры воздуха спровоцирует рост пожаров в стране в 2-4 раза.

Чтобы избежать необратимых последствий, связанных с изменением климата, составители доклада рекомендуют странам сократить выбросы парниковых на 40-70% к середине столетия и полностью их предотвратить к 2100 году. Это потребует крупных инвестиций – один только перевод мировой экономики на путь устойчивого энергетического развития обойдется в 53 трлн. долл. Но в долгосрочной перспективе эти вложения окупятся, согласно выводам последнего доклада Глобальной комиссии по экономике и климату²⁶⁶.

Однако проблема не замыкается только на экономике. Главный сдерживающий фактор, препятствующий выработке согласованных решений по борьбе с изменением климата на мировом уровне – политический. Выход этого доклада ООН был приурочен к конференции стран участников Соглашения по климату, которая прошла в декабре 2014 года в Лиме. Неверие в научную доказуемость изменения климата в результате человеческой деятельности долгое время служило оправданием для ряда стран мира, в том числе США и Индии, для отказа в принятии радикальных действий по предотвращению этого процесса. Опубликование новых научных данных должно придать дополнительный импульс процессу принятия решений на национальном и глобальном уровне.

Н.Г. Рогожина

ГЛОБАЛЬНЫЙ САММИТ ПО КЛИМАТУ 2014

2014 год отмечен крупными событиями в преддверие заключения нового соглашения по климату (Париж, декабрь 2015 г.), которое должно изменить правовой режим участия стран в сокращении выбросов парниковых газов. О том, что процесс согласования позиций будет чрезвычайно сложным, а результат – непредсказуемым, говорят многие факты. В их числе – прошедший 23 сентября в Нью-Йорке Глобальный саммит по климату, в работе которого приняли участие главы 120 государств мира. Это была первая встреча такого высокого уровня за последние пять лет. Саммит, созданный по инициативе Генсека ООН Пан Ги Муна, должен был придать импульс переговорам по климату и актуализировать на

²⁶⁵ <http://metrocebu.com.ph/2014/10/25-devastating-effects-of-climate-change-part-5-of-5/>

²⁶⁶ <http://newclimateeconomy.report/>

глобальном уровне проблему, интерес к которой стал снижаться на фоне обострения новых угроз безопасности. Неудивительно поэтому, что встрече на высшем уровне предшествовал массовый марш протеста, участники которого (более 570 тыс. человек в 161 стране мира) намеревались побудить глав государств активизировать усилия в направлении защиты окружающей среды. От собравшихся на саммите ждали озвучивания новых обязательств по сокращению выбросов парниковых газов. Отсутствие же на встрече глав Китая, Индии, России – стран, вносящих существенный вклад в глобальное потепление, вызвало разочарование. А между тем именно от их позиций в переговорном процессе в наибольшей степени и зависит выработка итогового соглашения по климату после 2015 года.

И, тем не менее, выступления на саммите президента США Б. Обамы и вице-премьера Государственного совета Китая Чжан Гаоли дало некоторое представление о том, в каком направлении пойдет переговорный процесс по климату, и к какому результату страны могут прийти.

Несмотря на то, что США вышли из Киотского протокола и таким образом не связаны никакими обязательствами по сокращению выбросов парниковых газов, Б. Обама дал четко понять, что его страна по-прежнему претендует на политическое лидерство в глобальном процессе по борьбе с изменением климата. Пассивность американского руководства в этом вопросе давала повод для жесткой критики страны на международной арене. И не только потому, что США занимают вторую строчку в списке стран, крупнейших производителей парниковых газов (16%). Главное, что своим нежеланием брать на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов они лишали стимула к активным действиям и развивающиеся страны, которые настаивают на признании исторической ответственности развитых стран за изменение климата.

Б. Обама, став президентом страны, придал новый импульс национальной климатической политике, что он и не преминул отметить в своем выступлении. В течение последних восьми лет США сократили выбросы двуокиси углерода в большем объеме, чем какая-либо другая страна, и они готовы действовать более решительно в этом направлении, признавая свою ответственность перед миром, но хотели бы разделить эту ответственность с Китаем²⁶⁷.

Руководители последнего приняло этот вызов США. В своем выступлении на Саммите глава китайской делегации дал понять, что Китай планирует не только снизить по сравнению с 2005 г. потребление природного топлива на единицу ВВП на 45% к 2020 г., но и установить предел объема выбросов парниковых газов как можно скорее. А это представляет собой значительный шаг вперед в сравнении с обещаниями, данными на встрече в Копенгагене в 2009 г.

Готовность США и Китая принять на себя лидерство в мировом процессе по борьбе с изменением климата была ими продемонстрирована 12 ноября на встрече АТЭС, когда Барак Обама и Си Цзиньпинь подписали соглашение о сотрудничестве по сокращению выбросов парниковых газов, которое эксперты и средства массовой информации окрестили «историческим», «знаковым». И для подобной оценки есть основания, если исходить из того, что суммарный объем выбросов парниковых газов, производимых этими двумя мировыми державами, превышает 40%. Соответственно и перспективы предотвращения изменения климата на планете в значительной мере зависят от их действий в этой сфере.

Это соглашение предусматривает следующие обязательства сторон: Китай остановит рост выбросов двуокиси углерода к 2030 году или ранее и увеличит долю

²⁶⁷ <http://www.vox.com/2014/9/23/6834195/obama-un-climate-summit-speech>.

возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления до 20%. США же со своей стороны намерены сократить к 2025 году объем выбросов на 26-28% – в сравнении с 2005 годом (ранее провозглашалась задача по сокращению выбросов на 17% с 2005 по 2020 г.).

«Историческим» это соглашение выглядит потому, что закладывает основу для преодоления разногласий между двумя основными эмиттерами парниковых газов, которые долгое время препятствовали выработке согласованных решений по борьбе с изменением климата на планете. Но сегодня Китай уже не тот, что был несколько лет назад. И не только потому, что он превзошел США по объему выбросов двуокиси углерода, занимая первое место в мире по этому показателю. Его историческая ответственность перед настоящим и будущим поколениями возрастает по мере увеличения объема выбросов двуокиси углерода на душу населения, который в 2014 году превысил европейский уровень (в Китае этот показатель составляет 7.2 т, в Европе – 6.8 т, при среднем мировом уровне 5 т)²⁶⁸. Как главный эмиттер двуокиси углерода в мире (28%) КНР подвергается жесткому прессингу со стороны международной общественности, озабоченной исходящей от Китая угрозы. Руководство страны, заинтересованное в поддержании её международного статуса, вынуждено сегодня более активно реагировать на глобальные экологические вызовы и принимать соответствующие меры по их преодолению, тем более что они отвечают интересам экономической и политической безопасности страны.

С экономической точки зрения принятие мер по борьбе с изменением климата способно не только снизить угрозу глобального потепления для страны, которая крайне уязвима к его последствиям, но и придать новый импульс развитию экономики путем повышения ее энергоэффективности (это даст возможность ослабить зависимость от импорта энергоресурсов) и использования современных технологий, что увязывается с постановкой задачи по повышению конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире.

Но готовность КНР предпринять более решительные меры по борьбе с изменением климата, вряд ли, кардинально повлияет на её позицию в переговорном процессе. Скорее всего, Китай будет отстаивать право на принятие добровольных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, что, вероятно, отвечает и экономическим интересам США. Б. Обама в проведении своей климатической политики более несвободен в сравнении с руководителями КНР, находясь под политическим прессингом со стороны сенаторов, составляющих ему оппозицию по климатическому вопросу. По их мнению, принимаемые Обамой решения наносят вред экономике страны.

Совместное заявление США и Китая по борьбе с изменением климата многими оценивалось как сигнал всем странам мира активизировать свои действия в этой сфере и сблизить их позиции по выработке проекта нового соглашения по климату. Именно эта цель и стояла перед участниками конференции, прошедшей в Лиме (Перу) в декабре 2014 года.

Но, как и предыдущие международные форумы, этот, в Лиме, обозначил ряд спорных вопросов, согласование по которым продолжается. Первый среди них – кто будет сокращать выбросы парниковых газов и в каком объеме. Киотский протокол связывает обязательства лишь 38 стран мира, освобождая от них развивающиеся страны. Но с тех пор их вклад в глобальное потепление резко возрос, угрожая тем самым экологической безопасности. Соответственно по-иному сегодня ставится и

²⁶⁸ http://www.huffingtonpost.com/ban-kimoon/now-is-the-time-to-act-on_b_5738574.html.

вопрос об их ответственности перед человечеством. Как заявил в своем выступлении на конференции государственный секретарь США Джон Керри, «богатые страны должны играть главную роль в сокращении выбросов, но это не означает, что другие страны могут бездействовать и повторять ошибки прошлого»²⁶⁹.

Большим прорывом по сравнению с предыдущими годами является достигнутая договоренность об участии всех стран в действиях по борьбе с изменением климата. Развивающиеся страны, в том числе Китай и Индия, по-прежнему настаивают на сохранении принципа общей, но дифференцированной ответственности. А развитые страны, прежде всего Евросоюз и США, не могут прийти к согласию относительно правового статуса будущего соглашения. Если первые выступают за юридически закрепленные обязательства, то американская администрация, предвидя сложности с прохождением договора в Сенате, противится этому.

Предметом торга между странами остается и вопрос, как будет оцениваться их вклад в борьбу с изменением климата. Предложение стран Европы и членов блока AILAC (страны Латинской Америки и Карибского бассейна) по проведению международной экспертной оценки национальных целей по сокращению выбросов парниковых газов встречает противодействие со стороны Китая и Индии²⁷⁰, которые считают, что это ущемляет их национальный суверенитет.

Основные дискуссии развернулись вокруг проблемы финансирования климатических программ развивающихся стран. При том что за время проведения конференции удалось мобилизовать 10 млрд. долл. в Зеленый климатический фонд, развивающиеся страны настаивают на том, что финансовая поддержка не должна ограничиваться лишь выделением средств на осуществление мер по сокращению выбросов парниковых газов, но и включать в себя такой важный для них компонент, как адаптация к изменению климата²⁷¹, от которого они понесут большие потери, а также получение компенсации от крупнейших эмиттеров парниковых газов за причиненный им ущерб²⁷². У развивающихся стран сохраняются большие сомнения в готовности развитых стран выполнить данное ими обещание по выделению им 100 млрд. долл. в год к 2020 году на борьбу с изменением климата. Как заявил на конференции Пракаш Джавадекар, министр по вопросам охраны окружающей среды Индии, «мы разочарованы. В 2011, 2012 и 2013 годах развитые страны каждый год выделяли 10 млрд. долл. на оказание помощи развивающимся странам в борьбе с изменением климата. Сейчас же они сократили помощь и говорят, что 10 млрд. долл. предназначаются на четыре года»²⁷³.

Что же касается в целом позиции Индии в переговорном процессе по климату, то ее премьер-министр Н. Моди вскоре после заключения Китаем и США соглашения о совместных действиях заявил о том, что Индия не намерена брать на себя обязательств по сокращению выбросов двуокиси углерода. Предыдущий премьер страны М. Сингх в свое время говорил о том, что Индия намерена сократить

²⁶⁹ <http://dailycaller.com/2014/12/10/report-from-lima-climate-conference-al-gore-preaches-hellfire-and-redemption/2/>

²⁷⁰ <http://www.irishtimes.com/news/world/hopes-for-lima-climate-conference-unravel-1.2033433>.

²⁷¹ UN environment report suggesting that it will cost African countries about \$50bn a year to adapt by 2050, but \$350bn a year if it is delayed until the 2070s.

²⁷² <http://news.nationalgeographic.com/news/2014/12/141212-lima-climate-conference-cop20-global-warming-treat>.

²⁷³ <http://www.theguardian.com/environment/live/2014/dec/12/lima-climate-talks-final-day-live-coverage#block-548b4d8fe4b0be1a0a434187>.

интенсивность выбросов углекислого газа на 20% к 2020 г. по сравнению с 2005 г. даже в том случае, если не удастся заключить международное соглашение. И Н. Моди, будучи главой штата Гуджарат, активно поддерживал эту позицию руководства страны, но, заняв пост главы государства, неожиданно для многих изменил тональность своих выступлений, выражая скептицизм по поводу научной доказанности изменения климата.

Скорее всего, он находится в некотором замешательстве. Чтобы реализовать высказанные им в предвыборной борьбе претензии на усиление роли Индии в мировом политическом процессе, он не может оставаться в стороне от решения климатической проблемы. Но принять на себя большую ответственность и взять на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, которые в 2013 г. выросли на 5.1% по сравнению с предыдущим годом, Индия остерегается по экономическим соображениям. Такая ситуация заставляет Индию, так же как Китай и США, искать компромисса между экономическими интересами и необходимостью снижать угрозу воздействия экономической активности на глобальное потепление при стремлении сохранить лидерство в решении этого вопроса.

Дискуссии в Лиме были настолько жаркие, что участники конференции не уложились в отведенные сроки её проведения, чтобы принять общее заявление. Каждый параграф проекта документа, который первоначально составил 100 страниц, вызывал споры у представителей 195 стран. И, тем не менее, главным результатом конференции стало получение согласия со стороны всех стран, независимо от их принадлежности к лагерю развитых или развивающихся стран принять на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов. Страны договорились представить свои целевые планы к концу марта 2015 года, чтобы облегчить выработку соглашения в Париже. Но остается открытым вопрос о том, закрепят ли соглашение юридические обязательства за каждой страной, или же они будут носить добровольный характер.

Е.И. Глушенкова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СЛАНЦЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сланцевой революцией называют значительный рост добычи сланцевого газа, а также легкой нефти низкопроницаемых коллекторов, произошедший в США в начале XXI века. Сланцевый природный газ добывается из горючих сланцев и состоит преимущественно из метана. Первая коммерческая газовая скважина в сланцевых пластах была пробурена в США в 1821 году, масштабное промышленное производство сланцевого газа было начато в 2002 году также в США, и представляло собой комбинацию наклонно-направленного бурения (в том числе горизонтального) и многостадийного гидроразрыва пласта (ГРП). Себестоимость добычи сланцевого газа выше обычной. Для добычи сланцевого газа используют горизонтальное бурение, ГРП, т.е. фрекинг (возможен безводный пропановый фрекинг, который намного дороже) и сейсмическое моделирование. Сланцевый газ содержится в почве в небольших количествах, поэтому для добычи значительных количеств газа требуется вскрытие больших площадей. По некоторым оценкам, добыча сланцевого газа в мире к 2018 г. может составить 180 млрд. кубометров в год.²⁷⁴ С 2009 года добыча газа из сланцев составляла 14% всей газодобычи США,

²⁷⁴ Сланцевой революции пока не произошло // Независимая газета, 11 января 2011 года.

затем резко возросла, и США стали мировым лидером добычи газа (745,3 млрд. кубометров), причём более 40% приходилось на нетрадиционные источники, и, прежде всего, сланцевый газ. В итоге цены на газ начали падать.²⁷⁵ В начале 2012 года газ в США стоил дешевле, чем в России.²⁷⁶

В администрации Б. Обамы восприняли все это весьма оптимистически. Крупнейший на Земле потребитель углеводородов США, наконец, смог их экспортировать. Это вело к существенным изменениям на мировом рынке газа, появлению избыточного предложения к 2010 году²⁷⁷. Однако финансовое положение американских компаний, занятых в этой отрасли, изначально было крайне нестабильным (высока себестоимость добычи). На самом деле сланцевый газ намного дороже, чем заявляют добывающие компании. Ведь для поддержания постоянного уровня добычи необходимо постоянное бурение новых скважин; необходимо особо переработать газ до передачи в транспортную систему, чтобы транспортировать его на большие расстояния, нужны особые газопроводы, для экспорта газа – строительство предприятий по его сжижению, терминалов, регазификационных мощностей. Газ получается более дешевым, если добыча идет вблизи мест потребления, в то время как инфраструктура и плотность населения в местах добычи должны позволять вести бурение большого числа скважин. Эти условия есть в США, отчасти, Канаде, но нигде более.

Залежи сланцевого газа довольно велики в Австралии, Индии, Китае, Канаде, Аргентине, Мексике, ЮАР, Ливии, Алжире, Бразилии. По данным на 2013 год, его запасы в Европе составляют 885 триллионов кубических метров, в основном в России, Польше, Франции, Украине.²⁷⁸ Из них Украина – 3-е место по сланцевому газу в Европе, запасы оценивают в 1,2 трлн. кубических метров.²⁷⁹ Но лишь несколько стран, включая Китай, начали добычу сланцевого газа, везде работы ведутся крайне медленно. У России свой опыт разработки этого газа. «Газпром», рассматривающий сланцевую революцию как пиар-акцию против газовой безопасности России, пока не планирует начинать добычу сланцевого газа.

Недостатком сланцевого газа является его относительно слабая теплотворная способность, а так же некоторые негативные потребительские свойства, причина которых – большое количество в нем вредных примесей. Все это порождает сомнения в экономической целесообразности добычи. При определенных условиях (высокий уровень окупаемости инвестиций) отрицательный баланс в производстве не является проблемой, но добыча сланцевого газа – не тот случай. Когда 2012 году цены в США упали до исторического минимума, намного ниже себестоимости добычи сланцевого газа, компания Chesapeake Energy (вторая по объемам добычи газа компания США, первая – по добыче газа из сланцев) объявила о сокращении производства и капитальных вложений в отрасль.

²⁷⁵ Добыча сланцевого газа в США выросла с 54 млрд кубометров в 2007 г. до 319 млрд кубометров в 2013 г. Экспорт природного газа Россией в 2013 г. составил порядка 230 млрд кубометров. См.: Великая сланцевая революция // Санкт-Петербургские ведомости. № 27, от 15 февраля 2012 года. Дошло до «Газпрома» // Ведомости. № 188 (2886), от 6 октября 2010 года. Сланцевый газ – новый вектор развития мирового рынка углеводородного сырья // Вестник ОНЗ РАН, Том 2, N 5001, 2010. ГРП - технология, когда бурят горизонтальную скважину в пласт сланца, проводят гидроразрыв и расклинивают трещины песком.

²⁷⁶ См. Петрова Н. «Газпром» и молнии // Коммерсантъ. Деньги. От 10 сентября 2012 года.

²⁷⁷ См. Имамутдинов И. За нефтяную иглу придется побороться // Эксперт, №21 (900), от 19 мая 2014 г.

²⁷⁸ Сланцевой революции пока не произошло // Независимая газета, 11 января 2011 года.

²⁷⁹ Экологические последствия сланцевой революции // Биржевой лидер, от 28 января 2013 года.

С тех пор ситуация радикально не изменилась, но добыча идет. Сланцевая революция позволила создать большое количество рабочих мест. Инвестиции в газохимические предприятия отрасли продолжатся, и вряд ли американские власти допустят массовое банкротство предприятий, занятых в добыче сланцевого газа. Это важно политически и с точки зрения поддержания равновесия экономики. Б. Обама уверяет американцев в том, что запасов газа в США хватит минимум на сто лет. Но есть экспертные оценки, которые предрекают США в будущем зависимость от импорта газа: добыча и прогнозируемые цены на сланцевый газ вряд ли изменятся до 2020 года, а начиная с этого момента, добыча этого газа начнет снижаться, что повлечет и увеличение цен.²⁸⁰ Чтобы поддержать темпы добычи, США придется вложить огромные средства: она рентабельна лишь при высоких ценах и спросе на газ, что вряд ли ожидается.

Европейские страны почти не вовлечены в добычу газа из сланцев. Запрет на добычу сланцевого газа ввели Франция, Нидерланды, затем Германия и Чехия последовали их примеру. Мораторий на добычу сланцевого газа ввела Болгария. В Великобритании добыча газа идет в минимальных объемах. Да и в Пенсильвании, Луизиане и Техасе (США), после того, как сланцевый газ обратил фермерские угодья в пустыню, добыча запрещена в ряде штатов. Уголовная ответственность за ГРП действует во Франции, то же планирует Румыния. Вопрос о запрете ГРП в Польше и на Украине поставлен, но не решен. Европа, хотя бы из-за снижения цен на российский газ, которое последует за падением цены на нефть в 2015 году, очевидно, не изменит своей нынешней позиции и впредь.²⁸¹

В добыче сланцевого газастораживают экологические последствия, прежде всего, ГРП – метод, дешевый настолько, чтобы сделать добычу рентабельной. Технология ГРП требует закачки под давлением в скважину, т.е. под землю, разрывающей жидкости, химических реагентов до 20 миллионов литров. Состав жидкости для ГРП – 90 ядовитых химических веществ. По ряду оценок, количество просачивающейся в породу ядовитой жидкости может превысить 70% от закачанного объема. ГРП требует крупных запасов воды вблизи месторождений (для ГРП нужна смесь воды, песка и химикатов). Нужно до 300 тонн химикатов на один ГРП, вброс которых повторяют до 10 раз в год в разных местах.²⁸² Производство сланцевого газа – это и загрязнение воды, и огромные объемы отработанной загрязненной воды. Скважины вырабатываются быстро, оставляя грунтовые воды, затронутые толуолом, бензолом, этил- и диметилбензолом, мышьяком. Залежи сланца позволяют добывать некоторое количество метана. Но добыча эта превращает обширные земли в непригодные для жизни на сотни лет.

Таким образом, добыча газа из сланца ведет, во-первых, к загрязнению воды, источников питьевой воды. Загрязненная метаном при ГРП вода в домах местных жителей смертельно опасна: не только отравлена, но еще и загорается. Во-вторых, появляется угроза техногенных землетрясений, из-за закачки газа под землю растет сейсмическая нестабильность, в том числе в районах, где раньше сейсмическая активность не наблюдалась. В-третьих, загрязнение воздуха. ГРП отравляет воздух метаном и другими газами. Местные жители в районах добычи порой вынуждены носить респираторы. В-четвертых – загрязнение и проседание почвы в местах гидроразрыва. Происходят утечки токсинов из прудов-отстойников и фонтанных выбросов. Стандартное месторождение – это 140-400 кв. км., но территория под

²⁸⁰ Сланцевый мираж // Газета ру. 25 января 2015 года.

²⁸¹ Сланцевый мираж // Газета ру. 4 декабря 2014 года. Так же: Сланцевая революция захлебнулась // Газета ру. 19 ноября 2014 года.

²⁸² Сланцевый газ на Украине: нет и не будет // Накануне ру. 04.08.2014.

буровые площадки – 2-5% этой площади, остальное – около 3 тыс. скважин и отстойники вокруг них. В-пятых, шум: добыча газа с ГРП создает источник шумового загрязнения, от которого страдают местные жители, домашний скот, дикие животные. В-шестых, добыча газа из сланцев, особенно с ГРП, влияет на изменение климата. Выбросы парниковых газов здесь значительно выше, чем при обычной добыче газа и нефти. Вред здесь сравним с вредом от использования угля. В целом расплатой за производство сланцевого газа может быть разрушение ландшафта, катастрофа сельского хозяйства, туризма, других отраслей.

К сожалению, подробные научные разработки по влиянию добычи сланцевого газа на здоровье человека до сих пор отсутствуют, как и нормативная база, которая поможет защитить местное население от последствий добычи, не продуманы и компенсации ущерба. В наилучшей на сегодня технологии добычи сланцевого газа – методе гидравлического разрыва не разработаны четкие экостандарты обеспечения этой операции.

Фрекинг и технология ГРП изучались компанией Halliburton в 40-х гг. XX в. и с тех пор мало что изменилось. Но почему лишь в XXI веке начались сами работы? Ответ прост. Под влиянием вице-президента США, а перед этим – исполнительного директора и председателя совета директоров компании Halliburton Дика Чейни в 2005 году конгресс США вывел технологию ГРП из-под надзора Агентства по охране окружающей среды США, и из-под действия Федерального Закона США «О воде». Революция началась.

Пока США, ввиду сопротивления Западной Европы, активно продвигают свои сланцевые технологии в страны Восточной Европы, стремясь завлечь их мнимой энергетической независимостью от России, а взамен получить контроль над регионом. Но, если даже в странах с развитым экологическим законодательством возможно нанесение большого вреда, то каков же будет вред для стран со слабой природоохранной системой (таких, как Украина), где, как показывают опыт прежних лет, возможны прямые экологические преступления?

Несколько слов об Украине. В 2010-2012 гг. Здесь были выданы лицензии на разведку сланцевого газа для Exxon Mobil, Shell и Chevron. Основные месторождения для разработки – в Харьковской области и на Донбассе. В 2014 году из-за ухудшения инвестиционного климата и гражданской войны Shell и Chevron в одностороннем порядке вышли из проектов, расторгнув ранее заключенные договора. Между тем, объем инвестиций в англо-голландском предприятии, которое планировало разработки на шахте Юзовская в Донецком бассейне – 10 млрд. долларов, самый большой проект в Европе по добыче сланцевого газа. Запасы Юзовской оцениваются в 2 трлн. кубометров. Украина надеялась не только отказаться от импорта, но и экспортировать газ.²⁸³

1 апреля 2014 года возле села Веселое Первомайского района Харьковской области (Юзовский участок, около 7800 кв. км) был произведен первый гидроразрыв. Это только начало, и, если верные Киеву военные подразделения возьмут под контроль всю Донецкую и Луганскую области, здесь планируется развернуть добычу. Ежегодный объем ее, по официальным данным, должен достигать 8 – 10 млрд. кубометров.²⁸⁴ Нынешнее руководство страны видит в газе из сланцев едва ли не единственный способ снизить зависимость страны от поставок газа из России.

Министр обороны самопровозглашенной Луганской народной республики Игорь Плотницкий не раз заявлял, что причина гражданской войны на юго-востоке

²⁸³ Экологические последствия сланцевой революции // Биржевой лидер, от 28 января 2013 года. Так же: Алиев Али. Сланцевый мираж // Эксперт, от 29 января 2012 года.

²⁸⁴ Сланцевый газ уже добывают под Харьковом! // Украинский выбор, 04.04.2014.

Украины – сланцевый газ. Залежи, подлежащие разработке, расположены в между Луганском, Славянском и Краматорском. Компания, которая занимается добычей сланцевого газа в Днепровско-Донецком бассейне – Burisma Holdings, связанная с Brociti Investments Limited (собственник которой – бывший министр экологии Украины Н. Злочевский). В мае 2014 г. членом правления Burisma Holdings стал Хантер Байден, сын вице-президента США Дж. Байдена.

В Украине планируется применять ГРП "наоборот", т.е. бурение скважины в непроницаемый пласт, чтобы она вошла в него параллельно существующим тектоническим трещинам, и раскрытие их особым понижением давления для свободного выхода газа в скважину. Как и при обычном ГРП, экологических последствий можно избежать, только если тысячи построенных скважин будут абсолютно герметичными, что нереально. Где брать огромное количество воды и песка для фрекинга? Для их завоза на каждую из скважин и вывоза отработанной жидкости на утилизацию нужны многие километры хороших дорог. К тому же на востоке и в центре страны – дефицит питьевой воды, и добыча сланцев вызовет дополнительные проблемы с водоснабжением.

Прямо перед войной экологи забили тревогу в связи с буровыми работами у села Яремово, расположенного на границе Харьковской и Донецкой областей. Скважина почти на берегу Северского Донца, в 8 километрах от заповедных мест и известного на весь мир Святогорья с его древней Лаврой. Хотя работы ведутся только с лета 2014 года, но местные жители утверждают, что вода в колодцах уже сейчас непригодна для питья и прямо у скважины под открытым небом образовалось озеро загрязненной токсичной воды.

Даже не затрагивая вопрос об экологической пригодности технологии фрекинга для Украины, отметим, что технология ГРП для Украины невыгодна даже экономически, ее сланцевый газ низкорентабелен. Нет хороших дорог, нет песка, воды. Месторождения, которые подлежат разработке, расположены в Днепропетровской, Полтавской, Харьковской и Донецкой областях, в том числе в заповедных зонах, ботанических памятниках, ландшафтных заказниках, важных с историко-культурной точки зрения. Северский Донец, по берегу которого идет бурение – крупнейшая река Восточной Украины, снабжает водой Изюм, Донецк, другие города региона. У с. Яремово были взяты образцы воды на экспертизу. Были обнаружены свинец, висмут и большое количество солей, оксидов и т.п. Для страны с уже появившейся проблемой питьевой воды и низкого ее качества это «первый звоночек» на пути к катастрофе. Украина не Америка, здесь нет ровных насыщенных газом сланцевых пластов площадью в десятки тысяч километров на глубине 1–2-х тысяч метров. Нет и не будет непрерывных огромных инвестиций для строительства большого количества горизонтальных и глубоких скважин, для многократных ГРП.

Граждане Украины возражали против работ по сланцевому газу, но общественных слушаний, экспертиз, предусматриваемых международным законодательством не проводилось. Власти обещали экологам содействие и полную информацию по сланцевым проектам, но как этому верить, когда во главе экологической отрасли страны стоят Н. Злочевский и другие заинтересованные лица. К тому же во властных кругах страны доминирует установка, что все слухи об «экоужасах» – это «рука Москвы».²⁸⁵

Можно еще указать на ситуацию в Польше, которая, в погоне за все тем же призраком энергетической независимости от России, занимает активную позицию по вопросу добычи сланцевого газа, а запасы сланцевого газа оценивались здесь как

²⁸⁵ Сланцевый газ: практическая реализация // Елетский Константин. Украина. Зеркало недели. №49, за 3 января 2013 года.

столь же перспективные, что и на Украине. Это страны схожи и по многим другим параметрам. На сегодня в Польше из крупнейших разработчиков, которые вели работы по добыче газа из сланцев (в том числе ExxonMobil, Total и ConocoPhillips), продолжает работать лишь один, однако, похоже, и он скоро уйдет. Официальная причина – низкая рентабельность месторождений. Разведывательное бурение показало, что запасов меньше прогнозированных и они мало доступны. Приняв во внимание еще и фактор экологии, Польша пока не спешит с проектами. На Украине объективно – схожая ситуация, только ее нынешним властям сейчас для сохранения власти нужна любая «панама». Так что добыча наверняка начнется, и сначала будет получена незначительная прибыль, но затем работы будут все-таки прекращены. Ясно одно: реализация проекта по добыче сланцевого газа в Украине в запланированном договором 2010-2012 гг. сулит сомнительные перспективы, а, возможно, и экологические бедствия.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Г. Хорос

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ИНИОН РАН

18-19 декабря 2014 г. в Институте научной информации по общественным наукам Российской Академии наук прошла крупная международная научная конференция «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». Правда, ее «международность» обеспечивалась в основном учеными из Ближнего зарубежья (Украины, Казахстана и других стран). Зато достаточно широко были представлены учебные заведения и научные центры российской провинции (Казань, Пермь, Калуга, Пенза и т.д.).

В первый день конференции проходило пленарное заседание, на котором выступили академик РАН С.Ю. Глазьев по проблемам евразийской интеграции, д.и.н. Ю.А. Петров, директор Института российской истории РАН, остановившийся на историческом опыте российских модернизаций, А.К. Тулохонов, член-корреспондент РАН и член Совета Федерации РФ, осветивший наиболее актуальные проблемы российской модернизации на сегодня, и ряд других видных ученых.

На следующий день участники работали по секциям и круглым столам. Тематика их была разнообразной – от экономики и технологий до геополитики и экологии. Автор этих строк, в частности, выступил с докладом «модернизация РФ и сходный опыт в странах Юга и Востока» в секции «Стратегия развития России в XXI веке». Конечно, не все смогли приехать или выступить, но тем не менее прислали свои доклады. Всего на конференции в той или иной форме приняли участие более 300 ученых.

Данная конференция – уже 15-я по счету, и каждый раз собирала весьма широкий круг исследователей. По окончании конференции я поинтересовался у организаторов, как используется вся эта масса материала. Мне было рассказано, что материалы конференции частично печатались в ежегодниках «Россия: тенденции и перспективы развития». Иногда выжимки из наиболее интересных докладов направлялись в Администрацию Президента и Совет Федерации. Иногда адресовалось письмо в МИД РФ с предложениями каких-то проектов (например, по развертыванию сотрудничества в рамках БРИКС). В целом, по словам организаторов, конференция трансформируется в некоторый опрос специалистов по различным проблемам, и суммирование этих опросов и мнений может дать «информацию к размышлению» по проблемам модернизации в современной России.

На мой взгляд, такой формат («все обо всем») и масштабы конференции являются все же избыточными. Серьезные проблемы в науке никогда не решались «массово», и более предпочтительными являются небольшие мероприятия (15-20 участников), но зато ориентированные целенаправленно, по наиболее неотложным темам, а затем публикация материалов в форме так называемых проблемных или целевых сборников, в которых в начале формулируются постановка задачи и параметры исследования, затем идут case studies, т.е. разработки по конкретным сюжетам, и в заключение на сравнительной основе делаются выводы. Такая форма коллективного исследования (отличающаяся от так называемых «коллективных монографий», в которых стремятся все привести к общему знаменателю)

постепенно пробивает себе дорогу и у нас, и за рубежом, но в России пока слабовато. Преобладают так называемые «мероприятия», за которые можно солидно отчитаться, но в которых участники выступают или пишут каждый о своем.

Тем не менее, я договорился с организаторами конференции в ИНИОН о том, чтобы они прислали по электронной почте некоторые интересные выступления, о которых можно было рассказать в данном отчете. Но, увы, вскоре случился грандиозный пожар в Институте и ФБОН, и возможность поддержания связи с оргкомитетом была утрачена. Не знаю, сохранились ли в институтских компьютерах тексты докладов и выступления, и будет ли им дан ход в дальнейшем. Впрочем, эта неясность бледнеет перед грандиозной трагедией, случившейся в одной из крупнейших библиотек мира и нарушившей ход работы в академическом институте. Мной лично эта трагедия ощущается весьма остро, так как работая по соседству, в ИМЭМО РАН, я регулярно брал в абонементе ИНИОН научную литературу. Думаю, что теперь я (и еще тысячи ученых) будем надолго лишены возможности пользоваться замечательной библиотекой и сотрудничать с Институтом научной информации. К сожалению, эта трагедия в целом вполне укладывается в череду тех сомнительных метаморфоз, которые вот уже два десятилетия происходят с российской наукой.

НОВЫЕ КНИГИ

Мировое комплексное регионоведение. Учебник. Под ред. проф. А.Д.Воскресенского. - М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. - 416с.

Будет небольшим преувеличением сказать, что тенденция к регионализации одной из наиболее характерных тем в современных международных отношениях. Она является реакцией на невиданное возрастание степени глобализации мирового социально-экономического и политического пространства, при этом западноцентричное видение путей мирового развития стало преобладающей и само собою разумеющейся оптикой, сквозь призму которой последние четверть века рассматривалась и оценивалась вся геополитика. Из поля зрения экономистов и политологов часто выпадали целые пласты структурно-временных и культурно-цивилизационных факторов влияния на развитие мировой политики и международных отношений, которые особенно различимы на региональном уровне. В вышедшем недавно коллективном труде: «Мировое комплексное регионоведение» под редакцией профессора А.Д. Воскресенского в форме учебного пособия предпринята попытка исправления этого дисбаланса при систематическом изложении теоретических и методологических основ регионализации актуальных международных отношений.

Хотя ещё в 2008 г. в своей знаменитой книге «Постамериканский мир» Фарид Закария утверждал, что «подъем незапада – это следствие американских идей и действий», на нынешнем этапе эволюции мирополитической системы ее основные параметры определяются и описываются отнюдь и не только западными либеральными моделями и предписаниями. Россия и другие страны БРИКС, прежде всего в лице азиатских гигантов – Китая и Индии представляют собой мощные региональные центры силы, которые уже имеют глобальные рычаги воздействия не только на параметры этой эволюции, но способны активно расширять понятийные и научные рамки ее осмысления. В рецензируемой работе прослеживается устойчивое стремление авторского коллектива различать смысловое поле классической западноцентричной теории от незападных концептуальных подходов к международным отношениям, мировой политики, политической компаративистики, регионоведению. Комплексное регионоведение, занимающее ключевую нишу между глобальным уровнем геополитики и исключительно страновыми исследованиями вероятно наиболее оптимально для апробирования и расширения сферы применения незападоцентричных конструктивистских подходов. Но чем обусловлены особенности упомянутых выше незападных подходов, что они способны добавить к западноцентричной картине международных отношений и почему их следует исследовать и учитывать более основательно?

Часть ответов на эти вопросы можно отыскать в другой недавно изданной книге «Четвертая революция»²⁸⁶, где редакторы журнала *The Economist* Джон Миклтуэйт и Эдриан Вулдридж утверждают, что пока XXI в. для западной модели становится веком упущенных возможностей. Это заявление, несколько неожиданное для апологетов западного либерализма, почти скрывает другое признание исследователей, правда не столь четко артикулированное, а именно, что и в XX в. эта модель не раз оказывалась несостоятельной. В поиске ответов авторам

²⁸⁶ Micklethwait J. Wooldridge A. The Fourth Revolution: The Global Race to Reinvent the State Hardcover. L.: Penguin Press. - 2014.

«Мирового комплексного регионоведения» представляется продуктивным обобщить основы, заложенные классиками политической науки Л. Паем и Р. Инглхартom о незападном политическом процессе с концепцией модернизации и постмодернизации.

Сопоставив идеи двух последних с типологией организации социального порядка и таких категорий, как время (циклическое и линейное) и пространство (сферическое и плоское), исследователи приходят к заключению о невозможности непосредственного сравнения культурно-цивилизационных моделей государств, а лишь их технологий и экономические достижений (с.254). Таким образом, речь идет уже не о развитии различных стран в общем направлении, приближении к некоему обобщенному западному либеральному идеалу, но о более сложных типах развития – модернизации и постмодернизации. При этом в качестве дополнительных критериев успешности развития предлагается учитывать, прежде всего, два ключевых: открытость к доступу в политическое пространство и уровень применения политических репрессий и насилия.

Такой подход представляется обоснованным, хотя и с учетом единственной поправки удачно сформулированной французским философом и политологом Раймоном Ароном в своей работе «Опиум интеллектуалов» (1955), где он писал: «Ни одна европейская страна не проходила через этап экономического развития, который сейчас переживают Индия и Китай, при демократическом режиме». На Западе процессы роста населения, урбанизации и индустриализации, т.е процессы «модернити» не происходили при наличии личных свобод, всеобщем избирательном праве или парламентских системах современного типа. Незападные страны, подчеркивал Арон, столкнулись с тем, что современные нации и конкурентоспособные экономики им пришлось выстраивать одновременно. Между институциональным поиском социально-экономического и политического консенсуса и делегированием его арбитража сильным авторитарным лидерам они выбрали второе, потому что провал означал бы для них погружение в насилие и анархию. Сингапур и Малайзия, Южная Корея и Китай показали, что капиталистическая экономика вполне сочетается с отрицанием или по крайней мере ограничением демократии.

Ещё Л.Паем была отмечена важная особенность незападного процесса рекрутирования в политику, как параллельного или даже тождественного культурной социализации. (с. 259) При этом политическое поведение кандидата определяется преимущественно его общинной или групповой идентичностью, а вопрос политической лояльности разрешается внутри группы. Открытая партийная борьба за власть заменяется соревновательностью клик. Наиболее влиятельные из них мобилизуют население на поддержку господствующей группе. Такой тип мобилизации приводит к широкому распространению популизма. При отсутствии возможности четко артикулировать скрытые потребности населения и свою позицию политик вынужден соотносить себя с определенной социальной группой или средой за счет образов и символов, маркирующих его лояльность определенной клике. При этом облеченный властью чиновник далеко не всегда обязан обнаруживать и решать реальные социально-экономические проблемы, зачастую ему достаточно находиться в центре политического процесса.

Уточняя современные характеристики для многих имеющих древнюю историю и сложных обществ Азии и Африки, большинство исследований ставят во главу угла отсутствие норм права, которые бы защищали частнособственнические интересы и отношения, каковым на Западе являлось римское право. Разделение собственности и власти известное на Западе со времен Венецианской республики с трудом

приживается на Востоке, где государство вынуждено приспосабливаться к альтернативным структурам социально-политического устройства: семейным, клановым, общинным, кастовым, земляческим. Перечисленные социальные костыли и подпорки компенсируют недостаточную устойчивость современных государственных институтов в этих обществах, поскольку динамизм и состязательность западной политической среды принято расценивать на Востоке как слабость государства, отсутствие должного консерватизма и стабильности.

Объяснение приведенной специфики обществ Востока обычно дается в двух аспектах – через права индивида и право на собственность. (с. 262) Права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, при отсутствии прав индивида по отношению к государству. Собственность на землю обычно отождествлялась с правами на территорию и подвластное население. Кому бы формально ни принадлежал конкретный надел, и кто бы ни уплачивал с него подати, фактическим его хозяином всегда оставался верховный правитель, распоряжавшийся им по своему усмотрению. Все управление и административный аппарат принуждения исторически сосредотачивались в руках чиновничьей аристократии. Такая ситуация обуславливает наличие сословий и не предполагает разделения властей. Из-за перечисленных выше причин структурного характера общества Востока поддерживают стойкую многоукладность и продолжительные межформационные периоды. В силу культурной, этнорелигиозной и расовой гетерогенности эти общества нуждаются в институтах компенсации. Государство, политика и религия на Востоке не отделены друг от друга. Отношения между людьми и политическими институтами, индивидуумами и коллективными субъектами описываются детерминантами пространства – времени²⁸⁷. Внутри глубоко символического мира политики и идеологий, ценностные предпочтения определяют соотношение глобализации и регионализации для конкретной территории.

Стоит особо отметить, что принадлежность Западу или Востоку политической системы формирует господствующая в обществе политическая культура, сильно различающиеся по своему отношению к степени допустимости в обществе плюрализма и открытости. Думается, что приведенные выше характеристики Востока справедливы и их следует принимать во внимание, но в современном мире противопоставления “условного Запада” и “условного Востока” не стоит абсолютизировать, поскольку мировое развитие характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, модернизация уже значительно трансформировала незападные общества, их экономики и институты. С другой, многие западные демократии испытывают на себе возрастающее давление архаизации или ориентации со стороны эмигрантских общин, приносящих свои традиционные религиозные установки, ценностные, бытовые и культурные привычки и предпочтения.

Особого внимания заслуживает раздел монографии, посвященный роли взаимозависимости и взаимодействия культур для интеграции современного мирополитического пространства. Такое болезненное для общества проявление политической активности, как терроризм трактуется авторами учебника как способ переноса акцента с сотрудничества и кооперации внутри мирового сообщества на силовое балансирование и противостояние (с. 333). Этот инструмент влияния

²⁸⁷ Время и пространство в восточных и западных культурах воспринимается по-разному. Даже внутри Востока и Запада это отношение сильно рознится. Например, таец относится ко времени не так как японец, а швейцарец не похож здесь на соседа итальянца. Перед британцем будущее открывается, а на Мадагаскаре оно втекает в затылок человека. Подробнее см., Льюис Р. Столкновение культур. М.: Манн, Иванов и Фарбер. 2013. – С.73.

соответствует интересам государств, испытывающих кризис общественного развития, тех из них, которые в современном мире почувствовали свою экономическую несостоятельность и военно-политическую уязвимость. Во внешнеполитическом пространстве им не нашлось места в системе транснациональных модернизационных кооперативных связей как в силу присущей им агрессивности и непредсказуемости, так и из-за ограниченности их реальных возможностей претендовать на более равномерное перераспределение ресурсов развития. Во внутренней политике вынужденно приспосабливаясь к традиционалистской социальной базе, даже просвещенная власть склонна архаизироваться. В этом случае верх, как правило, берет консервативная модернизация, основанная на государственном патернализме и искаженной, ненаучной картине мира, что мало способствует инновациям, характеризуется односторонностью развития человеческого капитала при постепенной утрате научного потенциала.

Зафиксировав некоторые исходные положения и общую тему исследования, кратко отмечу другие сюжеты. Читателю представлен научный материал, разбитый на 10 глав и освещающий основные подходы к европейскому, американскому и востоковедному регионоведению, к эволюции его концептуальных представлений. Представлены основания «открытого» и «закрытого», «старого» и «нового» регионализма. Значительное место в тексте уделено теоретическому уточнению основных для регионоведения категорий пространства – времени (с. 135-175), о чем уже упоминалось выше. В отдельном разделе учебника приведена типологизация регионов и вариантов их модернизационных трансформаций. В рецензируемой работе актуализируется, достраивается до современного уровня широкий круг базовых понятий – глобализация, модернизация, интеграция, регионализация. Каждый из процессов, стоящих за ними, имеет свою специфическую форму, направление и скорость протекания. Взгляды на эти процессы со стороны Запада и Востока могут порою сильно разниться, но причины подобных расхождений, рассмотренные в сравнительно-временной и культурно-цивилизационной перспективе, позволяют их сблизить, взаимодополнить и обогатить. Подходы к проблемам комплексного регионоведения, использованные в монографии, предостерегают от прямого, оценочного или заведомо конфликтного описания мировых политических процессов и культурного гегемонизма какой бы то ни было из взаимодействующих сторон. Учебник удачно заполняет пустующую нишу в изучении современных подходов к столь значимой области, как современное комплексное регионоведение.

Д.Б. Абрамов

Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Научная монография: в 2 т. / Редколлегия: И.С. Семененко (отв. ред.) Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин - М.: ИМЭМО РАН, 2014. - 648с.

Стремительные и глубокие трансформации современного мироустройства ставят перед его исследователями задачи требующие междисциплинарного подхода и комплексных усилий от всего социогуманитарного сообщества. Монография «Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития» представляет собой попытку преодолеть как ограниченность концептуально-теоретических построений с позиций какой-либо общей заранее избранной методологии, так и восполнить недостаточность узкоспециального странового

подхода к анализу перспектив и ограничений мирового развития при оценке его потенциала. Трудности анализа в значительной степени связаны с отмеченной И.С. Семененко во введении к монографии незавершенностью разработки адекватных форм осмысления меняющихся реалий. (Т.1;С.7) Вместе с тем, значительный эмпирический материал, собранный в работе и поставленный в центр исследовательского пространства, оказался способен успешно верифицировать концептуально-теоретические построения, наработанные авторским коллективом в последние годы. Современная мировая динамика, как отмечается в исследовании, требует рассмотрения ее как на макроуровне: глобальном, региональном, национальном, на уровне социально-политических институтов и международных организаций, так и требует внимательного вдумчивого отношения к микрокосму отдельного индивида, небольших и малых социальных сообществ в силу не менее радикальных изменений происходящих в частной жизни современного человека. В основу двухтомника положены такие сущностные социогуманитарные понятия и концепции как идентичность, устойчивость развития и человеческий капитал, массовая культура и кризис потребительской модели роста, экология и «зеленая экономика», вопросы «низовой политики», цивилизационных и межкультурных взаимодействий.

Важное место в работе отведено дискуссии о западоцентричной модели роста, глобальных перспективах капитализма и кризисе его либеральной модели, развитию институтов представительной демократии и проблематике социального государства. Есть ли у западоцентричной модели системные альтернативы? Каково соотношение потенциалов развития между Западом и Незападом? Можно ли помыслить общество иначе? Эти и целый ряд не менее фундаментальных вопросов поднятых в работе позволяют говорить о том, что авторы монографии не боятся фундаментальных философских обобщений, поднимаясь над злободневностью сюжетов и проблематики современного развития. Особое внимание в работе уделено политической составляющей трансформаций, объясняющих природу современной демократии и оценивающие перспективы ее институтов как для стран западного, так и незападного ареала (Т.1; С13).

Складывающиеся механизмы управления в мировой политике и глобальной экономики позволяют авторам монографии выделить особые национальные, региональные и внерегиональные сегменты – модели их развития, оценить тренды, особенности, перспективы и потенциал их дальнейшего роста. К безусловным удачам книги относится идея объединить, сопоставить и проанализировать особенности наиболее значимых кластеров современного развития: «шведской модели» государства благосостояния, «японской модели» трудовых отношений, «германской модели» социального рыночного хозяйства и ряд других. Возможности экономических преобразований современного типа при сохранении политической стабильности раскрыты в «китайской немодельной» системе прагматического развития. Значительный интерес представляет оценка потенциала реформирования многоукладной экономики Индии, одной ногой находящейся в постиндустриальном мире Бангалора, а другой все ещё не переступившей из века полуремесленного и кустарного производства, а также судьбы российской сырьевой модели роста последних полутора десятков лет.

Позволю себе более подробно остановиться лишь на последних двух сюжетах посвященных Индии и России, как наиболее близких перу рецензента. Индийская модель развития рассмотрена А.Г. Володиным сквозь призму политического ресурса федерализации страны. Важным автору представляется исток индийской государственности, который в отличие, например, от китайской никогда не исходил

из принципа централизма. (Т.1;С.226) Это верно, Индии с древнейших времен и до настоящего времени не свойственно единообразие. Территориальная целостность субконтинента постепенно осваиваемого британцами опиралась на административный ресурс Ост-Индской компании и для осознания себя политической целостностью Индия прошла долгий тернистый путь освободительной борьбы, а до того через свои элиты долго впитывала идеи европейского Ренессанса и Просвещения.

В итоге Индия, по оценке Володина оказалась разобщена, общество поляризовано не только политически, но и экономически пребывая в двух стадияльно различных системах производительных сил и мировоззренческих комплексов. В столь специфической экономике разорванной на традиционно-натуральные системы хозяйствования низов и индустриальную и постиндустриальную верхушку функционируют институты современного светского правового государства. Модернизация социально-институциональных матриц объективно усложняется глобализация и ее производные: утечка мозгов и капитала, экономия на низкоквалифицированном персонале. (Т.1;С.229) Территориально-политическая консолидация общества после обретения суверенитета в 1947 г. адекватно отразилась в доминировании унитаристских начал в управлении, что выразилось как в преобладающем многолетнем влиянии на политику страны партии Конгресс (ИНК), так и административно-территориальном распределении полномочий в пользу центральной власти. Добавим, что такое положение дел в целом поддерживалось даже оппозиционными лидерами и влиятельными оппонентами ИНК²⁸⁸, создавая консенсус элит. Развивая мысль Володина укажем, что с конца 1980-х гг. в индийском обществе начало формироваться понимание исчерпанности ресурса унитаризма и своеобразный поворот к федерализму. Еще до этого пошатнулось влияние и незыблемый авторитет ИНК, но подлинным фактором стала необходимость экономических преобразований, затребовавшая новых горизонтальных связей в индийской экономике и обществе. Экономическая реформа Манмохана Сингха (1991 - 1996 гг.) привела к трансформациям поведенческих и ценностных ориентаций множества простых индийцев. Болезненные реформы начатые ИНК не могли добавить им массовой популярности, они выдвинули в политическую жизнь страны значительное число региональных партий и лидеров часто популистского толка и дали импульс к росту числа сторонников националистической Народной партии Индии - Бхарадия джаната партии (БДП). Тем не менее, федерализм рассматривается в Индии как безальтернативный проект (Т.1;С.237), несомненно добавляющий индийской экономике устойчивости в демократическом политическом пространстве страны.

В связи с темой российской модернизации обратимся к главе монографии посвященной месту России в глобализирующемся мире. Полагаю, исключительно важна отправная точка в разговоре, определяющем положение нашей страны в настоящее время, которое К.Г. Холодковский обозначил как «сравнительно недавний распад СССР» (Т.1;С.160). Мне представляется, что корни нынешней возросшей конфликтности на постсоветском пространстве во многом определяются процессами незавершенной деконструкции советской идентичности. Говорить о деконструкции в данном случае я бы предложил в обоих аспектах, как в философском смысле «разбора оснований, ее структурности и повторяемости при

²⁸⁸ Балрадх Мэдхок, историк, профессор Делийского университета, выдающийся политический деятель Индии, в 1960-ых Президент партии Бхаратия Джан Сангх и последовательный сторонник государственного унитаризма. См. подробнее, наприаер: Madhok B. Indianisation. – New Delhi: Shiksha Bharati Press, 1977.

наличии в ней управляющего центра» - согласно Ж. Дерриде, так и в прямом значении «упразднения и разрушения». Оба эти процесса тесно связанные между собой оказались прерваны и можно лишь надеяться, что потенциал ее политической конфликтности будет ограничен востоком Украины и исчерпан спорадическим «всплеском национализма», который не будет иметь пагубных долгосрочных последствий для всего постсоветского пространства. Однако непримиримость позиций и ожесточенность противостояния в Луганской и Донецкой областях говорит об эффекте перенесенного во времени, отложенного, но не преодоленного крайне пассионарного гражданского конфликта, истоки которого следует искать во внезапном распаде СССР, между адептами реконструкции и деконструкции которого происходит сейчас борьба.

Другая важная тема, поднятая К.Г. Холодковским - это кризис постсоветских элит, чьи результаты правления не соответствуют требованиям постиндустриального, информационного общества переход к которому декларируется ими же (Т.1;С.161). Для информационной революции и постиндустриальных преобразований необходима высокая интеллектуальная база, открытость общества, а расходы на науку государством не должны приближаться к уровню статистической погрешности при расчете ВВП: 0,39% в 2014г. Напротив, смысл консервативной революции заключается в переустройстве жизни ради возвращения к утерянному, возможно безвозвратно, прошлому нации. Иногда консервативные тенденции с опорой на традиционалистскую почву не идут дальше предвыборной риторики, что можно наблюдать, например, у упомянутых выше индийских правых из БДП, ныне пришедших там к власти.

Вместе с тем консервативный разворот элит может происходить внезапно и радикально, зачастую помимо их осознанной воли в силу внешней геополитической инерции и структуры их электоральной базы внутри страны. Такой консервативный разворот во внутренней, например, культурной и социально-экономической политике может сочетаться с интенсивными, а порою и радикальными переменами во внешней политике²⁸⁹. Парадоксально, что радикальная смена базовых российских политических трендов после Сочи' 2014 исходит от тех же практически несменяемых элит, которые внезапно «политически перевоплотились», оставаясь при этом формально, юридически и физически теми же самыми представителями правящего класса. Недавняя апатия массового избирателя, о которой пишет Холодковский, как о характерном признаке кризиса политического процесса в России (Т.1;С.163) на фоне украинских событий и присоединения Крыма сменилась активной индоктринацией со стороны федеральных СМИ, всплеском пассионарности массового сознания и ростом числа фрустраций. Возвращаясь истории реформ за постсоветский период автор, ссылаясь на мнение Г.Г. Делигенского, делает неутешительный вывод о том, что в элитных слоях России не нашлось людей, способных грамотно провести их, учитывающих всю совокупность социально политических и психологических условий. В итоге государство заставляет страну платить чрезмерную цену за давно назревшие, но все ещё далекие от завершения преобразования потерями в науке, образовании, социальном обслуживании и «человеческом капитале».

²⁸⁹ Можно привести пример незавершенной консервативной революцией в Германии во времена Веймарской республики. Консервативная революция в Германии закончилась в июне 1934 года после произнесения фон Папеном знаменитой «Марбургской речи». Фон Папен был последним канцлером Веймарской Германии и вице-канцлером в первом коалиционном правительстве Гитлера. С наступлением нацизма деятелям и вдохновителям германской консервативной революции пришлось замолчать.

Думается, что некоторые моменты отмеченные автором как успехи постсоветских преобразований: отказ от чрезмерной жесткости экономической и политической конструкции, выход из тупика самоизоляции сегодня видятся проблематичными. Во-первых, Россия по-прежнему остро нуждается в укреплении федералистских начал, способствовавших экономической и социально-политической модернизации в Индии. Во-вторых, как уже писалось выше, Россия столкнулась с непреодоленными рецидивами прошлого, чьи метастазы распространяются внутри нее и за ее пределы. Сервильность и конформизм элит усугубляет негативные аспекты, прежде всего, кризис политического управления режима «мягкого авторитаризма» установившегося в России. В итоге, перед страной вновь стоят задачи отыскания своего места в глобальном мироустройстве, где ее положение даже как поставщика углеводородов уже не кажется незыблемым. Эту развилку, казалось бы уже успешно пройденную на рубеже 1990-ых Холодковский обозначил дилеммой: «Европеизация или евразийство?». Предвидя трудности на этом пути, будущее России автор связывает с европейским выбором и неотложной модернизацией. Холодковский закономерно отвергает возможность неэффективной мобилизационной модели роста экономики страны как исчерпанной советским периодом и «явным анахронизмом в XXI веке».

Вопросы, поставленные авторами монографии требуют основательного, вдумчивого обсуждения и детальной проработки, книга служит к тому сильным импульсом и воодушевляет на дальнейшее исследование. Пытаясь в заключение обобщить (Т.2;С.322) материал двухтомника В.И. Пантин вполне справедливо отмечает рост влияния многочисленных факторов неопределенности в страновом, региональном и мировом масштабе. Действительно, непредсказуемо увеличиваются разнообразные социально-политические и экономические риски связанные с развитием нано- и биотехнологий, информационно-коммуникационных глобальных систем. Добавим сюда риски связанные с разнонаправленным движением важнейших центров тяжести индустриального развития с Запада на Восток и обратным потоком реиндустриализации с Юга на Север. Со всеми перечисленными процессами связана нарастающих мировая динамика демографических, экологических проблем, вызовов в области продовольственной безопасности и доступа к питьевой воде. Растет влияние исламского фактора в общей картине дестабилизации общемирового порядка, связанное с действиями агрессивного Исламского государства в беспокойном Ближневосточном регионе, войной в Сирии или трагедией вокруг журнала Charlie Hebdo, получившей неожиданное продолжение в России в связи с убийством видного оппозиционера Б.Е. Немцова. Не вносит стабильности и противостояние Запада и России, продемонстрировавшее возросший потенциал конфликтности не только в рамках постсоветского пространства, но и вернувшее в повестку дня казалось бы навсегда ушедшую угрозу глобального ядерного противостояния²⁹⁰. На фоне мировой нестабильности с особой отчетливостью видна малая эффективность, а порою и откровенная беспомощность Международных организаций и институтов призванных обеспечивать устойчивость и безопасность развития. В безусловную заслугу авторского коллектива монографии следует поставить выявление основных противоречий национального, регионального и глобального управления, им проведен взвешенный и компетентный анализ и дан прогноз множества основных моделей мирового развития. На обширнейшем страновом материале проведена

²⁹⁰ The new nuclear age. // The Economist Mar. 7th 2015 See more: <http://www.economist.com/news/leaders/21645729-quarter-century-after-end-cold-war-world-faces-growing-threat-nuclear?fsrc=scn/fb/te/pe/ed/newnuclearage>

апробация продуктивных методологических наработок и даны рекомендации по преодолению кризисных явлений в развивающихся экономиках при самом заинтересованном и пристальном внимании к исследованию сценариев и путей развития России.

Д.Б. Абрамов

О.В.Маляров. Государственный сектор экономики Индии. М.: ФГБУН Институт Востоковедения РАН, Институт стран Востока, 2014. 360 с.

Несомненна актуальность работы, посвященной государственному сектору Индии, чей опыт построения современной экономики с использованием плановых методов значим для понимания проблем преодоления отсталости. Как и все публикации талантливого исследователя, автора многих работ по экономике Индии О.В. Малярова, рецензируемая книга подготовлена с широким привлечением индийской статистики. В центре внимания автора – трудный путь Индии, преобразующей колониальную экономику с гигантской аграрной периферией и слабой промышленной базой в современную, а также роль государственного сектора в этом процессе (с. 21).

Основу госсектора в середине XX века составляли инфраструктурные отрасли, транспорт и связь, важные для экономики в целом, но с занятостью не более 1% самодеятельного населения. О.Маляров акцентирует присущий постколониальному хозяйству дуализм структуры с устойчивым перевесом традиционных форм, подчеркивая «...разорванность, дезинтегрированность экономики», как неизбежное следствие колониального периода (с.23). Жаль, что в рецензируемой работе не отражено многообразие неформального сектора Индии, который оказывает сильное воздействие на экономику в целом, особенно на рынок труда.

Изложенные автором позиции помогают понять, почему Индия с первых шагов политической независимости выбрала путь повышения роли государства в экономическом преобразовании страны. Исследуя формирование госсектора, он связывает эту политику с именем и взглядами первого главы правительства независимой Индии Джавахарлала Неру. «Усиление роли государства в экономике и возникновение государственного сектора не является прерогативой только социализма и отнюдь не чужды капитализму» (с.35). Отражением этого сложного комплекса в экономической политике Индии, конвергенцией различных интересов стала градуалистская тактика, принятая правящей тогда партией Индийский Национальный Конгресс (ИНК), попытка избежать резких переходов и сломов, что могло бы иметь крайне тяжелые последствия в огромной экономике с многомиллионным нищим населением.

Правительство устанавливало «правила игры», создавая определенную предсказуемость, необходимую для функционирования внутреннего рынка и его акторов. Принципиально значимой была национализация в кредитно-финансовой сфере, в результате которой страна обрела государственного регулятора денежного обращения, Резервный банк Индии. Таким образом был создан механизм целенаправленного проведения кредитно-денежной политики.

Создание госсектора было законодательно оформлено резолюциями о промышленной политике 1948 и 1956 гг., которые разграничивали сферы государственного и частного предпринимательства. Государство резервировало за собой базовые отрасли экономики, оставляя частной инициативе преимущественно

отрасли легкой промышленности. Подчеркивалось, что между отраслями двух секторов будет не только сфера совпадения, но также большая взаимосвязь (с.47). Так была заложена основа хозяйственной стратегии, которая позже получила название частно-государственного партнерства. Заслуживает внимания таблица 4, наглядно демонстрирующая соотношение среднегодовых капиталовложений в государственный и частный секторы с 1951г. по 2012г. (с.55). Доля государства превышала 40% всех капиталовложений во втором, третьем и четвертом пятилетних планах, критически важных для создания тяжелой промышленности. Жаль, что автор не уделил внимания проблемам убыточности большинства госпредприятий, причинами которой стали излишняя занятость, слабый менеджмент, хроническая коррупция, а главное, бюрократическое лицензирование.

Форсированная индустриализация с опорой на импортозамещающую модель стала для Индии необходимым, но непростым этапом в создании современной экономики. Политика ограничения импорта, его концентрация на узкой группе товаров для становления тяжелой промышленности снижала конкурентоспособность продукции, произведенной в условиях защищенного внутреннего рынка, не росли позиции страны в мировом хозяйстве. Рост госсектора не решил и не мог решить проблему занятости, одной из самых «вязких» и чреватых серьезными социальными и политическими потрясениями. К началу 90-х годов XX века численность работающих в госсекторе выросла втрое по сравнению с 1960 г. , до 9,6 млн. человек (с.78), в то время как число официально регистрируемых безработных достигало 40 млн. человек. Показательно, что на всеобщих парламентских выборах Индии в мае 2014 г. создание новых рабочих мест было приоритетным обещанием практически всех партий.

При всех трудностях особенностью 60-80 годов XX века стал в Индии рост частного сектора, которому мешали рамки государственного регулирования. Определенная замкнутость страны, временами доходившая до автаркии, тормозила дальнейшее развитие. Нарастающее давление этих причин, как показано в книге, подтолкнуло правительство к проведению либеральных реформ 1991 г. на основе экспортоориентированной модели. В первые годы реформ из 867 официальных инструкций, регулировавших работу частного сектора, было отменено 696, разрешен государственным предприятиям выпуск и продажа их ценных бумаг на фондовом рынке страны с целью увеличения капитализации и расширения производства (с.117). Значительно была повышена автономия наиболее крупных государственных предприятий, получивших право вводить в советы директоров профессионалов, чтобы «придать больше рыночной дисциплины функционированию государственных предприятий» (с.119). Это было признание роли рынка в повышении конкурентоспособности госсектора.

Масштабы продаж акций государственными предприятиями в годы реформ хорошо иллюстрирует таблица 33(с.122-123). Жаль, что показатели доведены автором только до 2007/08 года, поскольку известно, что процесс акционирования шел по нарастающей. Знаковым можно считать признание целесообразности приватизации государственных предприятий в случае их хронической убыточности («больные» предприятия в индийской статистике). В нулевые годы XXI века отмечено агрессивное участие крупных частных компаний Индии в международных процессах слияния и поглощения.

О.В. Маляров особо отмечает такую специфическую черту в реформировании госсектора как деинвестиции, возможность продажи акций государственного предприятия, но с условием, что доля правительства «не сократится до менее 51% и

правительство сохранит управленческий контроль» (с.160). Подробности деинвестиций по предприятиям за 2005-2010 гг. приведены в Приложениях 8 и 9.

Актуален опыт Индии по сокращению избыточной занятости на государственных предприятиях, которая постоянно упоминается как одна из причин их низкой эффективности. «Предприятия центрального правительства гарантируют своим постоянным работникам пожизненную занятость (lifetime employment)» (с.169). В конце 1980-х годов были предложены программы добровольного увольнения с определенными компенсациями, переобучением и новой занятостью. О.Маляров фиксирует сокращение занятости на госпредприятиях в 2003/04 - 2009-10 гг. с 1762 тыс. человек до 1491 тысячи, на 15,4%. За тот же период среднегодовая зарплата на одного работника выросла с 248481 рупии до 609816 рупий, в два с лишним раза (с.172). Был ли это рост производительности труда или в основном инфляционное давление, к сожалению, не раскрыто.

Основная доля инвестиций в государственные компании приходится на производственную инфраструктуру и сферу услуг (с.191). Особое место занимает электроэнергетика и транспорт, поскольку экономика Индии постоянно страдает от их отставания. Blackout 2012 г. оставил без электричества свыше 600 млн. индийцев. Не снижена зависимость Индии от импорта углеводородов, её внутренние возможности в этом важнейшем секторе ограничены и связаны в основном с разработкой и добычей угля. Хотелось бы видеть продвижение Индии в использовании нетрадиционных источников энергии, но эта тема осталась за пределами рецензируемой книги. Среди отраслей, добившихся с государственным участием заметных успехов, заслуживает внимания молодая фармацевтическая промышленность. Её продукция на основе применения методов традиционной индийской медицины и современных технологий, пользуется высоким спросом на мировом рынке, в том числе в России.

К сожалению, в книге нет подведения итогов, хотя позиция О.В. Малярова в целом ясна. В её основе – уверенность автора в способности государства с опорой на госсектор справиться с самыми сложными экономическими проблемами Индии. И всё же хотелось бы видеть более взвешенный подход к роли государства и госсектора в построении современной экономики. Их роль значима, но не статична, объективно меняется на разных этапах, переживаемых страной. Опыт Индии свидетельствует о необходимости гибкости и учета многообразия подчас противоречивых факторов. Динамизм мирового хозяйства как с плюсом, так и с минусом, давление демонстрационного эффекта, особенно в сфере ИКТ, ускоряют сдвиги на национальном уровне. Падение темпов роста ВВП Индии в 2013 г., рост инфляции настойчиво требуют кардинальных решений. Новое правительство во главе с Нарендрой Моди объявило о реформах, расширяющих возможности частного предпринимательства. Перемены, направленные на изменение роли госсектора, назрели.

Е.А. Брагина

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.

Угроза ширящегося распространения радикального воинствующего исламизма во многих странах Востока побудила известных российских востоковедов, авторов рецензируемой монографии, проанализировать этот исключительно актуальный

политический феномен наших дней на примере Афганистана и Пакистана. Выбор этих двух стран, связанных с исламистским радикализмом и диверсионно-террористической деятельностью исламистов, не случаен. Именно в Афганистане в середине 1990-х годов к власти пришли радикально-исламистские силы в лице Исламского движения Талибан, которое – после того, как американцы оккупировали Афганистан в 2001 г. и свергли режим талибов – переместило центры своего влияния (одним из которых стало Пакистанское движение талибов – Техрик-э талибан Пакистан) в соседний Пакистан. В свою очередь эта страна, а точнее ее пуштунский ареал, превратилась со временем в опорную базу джихадистов – не без помощи, как отмечается в книге на с. 158, пакистанских военных и военной разведки (МБР). В целом же образовавшаяся в 2010–2013 гг. единая афгано-пакистанская зона джихадистов («Талибанистан») не только дестабилизировала ситуацию в сфере безопасности в регионе, но и обострила вопрос его будущего после ухода иностранных войск в конце 2014 – 2015 гг.

Без обращения к социальным и духовным истокам движения Талибан²⁹¹ трудно понять специфику того жесткого тоталитарно-религиозного режима, который был установлен в 1996 г. талибами на большей части территории Афганистана и который просуществовал до 2001 г. в рамках Исламского Эмирата Афганистан. Обращая внимание на то, что многое роднило движение Талибан с муджахедами, развернувшими в Афганистане в 1979–1992 гг. собственную «священную войну», авторы, тем не менее, подчеркивают, что талибы не были чем-то вроде «второго издания» муджахедов или же просто политической силой, вознесшейся к вершинам власти только благодаря тому, что они участвовали в борьбе с вторгшимися на их земли иностранными войсками. «Тезис о неразделенности религиозной и политической власти не просто декларировался талибами, а реализовывался на практике» (с. 65). Таким образом, феномен талибов, как это доказывается В. Я. Белокреницким и Р. Р. Сикоевым, обязан своим появлением прямой взаимосвязи между радикальным исламизмом и особенностями общественно-государственного устройства, как Афганистана, так и Пакистана.

В более широком плане большое значение в книге в связи с анализом движения Талибан придается также установлению свойственного мусульманскому миру особого характера соотношения институтов современного государства и традиционного общества. И именно поэтому большое место в рецензируемой книге отводится характерным для Афганистана общим историко-культурным явлениям, которые позволяют понять особенности созданного движением Талибан государства – его религиозно-правовую систему, политику в сфере образования и культуры, а также и смысл, который талибы вкладывали в понятие «исламская экономика».

Рассматривается в работе и такая важная проблема, как воздействие на ситуацию в регионе внешних сил – региональных и глобальных, при том что центральное место в этом анализе занимает проблематика взаимодействия талибов с международными радикально-исламистскими организациями, включающими и Аль-Каиду.

Поскольку, как отмечено в книге, «радикалы в руководстве движения Талибан исповедовали идею глубоких преобразований не только афганского, но и всемирного масштаба» (с. 127), не удивительно, что целью движения – усилиями наиболее решительно настроенных талибских улемов – стала борьба за построение «Всемирного халифата, как конфедерации (единства) мусульманских обществ-

²⁹¹ Они могут быть также прояснены, если вернуться к более ранней работе В. Я. Белокреницкого и Р. Р. Сикоева «Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана». М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

государств, связанными между собой 'неразрывными узами' (*аль-урват аль-вуска*, т.е. Кораном)» (с. 129). Как явствует из проведенного в книге подробного анализа идеологии талибов, выдвинутых ими постулатов мусульманской солидарности и панисламизма (с. 131), Талибан можно – с некоторыми оговорками и с учетом специфики афганского традиционного сознания (идея «афганоцентризма») – считать своеобразным предшественником «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Оно, как известно, возвестило не так давно о создании Исламского халифата на части территории Ирака и Сирии. Трудно не согласиться в связи с этим с высказанной в книге мыслью о том, что «было бы неправильно рассматривать события в Афганистане и связанные с ними процессы в Пакистане в отрыве от общей активизации радикализма и экстремизма в значительной части государств мусульманского мира» (с. 186).

Оценка перспектив изменения ситуации в регионе делается авторами в контексте возможных сценариев эволюции Афганистана и Пакистана в ближайшие два года (2014–2015) и в последующие пять лет – до 2010 г. В рамках этих прогнозов учитываются следующие опции: 1) одна благоприятная, и она связывается с возможностью укрепления позиций действующей в Афганистане власти как внутри страны, так и на региональной и международной сценах; 2) другая опция – неблагоприятная, заключающаяся в вероятности «талибанизации» Афганистана, то есть прихода к власти талибов и установления режима, сходного с тем, что строит в настоящее время ИГИЛ на Ближнем Востоке; 3) в своем еще более неблагоприятном прогнозе авторы исходят из возможности фрагментации Афганистана и Пакистана вследствие образования талибских анклавов власти («исламистских княжеств») (с. 193), что может привести, как утверждается в книге, к фактическому отделению «талибанизированных» юга и востока Афганистана и северо-запада Пакистана, то есть дробления этих двух государств на более мелкие формирования. Стоит также отметить, что в случае реализации третьего сценария неизбежно произойдет серьезное осложнение всей региональной обстановки в Южной Азии. «Правящие круги [Пакистана], - отмечают В. Я. Белокреницкий и Р. Р. Сикоев, - вероятно, попытаются установить эффективный контроль над пуштунским югом и востоком путем укрепления власти исламистов в противовес панпуштунским националистам. Исламабад постарается направить энергию радикальных сил против Индии, попытается подорвать стабильность в индийском Кашмире» (с. 194). Добавим от себя, что такие неблагоприятные опции развития Афганистана и Пакистана создают также угрозу российским союзникам по ШОС и ОДКБ в Центральной Азии, заставляя серьезно задуматься Китай об обеспечении своей безопасности, поскольку любая дестабилизация в афгано-пакистанской конфликтной зоне грозит подрывом спокойствия в китайском Синьцзяне.

Рассмотрением в своей книге наиболее актуальных проблем современной истории Афганистана и Пакистана, В. Я. Белокреницкий и Р. Р. Сикоев помогают осознать серьезность тех вызовов, которые исходят от движения Талибан, и это приобретает особую значимость для ситуации, складывающейся в Афганистане после вывода оттуда большей части иностранных войск.

Д.Б. Малышева

Забихулла Саипов. Турбулентность: исламский фактор во внешней политике США. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2014. – 196 с.

Автор – ученый и дипломат из Узбекистана, исследует в своей монографии важную и актуальную проблему, касающуюся использования внешней политикой США исламского фактора в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Юго-Восточной Азии, где проживает значительное число приверженцев ислама.

Круг затронутых в монографии Саипова вопросов чрезвычайно разнообразен, что позволяет автору дать широкий обзор роли исламского фактора в современных внешнеполитических доктринах США, проанализировать американские концептуальные подходы к проблеме формирования «нового мирового порядка» и место в нем мусульманского мира. Автор подробно исследует эволюцию внешнеполитической стратегии США в отношении стран традиционного распространения ислама после событий 11 сентября 2001 г., обращая внимание на то, как менялись со временем основные американские доктрины, нацеленные на борьбу с религиозным экстремизмом и терроризмом (доктрины «войны с террором», «упреждающего удара», «продвижения демократии» и др.). Выявляя основные подходы американской политики к борьбе с религиозным экстремизмом и международным терроризмом в исламском обличье, автор четко объясняет пределы и ограничения американских проектов, касающихся не только демократизации исламского общества, но и реформирования ислама.

Осуществляемая США на Ближнем и Среднем Востоке политика фрагментации государств региона, в том числе и с помощью военных интервенций (в Афганистане, Ираке), рассматривается З. Саиповым сквозь призму американских геостратегических проектов. Этой же цели, подчеркивает автор, подчинены те направления американской внешней политики, которая занимается продвижением демократии в странах мусульманского мира.

Этот мир, втянувшийся в непростой процесс политических и экономических трансформаций, или «турбулентности», как очень точно и емко характеризует это состояние Саипов, является одним из важных геополитических центров современности, а влияние США на происходящие там социально-экономические, политические, научно-технические процессы и перемены велико и разносторонне. Характеризуя особенности современного взаимодействия США с мусульманским миром, автор обращает внимание на то, что «в отношениях США со многими странами мусульманского мира господствуют конфликт, недоразумение, недоверие, и улучшение этих отношений – один из главных вызовов во внешней политике и национальной безопасности, с которыми сталкиваются США» (с. 43-44).

Ряд проблем, определенных автором в качестве предмета исследования, получили уже некоторое освещение как в зарубежной, так и в российской литературе. Вместе с тем, отмечает Саипов, в политологической науке Узбекистана практически не исследованы проблемы использования Соединенными Штатами исламского фактора в их взаимоотношениях со странами традиционного распространения ислама. Рецензируемая монография успешно восполняет этот пробел. Таким образом, научная новизна исследования Саипова, как и актуальность его работы, совершенно очевидны: рецензируемая монография важна и для понимания политики и стратегических интересов США в мусульманских странах Востока, и для определения в целом политической роли ислама.

Автору удалось внести существенный вклад не только в исследование проблемы воздействия исламского фактора на политические процессы в странах Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, но и в раскрытие того направления американской внешнеполитической стратегии, которое является ее важнейшим и системообразующим компонентом. Вследствие этого работу Саипова можно рассматривать как редкий сплав американистики, востоковедения и исламоведения, и такой комплексный подход заслуживает всяческого одобрения.

Научная новизна монографии проявилась не только в постановке и раскрытии темы, но и в привлечении широкого круга источников и исследовательской литературы, публикаций отечественных и зарубежных средств массовой информации. З. Саипов критически проработал и впервые ввел в научный оборот значительный фактический материал, о чем свидетельствует документальная и библиографическая база его монографического исследования. Она включает многочисленные источники, научную литературу, а также – что весьма ценно – наблюдения, беседы и материалы из личного архива З. Саипова, накопленные им во время работы в Пакистане и США.

Монография Саипова вполне соответствует современному научно-теоретическому уровню исследований, а заявленная автором тема полностью раскрыта. Рецензируемую работу отличает четкость и оригинальность определений и формулировок, хороший литературный стиль. Важно отметить также самостоятельность проведенного З. Саиповым исследования, имеющего научную и практическую значимость. Так, полученные в монографии результаты имеют определенное практическое значение и могут оказаться полезными для научных работников и преподавателей гуманитарных вузов и университетов, могут быть использованы в исследованиях по изучению международных систем и мирового порядка, внешней политики США, роли ислама в современном мире.

В монографии Саипова в рамках единой тематики затронут широкий круг проблем, имеющих важное теоретическое значение, получен ряд новых интересных результатов, которые можно охарактеризовать как важный вклад в политологию и историческую науку.

Д. Б. Малышева

В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014, 455 с.

Рассматриваемая книга – не первое исследование авторов, посвященное теоретическим и практическим аспектам прогнозирования социума – как национального, так и глобального.²⁹² И с каждым разом они углубляют свои подходы, уточняют прежние положения, выдвигают новые идеи. Все это утверждает В.И. Пантина и В.В. Лапкина в качестве ведущих экспертов в данной области.

Обратим внимание на само название монографии – «историческое прогнозирование». Неискушенному читателю этот термин может показаться странным: ведь история – это о прошлом, а прогнозирование – о будущем. В.И. Пантин и В.В. Лапкин убедительно связывают одно с другим. «Историческое

²⁹² См. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы. Дубна: Феникс+, 2006; В.И. Пантин. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+, 2009 и др.

прогнозирование» опирается на выявление таких существенных трендов общественной эволюции, которые действовали вчера, действуют сегодня и скорее всего будут действовать в дальнейшем (с. 141). Иначе говоря, познание прошлого – ключ к познанию будущего, поскольку последующее рождается из предшествующего.

Авторы используют достижения своих предшественников. Они учитывают различные виды циклов – экономические (3-4 летние циклы Китчина, 7-11 летние циклы Жугляра, 20-30 летние циклы Кузнеца), политические (электоральные циклы в 4-6 лет и др.), военные (циклы Гольдстайна в 40-50 лет). Известны циклы эволюции в отдельных странах (циклы внутренней и внешней политики США, реформ и контрреформ в России). Наблюдаются циклы европейской истории, основанные на колебаниях интеграции и дезинтеграции. Существуют длинные волны глобализации (1750-1810-е гг., 1870-1914 гг., 1970-2050-е гг.). Это и многое другое уже в той или иной степени наработано в прогностической литературе.

Для В.И. Пантина и В.В. Лапкина особенно важны кондратьевские циклы – колебания экономической динамики нового и новейшего времени, обнаруженные нашим замечательным соотечественником, безвременно погибшим Н.Д. Кондратьевым. Вместе с тем авторы преобразовывают кондратьевские циклы в более сложную модель. Два кондратьевских цикла соединяются ими в 4 последовательные фазы: технологический переворот (соответствующий повышательной волне первого кондратьевского цикла) – фаза «великих потрясений» (понижательная волна этого кондратьевского цикла) – революция мирового рынка (повышательная волна следующего кондратьевского цикла) – структурный кризис (понижательная волна этого кондратьевского цикла). Исходя из этой конструкции авторы дают нам свое членение мировой динамики XVIII – первой половины XXI вв. (с. 255).

На основе такой комплексной модели В.И. Пантин и В.В. Лапкин осуществляют общий прогноз мирового развития в первой половине XXI века. Авторы оговаривают, что этот прогноз, естественно, носит вероятностный характер.

Тем не менее, их предположения на ближайшее и среднесрочное будущее выглядят вполне правдоподобными и заставляют задуматься. Согласно раскладам авторов, в предстоящее десятилетие 2015-2025 гг. завершается фаза «великих потрясений» и начинается «революция мирового рынка», что чревато ростом конфликтов и возникновением критических точек в 2015, 2017, 2021 и 2025 годах. 2015 г. (третий эволюционный цикл) выступает аналогом 1940-41 гг. во втором эволюционном цикле и периода 1841-43 гг. в первом эволюционном цикле. С учетом этого авторы предполагают новое обострение ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Кавказском регионе и особенно на Украине (книга писалась до антиконституционного переворота в Киеве), что приведет к резкому обострению конфронтации между Западом и Россией (с. 392-393). Сегодня мы видим, что возникновение так называемого Исламского государства в Сирии и Ираке, война на Украине, западные санкции против России и пр. подтверждают этот прогноз.

В 2017 и 2021 гг., считают В.И. Пантин и В.В. Лапкин, опять-таки сопоставляя эти даты с симметричными вехами предшествующих циклов, последуют новые пики напряженности, включая экономический кризис 2017-2018 гг., ослабление позиции доллара в мировой финансовой системе и дальнейшие социальные и военно-политические конфликты. «Именно около 2021 г. международная ситуация станет наиболее опасной и будет балансировать на грани очередной масштабной войны» (с. 394). Серьезные внутренние социально-политические конфликты подстерегают и Россию. Они могут привести к ее распаду, но могут послужить и стимулом для

перелома неблагоприятной динамики и «всесторонней модернизации». Все же, по мнению авторов, «Россия до 2025 г., несмотря на крупные конфликты и потрясения, скорее всего, не распадется, и глобальной войны, по-видимому, не будет» (с. 411). Мне лично такое видение предстоящего десятилетия представляется достаточно взвешенным и правдоподобным.

Переходя к прогнозу на период 2025-2050 гг., авторы опять-таки оговаривают, что он неизбежно будет содержать определенную долю приблизительности, поскольку при долгосрочном прогнозировании мы можем видеть лишь некоторые важные общие тенденции, но не «все богатство конкретики, живую ткань происходящего» (с. 412). Все же, прибегая к аналогиям с соответствующими отрезками времени в предшествующих эволюционных циклах, В.И. Пантин и В.В. Лапкин ожидают:

- новый мировой кризис в 2025-2027 гг.;
- в 2033-2041 гг. – превращение ЕС из «не-имперского» в «неоимперское» образование под эгидой США;
- постепенный переход к доминированию в мире стран Востока, прежде всего Китая и Индии.

Основная идея авторов применительно ко второй четверти XXI в. состоит в том, что на данный период придется завершение индустриальной эпохи и окончательный переход к эпохе постиндустриальной, «информационной». Этот переход затронет все регионы мира, вызовет глубокие трансформации, неоднозначные реакции и, разумеется, конфликты, которые в той или иной форме будут продолжаться и во второй половине XXI в.

Эти геоэкономические и геополитические сдвиги не только затронут Россию и постсоветское пространство, но и примут здесь особо драматический характер. Если, по ощущению авторов, до 2025 г. Россия «скорее всего, не распадется», то для второй четверти нынешнего столетия у них такой уверенности нет. Приведем, в силу ее значимости, большую цитату на этот счет. «...Помимо внешнего давления и многочисленных, все более острых внутренних проблем, России ... предстоит столкнуться с крупнейшим переломом во всей ее истории. Сможет ли Россия выдержать такой перелом без окончательного разрушения российской цивилизации, это большой вопрос. В том виде, в каком пока что пребывают российское государство, российская «элита» и российское общество (всепроникающая коррупция, деградация всех сфер общественной жизни в результате так называемых «реформ» промышленности, сельского хозяйства, образования, науки, здравоохранения и т.п.), пережить переломную ситуацию около 2025 г. они вряд ли смогут. Проблема состоит в том, что нельзя бездумно ломать все, что накопила российская цивилизация за многие века своего развития (включая и достижения советской эпохи), как это делают под нажимом западных стран стоящие у власти либеральные технократы или коррумпированные чиновники, но нельзя и консервировать существующее... Решить эту проблему очень трудно сейчас, еще труднее ее будет решать около 2025 г., особенно если не готовиться к предстоящим внутренним и внешним вызовам, к эффективному ответу на них. То же самое относится и ко многим другим постсоветским государствам» (с. 415). Не знаю, ознакомятся ли «наверху» с этим пассажем (и всей книгой В.И. Пантина и В.В. Лапкина), но нам, российским людям, в том числе и тем, кто сегодня успокоенно аплодирует очередным отчетам об успехах и обещаниям «партии и правительства», точно необходимо задуматься о будущих испытаниях и готовиться к ним.

Вот такой «экономоцентризм» в ряде случаев имеет место в книге Б.Ю. Кагарлицкого и В.Н. Сергеева. Не случайно в работе немало ссылок на М.Н.

Покровского. Последний, безусловно, незаурядная фигура, ученик В.О. Ключевского, незаслуженно ошельмованный в 30-е годы. Но он принадлежал к той эпохе, когда эйфория «экономического материализма» или «экономоцентризма» охватила многих марксистских ученых-обществоведов. Он и сам прямо определял свои взгляды как «экономизм». Для него обнаружение направляющих экономических мотивов деятельности тех или иных исторических личностей или групп или соотношение их с экономическими факторами было нормой, общим правилом. Опричники – это «представители торгового капитала и среднего помещного землевладельца»; восстание Степана Разина было «непосредственно связано с развитием торгового капитала»; раскольники стали «жертвами растущей торговой буржуазии и тесно связанного с нею помещичьего класса» и т.д.²⁹³ Его «Очерк истории русской культуры» содержит лишь два раздела: «Экономический строй» и «Государственный строй». Эти сферы, по его мнению, и есть культура.²⁹⁴

Примеров подобного «экономоцентризма» в книге Б.Ю. Кагарлицкого и В.Н. Сергеева немало, причем нередко с прямыми ссылками на М.Н. Покровского.

Конечно, в столь сложной проблематике, которую разрабатывают авторы, неизбежны какие-то просчеты или моменты, вызывающие сомнения. Мое основное замечание состоит в том, что у авторов недостаточно ясен *механизм* действия эволюционных циклов (технологический переворот – великие потрясения – революция мирового рынка – структурный кризис), т.е. связь их, причины перехода от одной фазы к другой. В результате соотносимые с ними исторические сроки и даты порой вызывают вопросы. Скажем, не совсем ясно, почему (и всегда ли) технологическая революция вызывает потрясения в национальном и мировом масштабе, а трансформация мирового рынка упирается в структурный кризис. Существует ли прямая или какая-либо отчетливая связь между технологической революцией в одной стране, в одном регионе и политическими и военными катаклизмами в другой стране, в другом регионе?

Короче говоря, совмещение тех или иных процессов «по схеме», стремление заключить их в определенные и точные даты приводит иногда к натяжкам. Это особенно заметно при попытке выделения 36-летних циклов автохтонного социально-политического развития России (глава 6).

Видимо уточнение модели прогнозирования, разрабатываемой авторами, должно исходить из понимания того, что механизмы цикличности по-разному проявляются в различных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре, науке), обладают в этих сферах относительной внутренней самостоятельностью. Иначе говоря, хозяйственные, политические, культурные и прочие циклы связаны между собой таким образом, что одно не столько вытекает из другого и следует за ним, сколько как бы *накладываются* друг на друга. Собственно, В.И. Пантин и В.В. Лапкин фактически идут по этому пути, в ряде случаев стремясь определить имманентную циклическую динамику в экономике, политике, международных делах. И такое уточнение повысит плодотворность их концепции.

В.Г. Хорос

²⁹³ М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1932, с. 44, 60, 67 и др.

²⁹⁴ М.Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. М.: Либроком, 2009.

Б.Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. История России. Миросистемный анализ. Издание второе. М.: Ленанд, 2014. 432 с.

В названии данной книги основную смысловую нагрузку несет, конечно, подзаголовок: не просто история России, но история России с позиций того, что в научной литературе определяется как «миросистемный подход» или «центро-периферийная теория». Это – сравнительно молодое направление в экономической мысли, возникшее и развивавшееся во второй половине XX века. Оно представлено такими именами, как И. Валлерстайн и его последователи (Дж. Арриги, Т. Скокпол и др.), А.Г. Франк, С. Амин и ряд других исследователей. Частично к ним можно причислить специалистов, разрабатывающих теорию экономических циклов Н.Д. Кондратьева, а также – опосредованно – авторов по проблематике глобализации. Книгу Б.Ю. Кагарлицкого и В.Н. Сергеева можно считать первой попыткой посмотреть на отечественную историю (да и современность) под миросистемным углом зрения, что уже само по себе заслуживает признания.

Если коротко, миросистемный подход исходит из того, что капитализм уже изначально развивался как наднациональное образование, постепенно переходя от региональных связей и обменов ко все более глобальным. Процесс этот шел неравномерно, и с какого-то периода (примерно с XVI-XVII веков) в нем стали вырисовываться более или менее развитые (в плане технологий, предпринимательской культуры, уровня образования и пр.) страны и территории – «Центр» и «Периферия». Между ними складывались отношения неравноправия и зависимости, специфическое разделение труда, основанное на потребности более развитых стран в дешевом сырье и продовольствии, а также овладении рынками периферийных стран, сбыте там своих промышленных товаров. При этом более продвинутые страны стремились закрепить данную асимметричность, в силу чего центро-периферийная конструкция обретала системность.

Наиболее наглядно эта асимметрия проявилась в отношениях колониального типа. Но в видоизмененной форме она сохранялась и после ликвидации колониальных империй, а также имела место в отношениях продвинутых стран Запада с более отставшими странами Юга и Востока, хотя и политически независимыми. К числу их принадлежала и Россия, в истории которой авторы данной книги прослеживают постепенное складывание черт периферийности.

На мой взгляд, в целом это им удалось. В том числе благодаря тому, что они сумели привлечь к изложению российского исторического материала обширную литературу, как отечественную, так и зарубежную, в которой содержатся различные данные по внешнеэкономическим факторам и соответствующей подоплеке тех или иных событий и процессов прошлого и настоящего.

Рассматривая проявления периферийности в дореволюционной России, Б.Ю. Кагарлицкий и В.Н. Сергеев вместе с тем отмечают позитивные сдвиги в российской экономике и обществе – не только в темпах экономического развития в конце XIX – начале XX вв., но и в быстром прогрессе отечественной науки, росте предпринимательских и инженерных кадров, квалифицированных рабочих, уровне образования и культуры.

Эти предпосылки помогли затем в эпоху СССР, уже на путях социализма, в значительной мере преодолеть экономическую периферийность, чему способствовал в период первых пятилеток и индустриализации мировой экономической кризис. СССР превратился в «полупериферию» (термин, введенный одним из главных миросистемников И. Валлерстайном), а в некоторых отношениях

достиг показателей развитых стран. Но затем, к сожалению, по целому ряду причин не сумел удержать этот уровень и стал постепенно сдавать позиции (с. 379-384).

Причины эти были как внешнего (шок от резкого падения мировых цен на нефть, связанное с этим сокращение промышленного импорта, необходимого для развития индустриальных отраслей), так и внутреннего порядка. Можно ли считать крушение советской модели неизбежным? Авторы полагают, что да, ссылаясь, правда, при этом на мнение других ученых (например, Т. Крауса) о том, что «полупериферийная модель» СССР «не могла высвободиться из-под пресса всеобщих законов накопления капитала» (с. 397). Однако не все в истории объясняется экономическими факторами. Решающую роль в демонтаже советского строя, как представляется, сыграл сознательный отход от социализма правящей элиты и ее стремление, воспользовавшись наступившими трудностями, реализовать соблазн присвоения так называемой общенародной, а фактически «бесхозной» собственности. Пример некоторых других стран (например, Китая) свидетельствует, что подобный экономический «термидор» не является фатальным.

Но можно вполне согласиться с Б.Ю. Кагарлицким и В.Н. Сергеевым в том, что крушение СССР и «лихие девяностые» означали «реставрацию периферийного капитализма» (с. 398). Результаты этой «периферизации» мы ощущаем до сих пор: однобоко-сырьевая структура экономики, деградация высокотехнологичных отраслей, зависимость от промышленного импорта из развитых стран, оскудение научных и инженерных кадров, долговое бремя, вопиющие социальные диспропорции и т.п. Жесткие западные санкции по отношению к России наглядно высветили нашу периферийность. Но, может быть, с реакции на эти санкции и начнется осознанная политика преодоления российской периферийности.

Замечания по данной книге связаны с тем, что, как уже говорилось, это первый приступ к рассмотрению России под миросистемным углом зрения.

Всякое начало непросто, оно, как правило, сопряжено с издержками. В данном случае сложность или опасность заключается в том, что внешнеэкономический фактор, который реально является лишь *одной из* составляющих исторического процесса или – *иногда* – даже очень важной, весомой составляющей, может превратиться в некий универсальный «ключик» к объяснению исторических событий и процессов.

В качестве методологических оснований своей работы Б.Ю. Кагарлицкий и В.Н. Сергеев называют, помимо «миросистемников», взгляды М.Н. Покровского, рассматривая его как незаслуженно отброшенного и забытого историка-теоретика. Михаил Николаевич Покровский, действительно, интересная фигура – талантливый исследователь, ученик В.О. Ключевского, автор первого марксистского учебника по российской истории (по словам В.И. Ленина). С ним в 30-е годы прошлого века, безусловно, поступили несправедливо, объявив его труды антинаучными и изъяв их из обращения. Но из этого не следует, что его наследие безупречно.

М.Н. Покровский принадлежал к той эпохе, когда эйфория «экономического материализма» или «экономоцентризма» охватила многих марксистских ученых-обществоведов. Он и сам прямо определял свои взгляды как «экономизм». Для него обнаружение направляющих экономических мотивов деятельности тех или иных исторических личностей или групп или соотнесение их с экономическими факторами было нормой, общим правилом. Опричники – это «представители торгового капитала и среднего поместного землевладельца»; восстание Степана Разина было «непосредственно связано с развитием торгового капитала»; раскольники стали «жертвами растущей торговой буржуазии и тесни связанного с нею помещичьего

класса» и т.д.²⁹⁵ Его «Очерк истории русской культуры» содержит лишь два раздела: «Экономический строй» и «Государственный строй». Эти сферы, по его мнению, и есть культура.²⁹⁶

Примеров подобного «экономоцентризма» в книге Б.Ю. Кагарлицкого и В.Н. Сергеева немало, причем нередко с прямыми ссылками на М.Н. Покровского. Отчасти такую односторонность можно, наверное, объяснить увлеченностью авторов, их стремлением найти иной, «свежий» подход к пониманию российской истории в противовес привычным, утвердившимся трактовкам. Отчасти – повторяюсь – новизной исследовательской задачи, всегда, как правило, содержащей подводные камни. Но у авторов есть возможность совершенствовать свою методологию, принять во внимание, что история многопланова и не все проецируется на экономические мотивы, что исторические события и процессы приводятся в действие и другими факторами, помимо экономических, - социальными, политическими, идеологическими, культурными, каждый из которых обладает определенной внутренней самостоятельностью. Все эти вещи Б.Ю. Кагарлицкий и В.Н. Сергеев вполне могут учесть, скажем, в новом издании своей книги, продолжая «застолбленное» ими направление исследований. А в том, что такое направление и необходимо, и актуально, нет никаких сомнений. Потому что именно сейчас по-настоящему важно задуматься о причинах периферийности российской экономики и о путях преодоления этой периферийности.

И последнее соображение. Поскольку данная книга является еще и учебным пособием для вузов, желательно как более четкое и подробное изложение миросистемного подхода, так и подводящее итоги заключение, которое пока вообще отсутствует.

В.Г. Хорос

²⁹⁵ М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1932, с. 44, 60, 67 и др.

²⁹⁶ М.Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. М.: Либроком, 2009, с. 15, 16, 21.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
2. Арабский мир на перепутье (революция против экономики). М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
3. Ассоциация Украины с Европейским союзом: последствия для России / Рук. проекта А.А. Дынкин, И.Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
4. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014.
5. Видясова М.Ф., Гасанбекова Т. И. Катаклизмы в арабском мире, год четвёртый. Конституции Туниса и Египта. М.: ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014.
6. Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014.
7. Глобальная перестройка. Под редакцией А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014.
8. Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Научная монография: в 2 т. / Редколлегия: Семененко И.С. (отв. ред.) Загладин Н.В., Лапкин В.В, Пантин В.И. - М.: ИМЭМО РАН, 2014. - 648с.
9. Дмитриев С.С. Энергетическая стратегия Б.Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
10. Звягельская И. Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014.
11. Жуков С.В., Келимбетов К. Н. Казахстан. Нефть – новые возможности для развития. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
12. Кагарлицкий Б.Ю., Сергеев В.Н.. История России. Миросистемный анализ. Издание второе. М.: Ленанд, 2014. 432 с.
13. Маляров О.В.. Государственный сектор экономики Индии. М.: ФГБУН Институт Востоковедения РАН, Институт стран Востока, 2014. 360 с.
14. Мировое комплексное регионоведение. Учебник. Под ред. проф. Воскресенского А.Д.. - М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. - 416с.
15. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014, 455 с.
16. Россия и мир 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

17. Россия и страны Востока в постбиполярный период. Учеб. пособие / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2014.
18. Саипов З. Турбулентность: исламский фактор во внешней политике США. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2014.
19. Сушенцев А.А. Малые войны США. Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000-2010-х годах. М.: Аспект пресс, 2014.
20. Сыроежкин К.Л. Нужно ли бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014.
21. Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
22. Центральная Азия: роль в перекройке мировых рынков нефти и природного газа. Под ред. С.В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

ХРОНОЛОГИЯ

Январь – Иран объявил о начале сворачивания программы обогащения урана в соответствии с достигнутым в ноябре 2013 г. на переговорах в Женеве с участием США, России, Китая и ЕС соглашением, которое предусматривает смягчение введенных ранее международных санкций в отношении Тегерана.

Февраль – министр иностранных дел РФ С. Лавров посетил Кувейт, где принял участие в Третьем заседании стратегического диалога Россия-ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), одной из главных тем которого стала ситуация в Сирии.

17 апреля 2014 года - президентские выборы в Алжире, по результатам которых Абдель Азиз Бутефлика подавляющим большинством голосов (82%) был в четвертый раз избран президентом.

5 апреля – первый тур президентских выборов в Афганистане, победителем которых стал Абдулла Абдулло.

25 мая и 14 июня – два тура президентских выборов на Украине, которые выиграл Пётр Порошенко.

21-22 мая – визит Президента РФ В. В. Путина в Китай и подписание беспрецедентных по значению договоров в сфере военно-стратегического, энергетического и торгово-экономического сотрудничества.

Май – всеобщие парламентские выборы в Индии, результатом которых стало поражение правящего Национального конгресса и победа Бхаратия Джаната партии во главе с Нарендрой Моди, занявшим пост премьер-министра.

3 июня – президентские выборы в Сирии, победу на которых одержал действующий президент Башар Асад.

9 июня - визит премьер-министра Турции Р. Эрдогана в Иран; подписание договоров в области торговли и энергетики.

14 июня - второй тур президентских выборов в Афганистане, победителем которых стал Ашраф Гани Ахмадзай.

27 июня - подписание в Брюсселе Грузией, Украиной и Молдавией соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с Евросоюзом.

9 июля 2014 года - очередные президентские выборы в Индонезии.

15–16 июля - саммит БРИКС в Бразилии, на котором российская сторона предложила создать энергетическую ассоциацию с целью обеспечения энергобезопасности стран БРИКС, резервный банк топлива и Институт энергополитики БРИКС.

Июль – начало конфликта в Ливии между пришедшим к власти после свержения Каддафи руководством страны с исламистами, объединенными в коалицию «Рассвет Ливии», а также противниками исламского пути развития (группировка одного из «героев» гражданской войны 2011 года генерала Халифы Хафтара).

Июль – Операция «Несокрушимая скала» Израиля против «Хамас» в секторе Газа.

10 августа – президентские выборы в Турции, победителем которых стал премьер-министр и лидер Партии справедливости и развития Р. Эрдоган.

12 августа – официальный визит президента Египта Абделя Фаттаха ас-Сиси в Россию для переговоров в Сочи с российским президентом относительно развития торгово-экономических отношений, туризма.

24 августа – досрочные выборы президента Абхазии, победу на которых одержал лидер партии «Форум народного единства» Рауль Хаджимба.

4-5 сентября - саммит в Уэльсе глав-государств НАТО, обсудивших конфликты на Украине, Ближнем Востоке, угрозе «Исламского государства»; принятое по итогам встречи Заявление содержало резкую критику России, которую главы государств и правительств Североатлантического альянса обвинили в нарушении международного права в связи с событиями в Крыму и на Украине.

Сентябрь – установление контроля над столицей Йемена Саной шиитской повстанческой группировкой «Аль-Хуси» и начало нового витка конфликта в Йемене.

11 сентября – саммит ШОС в Душанбе, на котором обсуждены в числе прочих проблемы Украины и Афганистана, приняты в организацию новые члены.

Ноябрь - саммит АТЭС; саммит 20-ки; неформальная встреча БРИКС в Бриксбадене (Австралия) на полях форума саммита 20-ки.

Ноябрь – визит в Россию делегации Вьетнама.

Ноябрь – подписание в Сочи «Договора между Российской Федерацией и Абхазской Республикой о союзничестве и стратегическом партнёрстве».

Ноябрь 2014 – первый с 1969 г. визит в Пакистан министра обороны РФ; подписание главами военных ведомств России и Пакистана рамочного соглашения как основы для развития дальнейшего военного и военно-технического сотрудничества; достижение договорённости о поставке Россией в Пакистан транспортно-боевых вертолетов Ми-35.

1 декабря – визит Президента РФ В. В. Путина в Турцию, во время которого было объявлено о закрытии газопровода «Южный поток» и подписан меморандум о строительстве вместо него морского газопровода через Чёрное море в направлении Турции, в результате чего Турция превращается в крупнейший энергетический хаб, через который в ЕС будут поставляться углеводороды из России, Каспия и, в перспективе, Ирана.

1 декабря – Президент Афганистана Ашраф Гани Ахмадзай подписал соглашения по вопросам безопасности с США и о статусе сил с НАТО.

11 декабря - визит Президента РФ В. В. Путина в Индию и подписание ряда контрактов между двумя странами в сфере военно-технического, энергетического и экономического сотрудничества, которое в значительной степени будет сконцентрировано в высокотехнологичных секторах экономики и серьезных инфраструктурных проектах на территории Индии.

23 декабря – президентские выборы в Тунисе, где победу одержал Бенджи Каид эс-Себси, бывший высокопоставленным чиновником в период правления президента Зин эль-Абидина Бен Али, свергнутого в результате «жасминовой революции» 2011 года; избрание эс-Себси ознаменовало поражение исламистов, которые утратили поддержку со стороны населения в условиях обострившихся экономических трудностей в Тунисе.

25 декабря - принята утверждённая Президентом РФ «Военная доктрина Российской Федерации», в которой сказано, что в современном мире грозит безопасности нашего государства, откуда исходит военная опасность России и каким образом она будем реагировать на эти угрозы и эту опасность; впервые задачей Вооруженных сил РФ названо обеспечение национальных интересов России в Арктике.

28 декабря – официальное завершение миссии НАТО в Афганистане

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Д.Б.	к.полит.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Авилова А.В.	к.э.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Акимов А.В.	д.э.н.,	проф.	(ИБ РАН)
Брагина Е.А.	д.э.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Братерский М.В.	д.полит.н.,	проф.	(НИУ-ВШЭ)
Володин А.Г.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Володина М.А.	к.и.н.,	м.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Глушенкова Е.И.	к.полит.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Демиденко С.В.	к.и.н.,	доцент	(НИУ-ВШЭ)
Иванов А.М.	соискатель		(ИМЭМО РАН)
Канаев Е.А.	д.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Косикова Л.А.	к.геогр.н.	вед.н.с.	(ИЭ РАН)
Косолапов Н.А.	к.и.н.,	зав. Отделом	(ИМЭМО РАН)
Крылов А.Б.	д.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Куклина И.Н.	д.полит.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Лебедева Э. Е.	к.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Лунев С.И.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Малышева Д.Б.	д.полит.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Мамедова Н.М.	к.э.н.	зав. сектором	(МГИМО(У) МИД РФ)
Мирский Г.И.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Накопия Б.Т.	к.полит.н.,	н.с.	(МГИМО(У) МИД РФ)
Оленченко В.А.	к.юрид.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Попов Э.А.	д.филос.н.,	рук. Центра	(РИСИ) (Ростов-на-Дону).
Прозоровский А.С.	к.полит.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Рогожин А.А.	к.э.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Рогожина Н.Г.	д.полит.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Салицкий А.И.	д.э.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Симонова Л.Н.	к.э.н.,	вед.н.с.	(ИЛА РАН)
Скаков А.Ю.	к.и.н.,	ст.н.с.	(ИБ РАН)
Скороходова Н.П.	к.и.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Суслов Д.В.		ст. преп.	(НИУ-ВШЭ)
Федоровский А.Н.	д.э.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Хорос В.Г.	д.и.н.,	рук. Центра	(ИМЭМО РАН)
Чеснокова С.В.		н.с.	(ИБ РАН)
Чуфрин Г.И.	д.э.н.,	член-корр. РАН	(ИМЭМО РАН)
Шахматов А.В.	д.э.н.	рук. Секретариата Председателя Правления ОАО «Газпром»	

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

В самом конце 2014 г. от нас ушли двое коллег по работе в Центре проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН – **Игорь Витальевич Подберезский** и **Александр Юрьевич Умнов**.

Оба они – талантливые востоковеды. И.В. Подберезский, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ЦПРМ, известен как крупный исследователь политико-культурных проблем Юго-Восточной Азии. Его монография «Сампагита, крест и доллар» может считаться классикой по проблемам изучения Филиппин. Он принимал активное участие в межинститутском проекте ИМЭМО РАН «Мировые цивилизации и современность», в частности, в конференции, посвященной цивилизационной общности Юго-Восточной Азии. В последние годы Игорь Витальевич уделял много внимания религиозной тематике на Западе, на Востоке и в России. Он являлся членом Союза писателей России.

Кандидат исторических наук А.Ю. Умнов был одним из ведущих специалистов в стране по социальным и религиозно-политическим проблемам Ближнего и Среднего Востока, в частности Афганистана и Ирана. Его перу принадлежат более 150 публикаций, в том числе книга «Вызов с Юга. Ислам и национализм на границах России и СНГ». К сожалению, здоровье не позволяло ему завершить докторскую диссертацию, хотя по качеству своих знаний он, безусловно, находился на этом уровне. Он принимал участие во всех выпусках нашего ежегодника.

Оба ученых оставили после себя прочный след в отечественной науке.